

ОШО
Пульс абсолюта.
Начало начал

ББК 84.5 Ид
096

ОШО

096 Начало начал. Пульс абсолюта.

М.: ИПА «ТриЛ», 1993. 416 с.

ISBN 5-86709-001-5

Ошо, также известный как Багван Шри Раджниш—просветленный Мастер нашего времени. Ошо означает «океанический», «растворенный в океане».

Эта книга состоит из двух работ Ошо: «Начало начал»—пять бесед проведенных Ошо 25 — 27 февраля 1969 года; и «Пульс абсолюта»— беседы об Ишавасья-Упанишадах. Беседы были проведены с 4 по 10 апреля 1971 года в медитационном лагере на горе Абу в Индии.

© THE VERY BEGINNING
Second edition, 1980

© THE HEARTBEAT OF THE ABSOLUTE
1980

© Московский медитационный центр Ошо
«Нирвана», перевод 1993

0 0403030000-006
7П6(03)-93

Без объявл.

ББК 84.5 Ид

ISBN 5-86709-001-5

Начало
начал

От зависимости -
к Истине

От зависимости — к истине

25 февраля 1969 года

Очарованный песней птицы, беззаботно поющей в ветвях дерева, один король велел поймать ее и заключить в клетку... Даже простое пение может быть ошибкой в присутствии дурных людей... Бедная пичуга и не подозревала, что песня упрячет ее за железные прутья. Птица, которая совсем недавно свободно парила в небесах, порхала с ветки на ветку, делала что хотела, теперь сидела в золотой клетке, украшенной драгоценными камнями. Но что стоят все золотые сокровища и драгоценные камни для того, кто вкусил свободу небес? Клетка есть клетка, независимо от того, сделана она из золота или из железа.

Птица все кричала, но король и его свита думали, что она громко поет от радости! Некоторые люди кричат и плачут так же, как эта птица, но тем, кто этого не понимает, их крики кажутся выражением радости. Сердце птицы наполнилось душевной тоской и беспокойством, она думала: «Будут ли мои крылья способны летать, вспомнят ли они, как это делается, если я пробуду в этой клетке слишком долго?» Если птица забудет небо, какой толк будет от того, что ее освободят из клетки?

Только те, кто познал, ощутил радость свободы внутри своей души, знает, что это такое. Однако, лишь становясь независимым, нельзя познать свободу. Птица стремилась быть свободной до того, как она потеряет память о небе.

Однажды утром птица услышала, как поет факир: «Для того, кто ищет свободу, есть только один путь — путь Истины. Что есть Истина?—вопросал нищий в своей песне. Истина—это видение вещей такими, какие они есть, это умение познать вещи такими, какие они есть, и попытка жить с ними, и раскрывать их такими, какие они есть—это есть Истина; тот, кто достигнет Истины — тот свободен».

Такой была песнь факира, так он пел на улицах каждый день. Никто не внимал ему, кроме этой маленькой птички, которая до сих пор помнила просторы своих полетов. А человек — он совсем не помнит о них. Человек полностью забыл о крыльях, которыми он владел и которые могли унести его в неизвестные пространства.

Многие святые и пророки в свое время неустанно взывали к человечеству, но кто их слышал? Но в тот самый день птичка поняла песнь факира и решила попробовать...

Король был во дворце, когда кто-то пришел навестить его. Он передал через своего слугу, что для посетителя его нет дома. Птичка закричала: «Нет, нет! Король во дворце, он приказал своим слугам говорить, что его нет дома!» Король пришел в ярость.

Люди склонны к недовольству, когда говорят правду, так как все люди живут во лжи. И те, кто обладает всей полнотой власти — будь она королевской, власть денег или религии — кто имеет в руках любой вид власти, те ненавидят истину, так как власть всегда сидит на троне лжи. Таким образом те, кто держит власть в своих руках, всегда распинают истину, так как если ее оставить жить, она станет крестом для власть имущих.

Король повелел немедленно убрать птицу с глаз долой — как может Истина находится внутри дворца?.. Истина может найти себе место на ветке дерева, но ни в коем случае не в королевских покоях. Птица была вышвырнута из дворца — но это было ее самое сокровенное желание! На свободе птица стала плясать и петь: «Факир прав: у того, кто хочет быть свободным, есть только один путь — путь Истины».

За птицей наблюдал воробей, сидевший поблизости. Он закричал: «Глупая птица, ты потеряла золотую клетку и счастлива от этого? Не всякому выпадает удача иметь золотую клетку! Но ты — невежественная простушка, ты не знаешь искусства жизни в золотой клетке! Первое, и самое важное правило — это делать именно то, что велит хозяин, без обдумывания, правильно это или неправильно: потому что тот, кто совершает эту ошибку, пытается определить, что верно, а что нет, не может остаться в клетке. Размышление порождает протест, и тот, кто начал думать, не может оставаться пленником. Зачем ты совершила ошибку размышления, ты, несчастная птица! Думать — это опасно. Разумные люди никогда не думают. Они сидят в своих тюрьмах и называют их своим убежищем, своим храмом. Более того, ты можешь украсить свое убежище изнутри. Украшенная клетка производит впечатление дома». Помните, большинство людей таким образом и украшают свои клетки и рассматривают их как свои дома.

Птица не обратила никакого внимания на слова воробья: она сошла с ума от экстаза, ее крылья слегка вздрагивали в легком воздушном потоке — она опять была на свободе, в открытом пространстве. Но воробей продолжал давать свои непрошенные советы. «Выучись искусству охранять золотую клетку у нас, воробьев. Мы всегда говорим то, что говорит хозяин. То, что он делает, не подлежит обсужде-

нию. Мы смотрим на мир глазами хозяина и думаем его мыслями. Мы никогда не пользуемся своими глазами или своим умом». Сказав это, воробей быстро влетел в золотую клетку и занял ее. Слуга захлопнул дверцу...

Воробей до сих пор сидит в золотой клетке и говорит то, что говорит хозяин. Он останется запертым в клетке навсегда, так как воробей говорит все, что угодно, кроме правды. Воробей, в конце концов, всего лишь птица, но и среди людей есть множество подобных воробьям. Эти «Воробьи» так же повторяли то, что говорит хозяин, тысячи лет, повторяя и переповторя то, что им было сказано. Существуют воробьи священных Писаний, воробьи различных сект и культов, воробьи храмов — всему человечеству докучает шум, который устраивают эти воробьи. Их голоса, слышимые непрерывно, ловят наши умы, поэтому постепенно мы тоже становимся воробьями. Таким образом, мы даже не знаем о таких вещах, как душа и Блаженство.

Если вы хотите поддержать мир в своем пленении, даже не упоминайте слова «Истина». Если воспринимать жизнь как существование в подчинении и заключении — никогда не предпринимайте попытки повернуть свой взор к Истине, не совершайте этой ошибки! Того, кто говорит об Истине — принимайте как своего врага, так как Истина опасна. Истина приводит к свободе, а свобода не дает безопасности.

Безопасность дает рабство. Как надежна спасительная клетка! В ней нечего бояться штормов и сильных ветров. Бегущие облака и сверкающие молнии не достигают сидящего в ней. В клетке нет страха, человек спасет за прутьями своей клетки.

Открытые небеса полны опасностей. Представьте себе: маленькая птичка в бесконечных небесах с их ужасными бурями и сильными ветрами — там нет защиты, нет безопасности. Вот почему большинство людей предпочитает рабство! Если вы хотите безопасности, спросите себя, хотите ли вы быть пленником? Если это так, то никогда не говорите о Истине. Тогда плен, рабство будут для вас единственным ответом. Для ищущего безопасности — лучше всего зависеть от политики, религии, благополучия.

Поиск Истины не для тех, кто верит в спасение и безопасное существование. Это поиск для нетерпеливых, бестрашных душ... для тех, кто не забыл о своих крыльях и открытых небесах! Глубоко внутри таких людей заложено воспоминание о просторе неба — они рушат стены и летят... летят туда, где нет никаких стен.

Но как мало таких людей, кто чувствует возбуждение

и желание познать Истину! Всмотритесь в тысячи глаз — жажду свободы, возможно, вы увидите только у одного на миллион! Постучитесь в миллионы сердец и, возможно, только одно сердце бьется в резонанс с Истиной! Что случилось с человечеством? Безопасность — стала всем в жизни. Безопасность стала нашей религией — живи в безопасности и умри в безопасности!

Вот история про царя, который однажды построил себе удивительный дворец. Он сделал его таким неприступным, что никто из врагов не мог даже подумать, чтобы прорваться в него! Так же и мы в своей жизни строим подобные замки, чтобы уберечь себя от врагов и быть в абсолютной безопасности. Что человек делает всю жизнь, в конце концов? Зачем он копит богатства? Зачем он мечтает о карьере и славе? Да потому, что тогда он может чувствовать свою безопасность, может чувствовать себя спасенным! Жизнь тогда не угрожает ему. Но самое смешное заключается в том, и это также не секрет, что чем больше усилий он тратит для того, чтобы обезопасить себя, тем сильнее его страх. И эта зависимость — прямо пропорциональна. Итак, царь завоевал себе все, что можно было завоевать, но страх заставил его построить себе дворец для охраны от врагов, так как даже побежденные враги остаются врагами.

Он пытался поработить всех и этим сделал всех своими врагами. Только тот, кто готов принять поражение от другого, может быть его другом. Царь хотел завоевать весь мир, поэтому весь мир стал его врагом, его страх возрос в тысячу раз! Когда возрастает страх, необходимо обеспечить себе безопасность. Царь построил себе дворец только с одной дверью. Дворец не имел ни одного окна, ни одного отверстия, кроме единственной двери, через которые мог бы проникнуть враг во дворец. Была только одна дверь, охраняемая тысячами стражниками с обнаженными мечами. Из соседнего царства приехал другой царь, чтобы посмотреть на удивительный дворец, о котором шла молва. Он был глубоко потрясен и решил сделать и себе подобный дворец — для своей безопасности. Покидая страну своего соседа, он воздал хвалу царю за его предусмотрительность и мудрость, сказав, что он последует его примеру. Их беседе слышал старый нищий, сидящий на обочине дороги. Владелец дворца, увидев усмешку на лице нищего, посмотрел на него с упреком и сказал: «Что рассмешило тебя, дурак?». «Так как ты обратился ко мне с вопросом, о повелитель, я имею право ответить тебе, — проговорил нищий. — В этом прекрасном строении имеется только один

изъян. Он неприступен, если бы не дверь! Враг может войти через нее. Вот, если ты войдешь внутрь и заложишь дверь кирпичом или мрамором, вот тогда безопасность будет полной. Ни один враг не сможет прорваться во дворец» «Ты дурак! Если сделать то, что ты предлагаешь, этот дворец станет моей могилой!» сказал царь. «Он уже и есть могила, — ответил нищий, — если бы не дверь. Через эту дверь враг может войти во дворец, а если не враг, то смерть войдет в него».

«Но я умру раньше, чем это произойдет», — разгневался царь.

«Тогда осознай вот что, — проговорил нищий. — Сколько дверей имел ты во дворце, столько жизней было у тебя. Уменьшая число дверей, ты уменьшаешь число жизней внутри себя. Теперь у тебя осталась только одна дверь — только одна дверь открыта для жизни. Захлопни ее и жизнь твоя прекратится навсегда. Поэтому я говорю, что дворец твой имеет только один недостаток. — И нищий рассмеялся снова. У меня тоже были замки, о, мой повелитель! Но потом я понял, что они есть не что иное, как тюрьмы. Тогда я начал расширять двери и раздвигать стены. Но сколько бы я не расширял двери, не раздвигал стены, стены все равно оставались стенами! Тогда я вышел за пределы стен и шагнул в открытое пространство. Теперь я стою под открытым небом, и я жив, и нахожусь в полной гармонии с миром».

Не так ли и мы строим вокруг себя стены, каждый в соответствии со своими возможностями? Стены возведены из мрамора и кирпича, дерева и бамбука — но они не так опасны, ведь их-то можно увидеть! Но есть еще и другие стены: невидимые, неосязаемые стены... Это толстые преграды и занавеси концепций, доктрин, писаний. Эти стены совершенно невидимы.

Эти стены мы возвели вокруг наших душ для полной безопасности. Чем толще эти стены, тем дальше мы находимся от открытого неба Истины. Затем душа становится все более ленивой и расслабленной. Чем тревожнее наша душа, тем сильнее мы стараемся укрепить стены. Но затем нас охватывает ужас: может быть, расслабленность нашей души обусловлена наличием этих стен? Ответ — да! Чем дольше ограничена наша душа, тем дольше она не может достичь блаженства. Нет большего страдания, чем находиться в плену.

И помните, давление, оказываемое на вас другими — только поверхностное, оно никогда не затрагивает вашей внутренней сущности. Но подавление, которое вы осуще-

ствляете сами — проникает в вашу душу. Вы подвержены этому подавлению в течение долгого времени. Кто сказал вам, что вы — индус? Кто сказал вам, что вы — мусульманин? Кто велел вам следовать Ганди или Марксу? Кто просил вас связывать себя? Никто не просил!!! Вы связали себя своими собственными руками. Кто привязал вас к Гите? Кто привязал вас к Корану, Библии? Никто, кроме вас самих!

Конечно, множество ограничений наложено на вас извне, но не меньше ограничений вы накладываете на себя сами. Крепостное право — суть внешнее ограничение нашей физической свободы, но рабство, которое мы принимаем по собственной воле, связывает не только тело, но и душу. Таким образом, все становятся пленниками.

Как мы можем начать поиск Истины с подавленным умом? Ограниченный ум не может противиться направлению на какой-либо путь, опутанная душа никогда не поднимется в небеса. Сильнее, чем дерево корнями укреплено в почве, человек укреплен в своей кажущейся мобильности. Корни души погружены в традиции и общество.

Поэтому я хочу сказать вам о первом правиле в поиске Истины: вы должны полностью осознать ваше состояние ограниченности. Человек — раб, но чей раб? Человек раб своей глупости, скуки, невежества и безразличия. Только после того, как это будет жестко осознано, он может сделать шаги для искоренения своего рабства. Самый несчастный раб это тот, кто даже не знает, что он раб. Несчастен тот, кто считает тюрьму своим домом. Он наиболее убежденный из рабов, который смотрит на свои оковы, как на украшение, который вместо того, чтобы порвать их и выбросить навсегда, даже заботится об их крепости и сохранности, который защищает свои оковы.

Я слышал об одном факире, который выкармливал овец для жертвоприношений. Он очень хорошо кормил их и, когда они становились тучными, убивал и продавал их. При этом он гипнотизировал свое стадо, внушая овцам, что они львы, так что они совершенно не боялись того, что их убивали друг перед другом. Они думали: «Эти ягнята должны быть убиты. Мы — львы!!! И поэтому в этом не может быть никаких сомнений». День за днем убивали овцу за овцой, и все остающиеся сегодня в живых даже не подозревали о своей завтрашней доле. Истину они осознали только тогда, когда наставлял их черед, но тогда было слишком поздно! Пути к спасению не было. Если бы они хоть немного поразмышляли бы, когда видели, как убивают других, возможно, тогда бы они и убежали бы.

Они, бедные животные, полностью забыли свою природу. А когда ягненок находится во власти иллюзии — он уже лев — он становится самым слабым во всем племени. Когда кто-то спросил факира, что он делает для того, чтобы овцы не разбежались, он ответил: «Я делаю с ними то же, что делает каждый человек к самим собой. Мы убеждаем себя в том, что мы такие, какими на самом деле не являемся. Я заставил овец считать себя теми, кем они не являются на самом деле.» Каждый человек считает себя независимым, но это самое большое заблуждение! Чем дольше человек будет считать, что его душа свободна, тем дольше он ничего не будет предпринимать для завоевания свободы. Таким образом, сначала очень важно осознать, что мы не свободны. Когда я говорю «мы», я отношу это не только к своим соседям, но и себе самому. Я — раб, и совершенно необходимо, чтобы я прошел через всю боль и муку осознания своего рабства. Необходимо испытать все проявления рабства и все способы, которыми мы активно удерживаемся в этом рабстве. В какой форме и каким образом оно овладело нами, из чего состоят звенья цепи, которая порабощает нас, — все это должно быть осознано. Невозможно разрушить духовное рабство без того, чтобы не осознать его со все полнотой. Если человек хочет убежать из тюрьмы — что он будет делать? Прежде всего он должен понять, осознать, что он пленник, что он заключен в тюрьму. Затем он должен изучить каждую пядь своей тюрьмы, каждый ее уголок, только после этого он может составить себе план освобождения. Поэтому всегда заботятся о том, чтобы заключенный не знал, где выход из тюрьмы. Как только он узнал это — он становится опасным и может вырваться на волю в любое время, так как познание всегда освобождает.

Даже познание тюрьмы освобождает и может быть самым опасным поэтому, особенно в руках просветленного узника. Самый лучший способ содержать заключенного — держать его в темноте, неведении, что заставит его верить в то, что тюрьма — это не что иное, как храм Бога и не имеет выхода, что он — свободный человек, что весь мир заключается в этих четырех стенах, а за пределами стен нет ничего. Но если это станет для него невыносимым, разрешите ему разрисовать черные стены, разбейте сад, разведите цветы — их аромат будет источником радости. Украшайте тюрьму, так как она есть дом. Раб, поверивший в это — будет ли он когда-нибудь свободен?

Во-первых, в своем большинстве мы не представляем се-

бе, что находимся в тюрьме. Через какое множество домов-тюрем проходим мы от рождения до смерти! Везде есть стены — стены тюрьмы. Когда индус говорит, что он — индус, когда мусульманин заявляет: «Я мусульманин», — оба они заявляют, что добровольно заключены в тюрьму собственного самоуважения. Они заявляют это с таким сомнением, как будто бы быть индусом или евреем — это предмет большой гордости. Когда человек объявляет: «Я — индиец» или «Я — китаец», это для него повод для большой гордости. И мало кому известно, что это и есть стены, которые не дают всем людям слиться в одно человечество!

Любое препятствие может быть тем самым барьером, который не дает людям слиться. Если я избегаю встречи с вами, то что бы ни лежало в основе этого — это и есть барьер. Если индус не хочет встречаться с мусульманином только потому, что он индус, а тот — нет, это и есть та стена, которая стоит между ними; такая же стена есть между китайцем и индусом, человеком, низшей касты и брамином. Видимый это барьер или невидимый, что бы не стояло на пути единения — это стена. Сколько же стен стоит между двумя людьми?

Эти стены между индусом и мусульманином требуют своего выявления, а мы даже не знаем об их существовании. Именно поэтому эти стены очень опасны, так как мы можем видеть сквозь них, но не можем протянуть сквозь них руку дружбы. Если индус попытается протянуть руку, то она натолкнется на стену. Аналогичное явление происходит между представителем низшей и высшей касты — между *шудрами* и *браминами*. Не существует почвы для встречи, но мы не понимаем, что это из-за того, что каждый из нас заточен в стенах собственных догм и концепций, не способен видеть что-либо за их пределами.

Сейчас в России учат, что Бога нет*. Дети рано сталкиваются с этой концепцией. Твердая, непреодолимая идея опутывает душу ребенка — Бога нет... Но вот этот ребенок вырос и теперь проходит по жизни ограниченный данной концепцией, все его видение мира происходит только через эту концепцию — Бога нет. Всего его действия ориентированы в соответствии с данной концепцией.

Если человек содержится в заточении, он должен быть окружен стенами тюрьмы, но эта тюрьма — дом души — очень странная. Стены этой тюрьмы окружают вас и со-

путствуют вам всегда и везде, куда бы вы не пошли. Это значит, что когда идея о несуществовании Бога вложена в ум индивидуума в детстве, то он и проживает всю свою жизнь с этим твердым убеждением. Он не найдет Бога нигде, так как мы способны видеть только то, к чему мы готовы. И тот, чья способность видеть ограничена, придет к заключению, что Бога нет, он просто не способен увидеть вообще что-нибудь. Вы можете поставить вопрос иначе и сказать: «Тогда значит, что мы — лучше, так как мы верим в существование Бога». Но это не так. Мы находимся в таком же, если не худшем положении, чем бедные дети в России. Человек принимает без доказательств, что Бог есть. У него не возникает никаких сомнений на этот счет. Человек убежден, что у него не будет никаких трудностей, чтобы найти Бога. Он верит, что этого достаточно — больше ничего делать не надо. Он верит, и его непоколебимая вера становится стенами его тюрьмы. Тот, кто верит в несуществование Бога, получает ограничение в пределах своего отрицания Бога. Таким образом, одни замыкаются в рамках теизма, а другие в рамках атеизма. Оба заперты в своих собственных футлярах. Но только тот может претупить в поисках Бога, кто откажется быть ограниченным пределами тех или иных стен, догм. Такой человек скажет: «Я не знаю еще, существует ли Бог или нет, но я не буду возводить вокруг себя никаких стен. Я не буду отрицать ни одного писания, ни одной догмы, но я не буду и опираться ни на одно писание и ни на одну догму, так как все они призваны спутать, связать человека и сделать для него трудным нахождение Истины».

Был такой случай. Один факир проходил через деревню. Жители, увидевшие его, подошли к нему и попросили войти в их местный храм и поведать им, есть ли Бог или нет?

Факир выслушал и ответил: «Бог? Ну что с вами делать?! Идите лучше и делайте свое дело! Никому не будет толка от того, будет ли он знать, есть или нет Бог на самом деле. Если бы Бог существовал, то этот мир был бы иным. Он не был бы так ужасен, так подл и высокомерен. Если бы Бог был и был бы хоть какой-нибудь толк от Его существования, мы бы сделали мир другим. Но у нас нет никакой потребности думать об изменении мира, даже у тех, кто сидит в самих храмах. Священники, святые отцы, гуру — все собрались под сенью Его имени, но даже они все не интересуются Богом, так же как и те, кто кладет цветы и разбивает орехи жертвоприношения о стены храмов. Если бы Бог что-нибудь значил для нас, все было бы совсем

* Сказанное относится к концу шестидесятых годов, когда проводились эти беседы

иначе. Не теряйте времени даром, лучше идите и сделайте свое дело, какое вам дело до Бога?»

Но люди не отставали от него: «Сегодня большой праздник, пожалуйста, пойдем с нами». Тогда факир ответил им: «А, вот в чем дело, теперь мне все ясно! Потому что сегодня праздник, у вас появилось время и для Бога. Человек не может сидеть без дела, без работы. Когда ему нечего делать, он размышляет о Боге, перебирает свои четки. Хорошо, я пойду с вами, но что я скажу вам о Боге? Бесплезно сейчас что-либо говорить о Боге. Те, кто говорит — ничего не знают, тот, кто знает — тот молчит. Я буду дураком, если скажу хоть что-нибудь, так как это и докажет, что я ничего не знаю. Но вы настаиваете, чтобы я пошел с вами, хорошо, я пойду».

И они пошли в храм. Там собралась большая толпа. Толпы создают иллюзии... Кажется, что люди действительно хотят что-то узнать о Боге. Факир сказал: «Так как вас, желающих узнать о Боге, так много, могу ли я спросить вас: верите ли вы в Бога? Существует ли Бог?» Все люди подняли руки — они знали, что Бог есть, и верили в него! «Тогда нет предмета для обсуждения, — сказал факир. — Так как все вы убеждены в существовании Бога и верите в него, нет никакой необходимости для меня говорить что-либо. Я должен вернуться назад и продолжать свой путь». И он ушел... Люди пришли в замешательство. Они не знали, что же им делать; как только они подняли свои руки в подтверждение того, что Бог существует, они потеряли возможность повернуться в другую сторону, то есть отрицать Бога! Но кто же действительно знает? Если спросить вас, то и вы тоже поднимете руку.

Этот акт — поднятие руки — ложь. Истину невозможно никакими способами провести в жизнь человека, который так лжет перед Богом! И когда человек дает ложные «показания», ложные свидетельства в существовании Бога, когда он даже не имеет ни малейшего представления о Его местонахождении, он закрывает дверь своей жизни для того, чтобы Бог мог войти в нее. Тогда не будет никакого луча внутреннего духа в человеке. Никогда в нем не загорится огонь существования, ни одна молитва никогда не родится в нем, никогда цветы Божественного не загорятся в нем — даже если он и убежден в том, что Бог есть! Потому что такой человек не пытается заглянуть внутрь себя и осознать, что он извергает страшную ложь, что он ничего не знает! Итак, отцы говорят ложь своим детям, гуру — своим послушниками, религиозные деятели — своим по-

следователям. На самом деле никто из них не знает о существовании Бога. Если вы попросите их дать пояснение — они начинают дрожать, и их концепция Бога рассыпается на кусочки, так как ни одно из утверждений, им принадлежащих, не имеет поддержки внутреннего голоса. Возможно, когда кто-то говорит вам, что Бог существует, его собственный внутренний голос выговаривает: «Что же ты такое говоришь? Ты же не знаешь этого точно!» Факир сказал людям: «Так как вы уже знаете, что Бог существует, нет предмета для обсуждения. Но это удивляет меня, так как деревня, в которой столько людей верит в Бога, ничем не отличается от всех остальных деревень. Все деревни одинаковы».

Население деревни было обеспокоено, что же им делать? В следующую пятницу они опять пошли к факиру с той же просьбой. На это факир ответил: «Прошлый раз вы сказали, что знаете, что Бог есть. Больше нам не о чем говорить». «Это были другие люди, — взмолились жители деревни, — мы не знаем ничего о Боге, пойдите и просветите нас», — ответили они. Факир воскликнул: «О, всемогущий Боже! Это те же люди, я узнал их лица, но они изменились!» Факт остается фактом, не много времени потребовалось для верующих людей для того, чтобы изменить свое мнение. Трудно найти более нечестного типа, чем такой человек: это один человек в магазине и другой человек в храме, покинув храм, такой человек меняется в корне.

Подобному искусству хамелеона следует учиться у таких посетителей храмов. Они могут менять свою душу в любой момент. Даже актеры не столь искусны — они хотя бы меняют краску на своем лице или одежду, в то время как эти люди способны менять свою душу в соответствии со своими нуждами. Взгляните на такого человека в его лавке, всмотритесь в его глаза в другом месте — это разные люди. Всмотритесь в него в храме, когда он перебирает четки — он уже совсем другой человек. Вот он покинул храм и вновь совершенно изменился... Всего лишь час назад он читал Коран в мечети, а сейчас пнул ногой человека на призыв «Ислам в опасности!» Он в недавнем прошлом читал Гиту и сегодня не испытывал никаких чувств, поджигая дома исповедующих индуизм. Такому человеку ничего не стоит измениться, и до тех пор, пока такие люди считаются религиозными людьми, нерелигиозность не сможет быть изгнана из нашего мира. Однако продолжим нашу историю.

Факир сказал: «Воздадим хвалу Всевышнему! Как изменились эти люди! Ну хорошо, если вы — другие люди,

я пойду». Он пришел в храм и сказал: «Друзья, я задаю все тот же вопрос, так как мне сказали, что сегодня здесь собрались совсем другие люди, хотя я вижу перед собой столько знакомых лиц! Есть ли Бог?» И в один голос люди ответили: «Нет, Бога нет! Мы не верим в него! Теперь ты объясни...!» Услышав это, факир сказал: «Если так, то нет и предмета для разговора. Если Бога нет, то зачем нам нужно говорить о нем? Он не существует, тогда почему у вас возникли какие-то вопросы? Они ведь связаны с тем, чего нет! О каком Боге, каком виде Бога вы спрашиваете?»

Люди были ошеломлены и смущены. Так трудно было иметь дело с этим человеком! Он сказал им: «Возвращайтесь домой, зачем вы пришли сюда, в поисках чего? В поисках того, чего нет? На что направлены ваши старания, если вы знаете, что Бога нет? Простите меня и отпустите с миром...»

Слушая его, мудрецы деревни были смущены больше всех, так как они были убеждены в том, что у этого факира есть какой-то секрет. Он явно не был обычным факиром, так как обычные люди всегда жаждут поговорить, дай им только волю, и они будут говорить очень долго. Но этот человек отверг все возможности поговорить! Это какое-то колдовство, что происходит с этим человеком?

На третью пятницу они опять пришли к нему с прежней просьбой. «Но я был у вас уже дважды и нам больше не о чем говорить». Таков был ответ факира. Но люди стали говорить: «Сегодня все будет по-другому. Пойдем с нами, на этот раз мы дадим совсем другой ответ!» На это факир сказал: «Тот, кто приходит подготовленным, всегда имеет лучшие ответы. Это лишний раз доказывает, что вы не знаете настоящего ответа. Тому, кто знает, подготовка не нужна. Только тот, кто не знает, должен быть во всеоружии».

Помните, что все те ответы, которые вы запасли и с которыми пришли — это ложь! Те ответы, которые «приходят сами» — есть единственно правильные ответы в жизни. Все остальное ложно. Истина не может быть подготовлена. Истина приходит, ложь всегда сфабриковывается. Что бы и как бы не было сформулировано — это ложь, все приходит само — это Истина. Истину нельзя заготовить, запасти, то есть все то, что человек заготавливает есть что угодно, только не Истина. Именно поэтому все писания, все доктрины, все секты в мире — ложь, фальшь, так как они порождены человеком. Человек не способен делать Истину. Когда кто-то избавляется от созданных другими людьми пут, Истина сама нисходит на него.

Факир сказал: «Еще до того, как вы дадите мне свой

очередной ответ, я могу сказать вам, что он ложь! Но хорошо, я пойду с вами». И он пошел в третий раз в храм. Возможно, живущие в той деревне брамины думали, что они мудры. Они не знали, что ум не работает и не нужен в сфере Истины. Мудрецы деревни не были уверены в успехе. Они жаждали сломить факира, они не знали, что то слово, которое подразумевает факир — Истина, способно сломать все ловушки. Они также не знали, что когда человек пытается устроить другому ловушку, он ловит в первую очередь себя самого.

Факир пришел в храм и обратился к собравшимся: «Друзья, в третий раз я задаю вам тот же вопрос: есть ли Бог или нет Его?» Половина собравшихся подняли руку со словами «Бога нет!» Другая половина заявила: «Бог есть!» Этим они заставили факира воскликнуть: «О, Боже, это очень веселая деревня!, — после чего он повернулся к толпе и продолжил. — Вы дураки, если половина из вас знает, что Бог есть, а половина считает, что его нет, тогда почему знающие не откроют глаза тем, кто не знает? Зачем вы поставили меня между вами? Решите все между собой!» И он ушел... В четвертый брамины уже не решились идти к нему. Они очень старались найти зерно четвертого ответа, но факт остается фактом, имеется только три ответа: или «Да», или «Нет», или «И да, и нет».

Факир долго еще жил в деревне! Он надеялся, что за ним придут в четвертый раз, но никто не пришел... Когда кто-то спросил его, почему он не уходит. Он сказал: «Я жду их. Они должны были прийти в четвертый раз, но пока еще не пришли!» Спрашивающий воскликнул; «Как же они могут прийти, если они не знают, какой ответ дать тебе в четвертый раз!» На это факир сказал; «Если я должен дать тебе ответ, то он также будет бесполезен, так как для тебя это будет заранее заготовленный ответ». Позже, в своей автобиографии факир писал: «Я ждал, чтобы они пришли и позвали меня в храм в четвертый раз. Если бы они не дали никакого ответа на мой вопрос, если бы они стояли бы в молчании, я должен был бы начать говорить, так как молчание доказало бы искренность их поисков».

Они были бы людьми с неподготовленными, непостижимыми ответами, людьми, которые начинают поиск с открытым умом. Те, кто обременены верой, никогда не смогут начать это путешествие за истиной. Поэтому первое, что я хочу подчеркнуть в соответствии с этим, это то, что только те, кто способен сломать стены тюрем доктрин и концепций, только те могут отправиться в путешествие за Истиной.

Мы все пленники догм и слов, писаний и концепций — Истина не для нас. Эти догмы сделаны из золота и украшены драгоценными камнями. Но клетка может быть сделана и из золота с драгоценными камнями, но это не делает ее менее клеткой, чем она есть. Таким образом, мы сами ограничиваем наше сознание и до тех пор, пока мы не освободимся от этих ограничений и пут, мы никогда не поднимемся навстречу Истине. Более того, мы не сможем увидеть, что есть что. Мы будем стараться видеть вещи такими, какими нам хочется, а до тех пор, пока мы будем желать чего-либо присущего только нам, мы точно не сможем знать то, что есть в действительности. Как только Истина понадобится нашему сознанию, нашему естеству, мы сможем погрузить себя в Истину.

До тех пор, пока мы будем считать, что Бог должен быть именно таким, а не иным, например, играющим на флейте, стреляющим из лука, до тех пор мы будем настойчиво пытаться обмануть наше сознание, наше настоящее представление о Боге будет скрыто от нас. Возможно, что мы увидим Кришну играющим на флейте, Раму — натягивающим лук или Иисуса Христа, распятого на кресте. Но все это есть лишь проекции нашего ума и они ничего общего не имеют с Истиной. Это — игра наших желаний. Это все наши сны, а тот, кто принимает сон за реальность, тот разрушает все возможности для реализации Истины.

Истина познается только теми, кто не подвержен воздействию доктрин, теми, кто готов лицом к лицу встретиться с обстоятельствами любого рода, кто жаждет порвать оковы для достижения Истины. Удивительно, что Истина требует устранения оков, нас связывающих; «Устрани, отбрось, оставь подавление, и ты достигнешь Меня!» — это говорит Истина. Но мы не готовы отказаться от пут. Мы охраняем их: чем древнее наши путы, тем усерднее мы их сохраняем — те путы, которые тянутся еще от наших предков, наиболее трудно устранимы. Отец передает их сыну, сын — своему сыну и так далее, все это делается для сохранения традиций. Человек умирает, а оковы переходят от поколения к поколению, поэтому они имеют возраст в несколько тысяч лет. Они такие старые, что мы даже забываем, не замечаем, что обременены ими. Но помните и знайте, что вы не познаете Истину до тех пор, пока в вас живет хотя бы одна догма. Это неважно, будете ли вы при этом верующим или атеистом, индуистом или мусульманином, христианином или иудаистом, когда скажете; «Я верю в эту догму, я считаю эту доктрину верной».

Но как вы определите подлинность этой доктрины до тех пор, пока вы не познали Истины? Я спрошу вас еще раз: до того как вы познали Истину, как вы можете утверждать, что эта доктрина верна? Если вы видели меня и теперь видите мой портрет, вы знаете, что это именно мое изображение. Но если вы никогда до этого не видели меня, как вы укажете на мое изображение среди множества предьявленных вам портретов? Не зная меня, вы не опознаете моего лица, а если все же сделаете это, то это будет ложью. Какое писание, какая доктрина, какое учение, воплощение чего и кого есть действительно Сын Божий? Как вы сможете узнать это до предварительного познания Истины? У вас нет знаний о Истине, но вы пришли, чтобы убедиться в подлинности различных догм и писаний. Вот таким способом вы и опутаны ложью и и для вас познание Истины невозможно.

Таким образом, первое, что следует сделать — это отыскать, выявить все наши умственные путы, путы сознания. Эти путы не есть что-то чрезмерно трудно преодолимое. Как только вы выявите это, поймете, что вас связывает — все это будет нетрудно преодолеть. Совсем нетрудно набраться мужества! Как разорвать все эти цепи? Мы поговорим об этом позже. На сегодняшний день осознайте все это: «Я раб? Мой ум — в тюрьме? Окружил ли я себя стенами? Придерживаюсь ли я какой-нибудь доктрины и считаю ее Евангелием Истины?»

Необходимо быть бдительным и сознательным. Привязанности, независимо от того, какие они, должны быть разорваны. Как только человек соберется с мужеством, в нем рождается огромная энергия. Дайте ему отважиться однажды — и великая душа родится в нем. И если хоть однажды он осознал себя, никакая сила не сможет уже побороть его. Бог приближается к человеку, чьи глаза обращены к открытому небу. Внутренний Дух подобен открытому небу. Тот, кто распахнул свои крылья и летит, неизменно постигает Бога. И наоборот, души запертые в клетках, не способны на это.

Неужели же вы никогда не чувствовали в себе вопроса: «Где же мои крылья?» Вы не испытывали жажды свободы в своей душе? Не чувствовали никогда, что вы раб?

Этими вопросами я заканчиваю нашу беседу. Задавайте теперь их себе сами, когда уйдете отсюда. Спрашивайте себя еще и еще, даже когда спите: «Раб ли я? Если да, то счастлив ли я?»

Завтра я буду говорить о второй формуле.

От заблуждений -
к Истине

От заблуждений — к истине

25 февраля 1969 года

Пространство — наружно. Глаза смотрят в него, руки чувствуют прикосновение наружных предметов, уши слышат звуки, приходящие из окружающего нас мира. Но внутри нас также имеется пространство, которое нельзя увидеть глазами, услышать ухом, потрогать руками. Может быть, потому то, что внутри нас остается неизвестным, непознанным. Может быть, мы не можем познать его, потому что оно так тесно связано с нами? То, что расположено на некотором расстоянии от нас, может быть увидено, то, что близко — сужает перспективу. Для того, чтобы видеть, надо иметь дистанцию между собой и предметом.

Я могу видеть вас, потому что мы сидим на расстоянии друг от друга. Я не могу видеть себя со стороны, потому что между мной и «мною» нет расстояния. Глаза могут обозреть все, кроме себя самих. Те, кто знает все, не могут познать себя. И в поиске Истины тот, кто не знает себя — что он может познать? Тому, кто осознал себя, остается познать Истину. В поиске Истины первая попытка заключена внутри каждого из нас, это первая и необходимая вещь для осознания. Мы знаем всех «снаружи», но нет способа проникнуть внутрь. Есть только один способ проникновения — познание себя. Следовательно, первая дверь в храм Истины — самопознание. Но это странная загадка: жизнь проходит, а следа от кого-то не остается, не остается даже самого слабого намека на него. Все жизненное время упущено без намека на себя.

Был философ, мыслитель Шопенгауэр. Однажды ночью он пошел в общественный сад на прогулку. Было около трех часов утра и совсем темно. Он был так погружен в свои мысли, что не заметил, как быстро дошел до сада, его видел только ночной сторож. Сторож взял свою палку и решил пойти узнать, в чем дело и почему ночью кто-то бродит без дела в саду. В темноте он не мог хорошо видеть человека, но был уверен, что тот, кто в такое время ходит по саду, да еще и разговаривает сам с собой, есть не кто иной, как сумасшедший. Он стукнул палкой по земле и грозно прокричал: «Кто ты? Откуда и зачем пришел сюда?» Услышав обращенный к нему вопрос, Шопенгауэр засмеялся и сказал: «Вы задаете мне очень трудный вопрос, мой друг. Вся свою жизнь я задавал его себе: кто я, откуда

пришел и почему? И теперь вы тоже спрашиваете это у меня. Неужели вы думаете, что я смогу дать вам ответ?» Сторож теперь был полностью убежден, что бродяга сумасшедший, так как тот не знал ни то, откуда он пришел, ни почему и зачем, да и вообще кто он. Но разве мы знаем?

Мы можем посмеяться на Шопенгауэром, но от этого наше положение не изменится. Мы не знаем, кто мы, откуда мы пришли и зачем, с какой целью совершаем это путешествие по жизни. Природа жизни для нас — закрытая книга. Самое удивительное, что мы являемся чужими для себя самих. Мы не знакомы даже с самыми простыми проявлениями собственной души.

Кто я? Если я не знаю этого основного факта, как я смогу узнать все остальные аспекты Истины? Познать самого себя — это первый необходимый шаг по направлению к Истине, без которого дальнейший поиск бесполезен.

Люди задают мне самые различные вопросы: «Существует ли Бог? Является ли освобождение возможным?» и так далее и тому подобное. Но никто не спрашивает: кто я? Основной вопрос религии — не существование Бога, а существование *себя*. Путешествие за Истиной происходит внутри, а не снаружи. Какой бы поиск не совершался бы в окружающем мире, он не приводит к Истине. Он дает только знание для ежедневного существования. Истина познается только при уходе внутрь.

Умер городской нищий. Смерть случается каждый день и в смерти нищего не было ничего необычного. Но его смерть была новостью! Тридцать пять лет он стоял на одном месте и просил милостыню! Из уважения к его постоянству горожане решили и похоронить его на этом самом месте. Они начали копать могилу и, к своему удивлению, нашли огромные сокровища как раз под тем местом, где обычно стоял нищий. Горожане стали смеяться на его злой судьбой и осуждать его глупость. Если бы он только копнул землю под собой, вместо того, чтобы всю жизнь протягивать руку за грошами, он бы стал самым богатым человеком в городе, владельцем несметного состояния! Но никому из них даже в голову не пришло, что каждый из них, возможно, находится в аналогичном состоянии. Глубоко внутри нас скрыты несметные сокровища, которые никогда не используются, в то время как их владелец пытается получить богатства из окружающего мира.

Там, где мы стоим, там, где есть наше существование, наше истинное бытие, там находится дом сокровищ. Но мы — роемся в писаниях, падаем в ноги разным гуру, ув-

лекаемся словами, доктринами и нам не приходит в голову поискать там, где сокровища есть на самом деле. Никто не смотрит внутрь: один заглядывает в Коран, другой в Библию. Один обращается к Будде, другой — к Махавиру или Магомету, но никогда не обращается туда, куда действительно нужно — внутрь себя самого.

Когда бы и где бы не постигалась Истина, она всегда постигается в нас самих. Постигание Истины Буддой, Махавирой, Христом было результатом их деятельности без участия внешнего источника. Как бы Истина не осознавалась, она всегда осознается внутри нас. Но так как все наши поиски направлены всегда «наружу», то есть от себя, мы оставляем себя в тщетных попытках и не можем достичь настоящих сокровищ.

Именно поэтому первая часть второго правила должна быть усвоена очень хорошо: Истина находится внутри нас. Она не может быть достигнута путем опроса других людей. Истина никогда не падает в раскрытые ладони просящего и никогда не дается в кредит. Истину нельзя познать через другого, потому что все наши общие знания приобретены путем изучения «внешнего» мира. Истина — внутри нас. Она не может быть выучена, изучена, ее нельзя желать — ее надо извлекать из себя. Та почва, на которой мы стоим, должна быть перерыта — и тогда сокровища Истины будут найдены.

Еще одна история вспомнилась мне. Говорят, что после того, как Бог создал мир, Он создал человека. Но как только Он сделал его, Он забеспокоился. Бог призвал к себе всех своих ангелов и рассказал им о своих опасениях. Он сказал: «Наверное, я допустил ошибку, создав человека. Он не даст мне жить в покое. Каждую минуту я буду видеть его у своих ног, у дверей собственных храмов с жалобами. Что же мне делать? Где мне спрятаться, чтобы он не мешал мне?» Ангелы сделали множество предложений. Один посоветовал спрятаться на вершине Эвереста. «Ты не знаешь, очень скоро Тенсинг и Хиллари будут там, очень скоро...», — ответил Бог. Другой предложил: «Спрячься на дне Тихого океана». Бог ответил: «Но очень скоро ученые покорят глубину в пять и более миль в Тихом океане...». Другие советовали спрятаться на Луне, на прочих звездах. На все это Бог сказал: «Вы не знаете, что человек очень скоро создаст самые различные механизмы, чтобы достичь любых звезд. Все эти места уязвимы». И тогда один старый ангел прошептал ему на ухо: «Спрячься внутри человека, в нем самом, потому что он никогда не станет искать там».

Бог послушался его совета и спрятался в сердце человека! И действительно, именно в себя человек никогда не заглядывает! За исключением собственного сердца человек исследовал все пути, но его шаги никогда не приводили его к сфере, сокрытой внутри него. Если кто-то спросит, где храм Истины? Где обитает Истина? Ответ будет один — Истина внутри нас; существо внутри нас — вот храм Истины, существо внутри нас — вот ее купель, ее рай. Мы сажаем семя в землю. Оно дает ростки, ветви, листья, становится большим деревом. Задумывались ли вы о том, что это за дерево, под которым отдыхает столько людей... Откуда появилось это дерево? Где сокрыто его естество? Находится ли оно в семени, из которого все появилось? Раздавите семя, но вы не найдете в нем никаких следов дерева, но ведь оно и есть все там, спрятанное в его существе. Это расширяет мировое пространство, которое тоже спрятано внутри зерна, оно тоже растет и распространяется из него. Мы тоже спрятаны внутри семени, в складках семени нашего существа. Из него мы рождаемся, растем, затем сморщиваемся и исчезаем.

Все движение жизни происходит изнутри наружу. Все вещи растут изнутри и распространяются в пространство, которое составляет наше окружение. Никогда не происходит обратного; ничего не идет снаружи внутрь. И наше внимание привлечено к этому внешнему миру. Наша душа, наше существо начинают существовать только тогда для нас, когда мы полностью освобождаемся от влияния внешнего мира. Только когда наши глаза свободны от разглядывания окружающего мира, только тогда они смогут смотреть внутрь. И естественно получается, что когда мы останавливаем свой взор на внешних предметах, мы не можем взглянуть внутрь себя. Блуждающий взор не может проникнуть внутрь. Мы привыкли смотреть наружу, думая, что все получаемое нами происходит оттуда. Все наши поиски знаний направлены на изучение внешнего мира, его материальных объектов, но именно поэтому наши знания иллюзорны. Мы можем начать смотреть внутрь, когда наши знания ничего не дают потому что еще никто ничего не получил извне. Те, кто пытается смотреть только в окружающее пространство, не вглядываясь внутрь, тщеславны в своей уверенности наличия знания. Эти люди трудились впустую, поэтому они ничего не достигли.

Может быть вы знаете историю про Александра Македонского? Когда он умер и похоронная процессия двигалась к месту захоронения, все были поражены, что руки мер-

твеца свободно болтались по сторонам гроба. Люди удивлялись этому ужасному упущению министров царя, ведь Александр был Великим Императором! Но казалось, что никто вовсе и не замечает этой досадной ошибки, хотя великие воины и друзья несли, сменяя друг друга, гроб на своих плечах. Все прояснилось только вечером. Перед тем, как умереть, Александр попросил своих министров и друзей во время похорон отпустить его руки свободно болтаться. Он хотел, чтобы все видели, что покоритель всего мира, всей Вселенной, уходит из мира с пустыми руками. Вся его жизнь была потрачена на поиски и и схватки во внешнем мире. Мы тоже уйдем с пустыми руками, потому что мы ничего не получили из глубин самих себя. Но мы жили с надеждой получить что-нибудь из внешнего мира. Жизнь подошла к завершению, надежда обернулась разочарованием. Ни один человек на земле не был способен воскликнуть, что он получил то, что искал снаружи, и ни один не сказал, что он искал внутри и не нашел.

Поэтому я называю религию основной, конечной наукой. Назначение науки есть приобретение знания без исключений. Однако, в науке мы все же можем найти определенные исключения, подтверждающие основные правила. В сфере религии не выявлено даже противоречий. Все те, кто ищет во внешнем мире, без всяких исключений, не достигают ничего. Те, кто ищет внутри, без исключений, достигают всего.

Поэтому я хочу подчеркнуть второе правило, что сокровища Истины не существуют во внешнем мире. Истина жизни скрывается внутри нас. Однажды, когда это станет очевидными, начнется путешествие внутрь. Но мы все настолько ориентированы во внешний мир, что нам кажется, что все, что есть существенного — есть только во внешнем мире, что может быть во внутреннем мире?

Внутреннее кажется таким маленьким и незначительным по сравнению с огромностью внешнего мира, простирающегося в бесконечность за горизонтом! Внутри? Да там ничего нет, оно кажется нам очень маленьким, это «внутреннее пространство», не стоящим нашего внимания, при противопоставлении внешнему миру. Но все это не вопрос большего или меньшего и, кроме того, мы ведь не путешествовали внутрь, чтобы знать, на что же похоже наше «внутреннее пространство». Только после того, как мы погрузимся внутрь, мы сможем понять, что внутреннее способно содержать бесконечный мир в себе, оно безгранично.

Идите во «внутреннее пространство»—и вы познаете; по-

грузитесь, покопайтесь внутри—и вы найдете обязательно. Только опыт может доказать правоту данного заявления.

Все, все вещи внешнего мира конечны, только то, что внутри нас, бесконечно. Однако, не существует другого пути обнаружить это, как только самому погрузиться в себя. Есть в жизни вещи, которые могут быть познаны только собственным опытом. Если у меня болит рука, то я не могу описать, объяснить качество этой боли, как бы я не пытался. Также никакими средствами я не смогу показать вам: «Вот здесь есть боль». Даже если отсечь руку, боль не может быть выявлена при исследовании этой руки.

Ум думает непрерывно, но если мы вскроем черепную коробку, то ничего, кроме мозга, нервов — не найдем ничего, не найдем никаких мыслей. Никто еще не смог увидеть мысль, но если мы будем настаивать на конкретном доказательстве ее существования, то будем вынуждены признать, что ничего подобного мысли не существует. Но при этом мы все хорошо знаем, что мысли есть. Мы все хорошо знаем, что любовь существует, но никто не может показать место нахождения любви в сердце, потому что это совсем не такой объект, который можно увидеть. Поэтому, несмотря на то, что увидеть такие объекты как любовь, боль и прочее нельзя, мы все хорошо знаем, что они есть, существуют в нас.

И маленькое пламя любви, если оно проявляет себя в жизни личности, во внешнем мире, то оно действительно очень мало. Когда же любовь пробуждается внутри личности, весь мир становится маленьким, незначительным перед такой личностью. Когда агония поднимается внутри, она уменьшает внешний мир до размеров песчинки. Когда наслаждение вспыхивает внутри, все удовольствия мира бледнеют и становятся незначительными. Малость и великость вещей может быть определена только когда мы познаем то, что внутри нас. И когда внутренняя правда познана, мы убеждаемся в ее величии и значимости, рядом с которой нет места тщетной суете внешнего мира. Мы абсолютно невежественны в этом опыте поиска, потому что никогда не предпринимали шагов в его направлении.

Мы подобны слепому, который никогда не узнает, что такое свет, как бы он не пытался. Все книги, посвященные вопросу света, внесут только смуту и ложные концепции и никогда не приведут к постижению света.

Рамакришна рассказывал следующую историю. Слепой был приглашен своими приятелями на обед. В его честь было приготовлено множество изысканных блюд. Все блюда ему

очень понравились. Затем он взял себе кусочек блюда, которое больше других пришлось ему по вкусу, и попросил объяснить, из чего оно сделано. Хозяин сказал, что оно сделано из молока. «Что такое молоко?» — спросил слепой. «Ты видел когда-нибудь морскую чайку? Молоко такое же белое, как ее крылья», — ответил хозяин. «Что такое чайка? — опять спросил слепой. — И как я пойму, что такое крылья и что вы подразумеваете под белым?». Хозяин был смущен. Как объяснить, что такое свет слепому? Но слепой продолжал настаивать, он хотел знать! Тогда один из гостей вышел из-за стола, подошел к слепому, согнул свою руку и протянул сложенную лодочной ладонь слепому. «Пощупай мою руку, — сказал он, — голова чайки имеет такую же форму, как моя рука, она так же изящна». Слепой ощупал протянутую руку и его лицо просветлело: «Теперь я знаю, на что похоже молоко, оно как собранная ладонь!» Его друзья были глубоко разочарованы. Теперь стало еще хуже, чем было. Тот, кто не знает внутреннего, не может понять что-либо по внешнему. Если изначально человек не знает, что такое цвет, он может увидеть это из окружающего мира, но тогда нет необходимости ему понимать, что такое цвет. Получается полная путаница.

Эта проблема — величайшая проблема жизни: те, кто знает, не нуждаются в объяснении, и нет пути для объяснения тем, кто не знает. Стараясь объяснить что-то остальным, мы порождаем массу проблем. Все, что известно изначально, известно из внутреннего; все, что сообщается нам, есть суть поверхностные знания. Более того, Истина не может быть выражена, она может быть только познана. Для того, чтобы познать, человек должен иметь некоторое понимание, знакомство с внутренним. Быть знающим означает быть обученным тем, кто имеет просветление, кто познал Истину.

Будда был гостем в одной деревне. Люди привели к нему слепого и попросили объяснить тому, что такое свет, потому что слепой отказывается верить в то, что может существовать что-либо подобное свету. Он говорил, что поверит в существование чего-либо только если дотронется до того, что существует, как это говорят ему. Знание слепого человека определяется через осязание. Для него все, что существует, может быть познано только через ощупывание рукой. И он не так уж неправ. Это единственный путь, с помощью которого он может познать — осязание является единственным доказательством существования чего-либо. То, чего он не может осязать, — для него не

существует. Слепой смеялся над досадой зрячих. «Вы не можете принести свет сюда, зачем вы затеваете бессмысленный спор? Света нет!» — сказал он. Его друзья привели его к Будде в надежде, что тот сможет переубедить слепого. Пожелание слепого было очень простым: если ваш свет существует, я должен иметь возможность дотронуться до него, я должен иметь возможность попробовать его на вкус, услышать его. Если он имеет запах, я должен его понюхать. Но все это как раз и было невозможно — свет можно только видеть. Тогда слепой спросил: «Что это значит — видеть?». Но если бы он знал, что такое видеть, он бы не был слепым, поэтому он просто нападал на всех, обвиняя их в попытках доказать ему, что он слепой. «Я не могу видеть света, но также не можете и вы, так как света нет», — заявил он.

Будда сказал: «Объяснять что-либо ему бесполезно, поэтому я и не буду предпринимать столь глупой попытки. Этому человеку нужен доктор, а не философ. Ему нужно лечение для его глаз, а не проповедь для души. Вылечите его глаза, чтобы он мог видеть, тогда он познает и поверит. Тысячи будд будут неспособны убедить его». Человека отвели к окулисту и через шесть месяцев он прозрел. Когда Будда вновь оказался в той деревне, бывший слепой пришел к нему, упал перед ним на колени и сказал: «Свет существует...». «Где он? — спросил Будда. — Я хочу потрогать его». «Свет нельзя осязать», — ответил прозревший. «Тогда дай мне понюхать его, — настаивал Будда, — или дай услышать его». «Не смейся надо мной, отец! Прошлое ушло. Теперь я могу видеть, что такое свет, что он существует». «Почему же ты не верил своим друзьям, когда они говорили тебе, что свет существует?». «Это не моя вина, — отвечал человек, — потому что как слепой может понять, что такое свет, а если бы я принял на веру их слова, я бы так и остался слепым, так никогда бы и не узнал ничего...»

Истину нужно познать, ее нельзя предположить. Она не может быть ни выведена, ни сочтена. Нельзя человека «обучать» Истине. Потому-то и нет специальных школ, где обучают правде, где ее преподают. Но есть лекарство — глаза можно вылечить. Как? Мы обсудим это завтра при ознакомлении с третьим правилом.

А сейчас, в свете второго правила необходимо понять, что Истина может быть познана, но это познание всегда происходит изнутри. То, что мы называем знанием, приходит из внешнего мира, в то время как «познание» приходит изнутри. Мы можем узнать о том, что такое «свет»

из книг, но так и не «познаем» света; это должно прийти изнутри. В этом и есть разница между знанием и познанием. Знание делает человека обученным, но не делает мудрым. Мудрость приходит только при познании, познании самого себя.

Человек может прочесть все книги по плаванию. Он может стать высшим авторитетом во всех школах по плаванию, он даже может читать лекции по этому предмету, но толкните его в воду... несмотря на свою высочайшую квалификацию, он не сможет плыть. Познать плавание и знать о нем — две совершенно разные вещи. Вполне возможно, что тот, кто умеет плавать, не сможет объяснить, как он это делает. Он может сказать следующее: «Все, что я знаю, это то, что я прыгаю в воду и плыву. Вы тоже поплывете, если прыгнете в воду». Если вы будете настаивать, чтобы он объяснил, что такое плавание, он опять скажет: «Как можно говорить об этом? Я лучше прыгну в воду и покажу вам! Какие еще дискуссии можно разводить по вопросу плавания?!»

Так же и мы можем знать о Истине, но это отнюдь не есть познание Истины. Существует очень много мудрецов, которые «знают» о Истине, но только некоторые «познают» Истину. Знающие и познавшие живут очень далеко друг от друга. Неизменно ученые-брамины становятся врагами святых и пророков. Это понятно, потому что высокие знания браминов не имеют основы перед познанием собственного опыта. Тот, кто познал, знает, что нет никакого смысла в рассуждениях, познания достаточно. Зачем человеку знания, когда он так и не умеет плавать?

Жил некогда факир Мулла Насреддин. Он зарабатывал себе на жизнь перевозкой людей с одного берега на другой на своей лодке. За перевоз он брал всего лишь две брахмы. Однажды к нему в лодку сел брамин. Пока они плыли, брамин стал спрашивать его: «Мулла, имеешь ли какие-нибудь знания по математике?». «Математике? — переспросил Мулла. — Но что это такое?» Брамин был потрясен. «Ты даже не знаешь, что такое математика, что это есть наука о числах? Ты тщетно прожил свою жизнь!» Через некоторое время он опять спросил Муллу, знает ли тот, что такое астрономия? Опять Мулла не знал даже, что это такое. Брамин покачал головой и, если в первый раз он сказал, что Мулла четверть своей жизни прожил зря, то теперь уже половина жизни бедного перевозчика прошло впустую. «Если ты не знаешь, что такое астрономия, что ты вообще знаешь?» — проговорил брамин.

И тут поднялась буря! Подул сильный ветер и поднявшиеся волны стали бросать лодку то вверх, то вниз. Мулла спросил у брамина: «О, брамин! Умеешь ли ты плавать?» Брамин ответил, что не умеет. Тогда Мулла прыгнул в воду и сказал, что брамин прожил всю жизнь зря. Мулла Насреддин доплыл до берега, а брамин утонул...

«Знания о вещах» не дают ничего, они ничего не стоят в жизни. Стоять перед Истиной еще имеет какой-то смысл, но ходить вокруг да около и приобретать знания — это бесполезно. Что бы мы ни узнавали о внешнем мире, это всегда только относительная правда, это никогда не истина. Изучение внешнего мира есть плохой путь для познания Истины. Однажды осознав это, мы можем сделать первые шаги к познанию Истины. Если кто-то приходит к вам и говорит что-то вроде этого, что вы сможете узнать от такого человека, кроме слов? Но в словах ничего нет...

В жизни мы не делаем таких ошибок. Возьмите, например, слово «лошадь» Мы находим его в словаре и читаем: «Это животное, на котором человек ездит верхом». При этом мы не берем это слово, его значение, не седлаем его, чтобы поехать. Мы твердо знаем, что только лошадь в стойле пригодна для этого — ехать верхом можно только на живой лошади. Лошадь из словаря только слово. Мы никогда не берем слов непосредственно так, как они есть, если используем их в жизни вещей. Но в области духа — мы полностью верим словам.

Слово «Бог» написано в книге, и мы преклоняемся перед книгой. Это то же самое, на самом деле, как ехать на слове «лошадь». Если наша нога ступает на святую книгу, то мы мучаемся угрызениями совести. При этом нога коснулась только слов, а не самого Бога! В словах нет ничего. Слова — это только линии, нарисованные на белой бумаге. Некоторые люди даже держат списки святых писаний на голове... Никакие писания не есть религия, потому что на самом деле они есть набор слов. Мы никогда не пытаемся ехать на слове «лошадь». Но мы никогда не думаем так, когда это касается Бога. Мы поклоняемся словам, делаем из них культ, учим их наизусть и повторяем их опять и опять, и при этом мы хотим познать...

Если человек выучивает наизусть Гиту, считается, что он ученый. Но как это может быть? На самом деле эта оценка — оценка глупца!

Кто-то гордится тем, что изучил Коран или Гиту; он смотрит на всех свысока. Что он получил? Просто заученные наизусть слова. Отнимите их у него — и он останется

ни с чем. Он несет в себе столько же Бога, сколько тот, кто произносит слово «лошадь». Если человек в своей голове имеет слово «лошадь», это совершенно не означает, что у него действительно есть лошадь. Но если кто-нибудь несколько раз повторит слово «Бог», мы готовы поверить немедленно, что Бог действительно с ним.

Что касается Истины, то мы тоже с готовностью принимаем слова. Ничего, кроме слов из окружающего мира не приходит. А Истина приходит не оттуда, она приходит изнутри. Когда это становится совершенно ясно, мы свободны от запутанности внешнего мира и готовы к путешествию внутрь. Но как только мы думаем, что мы выигрываем у внешнего мира, мы не можем надеяться и быть уверенными, что не встретим преграды на пути к Истине.

Успенский был замечательным мыслителем России. Он написал множество книг, одна из которых получила широкую известность больше, чем другие книги. Даже говорили, что в мире еще не было книги равной этой. Первая знаменитая книга была написана греческим философом Аристотелем и называлась «Органум», вторая — англичанином Бэконом — «Новый органум». Аристотель написал первую книгу Истины, Бэкон — вторую. Третья книга была написана Успенским — «Третий органум». Говорят, что это три самые замечательные книги в мире.

Однажды Успенский навестил Гюрджиева. Успенский был знаменитым человеком, а Гюрджиев — простым факиром. Успенский сказал: «Я хочу задать вам несколько вопросов.» Тогда Гюрджиев дал ему чистый листок бумаги и сказал: «Прежде чем мы начнем наш разговор, напишите здесь все, что вы знаете и чего не знаете. Зачем мы говорим о том, чего вы не знаете. То, что вы уже знаете, не требует разъяснений, полезнее будет поговорить о том, чего вы не знаете». Скажем прямо, что это был довольно странный способ встречать известного человека! Однако Успенский взял бумагу, пошел в угол комнаты и сел за стол. Он хотел написать очень много. Но как только он начал писать, он попал в затруднение. Он спросил себя: «Познал ли я Бога?» Ответ пришел изнутри: «Я знаю о Боге, но я не познал Бога». «Знаю ли я душу?» «Я знаю о душе, но это и все...» Около часа он терзал себя, но не мог заставить себя написать хоть что-нибудь. Он подошел к Гюрджиеву и, протягивая ему листок бумаги сказал: «Простите меня, я был во власти иллюзий. Я думал, что я знаю, но то, как вы поговорили со мной и взгляд в ваши глаза сделал невозможным ответы на такой очевидно простой вопрос. Я даже

не могу уйти от вас с тем, что я думал, что «знаю». «Как Вы смогли написать все ваши знаменитые книги?» — спросил Гюрджиев. «Теперь они все не имеют никакого значения. Я был под властью, под чарами так называемого обучения. Когда вы говорили со мной, впервые вопрос встал передо мной так ясно, что я ошеломлен своим невежеством. Теперь я чувствую, что не знаю ничего! Я достаточно упивался словами и принимал их за знание, но чем больше идет речь о познании, тем больше я понимаю, что оно равно нулю...» — сказал Успенский. «В таком случае, — сказал Гюрджиев, — вы достаточно подготовлены, чтобы понять один очень важный вопрос, один факт, что вы знаете ничего!»

Это первый шаг к познанию: понять, что вы не знаете ничего. Этот факт признания требует большого мужества! Осознание для кого-то, что «Я ничего не знаю» — большой подвиг, так как внутренне «Я» восстает: «Абсурд! Я знаю наизусть Гиту! Я прочел все Упанишады, я каждый день хожу в храм и принимаю участие в религиозных спорах, как это я могу чего-то не знать?» Мечи обнажены для встающих вопросов и выставлена охрана против того, чего мы не знаем. Если словам и дальше удастся скрывать Истину, они будут продолжать делать это до бесконечности!

Человек, заучивающий слова, не получит ничего, даже если потратит на это несколько жизней. Такое знание создает только иллюзию познания. Тогда как мы можем познать? Какой путь есть путь истинного познания? Изучение и созерцание считаются пригодными методами. Нам всегда говорили, что чтением книг, обсуждением шаштр и служением обучающему завоевывается знание. Ничего более ложного, чем это, быть не может, так как ничего не познается независимо от того, сколько раз мы это слышим или читаем.

Иллюзия познания, созданная таким обучением, оказывается более опасной, чем невежество само по себе, так как невежественный человек в конце концов осознает свое невежество и попытается найти выход, в то время как под властью иллюзий познание невозможно. Для познавшего больше познавать нечего.

Мир не очень-то страдает, так как принимает невежество за псевдознание. Вот почему мы так далеки от Истины.

Когда Сократ состарился, он просил афинян не звать его мудрым человеком: «Когда я был молод, у меня не было иллюзий знания. По мере того, как мое понимание возросло... — сказал он, и его слова бесценны, — по мере того,

как мое понимание возросло, испарились мои знания. Не потому, что мое понимание полное, я абсолютно искренне убежден, что нет более невежественного человека, чем я». Население Афин смеялось, в то время как все городские мудрецы поняли, что Сократ вошел в храм Истины.

Когда невежды спрашивали: «Но он же признался в своем невежестве, а вы утверждаете, что он познал правду?». На это мудрецы отвечали: «Только те способны войти в храм Истины, кто разрушил иллюзию знания! Чья внутренняя природа становится настолько простодушной, что они с искренностью и простотой ребенка признаются в том, что они ничего не знают. Для них двери Истины открыты всегда».

Для того, чье собственное невежество становится очевидным, начинается «Путешествие внутрь». Освобождаясь от бремени внешнего мира, человек поворачивает взгляд внутрь себя. Никто не может повернуться внутрь до тех пор, пока он пытается что-то получить от внешнего мира, от писания, доктрин и концепций и так далее. Пока это продолжается, поворота внутрь не происходит. Второе правило требует полного освобождения от путаницы слов. Это возможно только в том случае, если мы убеждены в ложности слов и осознали, что Истина никогда не достигается через них. Освободиться от слов повторяю, значит начать путешествие внутрь. Снаружи — шум, внутри — тишина, там нет места для слов.

Вот второе правило: для того, чтобы начать путешествие к Истине, освободились от псевдознаний, от знаний, заимствованных у кого-то, так как истинные знания никогда не заимствуются у кого-то, не получают из книг, от кого-то третьего, они всегда присутствуют внутри нас. То знание истинно, которое написано внутри нашей души, а не в книге, которое нельзя у кого-то попросить, но которое поднимается из нас и распространяется на всю жизнь. Такое знание не может быть откинута, так как оно идет из нас самих. Такое знание бесценно!

В поисках Истины Вивекананда пришел однажды к Махариши Девендранакху. Была темная ночь, и Махариши расположился в лодке на водах Ганга. Вивекананда переправился через реку и добрался до лодки. Он толкнул дверь жилища, сделанного на лодке, и увидел, что Махариши находится в медитации. Он взял его за шею и стал трясти. Махариши открыл глаза и был очень удивлен, увидев перед собой молодого человека, стоящего перед ним и дрожащего от головы до кончиков пальцев ног. «Скажи, есть ли Бог?» — спросил Вивекананда. Многие задавали этот

вопрос, но никто не делал это таким способом! Этот вопрос был задан в такой поздний час и в таких странных условиях! Но Махариши был спокоен. Он немного поколебался, а потом сказал: «Сядь и успокойся, сын мой, а потом поговорим».

«Теперь нечего и говорить. Твое колебание само дало ответ», — сказал Вивекананда. С этими словами он бросился обратно в реку и уплыл. В отчаянии Махариши звал его, но Вивекананда не вернулся.

Через два месяца Вивекананда пришел к Рамакришне и задал ему тот же вопрос и в той же форме: «Есть ли Бог?»

Рамакришна выслушал его и ответил: «Нет ничего, кроме Бога в этом мире. Вы хотите знать? Если да, то так и говорите. Не беспокойтесь о том, есть ли Бог или нет. Все, что вы хотите узнать, на самом деле лежит за пределами слов». Теперь уже настала очередь Вивекананды удивляться! Он написал в своем дневнике: «До сих пор я удивлял своих учителей. Мне никогда не приходило в голову, готов ли я искать Бога, но этот человек отнесся ко мне совсем иначе, чем другие. Все, кого я спрашивал, имели при себе только слова и были неуверены в себе самих. У Рамакришны был опыт и не было слов».

Там, где есть опыт, нет колебаний, нет сомнений. Но такое знание идет изнутри, оно освобождает и является несомненным. Но для этого внутреннее должно быть освобождено от всего наносного, от внешних влияний, внешних знаний, перед тем как глаза смогут повернуться внутрь. Ибо тот, кто наполняет сокровищницу камнями, не может иметь настоящее богатство.

К людям должен прийти мудрец, который знает, что все, что собрал и спрятал человек, совершенно не нужно. Все это необходимо выкинуть и освободить место для истинных сокровищ. Что важно, так это иметь способность различать булыжники и драгоценные камни. Совершенно необходимо знать, что есть знание и что знанием не является. Все что не исходит изнутри — не есть знание, все, что выводится из слов — не есть знание, все, что вы получаете из опыта других людей — не есть знание. Если однажды вы четко это усвоите, что такие знания — фальшивы, тогда поиск того, что является истинным знанием начнется немедленно.

Я еще раз остановлюсь на втором правиле: освободитесь от знаний для приобретения познания. Освободитесь от знания, чтобы могло родиться познание. Когда вы пойдете домой, спрашивайте себя в пути: «Все знания, которые я имею — это мои собственные знания? Я *познал* все, что

я знаю? Если я не познал — тогда все мои знания не имеют смысла, тогда это не знания, а не что иное, как обман и ложь».

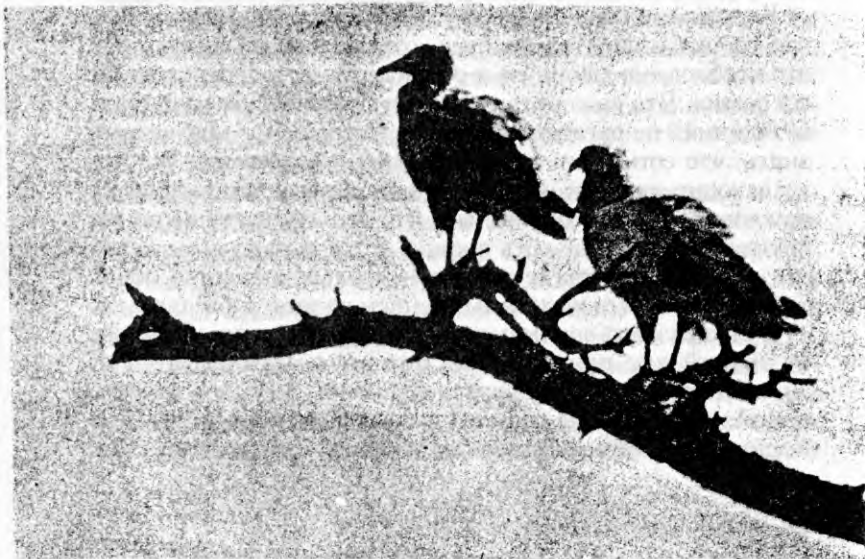
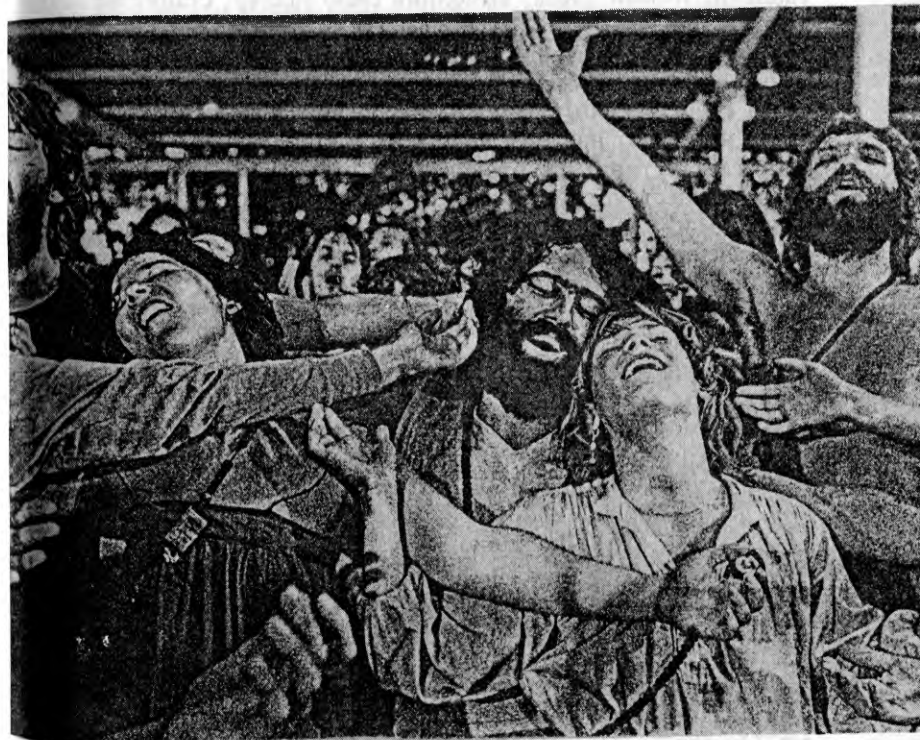
Человек — странное создание природы: он с готовностью верит слухам не только о других, но верит также слухам о Истине! Вы должны спросить себя: «Я действительно знаю то, что знаю?» Это жестокий вопрос, он задает вам «Я», но задавать его надо без всякой пощады к самому себе.

Этот вопрос разрушит всякие иллюзии знания и эрудиции. Кирпич за кирпичом — здание лжи будет разрушено. Проверьте знания, и вы увидите, что то, что вы не *познали*, на самом деле вовсе не есть знание. То, чего я не *познал*, на самом деле не есть знание для меня, даже если весь мир считает иначе.

Если это однажды станет ясно вам, тогда вы сможете перейти к изучению третьего правила, но никак не раньше осознания всего выше сказанного! Мы должны быть последовательными, переходить от первого ко второму и так далее. Мы должны сначала встать на нижнюю ступеньку двумя ногами, чтобы сделать шаг для подъема на следующую ступеньку. Только после того, как старые земли будут исследованы, оставлены позади, можно начать исследовать новые дали. Если мы при этом не покинем старых земель — нам не помогут никакие инструкции. Сделайте так, чтобы старые знания исчезли и освободили место неизвестному, непознанному знанию.

Завтра мы обратимся к третьему правилу.

От веры - к Истине

От веры — к истине

26 февраля 1969 года

Друзья задают мне множество вопросов. Один из друзей как-то спросил: «Ты говоришь, что Истину нельзя найти в словах, что еще меньше ее в различных писаниях, что ее не получишь у гуру, но какова же тогда цель твоих бесед?»

Истину нельзя извлечь из моих бесед и рассуждений, поймите это раз и навсегда, пожалуйста! Ни чьи слова не передают Истины. Если в вашу ногу вонзится шип, то вы можете взять другой шип и с его помощью вытащить занозу, но как только шип будет удален из ноги — оба они будут не нужны в равной степени. Мои слова не несут Истины, но они могут играть роль того самого шипа, которым вытаскивают занозу, шип иллюзии знания, которое вы держите в себе как собственность. Но когда иллюзия будет удалена, то мои слова, выполнив свою задачу, станут не нужны.

Слова, от кого бы они ни исходили, не раскрывают Истины. Но одни слова — вычеркивают другие слова; если слова стерты, если ваш ум свободен опустошен так, что слова не имеют над ним власти — в этом случае ум сам постигает Истину! Это происходит потому, что Истина вне нас не существует, она есть только внутри нас, причем — в каждом из нас. С того самого момента как ум расстанется со своей привычкой смотреть только наружу, уже не так трудно достичь Истины. Чем дольше мы смотрим вокруг, чем длительнее слушаем гуру, тем дольше мы смотрим наружу, вовне.

Чем дольше мы задерживаемся на строках какого-то писания, тем дольше находимся под его влиянием, и тем дольше смотрим вовне. До тех пор, пока мы взбираемся по тенистому пути узнавания все новых и новых слов, которые заучиваем, но которые не дают нам истинного знания, до тех пор тишина, Истина, остаются непознанными.

Однажды, это было давно, поэт пришел на берег моря. Было раннее утро. Еще холодные лучи солнца не прогрели воздуха, легкий бодрящий ветерок слегка волновал поверхность вод. Красота представшей картины наполнила сердце поэта. Просветленный, он начал танцевать! О, картина поистине была грандиозной! О, красота, просветление, радость... Но тут же неожиданно его мысли вернулись на землю. Он вспомнил о своей возлюбленной, которая лежала

тяжело больная в больнице. Как бы он хотел, чтобы его любимая была рядом сейчас и могла разделить прелесть этого утра! Он был поэтом, поэтому все увиденное задело его глубже, чем простого человека. Слезы стояли у него в глазах... Он вытер их рукой и подумал: «Что если я наполню шкатулку всей прелестью этого утра и пошлю ей?» Он купил шкатулку, обуреваемый любовью, он открыл ее и повернул навстречу ветру и лучам солнца. Затем с осторожностью закрыл ее и послал своей любимой, сопроводив подарок письмом, в котором написал о том, как он скучает без нее в такое прекрасное утро, часть которого он посылает ей в шкатулке!

Письмо дошло, любимая девушка получила и шкатулку, но когда она открыла ее, внутри не было ничего: не было никакого ветра, никаких лучей, никакой радости утра, которое описал в письме ее возлюбленный... Перед ней была простая красивая шкатулка. То, что было на берегу моря, не может быть спрятано в коробку. Так же нельзя весь океан Истины заключить в слова.

Только слова, бледные и пустые, останутся вместо того чуда, что было на берегу моря. То, что было там, на берегу, распространяется значительно шире. Те, кто достигает берегов Истины — они так же далеки от того, чтобы суметь открыть радость собственного опыта тем, кого они любят. Таким образом, те, кто не может идти так далеко, так же получают только намек на чудное познание, они наполняют свою грудь словами и посылают их нам. Гита, Библия, Коран — доходят до нас, но то, что они действительно должны были передать осталось где-то позади. Их замысел не вызывает никаких сомнений, но их слова не раскрывают Истины.

Слова никогда не были пригодны для этой цели. Если бы та девушка прижала бы коробку к своей груди и стала бы танцевать мы сочли бы ее сумасшедшей. Но если бы она уловила то, что было за пределами самой шкатулки, она бы побежала на берег моря. Там бы она разделила радость от плеска волн, холодящего кожу ветерка со своим возлюбленным. Но это возможно лишь тогда, когда после получения шкатулки у нее появилось бы желание отбросить шкатулку в сторону и убежать туда, где что-то может открыться... Те, кто подобным образом могут отбрасывать концепции, догмы и писания в сторону и устремляться к их непосредственному источнику, в один прекрасный день находят себя на берегу Океана Природы. Но мы такие глупцы мы приветствуем фанфарами Гиту и совершенно пред-

аем забвению источник, из которого Кришна брал послания Гиты. То же самое мы делаем с Кораном и Библией.

Если Кришна и Христос, Махавира и Будда взглянули бы на нас — они бы горько заплакали от мук сожаления. Они бы сказали: «Мы пытались передать им дуновение морского ветра, а они запутались, увлеклись изучением слов в наших посланиях и остались стоять на одном месте, там же, где и были раньше!» Если бы каждый нашел свой путь, он бы выбросил все книги в море. Но даже если бы Кришна выхватил из наших рук Гиту, мы бы тут же схватили его за горло, ведь что мы вообще имеем, кроме Гиты?

В России писатель Достоевский написал книгу «Братья Карамазовы». В ней описывается, как через восемнадцать веков после распятия Христос подумал, что как раз настало именно то время, когда он вновь должен появиться на земле. По всей земле были возведены храмы, в которых молил Его о приходе, множество монахов, священников ходило по земле, имея на шее крест. Почти половина мира была обращена в христианство. Он был уверен, что его ждут.

И вот в одно воскресенье он спустился на землю и встал под деревом. Только что кончилась утренняя служба и люди возвращались домой. Они были очень удивлены, увидев под деревом человека, так похожего на Христа. Кто же был этот человек, так похожий на Христа и даже одетый так же, как он? Должно быть это какой-нибудь актер, думали люди. Они окружили его и стали с любопытством рассматривать и спрашивать: «Ты играешь удивительно хорошо! Ты прямо настоящий Христос».

«Но я и есть Христос!» — сказал Христос. Толпа стала смеяться над ним, кто-то бросил камень, кто-то плюнул, люди стали плясать вокруг него, обзывая сумасшедшим. Один из них сжалился над Христом и, подойдя к нему, посоветовал уйти до того, как придет их священник.

«Ваш священник? Он мой священник. Неужели вы не узнаете меня? Я тот, кому вы молитесь каждый день».

«Мы воздадим тебе то, что ты заслуживаешь, если ты не исчезнешь отсюда немедленно?» — кричали люди.

В своем милосердии Христос простил их, возможно, они и правда не узнали его, но, может быть, его узнает священник, который каждый день обращается к нему в своих молитвах. И вот пришел святой отец. Толпа умолкла, когда он подошел к ним. Затем один за одним стали приветствовать его, дотрагиваясь до его ног... Да, таков мир, они бросят камень в Бога и падут ниц перед теми, кто делает из Бога бизнес.

«Это святотатство!» — воскликнул Христос.

«Заткнись», отвечали люди. — Если тебя услышит святой отец, он будет недоволен».

Все это привлекло внимание священника, и он спросил, кто этот человек. Ему рассказали.

«Приведите его ко мне», — велел он.

«Ты тоже не узнаешь меня? — спросил Христос, — и ты носишь на шее крест с моим распятием?»

Но Христос не учел того, что крест, на котором он был распят, был сделан из дерева, в то время как крест на шее у священника был сделан из золота. И вообще, человека вешают на кресте, а не крест на человека.

«Этот человек есть сам сатана! — провозгласил священник. — Наш Христос уже приходил на землю один раз. И нет нужды в его втором приходе. Теперь здесь есть мы, чтобы выполнить за него его работу».

Христа заперли на чердаке в храме. Он был потрясен. С ним обращались так же, как и восемнадцать веков назад!

«Меня распнут еще раз?» — удивлялся он.

Среди ночи к нему пришел священник. Он упал перед узником на колени и стал молить его о прощении. «Я узнал тебя, о Всемогущий! Но там, под деревом, я вынужден был отрицать тебя! Тебе не следовало бы приходить еще раз. Мы выполняем за тебя твою работу со всей искренностью! Это хорошее дело и хорошо поставлено у нас, но если ты придешь сейчас, то возникнет путаница. Мы едва смогли сладить со всеми трудностями, а теперь ты явился вновь! Пожалуйста, пойми, мы не можем признать тебя публично! И не только это, мы должны прибегнуть к прежней тактике, чтобы не признать тебя, той же, что и восемнадцать веков назад! Прости нас, мы бессильны!»

Такая же судьба ждет Кришну, Махавиру, Мухаммеда, если они решатся прийти еще раз на землю. Мы не понимаем, что те, чьи слова мы пытаемся осознать, выучить — предупреждали нас не делать этого, так как Истина не в словах. Истина существует в бессловесной тишине, где отсутствуют все мысли.

Истины нет и не будет в моих словах, ни в словах кого-нибудь другого. Тогда почему я говорю? А для того, чтобы отобрать у вас слова. Если мои слова — тот шип, которым я смогу удалить ненужные слова из вас, то цель достигнута. Тогда вы освободитесь от всех слов — от моих и чужих, просто от всех слов внутри вас. Тогда ум, освобожденный от слов, будет готов идти навстречу Истине. И очень жаль, что вместо того, чтобы понять сущность по-

сланий тех, кто пришел в свое время освободить нас, мы хватаемся за внешнее обаяние их личности.

Будда запретил своим последователями создавать его изображения, но сегодня его статуи — одни из самых многочисленных. Идолы Будды в одном китайском храме по числу превышают несколько тысяч, но Будда предупреждал: «Не делайте из меня божества».

Мы — странные люди. Мы хватаемся за того, кто говорил: «Не хватайтесь за меня!», хватаемся так крепко, чтобы он случайно не выскользнул. Чем больше мы любим какую-нибудь личность, тем крепче мы стараемся держаться за нее, чтобы не потерять. Эта общая тенденция делает из всех нас рабов. Если мы теряем того, за кого держались раньше, мы тут же находим кого-нибудь нового. Если Махавира, Кришна, Христос, Будда ускользают из наших рук — мы немедленно хватаемся за Ганди и начинаем карабкаться на него: нам обязательно надо иметь кого-нибудь, чтобы карабкаться на него. Мы совершенно не хотим стоять на своих собственных ногах. Я утверждаю, что только тот человек стоит на своих собственных ногах, который не опирается на других людей.

Только тот может быть уверенным в себе, кто не рассчитывает на помощь извне. Помните, кто хватается за других, никогда не будет уверен в себе самом и не может рассчитывать на себя самого. Это потому, что такой человек будет чувствовать себя слабым, так как он будет пытаться получить силу от окружающих. Недостаточность уверенности в себе у одного человека рождает неуверенность в себе многих. Тот, кто не может быть уверенным в себе, не может нигде найти эту уверенность. Ирония всего сказанного состоит в том, что тот, кто не нашел себя, не может руководить судьбами многих! Как он может поддерживать других, когда он не имеет силы в себе самом?

Уверенность в себе, вера в себя — вот религия, а вовсе не вера в других. Бог дал каждому в отдельности не больше того, что дал всем. Каждый из нас имеет внутри себя то же, что проявилось в таких личностях, как Рама, Будда, Махавира и другие, каждый из нас немного Будда, немного Махавира, немного Рама, немного Христос, немного Ганди. То, что проявляется, присутствует внутри человека, это есть у всех нас. Но когда я говорю «Оставьте этих людей», я не испытываю вражды к ним, к их личностям. Как это может быть? Такие замечательные люди — что я могу иметь против них? Какой смысл в том, что я буду искать среди них виноватого? Все, что я имею в виду, это следу-

ющее: до тех пор, пока вы будете опираться на других людей, вы не найдете себя. А тот, кто не может найти себя, оказывается несостоятельным для того, чтобы войти в Храм Божий.

Многие друзья спрашивают меня: «Почему вы выступаете против Ганди?»

Какой смысл мне говорить против Ганди хоть что-нибудь? Такой человек как Ганди пришел на землю после тысячи лет отбывания наказания! Но я вижу, как все вы бежите за человеком, а не за его посланиями. Поэтому я вынужден говорить против него так же, как я буду говорить против Будды, против Христа, против Махавиры. Я не только должен выступить против Ганди, но я даже должен быть груб с ним, так как я вижу, что новый идол приобретает форму, и люди карабкаются на него! До того, как старые идолы утратят свою силу и над миром появляются новые и новые — рабство человека становится неуничтожимым. Оставляя Раму, человек хватается за Христа — хватается за Будду, освобождаясь от последнего — находит себе кого-то еще... Он переходит от одного к другому даже иногда и не расставшись с прежним идиолом. Человек упорствует в своем отказе от идола. Человек отказывается отбросить всех идолов для того, чтобы встать на свои ноги и вручить себя Богу.

Мусульманскому факиру однажды приснился сон, что он попал в рай. Люди вообще попадают в рай только во сне, так как реальная действительность сродни аду. Факир увидел толпы людей на райских улицах. Поинтересовавшись, что случилось, он узнал, что сегодня День Рождения Бога. Он благословил свою судьбу: наконец-то его жажда лицезреть Бога будет удовлетворена!!! Он встал на краю дороги вместе с остальными людьми. Они стояли долго... Наконец он увидел важную персону верхом на красивом коне, за которым шествовали тысячи последователей. Факир шепотом спросил своего соседа: «Это — Бог?»

«О нет! — ответил человек, — это Мухаммед». Не успела пройти первая процессия, как показалась следующая. «Это — Бог?» — вновь спросил факир у своего соседа. «Нет, это Рама и его окружение!» — был ответ.

Затем прошли процессии Христа и Кришны, Махавиры и Будды и множества других великолепных пророков со своими свитами. Шествие продолжалось до полуночи, толпа по сторонам дороги немного поредела. «Когда же придет Бог?» — удивился факир. Уже не играли фанфары и не были так многолюдны улицы, наконец ушли все, кроме

него... И тут появился старый человек верхом на лошади. Его не сопровождал никто... Факир с интересом последовал за ним. «Кто ты: едущий в обществе самого себя?» — удивился факир. И тут только его осенило: это, должно быть, и есть Бог! Никто так не одинок, как Бог в огромной Вселенной. Он подошел к старику и спросил: «О, Бог ли ты? И если да, то ответь мне, почему ты так одинок? Ведь все остальные были с толпами последователей!» От этих слов глаза Бога наполнились слезами, и он сказал: «Все люди разделились между теми, кто прошел здесь днем. Никто не остался со мной. Кто-то ушел за Рамой, кто-то ушел за Буддой, кто-то за Кришной и кто-то за Христом или за кем-то еще. И никто не остался со мной, так как только тот может быть со мной, кто не следует ни за кем».

Факир проснулся... Он огляделся и увидел, что находится в своем жилище, лежит на полу... И факир стал ходить по хижинам своих друзей и рассказывать всем и каждому о своем удивительном сне. «Бог одинок! Бог одинок!» — говорил он. «Как это может быть?» — спрашивал он всех. Он спросил меня и я ответил ему: «Твой сон правильный. Нет более одинокого, чем Бог!»

Ни индус не может познать бога, ни мусульманин, ни христианин — они не могут последовать за Ним. Тот, кто есть ничто, кто не имеет на себе эпитетов, кто не следует ни за кем, кто абсолютно одинок — только он один может слиться с «абсолютным одиночеством», которое и есть Бог! Дверь, которая ведет к Богу, открывается в полном одиночестве. Бог никоим образом не связан с толпой. Если мы индусы, то мы часть определенной толпы, если мы последователи Рамы, мы опять — таки часть определенной толпы. то есть мы следуем только за спекуляциями своего сознания. Истина не имеет никакого отношения ко всему этому. И когда я говорю: «Покиньте их всех!», я вовсе не думаю, что Рама — бесполезная личность. Он может быть очень полезен, если мы не цепляемся за него, не хватаемся за его личность. Под словом «покинуть» я понимаю освобождение ваших рук. Ваши руки связаны до тех пор, пока обхватывают чьи-либо ноги. Связанными руками нельзя дотронуться до Бога. Бог достигим только тогда, когда ваши руки свободны!

Я поясню это другой историей. Однажды Рамакришна сел обедать с Ракхамани, его женой, которая обмахивала его веером. Неожиданно он оттолкнул от себя тарелку и убежал из комнаты. Ракхамани послала за ним, прося, чтобы он кончил свою трапезу, но он не желал ничего слышать и

побежал дальше в сад и уже был за пределами калитки, как вдруг остановился и пошел назад. Он вернулся к столу, он выглядел очень печальным. «Что случилось?» — спросил Ракхамани. «Это была замечательная ситуация, — ответил Рамакришна. — Один из моих последователей шел через деревню и люди побили его камнями, кровь текла по его лицу. Толпа окружила его и стала насмехаться и издеваться над ним, а он стоял спокойно и улыбался. Я почувствовал, что он нуждается во мне». «Тогда почему же ты вернулся назад?» — спросила Ракхамани. «Когда я вышел за калитку сада, я почувствовал, что он больше не нуждается во мне. Он поднял камень в свою защиту. До тех пор, пока он был беззащитен, он был абсолютно одинок и он нуждается во мне. Все его внутреннее существо притягивало меня к себе, как магнит, но теперь он более не нуждается в моей защите».

Насколько правдива эта история, я не знаю, да это и не имеет значения, но одно я знаю точно и хочу сказать вам: до тех пор, пока ваши руки заняты чем-нибудь, занят также и ваш ум; до тех пор, пока вы опираетесь на что-нибудь в поисках поддержки, вы не можете надеяться получить помощь от Всевышнего. Помощь от Бога приходит только тогда, когда человек абсолютно беспомощен. Но мы всегда стараемся ухватиться за что-нибудь и полученная нами помощь оказывается ложной. Поэтому я говорю: «Оставьте все!» Я призываю вас быть совершенно беспомощными. Каждый должен отбросить и покинуть всех своих учителей, всех героев и отложить все писания, так как все это связывает вас.

Пожалуйста, не поймите меня неправильно. Мои слова очень легко использовать неверно. Когда я призываю людей отказаться от гуру, от Ганди, люди думают, что я враг Ганди. Но я призываю вас отказаться не только от Ганди, но вообще от всех, за кого вы держитесь. Если я вижу, что кто-то пытается ухватиться за меня, то и ему я скажу, чтобы он бросил меня так же, как и всех остальных. Я прошу вас не быть «правильным», ваши руки должны быть свободны от всего. Прекрасен тот момент, когда человек все отбрасывает в сторону! Все, что встречается в жизни человека потом, все уже лежит за пределами нашего воображения. Тогда впервые Бог входит в его жизнь. Тогда впервые человек слышит поступь Истины. Поэтому я призываю: отбросьте все...

Друг спросил меня: «Если Истина не может быть раскрыта словами, если она не может быть записана в книгах,

тогда что же слова, книги, писания несут в себе, сообщают человечеству?»

Нет пути познания Истины через слова, да и нет необходимости в таком пути. Они необходимы для получения знаний, а не для познания, осознать Истину — это совсем другое. Здесь нет вопроса о передаче информации. Познать Истину, испытать ее — вот в чем вопрос. Где и какое чувство связано с Истиной?

Жил когда-то факир Шейх Фарид. Во время своего паломничества он очутился в Каши, где жил Кабир. Его спутники уговорили его посетить Кабира. «Давай проведем день-два в его ашраме!» — говорили они. «Мы многое получим, слушаю вашу беседу. Это данная Богом возможность, и мы не хотим упускать ее!» — говорили спутники Фариды.

«Ну хорошо, мы посетим Кабира, раз вы так просите, но вот беседы я не могу вам обещать», — отвечал Фарид. Его спутники очень удивлялись, что тот не хочет беседовать с Кабиром. Но он говорил: «Нет никакой нужды разговаривать с Кабиром. Кабир знает и я знаю, о чем же нам говорить?» В то же самое время ученики Кабира уговаривали его встретиться с Фаридом, приводя те же самые доводы о том, что они могут многому научиться от такой встречи и не стоит упускать такой блестящей возможности. «Это все очень трудно будет сделать, — говорил Кабир, — мы встретимся после того, как я позову его, мы заключим друг друга в объятия, мы будем плакать вместе, но вряд ли мы будем говорить». Но обе стороны учеников настаивали, так как не могли поверить в то, что им говорили. Итак, Кабир пригласил Фариду в свой ашрам. В назначенный день Кабир вышел на площадь в деревне, чтобы приветствовать гостя. Двое встретились: они обнялись. Долго они смотрели в глаза друг другу, и слезы текли у них по щекам. Они сели в тени под деревом, их ученики расположились поблизости, чтобы не пропустить ни единого слова из беседы. Но беседы не было... Так прошел день, затем второй, и вот настало время прощаться. Ученики были разочарованы: они надеялись услышать высокую беседу, а эти двое просто сидели друг против друга и смотрели друг на друга и смеялись. После этого они расстались.

Ученики Кабира, так же как и ученики Фариды потребовали объяснения. «Почему вы не говорили?» — требовали они ответа. «Но о чем мы могли говорить? — отвечал Кабир. — То, что познано, не может быть выражено словами! Ничего не осталось невысказанного для того, кто действительно познал.»

Но встает вопрос: почему эти двое не говорили? Истина может быть только познана, а не выражена словами. Но ведь Кабир и Шейх говорили среди своих учеников! О чем же они говорили, если Истина не может быть выражена словами? Они говорили о том, что нельзя раскрыть Истину словами и писаниями, что ее нельзя получить из рук другого человека. Они хотели разрушить представления о том, что Истину нельзя познать, что ее нельзя найти — это верно только в том случае, если вы хотите получить ее от кого-то другого. Если в результате их беседы это может быть понято кем-нибудь из их учеников, то цель их бесед достигнута.

Но мы такие глупые люди, на самом деле, что если человек указывает нам на Луну пальцем, мы немедленно хватаемся за палец и начинаем боготворить его так же, как и Луну. Никакие объяснения не достигнут глухого уха, так как мы не хотим ничего слышать, мы не хотим видеть, что мы за Луну принимаем палец, а Луна-то очень далеко. Мы будем оставаться слепыми, пока не захотим понять, что есть Луна и что есть палец, на нее указующий.

В Японии есть храм, в котором вместо статуи Будды стоит статуя в виде пальца и под ним написаны слова: «Я показывал вам на Луну своим пальцем, а вы обожествили его!»

И мы тоже не делаем ничего, кроме того, что обожествляем пальцы. Слова и писания есть только указатели в направлении того, что не обозначается словами, не описывается писаниями. Однако, мы ведем себя как человек, который идет по дороге и, поравнявшись с верстовым столбом, читает на нем: «Бомбей — 50 миль», после чего садится под ним с полным убеждением того, что он достиг того, к чему стремился. Он отказывается понять, что камень только говорит о том, что сам Бомбей находится в десятках миль отсюда и что ему придется пройти множества столбов до того момента, как он увидит столб с надписью «Бомбей — 0 миль». Тогда только Бомбей будет достигнут действительно. Именно тот верстовой столб и является нужным пунктом назначения, именно те писания, в которых сказано: «Ноль — Ничто», есть подлинные писания подлинной религии. Мы должны идти дальше и дальше, оставляя позади себя все слова, до тех пор пока не останется только пустота. Все слова являются указателями этой пустоты.

Пустота означает размышление; пустота есть *самадхи*. Быть в пустоте — значит оставить все, чтобы стать ничем. После из этого ничто можно достигнуть всего. Пустота есть

дверь в Абсолют. Слова есть барьер к этому — пустота, тишина есть путь к этому. Те, кто останавливается на словах, разбивают свои головы о стены и погибают, но те, кто проходят через пустоту, через ничто, находят путь...

Задумывались ли вы когда-нибудь над фактом, что дверь в ваш дом — это просто часть пустого пространства, в то время как стены — это уже грубые материальные структуры? Дверь, вход куда угодно — является важной частью любого дома. Без нее дом становится бессмыслицей.

Вы наполняете сосуды водой — что наполняет вода? Где она теперь находится? Вода, конечно, заполнила пустоту сосуда. Таким образом, сосуд всегда имеет в себе пустоту. Эта пустота окружена стенками сосуда. Когда вы покупаете горшок на рынке, вы просто покупаете пустое пространство внутри горшка, для того чтобы в дальнейшем хранить в этом пространстве воду, то есть заполнять его водой. Таким образом, пустота горшка является важной составной частью самого горшка. Пустота внутри горшка, пустота пространства двери в доме — все это важнейшие части того, о чем мы говорим, в каждом примере пустота является основой данного предмета.

В уме, заполненном словами, имеются стены, в тиши этих стен имеется дверь. Но мы наполняем наш ум словами, словами и больше ничем, кроме слов, мы думаем, что от этого мы станем мудрее. Мы недостаточно осознаем силу познания. Те, кто «познал», те, кто «знает», имеют дверь в тишину, они сломали стены слов. Человек «знает» только тогда, когда он оставляет слова и никогда не опирается на них. Это очень противоречиво, но парадоксально верно.

Когда Будда достиг просветления, люди спрашивали его, чего же он достиг. Будда отвечал: «Я получил то, что уже имел давно. Я стал обладателем того, что есть у меня внутри». Люди спрашивали: «Но что ты сделал, чтобы получить все то, что есть у тебя внутри?» «До тех пор пока я пытался сделать что-то специально для того, чтобы постичь, я не получал ничего, у меня ничего не получалось. Как только я бросил все свои попытки, все было достигнуто!» — отвечал Будда. «Ты говоришь загадками!» — говорили люди. «До тех пор, пока я пытался сделать что-нибудь, мой ум был беспокойен, так как любая деятельность приводит к возбуждению ума. Как только я прекратил все тщетные попытки, ум приобрел спокойствие и все, что было внутри, нашло выход для себя!» — таков был ответ Будды.

Слова есть суета. До тех пор, пока они крутятся внутри нас, наш ум не находится в полном покое. Как только они

прекращают свое кружение внутри нас, свою суету, как только все стихи Гиты, слова из Корана исчезают, как только внутри нас перестают звучать слова Махавиры или Будды, когда уходит все и воцаряется тишина, внутреннее освобождается и находит выход для осознания нами уже навсегда и никогда уже не утрачивается после этого.

Это есть правда, наше настоящее существование, но как раз именно его-то мы и отрицаем! Мы окутали себя словами и стали напоминать луковицу, где каждый снимаемый слой обнажает следующий и следующий, с свою очередь, открывает еще один и так далее... То же самое и в нашем уме: чешуйка на чешуйке... Начните сдирать одну за другой и продолжайте до тех пор, пока не останется ни одной. Что же тогда останется? Ничего, кроме пустоты! И эта пустота и есть Истина. Истина, которая остается.

Если мы вынесем из нашего дома все вещи: мебель, картины со стен, ковры и прочее, что-то все же останется в доме. Это что-то будет пустота. Эта пустота и есть суть дома. Она есть дом. Но потом мы начинаем наполнять наш дом таким множеством вещей, что в него через короткое время трудно войти!

Ум есть такой же дом, который мы наполняем словами, причем так усердно, что скоро в уме не останется никакого свободного места. Вы когда-нибудь пытались войти внутрь? Если да, то вы должны знать, что первое, на что вы наткнулись, там были слова, кафофония слов, как будто бы вы попали на рынок в воскресенье, где говорят одновременно сотни людей. Теперь, если выбросить все слова, останетесь только вы, потому что вы — это не слова, вы — что-то другое. Вот это что-то, что остается внутри, и есть *атман* — душа. Тот, кто познал душу, познал Истину. Но тот, кто познал свою собственную душу, свое «внутреннее» познал и «внутреннее» всех остальных. Тот, кто однажды увидел Истину, познал ее на собственном опыте, тот видит ее уже во всех вещах всегда.

Поэтому я говорю, что ни слова, ни писания, а только тишина есть дверь к познанию. И хотя трудно покончить со всем ненужным, то, от чего нельзя избавиться никакими средствами, есть наше «Я». То, от чего вы можете отказаться, не может быть нашим «Я», так же как не может быть вашим «Я» то, что можно отнять у вас. К нашему «Я» нельзя ничего добавить. Еще раз повторю: то, что нельзя отнять и к чему нельзя ничего прибавить, и составляет наше внутреннее естество, наше «Я». Другое имя Истины — это ваше внутреннее познанное «Я». Поэтому я

я и призываю вас покончить со всеми словами, писаниями, поэтому я призываю вас отбросить их. Что я могу иметь против книг? Я против человека, наполняющего себя ими, так как такой человек не может владеть теми знаниями, которые уже находятся внутри него; он существует, не осознав свое внутреннее естество.

Жил когда-то японский Мастер по имени Бокуцу. Однажды профессор из университета пришел навестить его. Он был образованный человек, хорошо ориентирующийся в любых писаниях. Он прошел долгий и длительный путь под палящим солнцем, чтобы поговорить с Бокуцу. Он вошел в жилище факира и после уважительного приветствия стер пот со лба и сказал: «Господин! Я пришел к тебе, чтобы от тебя узнать, что такое Истина». Бокуцу в свою очередь обратился к нему с вопросом: «Скажи, какая необходимость была в том, чтобы идти так далеко под палящим солнцем для того, чтобы узнать, что такое Истина?» Бокуцу продолжал говорить: «Если Истина есть на свете, она есть и в вашем доме. Если ее в мире нет, то ее нет и здесь. Что вас заставило прийти ко мне? Разве я давал кому-нибудь обещание раскрывать Истину? Если вы не видите Истину там, где вы находитесь, вы не сможете увидеть ее нигде».

Если слепой пройдет тысячи километров, чтобы спросить у другого человека, где свет, вы ответите ему: «Если у вас есть глаза, свет будет везде, где будете и вы, и не имеет значения, откуда вы пришли. Свет есть там, где вы смотрите открытыми глазами на мир, свет существует тогда, когда есть глаза, у того, кто не имеет глаз, нет возможности увидеть свет, он видит только темноту».

Мастер говорил профессору: «Если у вас самого есть способность увидеть Истину, не было никакой нужды приходить ко мне. Сам факт того, что вы пришли ко мне, свидетельствует о том, что вы не имеете глаз. Что я могу сделать? Я могу только предположить, что знания, которые вы приобрели, ослепили вас. Не существует большого невежества, чем знание очень многого. Ну ладно, все же вы сделали большой путь и очень устали. Я приготовлю чай и после этого мы немного поговорим с вами. Чай снимет вашу усталость и, возможно, тогда мы поставим правильные вопросы перед собой».

«Но как чашка чая может открыть Истину? Я чувствую, что пришел совсем не туда. Это человек сумасшедший, я напрасно потратил столько сил!»—подумал про себя профессор. Так как профессор решил уйти, Бокуцу сказал ему:

«Не расстраивайтесь. Выпейте со мной чаю перед тем, как уйти».

Профессор был очень усталым, поэтому он сел опять. Он уже не надеялся получить ответ на свои вопросы. Что можно ждать от человека, который считает, что питье чая может иметь какое-то отношение к вопросу об Истине?

Мастер принес чай. Он поставил пустую чашку перед профессором и начал наливать в нее чай. Уже наполнилась чашка и чай заполнил блюдце, а он продолжал лить и лить. Когда чай уже начал литься на пол, профессор закричал: «Перестаньте лить! Больше нет места ни для одной капли!»

«Так вы можете видеть, что в вашей чашке больше нет места ни для одной капли? — спросил Мастер. — И вы так же можете видеть, что если я буду лить и дальше, то все прольется на пол?» Профессор был подобен этой чашке, он был наполнен словами, которые вот-вот должны были пролиться через край.

Как человек становится сумасшедшим? Когда много мыслей суетятся в мозгу, их невозможно усвоить и содержать в порядке, тогда эти мысли начинают выплескиваться через край. Тогда человек начинает говорить сам с собой, он идет по дороге и хватается людей за одежду, стараясь заставить их говорить с собой. Он разговаривает во сне, он бесконечно говорит сам с собой. Пока есть поток из слов, будет сумасшествие, будут сумасшедшие.

В какой-то степени мы все сумасшедшие, так как внутри наших голов происходит бесконечный, нескончаемый разговор. Нет отдыха уму. Имеется только различия по уровню сумасшествия между людьми, но качество сумасшествия у всех одинаково, одинакова его причина. Еще немного изменится уровень нашего индивидуального сумасшествия — и его заметят все, мы будем признанными сумасшедшими.

Мы можем провести маленький эксперимент: заприте себя в комнате, имея ручку и бумагу перед собой. Теперь совершенно честно, искренне напишите все, все мысли, которые приходят вам в голову. Потом, когда вы прочтете то, что вы написали, у вас вряд ли найдется смелость показать эту бумагу кому-нибудь, даже самым близким из ваших друзей. Вы сами будете поражены тем, что происходит в вашем уме.

Через десять минут вы осознаете, что ум не повинуется вам. Но каким-то способом мы ухищраемся осуществлять контроль над собой, чтобы как-то жить. Мы безумны и сами же поддерживаем в себе свое безумие, не сопротивля-

емся сомнамбулизму, в котором существуем. Если только слова вырвутся наружу, мы сможем увидеть, в каком состоянии на самом деле находится наш ум.

Дайте человеку выпить вина. Тот, кто совсем недавно высокопарно говорил о Боге, начинает ругать его в самых дурных выражениях. Почему это так? Неужели есть какое-то химическое соединение в алкоголе, которое меняет представление о Боге и тем самым заставляет нас ругать его? На самом деле алкоголь только обнажил ту поверхность, которая уже была внутри нас. Алкоголь разрушил преграды для ее выявления. До того момента защита была прочной — оскорбления гасли внутри в то время как на губах человека было имя Бога, но теперь исчезла преграда и ум смешался настолько, что уже не смог контролировать себя — истина вышла наружу.

Уважаемый человек на самом деле по своим внутренним качествам может быть ужасен. Ум пребывает в хаотических условиях существования при такой скачке мыслей, и это препятствует проникновению Истины в человека. Мы можем видеть, как переполняется чашка, но почему мы не осознаем, что ум переполнен? Мы заняты тем, что накладываем мысль на мысль и все это приводит к тому, что ум становится нездоровым, заболевает и разрушает всякую возможную связь с Истиной.

Если устанавливается связь с Истиной, то все эти мысли должны быть выброшены из головы. Мы должны быть освобождены от суеты слов. Но мы спорим, не соглашаемся с тем, что слова не приводят к познанию. Но как же человеку освободиться от груза слов? Как только мы осознаем, что слова приводят к ложным знаниям, а не к познанию, и только после этого слова могут быть устранены. Уходящие слова приводят к революции, к взрыву внутри — и новый мир входит внутрь, новая дверь открывается в нашем сознании.

Я сейчас сделаю это более понятным, рассказав следующую историю. Умер премьер-министр в одном королевстве. В этой стране был обычай выбирать на этот пост самого мудрого человека. В этот раз кандидатуры были выбраны и посланы в столицу для внесения окончательного решения. Когда они приехали в столицу, все трое волновались как простые студенты, совершенно не представляя себе, что это может быть за последний экзамен. Кого бы они не встречали на своем пути, у всех спрашивали о содержании испытания и безмерно удивлялись, что оказывается, все знали, в чем оно будет заключаться. Король

построил комнату, дверь в которую открывалась без ключа: замок мог быть открыт только после решения математической задачи. Все трое будут заперты в этой комнате, и тот, кто первый найдет решение и выйдет, тот и будет премьер-министром. Двое из избранных были очень взволнованы, а третий ушел в свою комнату и лег спать. Тогда те двое стали думать: «Может быть, он уже знает секрет?» — и побежали в книжный магазин и купили все книги, содержащие самую исчерпывающую информацию о замках, и целую ночь тщательно изучали их. Бедные ребята! Они знали все обо всем, кроме замков! Потому что они были не слесари, не кузнецы, не инженеры, они были политиками. Они были в ужасном положении! Они спрашивали слесарей и математиков, они спрашивали инженеров, они читали всю ночь, так как это был вопрос их будущего, но пользы от одной бессонной ночи так мало!

Наши студенты делают то же самое, совершенно не понимая, что они только утомляют свой ум в тщетных попытках познать все. Причем они учат так много всего, что если спросить к ним на следующее утро: «Сколько будет дважды два?», они начнут колебаться с ответом. Ум знает столько решений, что самое простое из них забыто.

Третий претендент встал утром свежим и отдохнувшим после сна. Он умылся, переоделся и с остальными испытуемыми пошел во дворец. Слухи подтвердились: король повел их в дом, где была комната с замком, открываемым только при применении математической формулы. Король объяснил: «Этот замок открывается только при помощи математической хитрости. Тот, кто первый сможет открыть дверь и выйти отсюда, и будет моим премьер-министром, я буду ждать с другой стороны двери».

Все трое зашли в комнату, и дверь за ними закрылась. Тот, который хорошо спал всю ночь, пошел в угол и сел там с закрытыми глазами. Двое оставшихся стали смеяться над ним, говоря, что замки еще никому не удавалось открыть с помощью закрытых глаз. Они сочли его глупцом и приступили к своей работе. Они открыли свои книги, стали листать их, пытаясь найти что-нибудь подходящее. Пусть сегодняшние студенты не думают что в прошлом люди были простыми и честными. Хитрость и нечестность являются старыми атрибутами человека, они старше, чем Веды. Изменились шпаргалки, но не искусство плутовства.

Как только дверь закрылась — они бросились к книгам, а третий человек так и просидел полчаса в углу комнаты. Затем он тихо подошел к двери. Те двое были слишком

заняты, чтобы заметить его. Когда он подошел к двери, он потрогал замок... Он был открыт! Все, что он должен был сделать — это выйти из комнаты! Тогда в комнату вошел король и объявил, что он избрал себе премьер-министра. «Человек, который должен был выйти — вышел!»—объявил он. На это двое книжников воскликнули: «Как он мог? Он же ничего не сделал!» Король ответил: «А делать ничего не надо. Замок просто висел, он не был закрыт. Я был уверен, что самый умный из вас хотя бы посмотрит, закрыт ли замок на самом деле».

Прежде чем решать проблему, надо сперва точно знать, существует ли она на самом деле? Если да, то ее действительно надо решать, а если нет, то как же она может быть решена? Первое, что сделал этот человек, так это проверил, существует ли проблема или это кажется только кажется ему. Такая постановка вопроса открывает нам действительно умного человека.

Затем стали расспрашивать нового премьер-министра о том, как он пришел к заключению, что дверь не заперта. Он ответил: «Я не делал ничего, так как я точно знал, что и сделать ничего не смогу, если не знаю специальной математической команды. Все, что я знал, не могло на самом деле мне помочь в представшей передо мной проблеме. Так как все мои знания были бесполезны, я сказал самому себе: что мне делать? Тогда мне пришло в голову, что мне следует забыть о всех своих знаниях, сесть где-нибудь в тишине и подождать, чтобы ответ сам пришел ко мне в голову.

Я знал, что чем больше я буду напрягать свои мозги, тем более беспомощным я буду и тем труднее мне будет решить поставленную задачу. Вопрос новый, но все мои ответы очень старые. Тогда я решил отбросить все старые ответы и стал ждать, не придет ли изнутри меня какое-нибудь указание, что же делать. И я достиг полной тишины внутри себя. Тогда внутренний голос подсказал мне, что я должен подойти к двери и осмотреть ее — а заперт ли замок. Я встал и подошел к двери... замок действительно был не заперт!!! Мне ничего не надо было делать, чтобы выйти отсюда. Когда я оставил все поиски для решения задачи, ответ пришел сам, это был ответ Бога! Вы были заняты поисками ответа и, этим не давали себе возможности получить ответ от Бога. Я оставил все и просто ждал, что же будет, и тогда я получил ответ!» Если кто-то ждет ответа искренне, он должен заглушить, ликвидировать всякий шум и суету внутри себя, так как до тех пор, пока они существуют, вы ничего не сможете услышать.

Те, кто услышал голос Бога — это те люди, которые освободились от своего собственного голоса. Те, кто познал Истину, Бога, это люди, которые освободились от своих ненужных знаний и прислушались к своему внутреннему знанию. Тот, кто открыл книгу Бога, тот закрывает книгу, написанную людьми: тот, кто следует за другими людьми, за авторитетом своего кумира, тот не сможет никогда поднять свои глаза к Богу.

Дверь Бога находится в тишине, в пустоте, в спокойствии... И это все существует внутри нас. Возможно, в нашу дверь и стучатся с другой стороны и тишина, и спокойствие, но мы ничего не слышим. Мы настолько заняты своими собственными мыслями, что не обращаем внимания на их тихий голос. Мы так вовлечены в бесконечную болтовню внутри нас, что совершенно невозможно перебить нас. Поэтому я повторяю опять и опять: «Оставьте слова и станьте бессловесными!» Попробуйте сделать это хоть раз, и вы увидите, что произойдет. Слишком долго вы купались в словах. Побудьте в тишине и посмотрите, что получится из этого. Существование в состоянии «бессловесности» есть то, что я называю *медитацией*.

Я в нескольких словах объясняю, что такое *медитация*. После этого мы проведем в медитации десять минут, а потом уже половину дня. Что бы я ни говорил, может быть совершенно неусвоено вами, но, возможно, мои слова упадут вам в душу и там пробудят хоть что-нибудь. Побудьте в состоянии внутренней тишины — и вы увидите. Вспомните о том человеке, который решал задачу короля, сидя в комнате с закрытыми глазами для того, чтобы обрести внутреннее спокойствие. Что сделал этот человек потом? Он просто вошел в тишину внутри себя, освободившись от пустых мыслей. Когда внутренняя тишина стала полной, ответ пришел. Это был добытый ответ, ответ, не сочиненный им самими. Это был ответ, данный Богом. Мы тоже будем стараться быть внутренне спокойными в течение десяти минут. Только сначала это может показаться трудным, ведь мы никогда не пробовали. Но то, что никогда не делалось раньше, может быть сделано сегодня. То, что не может еще быть сделано сегодня, может быть сделано завтра, так как возможности, имеющиеся у нас, никуда не исчезают, они предопределены в нас нашей природой. После небольшого усилия возможности становятся реальностью.

Что мы будем делать в эти десять минут? Смотреть вокруг — ночь наполнена тишиной. Деревья и ветер, звезды

и Луна — все находится в единении с тишиной. Идите сюда, давайте сольемся с ними в тишине. Это будет непросто, так как калейдоскоп слов будет сопротивляться, мысли все равно будут стараться пробиться: «Когда кончатся эти десять минут?» Вам захочется открыть глаза и посмотреть, что делают другие, сидящие рядом с вами. Поверхностный, пустяковый и мутный ум будет упускать драгоценные возможности получить тишину. Но он может стать успокоенным, если мы будем упорны в наших попытках и не будем отступать при первых неудачах.

Что мы будем делать, чтобы быть спокойным? Если только один путь, только один и никакого другого пути нет! Это путь, в результате которого вы становитесь просто «человеком-свидетелем». Тот, кто десять минут может сидеть в состоянии «простого свидетельствования», может познать спокойствие и тишину. Факт состоит в том, что вокруг нас имеется непроглядная ночь, вокруг нас толпятся какие-то люди. Может закричать ребенок, может запеть птица, может проехать машина под вашими окнами, может зашелестеть листьями, что-то все время будет беспокоить и отвлекать вас.

Если вы хотя бы на десять минут решите быть простым свидетелем, простым наблюдателем, человеком, смотрящим на все со стороны, если вы скажете себе: «Я буду только наблюдать, спокойно, просто существовать и приобретать опыт из всего, что вижу перед собой, но при этом не буду делать никаких попыток участвовать в чем-либо, буду делать это так, как человек смотрит на реку, катящую свои воды вперед, или на облака, плывущие в небе, как смотрят на стаю птиц, возвращающихся на свои гнезда! Как человек, смотрящий на снующий перед ним рынок с его покупателями и продавцами, при этом сам он находится где-то высоко над мирской толпой. Но затем он начинает ощущать, как спокойствие и тишина начинают проникать в него, слова начинают покидать его ум». Таким образом, наша задача сводится только к тому, чтобы десять минут находиться в состоянии наблюдателя. Есть два маленьких правила для проведения этого эксперимента.

Первое: совершенно расслабьте тело, расслабьте его так, как будто оно стало безжизненным; не должно быть никакого напряжения ни в какой части вашего тела.

Второе: закройте глаза, закройте их, просто опустив веки, без всякого напряжения.

Следует выключить все светильники, достаточно, если это необходимо, света Луны, в этом освещении надо сесть

или лечь с закрытыми глазами, всего на десять минут, в состоянии постороннего наблюдателя. Вы не должны делать ничего, велите себя так же, как вы ведете себя в кино. Мы будем слышать все, что происходит в наших ушах, мы будем наблюдать то, что мы называем мыслями внутри нас. Мы будем наблюдать все то, что происходит внутри нас, чтобы там ни происходило.

Десять минут такого наблюдения — и мы будем поражены тем миром и тишиной, которые пробудятся внутри нас. Если наше «внутреннее» станет спокойным и пустым хотя бы на один миг, будет сделан первый шаг в совершенно новом мире.

Если кто-нибудь найдет это интересным для себя, поймет, что сможет получить хоть что-нибудь от этого, поймет, что сможет этого состояния достигнуть, тогда надо тренировать себя каждый вечер по десять минут перед тем, как идти спать. Такая десятиминутная тренировка каждый день открывает дверь в новый мир, дверь внутрь, и уже через три месяца вы увидите намеки на совершенно новый и прекрасный мир. Каждый познакомится с совершенно новым человеком внутри себя, с которым никогда не был знаком раньше.

От основ -
к Истине

От основ — к истине

27 февраля 1969 года

Я был в горах, где крыши храмов блестят в лучах утреннего солнца. Наблюдая перед собой эту картину, я вдруг понял, что и душа моя имеет такие же горные пики, на которых тоже построены храмы. Эти храмы сияют ярче, чем солнце, так как Божественный свет более яркий и интенсивный, чем свет солнца. Но так уж мы устроены: мы теряем себя в храмах внешней жизни и даже не представляем себе, что внутри нас тоже есть храмы... Мы всю жизнь лезем на вершины самых разных гор, мы не представляем себе, какие высоты собственного сознания скрыты в нас самих. Но так же как и горные вершины имеют свои тропы, есть тропы и в сферах нашего сознания.

Конечно, между этими путями имеется существенная разница. В сфере сознания за нами не остается никаких следов. Птица, которая летит по небу, не оставляет за собой следа, но каждая птица летит своим путем, так же и на пути к Истине нельзя увидеть проторенных путей, избитых дорог. Каждый должен найти свой путь, который обретает очертания по мере того, как человек движется вперед. Нет определенного направления, которого следует придерживаться. Если бы путь был проложен, все, что нам оставалось бы сделать, это следовать этим путем и в конце концов добраться до вершины. По мере того как человек идет — каждый своим путем — его следы исчезают навсегда, они не могут быть увидены никем другим... Несмотря на то, что каждый должен идти своим путем, можно все же дать определенные намеки для того, чтобы найти верный путь. В данной беседе мы будем говорить именно об этом. Мы уже обсудили два правила и сегодня поговорим о третьем. Третье правило несколько напоминает символ. Первое, что необходимо принять для усвоения третьего правила, это то, что жизнь в том виде, в котором она понимается нами — нереальна. До тех пор, пока мы будем считать нашу жизнь реальной, наши глаза никогда не повернутся в сторону Истины.

Тот, кто хочет встать на путь Истины, должен знать, что жизнь — не более, чем сон. Это первое условие, после усвоения которого вы можете двигаться дальше. Длинное путешествие от рождения к смерти — реальность ли это или сон? Мы совсем не задумываемся об этом. Когда мы

спим ночью, сон действительно приходит к нам, но во сне нам никогда не приходит в голову, что то, что мы испытываем во сне, не существует. Сновидения кажутся совершенно реальными. Сколько снов мы видели? Всю жизнь мы видим сны, но никогда нереальность снов не была осознана нами. Их ложность никогда не осознавалась нами. Те, кто были разбужены для Великой Истины, утверждают, что мир, видимый нами открытыми глазами, есть не что иное, как сон.

У одного короля был единственный сын, который лежал на смертном одре. Доктора лишили родителей всякой надежды на выздоровление принца — смерть уже была совсем близко, она могла прийти даже сегодня ночью. Король и королева сидели в изголовьи умирающего. Изможденный король к утру задремал на своем стуле. Во сне он забыл о своем бедном сыне, о королевстве, богатом дворце. Ему снился сон... У него больше не было забот... ему снилось, что он — повелитель всего мира, что он владелец дворца из золота и драгоценных камней, у него есть двенадцать сыновей, красивых, пышущих здоровьем. И наш король не мог быть более счастливым, чем он был на самом деле во сне. Но вот, совершенно неожиданно все кончилось! Все его двенадцать сыновей погибли в одно мгновение! Королева стала причитать и от этого король проснулся: исчезло все, что было у него во сне. Не было больше королевства на полмира, большого дворца, не было сыновей... Все исчезло...

Король увидел, как промчалась ночь, уступив место утру, что королева сидит и горько плачет, но в его собственных глазах не было слез. И тогда король засмеялся! Королева была поражена: «Твой сын умер, а ты смеешься!» — заплакала она. «Я смеюсь не случайно, — ответил король. Секунду назад у меня было двенадцать сыновей, золотой дворец, бескрайнее королевство. Но твой плач уничтожил все это! И этот единственный сын, о чьем существовании я забыл во сне, теперь тоже умер. Пока существовали те двенадцать, я не помнил об этом моем сыне, но теперь, когда я вижу этого одного — нет тех двенадцати, они потеряны для меня. Так о ком же мне плакать? И мне в голову пришла мысль: возможно, и те и этот принадлежат к миру снов? Один сон я видел с открытыми глазами, а другой сон — с закрытыми? Но каждый сон забывался, переставал существовать, когда мне снился другой».

Существуют сны, которые мы видим с открытыми глазами, и существуют сны, которые мы видим с закрытыми глазами. В обоих случаях это только сны!

Чжуан-Цзы был китайским Мастером. Его всегда видели веселым, никто не мог сказать, что видел его грустным. Однажды, придя к нему в дом, друзья увидели, что он сидит очень грустный на полу в своей комнате. Они были удивлены: «Мы всегда видим тебя смеющимся, независимо от того, что происходит вокруг. Но что же произошло сегодня? Чжуан-Цзы ответил: »Есть проблема, которую я не могу решить...» «Но раньше не было ни одной проблемы, которой ты не мог бы решить для нас! Это какая-то удивительная проблема, которая беспокоит такого человека, как ты! — сказали его друзья. — Расскажи нам, в чем она заключается». И он рассказал им следующее: «Я не смог решить вот такую проблему, но боюсь, что вы тоже не сможете ее решить, я чувствую, что вообще никогда не смогу найти правильного решения! Так слушайте: прошлой ночью мне приснилось, что я бабочка, летающая в саду. Я увидел себя порхающим с цветка на цветок...». «Ну и что же из этого? В этом нет ничего необычного, человек во сне принимает любые образы!» «Это все правильно, — продолжал Чжуан-Цзы, — но когда я встал утром, эта проблема и появилась! Передо мной встал вопрос: если человек, которого зовут Чжуан-Цзы, во сне может быть бабочкой, то, может быть, сейчас бабочка спит и ей снится, что она человек по имени Чжуан-Цзы? Я не могу найти себе места с утра! Если человек во сне может быть бабочкой, то и бабочка во сне может быть человеком. И теперь я не могу решить: человек я, которому снится, что он бабочка, или я бабочка, которой снится, что он человек. Кто может дать ответ на этот вопрос?»

Чжуан-Цзы совершенно прав. Все, что мы видим а окружающем нас мире — это сон, так как этот мир исчезает, как только мы закрываем глаза. Мы можем переноситься в любые миры, если только закроем глаза. Миры, в которые мы переносимся, не имеют большей ценности, чем мир, окружающий нас при открытых глазах.

Вы уже прожили часть своей жизни, кто-то прожил пятнадцать лет, кто-то пятьдесят. Если теперь вы оглянетесь назад, то прошлое покажется вам не больше, чем сон. Иногда с трудом верится, что эти события имели место. Так тогда в чем же разница? Оглянитесь назад; заслуженное уважение, общественное положение, которое вы завоевали — все это действительно происходило или это только сон? В момент прихода смерти — какая разница, у кого была реальная жизнь, а у кого нет. Сколько людей жило на земле до нас? Никто не знает, сколько людей лежит в земле под на-

шими ногами. Весь мир — это большое кладбище, на котором и сегодня умирают миллионы и миллионы людей. Но какая разница для нас сегодня, жили они или нет когда-нибудь? Когда они существовали, их жизнь тоже казалась им вполне реальной. Но что сегодня осталось от них и их жизней? Все превратилось в пыль. Через тысячу лет другие люди будут ходить по нашему пеплу... Сегодня мы сидим здесь и разговариваем, а завтра — исчезнем. Такова жизнь, которая неумолимо превращает в пыль все, что мы воспринимаем как реальность? Как вы думаете?

Тот же Чжуан-Цзы однажды проходил по деревне. Это было темной ночью. Он вышел из деревни и шел по кладбищу, и тут его нога за что-то зацепилась — это был чей-то череп. Если бы на его месте был другой человек, он бы просто поддал ногой несчастный череп и продолжал бы свой путь. Но Чжуан-Цзы нагнулся и поднял череп, прижал его к своему лбу и тихо обратился к нему: «О, прости меня, пожалуйста! Ночь темна и я не видел тебя! Это моя вина, я молю тебя о прощении». Чжуан-Цзы просил извинения у черепа, у черепа, который когда-то был человеческой головой, но сейчас никто даже не знал, как давно умер этот человек. Друзья Чжуан-Цзы были поражены! «Что бы делаешь? спросили они. — Ты сошел с ума? У кого ты молишь о прощении!?» «Это только вопрос времени, — ответил он, — если бы этот человек был жив сейчас, я должен бы просить прощения у него». «Но его нет в живых!» «О, вы не знаете, что это кладбище — кладбище богатых людей! Богатые люди отличаются от бедных не только образом жизни, а и своими кладбищами. Даже в смерти они отстают от всех на определенной дистанции, это я имею в виду». «Но ведь его больше нет...» «Извините меня, но я должен взять этот череп с собой», — ответил Чжуан-Цзы.

Он стал носить череп с собой повсюду. Каждое утро, как только он вставал, он опускался на колени перед ним и молил о прощении. Его друзья тщетно пытались отучить его от этого, они думали, что он сошел с ума. Один раз они еще могли как-то понять его просьбы о прощении у черепа, но ежедневный ритуал явно свидетельствовал о неблагоприятии ума! На их протесты он спокойно отвечал: «У меня есть свои основания делать это. Но одно из первых, это то, что этот череп принадлежал очень большому человеку!»

Чжуан-Цзы смеялся над ними, таким способом он хотел показать, что любой череп превращается в конце концов в пыль, независимо от того, принадлежит он бедному или богатому человеку. Пыль не делает никаких различий для

них. Большой ли, малый ли, великий или ничтожный — это всего лишь сон, для вечности нет никакого значения, для пыли никакой разницы, в снах величия нет ни одного зерна правды, все величие — просто сон.

Чжуан-Цзы объяснял своим друзьям: «Я ношу этот череп с собой и он постоянно напоминает мне о моем собственном черепе, который скоро тоже, пусть не сегодня, но будет лежать на каком-нибудь кладбище. И его тоже может задеть нога случайного прохожего и с этим уже я ничего не смогу поделать. Но если это неизбежно происходит со всеми, то зачем сердиться вообще, если чья-нибудь нога дотронется до вашей головы?»

Те, кто «знает», говорят, что то, что должно быть — уже есть. Если жизнь должна быть прекращена, она уже прекращена. Если она должна превратиться в пыль — она уже есть пыль. Жизнь сон, короткий сон, но сон, который кажется реальностью.

Если мы заглянем глубже, то обнаружим, что исчезает все—абсолютно все превращается в пыль. Так какой же смысл принимать всерьез ту реальность, которая превращается в пыль? Мы должны защищать себя, говоря: «Сон продолжается несколько минут, а жизнь тянется несколько лет!» Если мы проникнем еще глубже, то обнаружим, что по сравнению со Вселенной сотня лет совершенно неопределенно малое время. Земля существует всего лишь четыре тысячи миллионов лет, всего лишь шесть миллиардов лет светит наше Солнце, а Солнце считается относительно новым светилом во Вселенной. Во Вселенной существуют звезды, возраст которых просто даже трудно определить. Так много это или мало, сто лет жизни на Земле — ничтожно мало. Проходит сто лет, а Луна и Солнце практически не меняются за это время. Для них не более, чем «тик» на часах. Для них это — лишь мгновение.

Умер один скряга. Всю свою жизнь он откладывал каждую монетку, которую только получал. Перед тем, как он умер, в одной из книг он прочел, что в раю монетка меньшего достоинства стоит больше, чем миллион рупий. Когда он умер, он очень хотел в раю получить хотя бы одну райскую монетку. Как только он открыл глаза на том свете, он бросился искать такую денежку. Тогда служитель рая спросил его, что он делает. «Я ищу монетку. Мне говорили, что райская монета стоит больше миллиона.» «Да, это так, — ответили ему, — но ты подожди один момент, и мы тебе тоже дадим такую монетку.»

Человек страшно обрадовался: сейчас ему дадут такую

ценную монетку! Ему казалось, что он моргнет — и этот момент пройдет, и деньги будут у него в руке! Но «момент» перешел в часы, часы — в дни, а дни стали соединяться в годы, но никакого намека на то, что ему сейчас дадут долгожданную монетку. В гневе он закричал: «Когда же кончится ваш момент?» И был ответ: «Разве ты не знаешь, что там, где одна монетка стоит миллион, один момент состоит из миллионов лет. Подожди одно мгновение и ты все получишь...»

Шкала вечности очень продолжительна. Что может значить для такой шкалы сто лет? Да и как определить, где предел такой шкалы, если мы с большим трудом можем определить, где берет свое начало время? Как мы можем определить, где конец шкалы времени, не зная его точного начала?..

Рассказывают следующую историю Бертрана Рассела. Одному священнику ночью приснился сон, что он дошел до дверей дома Бога. Но дверь была заперта и была такой большой, то он даже не мог понять, где эта дверь начинается и где кончается. Он старался изо всех сил определить ее размеры, но ему удавалось все время увидеть только часть двери и никак целиком. Тогда он стал стучать в эту дверь, но какой силы мог получить звук от его столь маленькой руки по сравнению со столь массивной и тяжелой дверью. В тишине вообще ничего не было слышно! Он стал стучать еще сильнее, но результат был прежний. Он почувствовал себя очень несчастным, так как был уверен, что Бог примет его с распростертыми объятиями: разве он не служил верно ему всю жизнь? Но на самом деле дверь была заперта и не было никаких шансов на то, что ему удастся достучаться до кого-нибудь. Однако, через некоторое время сбоку от двери отворилось небольшое окно и кто-то выглянул наружу. Священник очень испугался того, что он увидел: на него смотрели глаза в тысячу раз ярче, чем солнце. В испуге он воскликнул: «О, Боже, я узрел тебя и этого довольно! Закрой окно и поговори со мной, потому что я не могу смотреть в твои глаза». Но голос за окном ответил: «Я не Бог, я поставлен здесь охранником, но кто есть ты? Я даже не могу тебя разглядеть. Такое маленькое существо, откуда ты идешь?» Для стражника ворот рая даже тысячи глаз не могли бы помочь разглядеть священника, так мал он был! Бедный падре почувствовал себя страшно несчастным. «Я был уверен, что это сам Бог, а это только его слуга, — сказал он сам себе. — Неужели ты даже не знал, что я приду?» На это

стражник ответил, что он впервые за свое существование и службу здесь видит нечто подобное. «Откуда ты взялся?»—спросил он. Священник ответил, что он пришел с Земли. «Я никогда не слышал этого названия, — ответил страж. Где эта твоя Земля находится?» Сердце священника упало, он почти не мог дышать: если стражник не знает ничего о Земле, то, может быть, он и не знает ничего о Христианской церкви и католичестве, а значит и о маленькой церкви в его деревне. Значит, Бог даже и не знает о нем, священнике этой церкви,

И тогда он решил объяснить все стражу: «Существует Солнечная система и одна из планет, в нее входящих, — это Земля». «Ты имеешь представление о числе планет и солнц в мире? О каком солнце ты говоришь? Какой у него номер и индекс? Если ты назовешь мне номер своего солнца, тогда мы еще как-то сможем отыскать твою планету». «Номер?.. Но нам известно только одно Солнце!» «Тогда твое дело плохо. Ну ладно, я попробую отыскать твое место жительства». Все, что услышал священник, так поразило его, что он проснулся в шоке. Впервые в жизни он понял, что Земля вообще никакого отношения не имеет ко всей безбрежной Вселенной.

На самом деле Земля — очень небольшая планета, кажется огромной только нам. Само Солнце — в шестьдесят раз больше Земли, но для Галактики и оно — лишь маленькая песчинка. Многие звезды значительно больше Солнца. Они лишь кажутся нам маленькими из-за расстояния, нас разделяющего. Для того, чтобы достичь Земли, лучу Солнца требуется около десяти минут, и это несмотря на то, что они движутся со скоростью сто восемьдесят шесть тысяч миль в секунду. Солнце далеко, но не настолько далеко, если мы знаем, что следующая звезда располагается на расстоянии, требующем четырех лет для того, чтобы свет от нее достиг Земли. И свет от подобных звезд имеет скорость, равную скорости солнечных лучей. Но имеются и еще, и еще более далекие звезды, свет от которых идет к нам тысячи лет... Существуют звезды, которые родились за четыре миллиарда лет до Земли, а их свет еще не достиг нашей планеты. И ученые говорят, что еще существуют звезды, свет от которых никогда не достигнет Земли.

Где место Земли в таком космическом пространстве? И где находимся мы сами в огромной Вселенной, мы — маленькие пылинки по сравнению с миром? Но мы награждаем себя огромной ценностью, но чем больше мы оцениваем себя, тем более беспомощными и беззащитными

ми становимся. И чем больше мы страдаем от своей ничтожности, тем труднее нам постичь Истину.

Тот, кто не сравнивает себя со всем миром, тот только и может иметь в душе мир, тот только и может постичь Истину. Первое, что следует усвоить, это то, что жизнь, которую мы ведем, совершенно нереальна. Относитесь к ней с не большей серьезностью, чем ко сну. С того момента, как вы начнете воспринимать жизнь как сон, ваш ум станет спокойным. До этих пор мы не будем в состоянии даже понять самые простые вещи. Но более того, реальными мы считаем даже наши сны и ставим в зависимость от них поступки и рассуждения. Во сне человек видит привидение и просыпается с сердцебиением в испуге. Его дыхание прерывисто, сон нарушен, но ведь это только сон, а сердце бьется сильнее совершенно реально. Мы так устроены, что воспринимаем реально даже театральное представление. Посмотрите в зал кинотеатра, и вы увидите множество людей, вытирающих глаза. Но ведь на экране не самом деле нет ничего, кроме игры света и тени. Даже зная, как все это делается, мы все равно переживаем определенные сцены. Драма становится для нас реальностью — подумайте над этим. Первое правило призывает вас к тому, чтобы вы воспринимали как игру то, что считаете реальностью в жизни, то есть саму жизнь.

В Бенгалии жил величайший мыслитель Интваршандра Вадьсагар. Однажды он пошел в театр. В пьесе герой преследует героиню. И вот герой проникает в спальню к бедной женщине и вот-вот ее задушит. И тут Иштваршандра выскочил на сцену и стал бить актера снятым ботинком — он совершенно забыл, что находится в театре и смотрит пьесу. Все были поражены, но актер, играющий героя, прижал ботинок к груди и обратился к аудитории: «Никогда мне не выпадало такой чести. Никогда не мог подумать, что даже такой великий мыслитель, как Вадьсагар, может быть захвачен моей игрой! Это самая большая награда, какую только я получал в жизни! Я буду вечно хранить этот башмак».

Философ был поражен. Он понуро сел на свое место. Позже он рассказал: «Спектакль был настолько реален, что я забыл, что это всего лишь театральная драма».

Если представление кажется реальным, то человек возбуждается, а если жизнь становится представлением, то человек остается спокойным. Какая необходимость в том, чтобы переживать из-за сна? Поэтому, если приходит нищета, то это сон, так же как и богатство — тоже сон. Болезнь и здоровье, слава и неизвестность — все это лишь сны. Если

это будет осознано нами, то ум становится спокойным и свободным. Истина скрыта от нас нашим напряжением.

Молодой монах остановился в маленькой японской деревушке. Он был красивым человеком, еще больше известным своей мудростью. В деревушке его все очень уважали. Но вот, в один прекрасный день вся деревушка повернулась против него. Они напали на его убежище и разнесли его на куски, а все вещи сожгли на костре. Когда же он спросил их, за что они так обращаются с ним, они бросили ему на руки ребенка и сказали: «И ты еще спрашиваешь, почему? Да вот почему! Мать этого ребенка говорит, что ты его отец! С нашей стороны было большой ошибкой позволить тебе останавливаться здесь! Ты большой любитель вольностей! Мы и не могли подозревать ничего подобного! Бери этого ребенка, он твой». «Неужели это так, — спросил факир и сразу же стал успокаивать ребенка, — но если вы говорите, что это так, значит, это так». Люди выпустили на воздух свое первое негодование и разошлись по домам.

Днем монах взял ребенка на руки и пошел по деревне просить милостыню. Он шел от дома к дому и маленький ребенок кричал от голода. Никогда еще в жизни ему не приходилось добывать себе пищу таким способом! Куда бы он не стучался, везде двери захлопывались перед его носом. Люди окружили его и стали издеваться и бросать камни в него. Но монах продолжал идти от одного дома к другому, пытаясь защитить ребенка от побоев. Наконец, он дошел до дверей дома матери ребенка. «Во имя Будды, дай немного молока этому маленькому голодному существу. Мне самому не надо ничего, я не жалею. Может быть, есть моя вина, но в чем виноват он?»

Толпа стояла перед дверью, глядя на происходящее с любопытством. Девушка слышала все это и ее сердце наполнилось глубокой скорбью и сожалением. Она бросилась в ноги к своему отцу и призналась в содеянном преступлении. Для того, чтобы спасти своего любовника, она назвала монаха отцом ребенка, которого на самом деле она ни разу в жизни и не видела. Она думала, что крестьяне только поругают монаха, ей даже не приходило в голову, что все может так скверно обернуться. Она молила у отца прощения! Ее отец был поражен. Он выбежал из дома и бросился в ноги к монаху, умоляя его простить его. Он взял ребенка у монаха. Тогда монах спросил, что же случилось. Отец женщины, прерывая рыдания, сказал: «Мы все совершили большой грех! Я умоляю тебя простить нас! Этот

ребенок не твой!» На это монах сказал: «Неужели это так? Ведь только сегодня утром вы все утверждали, что он мой, а теперь так же уверенно говорите, что ребенок не мой. Так он действительно не мой?» Собравшиеся вокруг него люди стали говорить: «Что за глупость получается, если ребенок не твой, то почему ты не сказал об этом раньше?» «Какое это имеет значение, — сказал монах. — В этом мире снов неужели имеет значение, мой этот ребенок или нет. Он ведь должен быть чьим-нибудь. Утром вы все пришли ко мне и так уверенно сказали, что он мой, что я не стал отрицать этого, так как для меня это не имеет никакого значения. Вы уже разрушили жилище одного человека и сожгли его скarb, а если бы я стал отрицать отцовство, то вы бы разрушили еще чей-нибудь дом и побили бы еще одного человека. Но что бы это изменило?» «Но ты не заботишься о своей чести, репутации?» — закричали люди. «В тот день, когда я понял, что жизнь есть не более чем сон, все стало совершенно одинаковым для меня: честь и бесчестье — для меня это одно и то же. Какая разница, если все это сон? Это имело бы значение, если бы было иначе!»

Наполеон проиграл войну и был сослан на остров святой Елены. Великий император, который никогда не знал поражений, теперь был схвачен врагами и содержался как пленник на маленьком острове. Однажды он пошел гулять со своим доктором. Они шли по краю поля, а навстречу им шла крестьянка. Доктор крикнул ей, чтобы она уступила дорогу Наполеону, но тот удержал его, сказал: «Те дни прошли, мой друг, когда люди уступали дорогу великому Наполеону. Теперь моя очередь уступать дорогу даже простой крестьянке».

Наполеон был мудр. Он был одинаков, как в поражениях, так и в победах, сознавая, как изменчива может быть жизнь. Как только вы начинаете понимать реальность как сон, ваш ум освобождается. Так где же тогда лежит разница между поражением и победой? Победа, поражение, честь и бесчестье, жизнь и смерть — все это одно и то же. Этот мир — след и проявление Истины.

Через достижение спокойствия человек достигает Истины. Но только те могут ступить на этот путь, для кого жизнь представляется не больше, чем сон. Те, кто считает по-прежнему, что жизнь единственно реальна, тот никогда не сможет постичь Истины. Это первое. Второе — как же человек, для которого жизнь есть сон, — живет? Какими правилами он руководствуется? Что мы делаем со снами?

Мы просто смотрим их — и больше ничего! Мы ничего не можем сделать с ними. Таким образом, человек, для которого жизнь — сон, становится просто наблюдателем, свидетелем. Он просто наблюдает жизнь. Он относится к ней как к тому, что можно только наблюдать.

Сны представляют собой наши самые пылкие желания, в то время как «свидетельствование жизни» — это развитие! Сны основа, но само строение — это свидетельствование. Для того, чтобы понять, что жизнь не более чем сон, надо стать наблюдателем. Как только человек становится не более чем наблюдателем, внутри него происходит революция. Это — духовная революция, которая не может произойти благодаря чтению различных манускриптов или повторения чужих слов. Тот, кто живет верно, тот получает возможность забраться на самые высокие пики человеческого сознания, откуда Истина видна лучше всего.

Поэтому второе правило звучит так: будьте свидетелем—очевидцем жизни, станьте наблюдателем жизни, как будто бы человек находится на сцене жизни и мы просто смотрим его в представлении.

Попробуйте делать так и посмотрите, что будет. Жизнь будет совсем иной. Постановите для себя, что с утра и до вечера, например, вы будете практиковать подобное наблюдение за жизнью, будете не более чем наблюдателем-свидетелем. Жизнь будет для вас историей на экране. И уже в первый день что-то новое начнет происходить в вас. После подобного эксперимента вы уже никогда не сможете быть прежним — вы уже станете другой личностью.

Начните этот эксперимент прямо сегодня. Когда вы придете домой и ваша жена или муж начнут вас обвинять в позднему приходе — станьте просто сторонним наблюдателем происходящего события. Всего один день подобного наблюдения — и вы станете другим! День — это очень длинный отрезок времени. Всего лишь даже один час подобного наблюдения за жизнью — и вы увидите, как жизнь поворачивается к вам совсем иной стороной. То, что вы будете наблюдать всего один час, заставит вас удивиться. Всего один час — и вся ваша внутренняя схема будет изменена. Это приведет к формированию новых областей в сознании и позволит ему распространиться еще дальше. Наблюдайте только один час — все, что предстанет перед вами, наблюдайте это как игру, спектакль и посмотрите, что будет. Вы будете смеяться и смех будет внутри вас, давая замечательное просветление и освежение вашему существу. То, что вчера еще непосильным и неприятным

грузом давило на ваш ум, сознание и эмоции, что вызывало бурю негодования внутри вас — сегодня стало совершенно иным. Простое наблюдение привело к тому, что спокойствие как капли воды, неуклонно падающие на разгорающийся пожар, постепенно тушат его... Но на самом деле все останется по-прежнему, изменитесь только вы сами! Вообще, меняются только люди: когда меняется человек, меняется и все вокруг него.

Итак, первая аксиома: жизнь есть сон.

Вторая: живи как свидетель, наблюдатель этого сна.

Очень трудно объяснить, что же происходит с человеком, который живет как наблюдатель — свидетель. Нужно самому попробовать жить так, чтобы понять, что это такое. Это можно узнать только на собственном опыте, так возьмите и попробуйте. Отбросьте идею обязательного посещения храма, так как жизнь ваша сама станет храмом, как только вы начнете правильно относиться к ней и наблюдать ее. Отбросьте идею обязательного паломничества в Гималаи для познания Истины, ваша жизнь сама станет паломничеством, как только вы пробудитесь для наблюдения жизни. Как только начнется наблюдение, в этот самый момент ваша жизнь станет священным крестом, это будет уникальным экспериментом.

Сократ должен был умереть. Его палачи готовили для него яд. Сократ возлежал на кровати, а вокруг него сидели его почитатели и ученики. Они оплакивали его. «Что вы плачете?» — спросил Сократ. «Но что еще мы можем делать? Ты вот—вот умрешь и мы наполнены горем!» — отвечали ученики. «О, мои дорогие, глупые люди! — сказал Сократ. — Вам следовало начинать плакать в день моего рождения, так как жизнь есть не что иное, как медленное умирание. Смерть начинается с началом жизни и продолжается всю жизнь. Так что теперь плакать просто поздно».

Конец любой истории начинает приближаться как только начинается сама история. Конец любого повествования скрыт в его начале.

«То, что мы умрем, было ясно в день нашего рождения,—говорил Сократ. — Все имеет свой конец. Тогда зачем же слезы? А уж если вы хотите плакать, так плачьте о себе самих. Пойдите и посмотрите, готов ли яд. Зачем оплакивать меня, когда лучше оплакивать себя самого». Когда он увидел, что никто не двигается с места, он встал сам и сказал человеку, смешивающему яд: «Уже скоро шесть часов, неужели яд еще не готов? Поторопитесь, становится поздно!» «Мы готовили яд для многих, но впервые

делаем его для такого дурака, как ты. Мы смешиваем его медленно, так что у тебя есть еще немного времени пожить. Зачем торопиться умирать?» — спрашивали его палачи. На это Сократ отвечал: «Никакой срочности нет ни в чем, но я уже видел все лучшее в жизни и теперь я хочу посмотреть, что такое смерть. Кончился один спектакль, и теперь я просто сгораю от нетерпения, когда начнется второй, свидетелем которого я буду».

Наконец яд был подан Сократу. Он выпил его так, как будто бы это делал кто-нибудь другой, а не он, а он просто наблюдает за тем, как кто-то пьет яд. Затем он лег и стал себя осматривать. Через некоторое время он сказал: «Ноги становятся холодными». Друзья говорили: «Уже не только ноги, ты сам становишься холоднее!!!» «Как это может быть, — спросил Сократ, — если я могу чувствовать, что мои ноги стали холоднее, значит я сам еще прежний... Теперь яд дошел до колен... Теперь он захватил мой живот... руки... Теперь я не ощущаю ни рук, ни ног, как будто их там нет вовсе...» Его друзья говорили: «Ты говоришь, и ты сам становишься холоднее!!!» На это Сократ продолжал возражать: «Нет, я сам — такой же, какой и был до того, как мне дали яд. Единственно, в чем отличие, так это в том, что я не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. История этих рук и ног пришла к концу. Сейчас начнется какая-то другая история, но я сам — прежний, я — наблюдатель!»

Он, который наблюдал всю жизнь, теперь наблюдал смерть, но как смерть может побороть того, кто встречает ее с открытым лицом? Тот, кто встречает смерть как наблюдатель, тот остается вечным.

Свами Рама приехал в Америку. Он был весьма странным человеком. Очень редко на земле появляются такие люди и именно благодаря им земля и становится интересным местом. Человек становится свободным сразу же, как только он осознает все, о чем мы говорили. Так как все стараются принадлежать и крепко держаться за мир-сон, поэтому все люди просто фальшивы и лживы. Единоразу осознав — освобождаешься навсегда. Какое удивительное блаженство несет в себе пробуждение нового мира! Его нельзя выразить ни в каких масштабах и нельзя выразить словами, так же как и нет способа передать этот мир из рук в руки. Его можно только прожить самому и познать на собственном опыте.

Живя в желании познать Истину, необходимо помнить следующие два правила. Первое: жизнь есть сон; второе: мы созерцатели, свидетели, наблюдатели.

Это можно понять, прочувствовать только на собственном опыте. Поставьте эти два правила в основу всего испытания: до тех пор, пока вы не сделаете этого, в ваших поисках вы не получите даже туманного образа того, что есть реальность.

Ничто не может помочь открыть реальность: ни чтение книг, ни повторение мантр, ни чтение Гиты, Корана, Библии, не поможет хождение в храмы, никакие способы обожествления... никто не поможет... Все это не способы познания, ни один метод, не может открыть Истину, кроме сознания нереальности нашей ежедневной жизни и проявления себя в ней только как созерцателя. Только это может привести к каким-то положительным сдвигам и трансформации вас самих.

Но этот способ есть способ самопознания, и никто не может сделать это за вас. Вам придется проделать весь путь самому, его нельзя поручить кому-то. Можно покорить гору, сидя в паланкине, или поручить сделать это кому-то еще, но нельзя покорить вершин Истины чужими руками. К Истине не ведут проторенные дороги. Каждый должен находить свой собственный путь! Как только мы вступаем на путь созерцания, немедленно нам открывается дорога к Истине. И если дверь открывается, хоть немного, то нам уже остается сделать совсем чуть-чуть. Приоткрытая дверь продолжает манить искателя, привлекает его так сильно, что он не может уже держаться, чтобы не пойти дальше. Если человек прыгнул с крыши, то он уже не может спрыгнуть, что ему делать дальше. Все делает притяжение земли — оно притянет его к земле! Его работа заканчивается в тот момент, когда он делает первый шаг в пустоту, остальное за него сделает гравитация.

Однажды вступив на путь созерцания, человеку больше ничего не надо делать. Все остальное сделает притяжение Бога. Чем дольше мы остаемся в мире снов, тем дольше эта сила не работает. Но как только мы находим в себе силы выпрыгнуть из мира снов, немедленно начинает работать сила Бога. Если человек сделает один шаг навстречу Богу, то Бог сделает тысячи шагов навстречу к нему! Малейшая попытка, минимальное усилие — вызывает поток ответов от Неро!!!

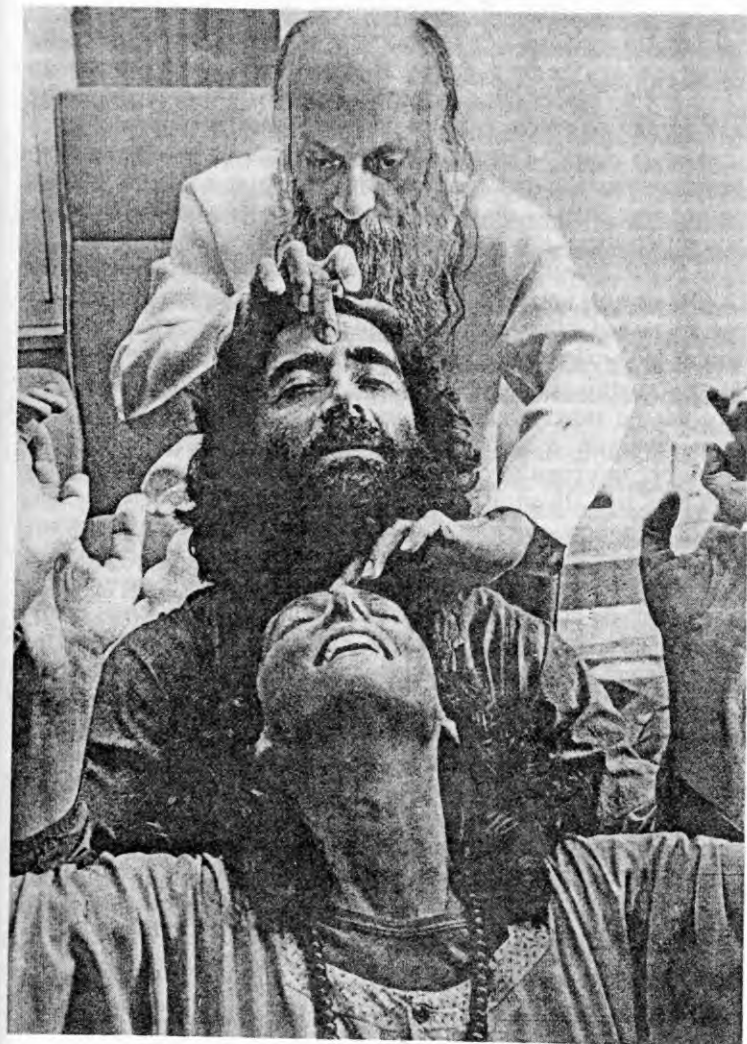
Но мы таковы, что отказываемся сделать хоть попытку для того, чтобы выйти из круга снов. Более того, мы укрепляем пути, стены, держащие нас в этом мире снов. Тот, кто окружен малыми вещами, начинает помышлять и о больших вещах. Член парламента начинает думать о том,

что хорошо бы ему быть министром, сидящий в шалаше мечтает иметь дворец. Мечтание о жизни в шалаше ранит человека, а мечта о жизни во дворце возбуждает и радует его. Те, кто сейчас живет в Янагадхе, мечтают жить в Дели... и эти сны могут продолжаться бесконечно, потому что мы делаем все для того, чтобы сохранить их... Но чем больше мы мечтаем, тем дальше мы от Истины. Сны должны быть разрушены, и не должны возникнуть вновь, но как же мы расстраиваемся, когда кто-то говорит с нами о разрушении снов!

Знаменитый врач Англии посвятил свою книгу Георгию Гюрджиеву — знаменитому Мастеру. Слова посвящения хорошо запомнились мне: «Георгию Гюрджиеву — разрушителю моего сна». В мире совсем немного таких людей, которые могут пробудить нас ото сна, но их никогда не любят и никогда не ценят. И это потому, что весь мир потерял себя в снах! Если же появляется кто-то, кто трясет нас и призывает очнуться — то мы начинаем противостоять ему со всей имеющейся у нас силой. Но тот, кто смог пробудиться, он не может спокойно смотреть на то, как другие теряют себя в снах, он старается вытащить нас на поверхность того, что называется Созерцанием Истины. Но тот, кто не хочет знать Истины, не хочет созерцать, тот обречен в своей апатии прозябать всю жизнь!..

Те, кто спит — потерянные люди. Только те, кто пробудился, только они способны познать истину, красоту, благополучие, ценность и смысл жизни. Поэтому, пожалуйста, запомните два правила: жизнь есть просто сон и человек — созерцатель. По мере того, как человек становится созерцателем, сны тают и остается только то, что является настоящей Реальностью! Реальностью, которая есть Истина...

От опустошенности — к Истине

От опустошенности — к истине

27 февраля 1969 года

Передо мной стоит множество вопросов. Один приятель спросил меня: «Если душу нельзя увидеть, то почему вопросу о ней придается такое большое значение? Почему так важно то, чего мы не можем увидеть?» Деревья можно увидеть, но корни — нет, они спрятаны глубоко под землей. Но это не значит, что они имеют меньшее значение, чем ствол. Более того, видимое дерево зависит от корней! Если мы примем дерево и будем отрицать корни, то дерево скоро умрет. Оно не сможет принести плодов, цветов, ягод, не будет давать тени в жару, и все потому, что его жизнь сокрыта в корнях. Все, что действительно имеет значение для жизни — всегда спрятано внутри. Все, что проявляется и видимо нами — всего лишь оболочка, а все, что скрыто от глаз — есть душа. Тело можно увидеть, но то, что скрыто внутри тела — нам нельзя увидеть. Но разве это снижает ценность внутреннего? Его существование делается еще более важным, так как оно невидимо нам.

Мы можем прожить всю жизнь в сознании того, что наша жизнь во всех внешних ее проявлениях есть конечный факт мира. Но может ли быть так, что мы не будем принимать окружающий мир как наиболее важный для нас? Да! То, что мы не можем увидеть то, что невидимо — все может быть познано, если развивать и культивировать в себе способность внутреннего видения. Это позволит нам увидеть, что есть что. Внутри нас имеется постоянный бег мыслей. Но если теперь взять и вскрыть череп, то в нем вы не увидите ничего, кроме мозга и прочих анатомических структур. Ученый скажет, что, говоря технически, мысль не существует. Но мы-то все хорошо знаем, как много мыслей находится у каждого из нас в голове. Если мысль нельзя увидеть, определить ее существование с помощью какого-нибудь аппарата, то это означает только одно, что данный аппарат недостаточно чувствителен для того, чтобы регистрировать мысль. Скоро, очень скоро будут проведены необходимые эксперименты, мысль можно будет увидеть.

В Америке в одном университете проводится работа в этом направлении. Человека посадили перед очень чувствительной камерой и попросили максимально сконцентрироваться, собрать всю свою энергию на одной мысли. Камера была заряжена суперчувствительной пленкой. Лю-

ди надеялись, что мысль способна засветить эту пленку. Человек сконцентрировал свою энергию на ноже... К удивлению всех, на пленке было... изображение ножа. Камера оказалась способной улавливать мысли человека. Это был первый случай, когда мысль была сфотографирована.

В России живет великий ученый по фамилии Фиатов. Он проводил телепатические эксперименты на расстоянии в тысячи километров. Сидя в Москве, он посылал волну мыслей, без помощи инструментов, в Тбилиси. В Тбилиси несколько человек находились в назначенном месте городского сада напротив скамейки под номером десять. Наконец, в сад вошел случайный прохожий и сел на эту скамейку. Фиатову немедленно сообщили, что место занято. Тогда, сидя в Москве, Фиатов начал концентрироваться на этом человеке, посылая ему приказание: «Засни... засни... засни...» Через три минуты человек на скамейке заснул! Фиатову потребовалось дать более существенные доказательства реальности своего эксперимента. Человек мог быть просто усталым и заснул исключительно от этого. Ему поручили разбудить спящего ровно через пять минут. Тогда Фиатов быстро послал ему второе приказание: «Проснись, проснись через пять минут!» Человек, отдаленный от Фиатова на тысячи километров, проснулся, к удивлению наблюдающих за ним, он недоуменно огляделся вокруг, как будто искал кого-то. Тогда к нему подошли и попросили рассказать, что же это его так удивило и смутило.

И человек рассказал: «Я весьма озадачен. Я пришел сюда, как делаю каждый день. Затем мне почудилось, что кто-то приказывает мне заснуть, я подумал, что вероятно, я устал и мне это просто кажется, что мой ум сам советует мне отдохнуть, и я заснул. Но как только прошло пять минут сна, как тот же голос приказал мне проснуться». Он сказал: «Вставай, проснись, проснись через пять минут». Мне очень интересно, кто бы это мог быть». Фиатов провел массу экспериментов по телепатии и всегда давал убедительные доказательства в ее существовании. Мысли нельзя увидеть, но они есть повсюду.

Те, кто способен медитировать, говоря обычным языком, способен «увидеть» душу. Корни дерева спрятаны глубоко в земле, но если начать копать вокруг дерева, то их можно увидеть. Это то же самое, когда кто-то пытается сконцентрироваться на отделении сознания от реального тела. Это приводит к видению того, что внутри.

Жил факир—мусульманин по имени Шейх Фарид. К не-

му пришли люди и стали спрашивать: «Говорят, что Христос улыбался, когда его распяли на кресте. Как это может быть? Говорят, что когда конечности Мансура были отрублены, то он смеялся. Когда ему выкололи глаза, то на его лице не отобразилось никаких мук боли. Это невозможно».

Тогда Фарид поднял с земли зеленый орех и, протянув его человеку, попросил того расколоть орех так, чтобы не повредить ядра. Человек ответил, что это невозможно, ведь орех твердый, а ядро у зеленого ореха плотно прилегает к скорлупе, поэтому, ломая скорлупу, неминуемо повредишь ядро. Тогда Фарид поднял сухой орех и попросил то же самое. «Вот с этим нет никаких проблем», — ответил человек. «Все правильно, — сказал Фарид, — но ведь ты сам и дал ответ на свой вопрос. Существуют люди, душа которых полностью срослась с телом. Если нанести раны телу, то ранят и их душу. Но есть и другие люди; их душа настолько свободно, что имеет тело только как оболочку, поэтому повреждая тело им самим ты не причиняешь никакого вреда. Иисус и Мансур как раз и были подобны сухому ореху, а все остальные подобны зеленому ореху. Это все, что я могу сказать тебе». Тело само по себе видимо, оно так тесно связано с тем, что есть внутри, что трудно себе представить, что можно наблюдать что-то отдельно. Но если мы разделим душу и тело, их можно будет наблюдать отдельно.

Теперь вернемся к вопросу о важности души. Душа есть вещь очень важная. Тело стоит немного, разве так уж ценна одежда? Ценится то, что постоянно, а не то, что преходяще. Одежда совсем не имеет такой ценности, как тот, кто ее носит. Так и тело, оно не имеет такой ценности, как душа. Никто не знает, сколько душ существует на самом деле и как их можно познать. Это очень длинное и трудное путешествие. Те, кто знают, скажут вам, что то, что есть внутри вас — есть Истина. А то, что есть снаружи — оболочка, которая меняется каждый день. Возможно, вы даже не знаете, что ваше тело сегодня не то тело, которое у вас было при рождении. Совокупность клеток эмбриона в утробе матери отличается от того, что вы представляете собой сейчас. Тело меняется каждую минуту. Так меняется вода в реке... Ученые говорят, что каждая клетка организма замещается, поэтому каждые семь лет мы имеем практически новое тело. Если человек живет семьдесят лет, то его тело меняется десять раз. Тело — это есть нечто непостоянное, но внутри него есть и то, что не меняется никогда. Это внутреннее остается постоянным навсегда.

Ваше тело путешествует из младенчества в юность, из

юности в старость... А вы? Вы сегодня такой же, как и вчера, вы будете таким и завтра, во все последующие дни? Именно поэтому вы можете сравнить себя с тем, каким вы были вчера и каким были в детстве. Именно изменение позволяет вам жить. Если вы прекратите постоянное изменение себя, вы никогда не будете в состоянии помнить, какими были прежде. Я знал свое тело, когда был ребенком, но сегодня я юноша и знаю себя так же хорошо. В старости у меня также будет такое же знание себя. Тот, кто достиг Высокого понимания способен сказать, когда смерть приходит к нему, такие люди знают себя как никто.

Когда Шикандар отправился в Индию, его друзья говорили ему: «Когда будешь возвращаться, привези с собой оттуда настоящего отшельника-философа, настоящего факира, святого, так как настоящие люди такого рода только там, в Индии. Пробыв в Индии достаточное время и объездив ее всю, Шикандар направился домой и тут вспомнил просьбу своих друзей. Он вспомнил, что обещал им. В это время он как раз был в одном селении около Пенджаба. Своему слуге он велел обойти всю деревню и выяснить, нет ли тут поблизости отшельника, а если есть, то приказал привести его к себе. Крестьяне, жившие в деревне, сказали слуге, что здесь недалеко действительно живет на берегу моря один отшельник, но они совсем не уверены, что он захочет пойти с кем-нибудь, куда бы там ни было. Слуга вернулся к хозяину и сказал: «Не беспокойтесь, это уже не такое сложное дело — увести с собой какого-то отшельника. Как он может противостоять и послушаться приказа Великого Шикандра!» Крестьяне же смеялись: «Вам, вероятно, неизвестно могущество этого человека-Бога. Его можно убить, но нельзя заставить пойти против воли, даже сдвинуть на дюйм невозможно!» Все это было за пределами понимания Шикандра, так как тот, кто живет с помощью могущества меча, не может представить себе, что есть сила больше той, которую имеет он сам. С мечом в руке он пошел на встречу с мудрецом. Его слуга вышел вперед, чтобы предупредить о посещении самого факира.

«Великий и могущественный Шикандар идет к тебе! Готовься!» — сказал слуга.

Мудрец, услышав это, засмеялся: «Что? Могущественный Шикандар? Он что, так же, как и ты, уверен в том, что он действительно могущественный человек?» Слуга ответил: «Конечно! Это то, что он успешно доказывает миру!» Тогда отшельник ответил: «Передайте этому дураку, что великий человек никогда не нуждается в том, чтобы доказывать свое

величие миру. Если он делает это, то доказывает миру свою ничтожность!»

Шикандар пришел в ярость, услышав такое! Он пришел к мудрецу и, угрожая ему мечом, потребовал, чтобы тот последовал за ним.

«Кому ты приказываешь? — спросил факир. — Знаешь ли ты, что я не повинуюсь никому. Ведь когда мы перестаем исполнять приказы, идущие извне, и повинемся только внутреннему приказанию, то только тогда мы станем настоящими мудрецами, факирами и отшельниками. Мы живем, как хотим, не повинемся ничему земному — как ветер гуляет везде, где хочет, так и мы ходим везде, где хотим. А вы, как мне кажется, как раз и не стремитесь к тому, чтобы стать отшельником?»

«Я не готов слушать подобные речи. Ты должен следовать за мной. Никто и никогда не смел ослушаться моих слов и приказов. Если ты выбираешь сопротивление мне, то твоя голова будет отделена от тела!»

«О, бедный, глупый и темный человек! Голова, которую ты хочешь отделить от тела... я давно знаю, что в какой-то момент это произойдет. И для меня совершенно безразлично, находится она на моих плечах или нет. Если ты отсечешь мне голову, то я увижу, так же как и ты, как она покатится на землю. Ты это будешь видеть и буду это видеть я. Мы оба это увидим. Тот, кого ты разрушишь, изувечишь — это не я. То, что есть я на самом деле — тебе никогда не разрушить. Я достиг этого на собственном опыте».

Шикандар не знал, что ему делать. По возвращении домой он сказал своим друзьям: «Я встретил в Индии святого, но не смог привезти его с собой. Никакие угрозы не помогли заставить его повиноваться мне, этот человек не боялся даже смерти».

Ничего нельзя сделать с тем, кто не боится смерти. Мы боимся смерти, и поэтому нами можно управлять. Почему мы боимся смерти? Мы боимся смерти потому, что принимаем все, что перцептивно, за действительную реальность.

Видимый мир — иллюзорен, переходя, даже если вы боитесь смерти и цепляетесь за него. Но те, кто открывают мир внутри себя, мир, который бессмертен, тот может подняться над смертью.

Если вы спрашиваете о том, что такое «я»? Это — одиночество, существование в бессмертии. Это — голая Истина. Само тело имеет такую же ценность, что простой дом, но сам владелец тела не может быть оценен по тем же меркам, что и дом. Но еще находятся дураки, которые принимают

тело за «я» и на самом деле забывают о своем настоящем «я». Так, однажды Свами Ранг проходил по улицам Токио и увидел большую толпу людей, которые глазели на пожар. Он остановился и стал вместе с ними смотреть, как горит чей-то дом. Владелец дома был тут же и руководил выносом ценных вещей из горящего здания. Когда практически все ценное было вынесено из дома, он подошел к куче вещей и стал осматривать, в каком состоянии вещи. И вдруг он закричал: «Мой сын! Где мой сын?» И тут он увидел, как двое слуг выносят из пожарища тело его единственного сына, который задохнулся в дыму. Потеряв сына, он остался владельцем огромного состояния, и тогда этот человек задал себе вопрос: «Что я буду делать со всем этим добром, когда тот, для кого оно было накоплено, больше не существует...»

Свами Ранг писал в своем дневнике: «Я был свидетелем странного события: оно очень правдиво! Сегодня я видел, как сгорал владелец дома в огне, в то время как его слуги усердно спасали его добро. И в этот день я пришел к заключению, что подобное происходит во всем мире».

Каждый человек занят спасением дома, а не хозяина: это понятно — дом можно увидеть, а хозяина — нет. Но мы забываем, что то, чего нельзя увидеть, существует так же, как и все в этой жизни, и то, что мы видим, существует благодаря ему, невидимому. Фундамент, на котором стоит дом — невидим. Это кажется настолько противоречивым, что то, что мы не можем увидеть действительно, достоверно существует, в то время как мы принимаем окружающий нас вещественный мир, как единственную реальность. На самом деле жизнь — большая насмешка, здесь все поставлено с ног на голову, этому внутреннему инверсивному правилу подчиняется все вокруг.

Вы поднимаете камень и исследуете его. Неужели вам никогда не приходило в голову, что он сделан из невидимых частиц? Спросите ученого, и он ответит, что камень состоит из атомов, а они невидимы. Таким образом, все, что мы видим вокруг себя, есть синтез из невидимых частиц.

Если вы были на фестивале в Холу, то вы должны были видеть детей, несущих в руках зажженные факелы, которые они вращают по кругу. Круги света кажутся нам существующими, хотя на самом деле их нет. Их существование определяется скоростью вращения руки, в которой зажат факел.

Ученые утверждают, что атомы движутся так быстро, что увидеть их нельзя. Но тем не менее мы можем видеть камень и все, что составляет наш мир. Это просто удиви-

тельно. Материя — это то, что может быть увидено, и те, кто это знают (и ученые с этим согласны), говорят, что в мире нет ничего, кроме материи.

Около восьмидесяти лет тому назад Ницше сказал: «Бог умер». Бог не умер, а умерла материя. Материя есть то, что только и есть в мире, а все, что пытается подменить ее — просто иллюзия. Но разве можно согласится с этим? Как может быть так, что то, что мы можем увидеть, было бы иллюзией.

Посмотрите на небо над собой: вы видите звезды, мириады звезд. Но, может быть, вы не знаете, что звезды на самом деле находятся в совершенно другом месте, чем в том, в котором вы зафиксировали их в настоящий момент. Они продолжают двигаться, но так как свет их лучей слишком долго достигает земли, звезды, как нам кажется, располагаются там, откуда появился их свет. Если для достижения земли свету звезд требуется, например, шестьдесят лет, то за это время звезда продвинется на значительное расстояние, весьма далекое от того места, где появился свет, видимый нами. Может произойти и так, что когда вы будете «видеть звезду», ее самой просто уже не будет в мире. Мы будем видеть свет той звезды, которая была там шестьдесят лет назад. Таким образом, все небеса иллюзорны и фальшивы. Звезды вовсе не там, где вы их видите, а увидеть их в реальном месте существования просто нет никакой возможности.

Еще раз скажем себе: жизнь очень странная вещь. Окажется, то, что мы видим, может вовсе не существовать в том месте, где мы это видим. Предмет, который предстает перед нами столь компактным, есть совокупность атомов, и все, что реально имеет существенное значение, скрыто всегда внутри. Чем больше вы пытаетесь осознать это, тем более иллюзорно предстает перед вами все окружающее. На этом осознании покоится вся игра жизни.

За эти три дня мы обговорили некоторые положения, некоторые намеки и правила, необходимые для достижения Истины. Все, что невидимо, имеет огромное значение и требует осознания и понимания. Когда разрушится, исчезнет предмет, как это обычно бывает, останется только то, чего увидеть нельзя. Именно поэтому необходимо и очень полезно обговаривать все аспекты *внутреннего* и найти пути его достижения. Те, кто коснется в реальном окружающем нас мире, тот становится несчастным.

Мой друг спросил меня: «Ты против ограничений и сдержанности?» Да, это именно так! Я активно против всех

ограничений, особенно против тех, которые насаждаются силой и давлением. Но я в восторге от тех воздержаний, которые приходят в результате правильного понимания мира. Оба мои заявления совершенно не противоречат друг другу. Есть одно положение: человек сам давит себя. Это один человек снаружи и совсем другой человек изнутри. Большинство людей, которые накладывают на себя какие-либо ограничения, именно такие люди. Внешне такой человек проповедует ненасилие, он процеживает воду, которую пьет, принимает пищу ночью, чтобы никому не навредить, предпринимает все меры предосторожности, только бы не осуществить насилия над кем-нибудь... Такой человек гордится своим аскетизмом. Но именно внутри него на самом деле и тлеет огонь насилия. Секс бурлит внутри него, а он проповедует безбрачие. Внутри он наполняется яростью, а лицо его всегда улыбается. Он наполнен внутренними противоречиями, а внешне есть само спокойствие. Подобное самоотречение очень опасно. Оно подобно сидению на вулкане.

В одной деревне жил очень невоздержанный человек. Однажды в порыве гнева, он столкнул свою жену в колодец. Она погибла, и этот человек наполнился глубоким сожалением. Так бывает со всеми людьми такого типа. Но подобные уроки ничему их не учат, так как через короткое время они становятся прежними. Он был очень несчастен и отказывался от принятия утешений и соболезнований. Но вот в деревню пришел отшельник. Друзья привели нашего героя к нему. Чувство сожаления было еще столь велико в его душе, что когда он предстал перед глазами отшельника, то немедленно признался в совершенном преступлении. Человек стал умолять отшельника научить его сдерживать свой гнев. «Для *простых домовладельцев* очень трудно сдерживать свой гнев, — ответил отшельник. — Вам следует вступить на путь самоограничений, так как если вы примете схиму, то еще что-то можно будет сделать».

Отшельник был гол и бос, поэтому жаждущий спасения сорвал с себя одежды и бросил их под ноги советчику, умоляя наставить его на путь истинный немедленно. Отшельник был очень удивлен подобному поведению, так как ему еще не доводилось никогда видеть подобной реакции порывистого и волевого человека. Но на самом деле ничего «волевого» в данном случае не было. Человек бросился в схиму так же, как он столкнул свою жену в колодец. Степень гнева была той же, что и степень минутного смирения, а отшельник спутал минутный порыв с волевым

самоотречением. Обычно люди с несдержанными характерами становятся аскетами или схимниками, так как гнев может привести еще к большей епитимье. Это очень опасная энергия. Гнев может изуродовать человека так же, как конь может изуродовать окружающих. Гнев празднует себя в наказание. Девяносто восемь процентов тех, кто практикует епитимью, это люди с несдержанным темпераментом. Они просто обращают свой гнев с других на себя и мучают себя так же беспощадно.

В мире существует два вида неистовства. Одно направлено на окружающих — это садизм. При другом виде неистовства все направлено на человека — самого себя, это мазохизм. Как первое, так и второе определение скрывает в себе массу удовольствия.

Наш отшельник Муни воздал хвалу человеку и стал молиться за его светлое будущее, это было очень опрометчивое решение! Человека нельзя было узнать, он возложил на себя самую строгую епитимью, его гуру переименовал его в Шантинаха, так как он стал победителем собственного гнева. Шли годы, и его имя становилось известным везде и наконец люди стали обожествлять его: в то время как другие сидели в тени своих шалашей, он стоял обнаженный под палящим солнцем, одни ели раз в день — он ел раз в три дня, одни выбирали ровные и хорошие дороги для своих паломничеств — он шел по камням и терниям. Его тело выглядело как живой скелет. Чем больше люди обращали свое внимание на него, тем больше становилась его агрессивность к самому себе. Он изыскивал все новые и новые способы наказания себя и его авторитет поднимался все выше и выше.

Однажды он пришел в большой город, в который его слава пришла уже значительно раньше. В городе жил его старый друг, который был потрясен, услышав, что его давний друг, известный ранее как человек крайне несдержанный, стал отшельником! Он просто не мог поверить этому и решил пойти посмотреть на все своими глазами. Отшельник сидел на высоком приподнятом месте, а те, кто взлетает так высоко, будучи святым или отшельником, тот никогда не видит ничего перед собой. Это есть проявление Это — мир знает его, но он не знает никого. Отшельник, конечно, увидел в толпе пришедших своего друга, но решил притвориться, что не знает его. Но то, что он узнал его — это старый друг понял. Именно это и заставило друга усомниться в том, что наш отшельник действительно поборол

свой гнев, так как гнев и эго — это родные братья. Если проявляется одно, за ним неотступно следует второе.

Друг вошел и сел близко к отшельнику-святому и сказал: «Ваше святейшество, я так много слышал о вас. Слава о вас распространяется повсюду, но как же ваше имя?» И тут наш отшельник потерял терпение: «Ты что, не читал объявлений, не слушаешь радио?! Меня зовут Шахтинах, запомни это раз и навсегда!» Друг поблагодарил его в полном смирении и стал молить о прощении. Через минуту он опять спросил: «Простите меня, но как вы сказали ваше имя, я снова забыл его». Для отшельника было очень трудно сдерживать свой гнев: «Ты что, сошел с ума? закричал он. — Я уже сказал тебе, что меня зовут Шантинах!» «Простите меня, простите мою бестолковость. Я благодарю вас за то, что повторили для меня свое божественное имя», — ответил его друг.

Через некоторое время он вновь припал к ногам святого и запричитал: «Прости мою дряхлую память, но как ты сказал твое имя?»

Отшельник вышел из себя и закричал: «Ты заслуживаешь того, чтобы тебя избили, на, получай!!! Где твои мозги?! Я же сказал тебе, что меня зовут Шантинах, победивший гнев!!!» «Вот теперь все стало на свои места, — сказал друг, — мои мозги при мне, и твой гнев при тебе. Все вернулось туда, где ему и надлежит быть. Я и пришел сюда, чтобы удостовериться, действительно ли ты смог победить свой гнев?»

Всякое истинное самоограничение подавляет гнев внутри нас. Буйство может перейти в смирение, обуздание гнева приводит к развитию мягкости и всепрощения, алчность может привести к культивации сдержанности и дебоши приводит к безбрачию...

Но будет ли все это истинным ограничением чего-либо? Приведет ли это к какой-либо внутренней трансформации? Всякая трансформация происходит внутри нас, когда человек становится способным осознать себя, тогда он может автоматически измениться, но меняя только какие-то внешние условия без внутренних перестроек, нет возможности и внутреннего изменения. Я категорически против всех тех форм самоограничений, которые ведут к изменению поведения человека. Но я приветствую все те формы самоконтроля и самоограничения, которые рождаются внутри нас и распространяются на всю природу человека.

Оба способа имеют и различные корни. Ограничения, берущие начала из внешнего мира, есть развитие репрес-

сий. В соответствии с этим, если внутри вас есть гнев, то подавите его. Если внутри есть буйство, то подавите его внутри себя и не выносите наружу. Но истинное самоограничение страстей не идет по этому пути. Подавляя насилие, вы не добьетесь развития ненасилия. Но изучая истоки насилия и распознавания все его формы, вы можете лишиться его питательных соков, и его увядание приведет к развитию ненасилия.

Таким образом, имеются две формы ненасилия: первая, культивируемая с помощью насаждения ненасилия и вторая — своего естественного появления, причем это опирается на то, что есть у нас внутри.

Но человек был обучен к самоограничению еще с незапамятных времен! Имеется множество рецептов, как это делать, но все они лежат, как правило, весьма далеко от реальных запросов жизни. Больше тысячи лет ведется разговор о темпераменте и самоконтроле, но человек так и не развил в себе способность быть спокойным и нормальным. Почему это так? Чем больше люди в обществе говорят о проблемах безбрачия, тем больше их зависимость от секса. Это становится сложнейшей и важнейшей проблемой. Логически ситуация выглядит следующим образом. Что бы мы ни пытались подавить в себе, это проникает все глубже и глубже в наше сознание. Подавление связывает, а не освобождает. Попробуйте подавить что-нибудь, и вы почувствуете себя связанным по рукам и ногам.

Однажды, когда Мулла Насреддин собирался пойти к одному из своих друзей, дверь открылась и на пороге появился его старый друг, с которым он не виделся уже двадцать лет. Оба были очень рады встрече и стали восклицать и подсчитывать, сколько лет они не виделись. Насреддин засуетился и сказал, что он вынужден просить своего друга подождать его несколько часов, так как ему обязательно надо сделать несколько деловых визитов в городе. «О, нет, — воскликнул друг, — я не могу позволить себе упустить даже минуты, чтобы не видеть тебя, пока есть такая возможность. Я пойду с тобой, и мы будем разговаривать по дороге. Да, если можно, дай мне надеть какое-нибудь из твоих платьев, а то в дороге моя одежда сильно запахла. У Насреддина в шкафу висела очень хорошая и дорогая одежда, подаренная ему самим королем и которую он берег для подходящего случая. Это был дорогой халат, тюрбан и пара туфель. Он еще ни разу не одевал их, но именно сегодня был тот самый случай для того, чтобы одеть все это, что может быть прекраснее возможности услужить

другу детства? Он быстро достал все из шкафа и дал надеть другу. Он был просто счастлив, что одежда столь удачно оказалась под рукой.

Но когда его друг предстал перед ним одетый в королевские одежды, Насреддин испытал и некоторое сожаление. Одежда была так прекрасна и его друг выглядел таким красивым в ней! Поступил ли он правильно и мудро, предложив ему надеть все это? Ведь сам Насреддин теперь выглядел просто слугой перед ним. Это очень трудно для человека видеть кого-то одетым в его собственные одежды и выглядящего значительно лучше, чем истинный хозяин, куда ни шло, если бы одежда принадлежала его другу, а сейчас ситуация была значительно сложнее.

Насреддин постарался преодолеть возникшее у него чувство, сказав про себя известную всем сентенцию: «Какая разница от того, принадлежит одежда мне или кому-то другому, он мой самый дорогой друг, и это самое главное! Что в одежде-то?» Этими мыслями он успокаивал себя, пока они шли по городу, но все, кто бы не попадался им по дороге, все без исключения останавливали взгляд на его друге.

Мы всегда смотрим на одежду, а не на человека, и, не смотря на своего друга и повторяя про себя утешительные слова. Насреддин не был исключением, он испытывал сожаление о сделанном. Наконец, они дошли до первого нужного ему дома. Как только они вошли в дом, Насреддин поймал взгляды удивления у тех, кто поражался богатству одежд его друга. Он представил своего друга: «Это мой друг детства, очень хороший человек, но то, во что он одет, принадлежит мне». В тот самый момент, как эти слова сорвались у него с языка, он почувствовал глубокое сожаление о сказанном. Его друг был поражен поведением Насреддина, так же как и все бывшие в доме. Когда они вышли на улицу, друг сказал: «Прости меня, но я не могу больше сопровождать тебя, ты оскорбил меня! Могли я знать, что мне следует сопровождать тебя одетым не в свои одежды? Пусть они были бы грязными, но все же моими! Зачем тебе понадобилось говорить всем, что халат и все остальное не мое?» Бедный Насреддин попросил у него прощения, сказав, что это просто сорвалось у него с языка помимо его воли.

На самом деле язык никогда не оговаривается — помните это всегда. Все, что есть в вашем уме, все может попасть на язык, и только так. Все, что вы пытаетесь подавить, в самый неподходящий момент выйдет наружу, как пар из котла, который вы пытаетесь прикрыть крышкой. Но котел-то в этом не виноват, что пар все же про-

рывается наружу. Пар накапливается внутри и если он не найдет для себя щель, то котел просто разорвется.

«Если ты говоришь искренне, то я верю тебе, — сказал друг, — пойдем дальше по твоим делам». Насреддин обещал следить за своими словами, а для подкрепления своих слов он взял и подарил всю одежду своему дорогому другу: «С этого момента она твоя...». Они пришли в следующий дом. И здесь повторилось то же самое: хозяин и хозяйка не могли оторваться от разглядывания друга Насреддина!!! И опять Насреддин подумал: «Я был круглом дураком, подарив это платье ему, ведь теперь я никогда не смогу даже посмотреть на себя в нем». И когда пришло время представить друга, он сказал: «Познакомьтесь с другом моего детства, замечательным человеком, а что касается его одежды, так она не моя, а его...». Опять он оговорился! Сказанное о принадлежности одежды другу немедленно сеяло сомнение у хозяев. На улице Насреддин стал умолять дать ему еще одну попытку исправиться, в противном случае он не сможет жить спокойно всю жизнь! Как бы он не оправдывался перед своим другом, налицо был пример внешнего давления.

Они пришли в третий дом. Насреддин твердил про себя то, что и как он должен был сказать. Но теперь вопрос об одежде занимал каждый миллиметр его мозга да и всего существа вообще. Его друг даже не мог подозревать, что происходит внутри Насреддина, который внешне выглядел вполне нормально. Бедный человек, внутри он практически сошел с ума. Куда бы он не смотрел, ему везде мерещилась одежда и только одежда. Это приводило его в бешенство, причиняло ему боль, он не мог побороть себя. Он шел и внутренне повторял: «Я не должен говорить об одежде, я не должен говорить об одежде...» и так далее

Наконец, он опять должен был представить своего друга. Бедный Насреддин, в сознании которого все было заполнено проблемой одежды, он начал представление: «Это мой друг. Мы знакомы уже больше двадцати лет, и вот теперь он приехал ко мне для того, чтобы повидаться, а что касается его одежды, так я поклялся не говорить о том, кому она принадлежит...»

Вот таким образом работает подавленный ум. Он раскрывает любую вещь, которую вы пытаетесь скрыть. Ум становится больным, начинает работать бессознательно — разве это самоограничение? Конечно, нет. Но это именно так и происходит многие и многие годы жизни человечества. Даже сейчас, когда кто-нибудь начинает учиться умерен-

ности, он начинает с самоподавления. В результате он только переворачивает все с ног на голову и именно то, что пытался подавить, завладевает бесповоротно его умом.

Однажды я сидел на берегу моря с одной отшельницей. Мы говорили о душе и подсознании, свободе воли и блаженстве. Все мы всегда говорим о вещах, которые в принципе нас не касаются, и совсем не говорим о предметах, занимающих нас на самом деле. Она говорила, а я слушал. И тут неожиданно резкий ветер налетел на нас и подхватил мой плащ так, что его полы дотронулись до женщины. Она была очень растеряна и огорчена, что меня крайне удивило, и я спросил, что случилось. Она ответили: «Для нас запрещается даже касаться одежды мужчины, а теперь я должна буду наложить на себя епитимью». Но ведь только что она утверждала, что она — это вовсе не тело, а душа, так как же вы награждаете одежду атрибутами секса? Неужели одежда, которую трогал мужчина, способна обрести свойства мужского начала? Все это я спросил у нее.

Имеются определенные черты, признаки подавленной сексуальности, подавленных желаний, подавленного ума. Все, что было внутри этой женщины, было настолько задавлено, что даже прикосновение клочка материи имело для нее значение.

«Если бы смогли понять, что тело и душа — это разные вещи, то для вас не должно иметь никакого значения, дотрагиваетесь вы даже до мужского тела или нет, так как тело есть не что иное, как просто пыль». Вот что я ответил ей. К сожалению, мы все начинаем осознавать все то, что подавляем, значительно более остро, чем когда вообще не касаемся ряда проблем, когда стараемся закрепить себя, просматривая те или иные вопросы жизни с самых различных углов, точек зрения.

Однажды я жил вместе с *саду*. Каждый день во время наших бесед он говорил мне: «Я выкинул на ветер тысячи рупий». Он повторял это каждый день по двенадцать раз на дню, и я спросил его, когда же это было. Оказалось, тридцать пять лет назад. «Но тогда ваше мероприятие по выкидыванию денег не было эффективным, — сказал я, — или вообще не следовало бы вам все время вспоминать об этом. Вы оградили себя от богатства, от пагубного влияния денег — вот в чем основное достижение». Но эти тысячи рупий все еще занимали бедного человека. Он их выкинул, но они продолжали следовать за ним по жизни и свили себе замечательное гнездышко в его мозгу. Подавление и самоограничение не привело к истинному самосовершен-

ствованию, независимо от того, в какой степени он совершал самоконтроль над собой. Когда он был владельцем тысяч рупий — он был горд собой. Теперь он выкинул их, и стал вдвойне высокомерным! Первое чувство даже лучше второго! Такого человека мы не можем считать истинно отреченным от внешних проявлений жизни.

Я был в Джайпуре. Ко мне зашел друг и сказал: «В город пришел великий *махатма*, тебе следует пойти и навестить его». Я поинтересовался, чем он смог измерить величие пришедшего *махатмы*, по какой шкале? «Да мне и не потребовалось применять какие-либо усилия для определения величия этого человека, так как наш *махатма* пришел к нему и поклонился в ноги, значит, он более значим!» Но в таком случае наш *махатма* велик хотя бы потому, что те, перед кем он испытывал благоговение, моментально воспринимаются окружающими, как великие люди. То есть он делает их великими, а не они сами по всей природе обладают величием.

Приходило ли вам когда-нибудь в голову, что все двадцать чебыре *тиртханкара* джайнов были сыновьями королей? Будда был принцем, Рама был принцем, Кришна тоже был принцем. Ни один из двадцати четырех не был сыном бедного человека. В чем тут дело? Неужели для того, чтобы быть одним из них, надо обязательно быть богатым? Нет, это не так, конечно. И бедные люди были Буддами, *тиртханкарами*, но у нас нет степеней, по которым мы можем измерить их величие. Мы можем все выразить по отношению к золоту, но только не величие и степень отреченности этих людей. Для этого нужны совсем другие меры и оценки.

Я был в Ахмедабаде два года назад. В общем собрании принимали участие несколько хороших ораторов. Один из них, который выступал передо мной, сказал: «Остерегайтесь алчности, если хотите быть свободным!» Когда настала моя очередь говорить, я сказал: «Предыдущий оратор, который выступал очень мудро, сказал очень важную вещь. Он сказал, что если мы хотим обрести свободу, то должны остерегаться алчности. В то же самое время увещевая нас держаться подальше от искушения, он манит нас свободой. Но если какой-нибудь бедный жадный человек услышит его, он будет чрезвычайно рад поменять одно чувство на другое, не более того. Для получения блаженства на самом деле годится и скупость».

Жизнь сложна и в этих жизненных сложностях делается множество необузданных вещей во имя самоконтроля, са-

моотречения и самоограничения. Я стою против всех видов и способов, связанных с насилием над личностью человека. Жизнь должна быть прямой, чистой и прожита полностью. Жизнь не должна быть разбита на части — нельзя жить с чем-то и без чего-то. Мы не можем в то же самое время изменить внутреннее «я» без изменения самого внутреннего, так же как и внешние изменения не могут происходить без изменения внешней сути.

Если благополучие, богатство становится бессмысленным для человека, то ему никогда и в голову не придет считать, что он сделал над собой какое-либо усилие, отказываясь от каких-то богатств, так как самоподавление, не имеющее никакого значения, есть сама бессмыслица. Каждый день мы выбрасываем мусор из своих квартир, но ведь никому не приходит в голову говорить всем, что этим самым мы совершаем отречение от чего-то, ведь мусор должен быть выброшен. Таким образом, если человек говорит, что он выбросил мебель из своей квартиры, то это еще совершенно не значит, что он перестал относиться к богатству и благополучию как к богатству и благополучию.

Однажды жил факир, который был очень бедным человеком, но он никогда не просил милостыни или помощи у людей. Он и его жена жили тем, что ходили в лес за хворостом и продавали его на рынке. Вечером они покупали на вырученные деньги все необходимое и отдыхали в своем бедном шалаше. Они никогда не пытались отложить даже пайса. Однажды пять дней лил проливной дождь и они не заработали ничего. На шестой день вышло солнце и они опять пошли в лес. Возвращаясь назад с вязанками дров, факир впереди и его жена сзади, старик пытался разглядеть следы копыт на земле. И тут он увидел на обочине мешок с золотыми монетами, часть из которых высыпалась на землю. И факир подумал так же, как думают все люди, которые практикуют отречение и самоограничение. Такие люди больше заботятся о морали других людей и всегда цепляются к активности других людей; они даже могут решить, кому идти в ад, а кому в рай, кому нести какое наказание. Почему эти моралисты так поступают? Да он не делает на самом деле ничего, кроме как просто проецирует на всех свои собственные внутренние переживания сомнения. Итак, наш факир больше всего волновался, что его жена может впасть в искушение, но тогда он сам тоже должен был испытать это чувство, так как в противном случае мысль об искушении жены просто не пришла бы ему в голову. Он встал на колени и стал судорожно запи-

хивать монеты обратно в мешок, который затем стал закапывать в мокрую глину, но в этот момент появилась его жена. Она поинтересовалась, почему он остановился и что делает. Будучи человеком глубоко моральных убеждений, он не мог солгать. Все моралисты основываются на принципах, хотя на самом деле противоположности их принципам существуют весьма благополучно внутри них. Если это было не так, то им не понадобилось бы приносить разные обеты. Ведь никому в голову не придет давать обет «уметь проходить через дверь», вы просто проходите через дверь, потому что это единственный путь для того, чтобы покинуть комнату. Те, кто слеп, тот всегда связывает себя обетом; тот, кто видит, тому они совершенно не нужны; человек, не доверяющий себе самому, принимает обеты.

Этот человек дал обет не лгать... Против чего и кому человек дает обеты — против себя самого, против своего собственного врущего ума. Поэтому на вопрос своей жены факир должен был сказать правду. «Было бы лучше, если бы ты не спрашивала ничего, — ответил он, — так как если ты спросила, то я должен ответить тебе правду. Здесь лежит мешок с золотом, а для того, чтобы ты не впала в искушение, я зарываю его в землю». Услышав это, женщина рассмеялась: «О, Боже, а я-то думала, что этот человек свободен от власти золота! Как же это могло получиться, что твой взгляд вообще остановился на этом мешке, оказывается, ты еще способен отличить золото от глины, а я-то думала, что ты освободился от всех желаний. Видя тебя копающимся в этой глине с какой-то глиной — золотом в руках, я наполняюсь сожалением... Что можно сказать про этого человека? Он пытается закрыть глину глиной, это смешно!!!»

Оба человека, участвующих в этой истории, практикуют самоконтроль. Старик живет по принципу, что надо чего-то остерегаться, а женщина — это человек, глубоко овладевший самодисциплиной, который трансформировал жизнь в истину. Если золото представляется такому человеку глиной, то его нечего и закапывать, прятать, но и бежать от него тоже не надо; нет никакого смысла из всего этого делать вопрос самоотречения.

Прекращает свое существование этот вопрос так же, как и лист, падающий осенью с дерева. Но ни дерево, ни сам лист, ни ветер, который его подхватывает — никто даже не осведомлен о падении листа. Лист просто падает в тишине жизни, падает на землю. Если падает зеленый лист, то дерево испытывает боль, так же как и сам лист. Он име-

ет рану, нанесенную ему при неестественном отрывании от дерева. Человек, который развивает самоконтроль, может уподобиться зеленому листу, отрываемому от дерева. Его раны очень болезненны.

Я приветствую только такой вид самодисциплины, который подобен листу, падающему с ветки осенью, так как все должно отпасть как сухой лист. Если что-то уходит из вашей жизни, то жизнь обязательно изменится. Но вы спросите, как же что-нибудь «оторвется», если мы даже не почувствуем этого? Вот здесь и нужно осознать, что «отрывание» засохшего листа возможно только тогда, когда это проходит через понимание. Не надо сражаться со злом, постарайтесь распознать и понять его.

Например, если внутри вас гнев, то не боритесь с ним, но познайте его и поймите его. Но если все же гнев охватывает вас, то заперитесь в комнате и медитируйте в ней. Смотрите на гнев: где он, что он, в каком месте он берет над вами верх. Найдите все места, в которых появляется даже самое маленькое пламя гнева в вашем сознании. Вы будете поражены: чем больше вы наблюдаете свой гнев, тем реже он будет приходить к вам. Чем лучше вы осознаете все причины вашего гнева, тем скорее он исчезнет навсегда. Наступит, наконец, момент, когда гнев просто отлетит от вас как прошлогодний листок с ветки дерева. То, что останется внутри вас, будет миром и спокойствием.

Спокойствие никогда не достигается путем подавления гнева. Только когда гнев оставляет вас, только тогда появляется полное спокойствие. Помните, сопротивление вовсе не есть противоположность несопротивлению. Аналогично нельзя считать, что любовь есть противоположность ненависти, и если вы перестанете ненавидеть, то начнете любить. Любовь дает свои плоды при отсутствии ненависти. Это так же, как если бы мы зажгли лампу в темной комнате. Как только загорается свет, сразу же исчезает тьма. Все остальные способы изгнать тьму не приведут ни к чему. Темнота, повторяю, может быть изгнана только путем привнесения света. Жестокость и насилие также нельзя изгнать путем борьбы с ними, так же как и презрение и гнев. Но можно зажечь свет лампы — лампы познания. Как только такая лампа загорается, немедленно исчезает тьма.

И еще одна маленькая история перед тем, как мы закончим наш сегодняшний разговор. Рассказывают, что однажды Тьма пришла к Богу с жалобой. Тьма упала в ноги к Богу и стала причитать и плакать, говоря, что ее ужасно

обижают. Бог спросил о том, что же случилось? Почему Тьма столь несчастна? На что она отвечала: «Я — несчастна? Да мне нет жизни от Твоего Солнца! Каждое утро, как только оно встает, оно начинает меня преследовать! Только вечером, когда я уже полностью истощаюсь, оно немного оставляет меня в покое. Я едва успеваю прийти в себя за ночь, как утром опять нахожу его у себя за дверью. И опять начинается все сначала! Что я сделала ему, за что меня так преследуют и не дают жить спокойно?» Бог послал за Солнцем и спросил его, за что оно так преследует Тьму. «Тьму? — спросило Солнце. — Что такое Тьма? Я никогда не видело никакой Тьмы! Где она живет и что делает? Как я могу преследовать ее, если и в глаза-то никогда не видело! И, наконец, познакомь меня с моим «врагом». Я попрошу у нее прощения, и мы вместе заглядим все неурядицы». Но Бог так и не смог убедить Тьму встретиться с Солнцем. Говорят, что это произошло много-много миллионов лет назад, но проблема так и осталась нерешенной. А на самом деле тьма вовсе не есть что-то противоположное свету, а есть только его отсутствие.

Поймите, наконец, разницу между противоположным и отсутствующим. Если тьма есть что-то противоположное свету, то мы сможем сделать так, чтобы свет ушел, отступил, а тьма осталась. Но так как тьма есть следствие отсутствия света, его несуществование в данный момент, этого сделать мы не можем. Сама по себе тьма не существует. А свет — существует и сам по себе. Если нет света, то появляется тьма. Тьму нельзя куда-либо перенести, это бессмысленно. Если вы что-то хотите сделать в темноте, то вам в первую очередь надо подумать о свете.

Аналогично этому следует рассуждать и о зле в жизни. Смотрите на гнев, секс, алчность как на тьму. Все, что в жизни плохо — все наполнено тьмой. Обычно на того, кто сражается с тьмой, мы смотрим как на аскета, человека, подверженного самоограничениям. Но я так и не могу назвать таких людей и их методы сумасшедшими и порожденными тщеславием и ханжеством. Так же как и жизнь лунатика, жизнь этих людей не несет в себе ничего привлекательного.

Нечего вам сражаться с тьмой, вы просто зажгите лампу. В присутствии света — нет тьмы. Самое прекрасное в жизни — это Истина. Ее отсутствие вовсе не есть ее противоположность или какой-то измененный вид Истины. Ее отсутствие есть просто несуществование Истины. Поэтому насильник может практиковать внешнее насилие, в то

время как насилие может преспокойно уживаться в его душе. Такого рода самоконтроль есть просто самообман, поэтому я и против него. Я приветствую то, что не подавляет зла, а рождает внутри нас добро. Мы не убиваем тьму внутри нас, а просто зажигаем свет в душе. Такое пробуждение не может не привести человека в храм Истины. Тот, кто пробужден для познания Истины, тот достигнет тех храмов, в которых она живет!

За время этих трех дней мы говорили о путях познания Истины. Но мои слова, так же как и слова другого человека, никуда не приведут вас. Поэтому моими последними словами будут слова-просьба: путешествие к познанию Истины может быть начато только тогда, когда вы сами осознаете и прочувствуете все, что говорилось здесь. Если бы это было возможно только через доверие к моим словам, это было бы очень просто. Только собственное путешествие каждого может дать ему что-то, ведь мы слушали и Будду и Махавиру, но простое слушание не приводило ни к чему, никому еще не помогало.

Те, кто убежден, что только путем слушания кого-то они смогут перенестись в сферу Истины — те находятся под властью иллюзии. Дорога должна быть пройдена каждым самостоятельно. Никто не может сделать ничего для другого, так же как я не могу дышать за вас, любить за вас, гулять за вас и умереть за вас. Так как же я могу постигнуть Истину за вас?

Многие люди пребывают в заблуждении, когда они пишут мне: «Мы слышали Вас и теперь чувствуем, что постигли блаженство Истины!» Поймите, что только слушанье — это только забава. Истина и блаженство только тогда будут истинными, когда вы сами преодолеваете все трудности на пути к истине и Истине. Все, что я говорил вам — это вовсе не для слушания, а для практики. Если хоть что-нибудь из моих бесед близко для вас, то используйте это для вашего первого шага. Сотни писаний — это ничто в сравнении с вашим собственным шагом на пути, к постижению Истины. Не думайте о том, что путь ваш будет долог, ведь любое расстояние завоевывается лишь шаг за шагом.

Ганди любил одну песню — замечательную песню! Он пел ее в своем ашраме каждый день. Первая строка этой песни звучит так: «Один шаг — вполне достаточно для меня. Я не забочусь о том, насколько велико расстояние, которое мне суждено пройти». Но тот, кто делает хоть первый шаг, тот достигнет конца пути. Никто не может в один

момент сделать несколько шагов, но все шаги, взятые вместе, составляют всю длину расстояния, которое необходимо пройти. Длина шага не зависит от того, какое расстояние нам следует пройти, и расстояние, которое нам надо пройти, не зависит от длины шага. Шаг за шагом, и вы все преодолеете.

Юноша сидел у околицы деревни и держал в руках фонарь. Он должен был покорить далекую гору. Но уже была ночь, темная ночь, и все, что у него было в качестве проводника в эту темную ночь — это лампа, которая светила на расстояние не больше трех шагов. Он быстро подсчитал (многие люди очень способны к математике), что расстояние, которое ему придется пройти в темноте, равняется десяти милям, а свет фонаря бьет только на три шага! Он разделил десять миль на три и понял, что не сможет подняться в гору в такую темную ночь из-за слабости света от фонаря. Он сел в печали и стал ждать, когда настанет рассвет, хотя ему очень надо было попасть в место назначения как можно раньше. Но вдруг он увидел старика, который проходил мимо. В руках он держал маленький фонарь. «Что ты сидишь в таком одиноком месте, когда так темно и скучно кругом?» спросил от мальчика. «А что еще я могу делать? Ночь темна, а мне надо идти в гору, но мой фонарь светит только на три шага! Так как же я смогу уйти далеко в такой темноте?» «О, глупый мальчик,—отвечал старик, — ты же не будешь преодолевать все расстояния в десять миль за один шаг?! Сделай сначала первые три шага, причем лампу-то возьми в руки, потом сделай еще три шага и так иди, освещая себе дорогу лампой. Ты сможешь преодолеть таким образом не только десять миль, а десятки тысяч миль! И все это с помощью этой маленькой лампы!»

Шаг за шагом и тьма будет преодолена. Всего лишь шаг—и жизнь уже ушла так далеко, что вы не можете увидеть, где были минуту назад. Надо только начать шагать. И только тогда то, что только что было словами, станет действительностью, просто фразы сложатся в мелодию песни, и вы ее услышите. Вы услышите и поймете, насколько правдивы услышанные вами мелодии.

Вы слушали меня с такой любовью и искренним вниманием в течение этих трех дней, большое вам спасибо... Всем своим внутренним существом я кланяюсь Богу. Примите мои приветствия!..

Ицлес
абсолют

ВВЕДЕНИЕ

Все есть Бог. Это, как мне сказали, и есть смысл Ишавасья-Упанишады. Но что значит, что все есть Бог? Есть одна история, рассказанная однажды Ошо о человеке, который посвятил много лет поиску смысла жизни. Его поиск провел его через миры университетских исследований и эзотерических практик, через психоделические наркотики и психотерапию, но ответ все также ускользал от него. Затем в один прекрасный день, когда надежда почти оставила его, ему рассказали о мудреце, который живет в отдаленном и недоступном районе Гималаев и знает смысл жизни. Убедившись после многих расспросов, что этот мудрец, должно быть, действительно владеет ответом, человек уладил свои дела, упаковал свои сумки и отправился в свой великий поход, чтобы найти этого мудреца.

Путешествие было трудным — самолеты и поезда, автобусы, которые становились все более разболтанными и древними по мере того, как дороги под ними становились все более ухабистыми и трудно проходимыми, а затем долгий и часто опасный подъем на собственных ногах в отпугивающую, нецивилизованную внутреннюю область Гималаев. После многих недель пути человек, наконец, достиг цели своего путешествия. Действительно, там была маленькая деревушка и сразу за ней та самая хижина, в которой, как ему говорили, жил мудрец. С чувством огромного предвосхищения человек вошел в хижину, собирая энергию работы всей своей жизни в этот единый миг.

Там сидел мудрец, и атмосфера безмятежности, пронизывающая все вокруг него, говорила о его великой мудрости. В ужасном возбуждении, получив приглашение сесть рядом с мудрецом, человек задал сжигающий его вопрос: «Скажите мне, — сказал он, — в чем смысл жизни?»

Несколько минут мудрец молчал, и его гость ждал, затаив дыхание, с бьющимся сердцем. «Жизнь, — сказал он, — это текущая река».

После пятнадцати минут ошеломляющей тишины гость, наконец, взорвался, изливаясь гневом: «Вы хотите сказать, что я взбудоражил все мое существование, пробившись сюда после бесчисленных лет самозабвенных исканий, испытывав на пути крайние трудности и опасности, когда временами только моя вера в вашу мудрость заставляла

меня продолжать путь, и все это только для того, чтобы мне сказали, что жизнь — это текущая река?»

Мудрец посмотрел на него с выражением величайшего удивления на лице: «Вы считаете, что это не так?»

Такова же и Ишавасья — все есть Бог. Такова же и сутра, с которой начинается и которой заканчивается Ишавасья Упанишада. Если сопоставить первую и последнюю сутру, то неизменно только одно слово — слово «целое» заменено на слово «совершенное»; и есть ли различие между тем, что совершенно, и тем, что цело? В первом абзаце Ошо говорит, что для тех, кто полностью понимает эту одну сутру, ничего более не нужно. Подобно «все есть Бог» и «жизнь — это текущая река» сутра говорит все, что должно быть сказано. «Для тех, кто пришел к вершинам понимания, это конец Ишавасьи, но для тех, кто еще поднимается, это только начало». И, проводя нас через сутры между началом и концом, который тоже является началом и концом, который тоже является началом, Ошо увлекает нас в необычное путешествие.

В истории о человеке, искавшем смысл жизни, я люблю именно его путешествие. Вот это, должно быть, было путешествие. Если бы он только знал, куда идет. И именно это повергло меня в трепет, когда я читал и глубоко вникал в эти беседы Ошо об Ишавасье. От путешествия через эти главы до места назначения, из которого мы направляемся, захватывает дыхание. Это путешествие внутрь и вверх, путешествие каждого через все слои существования, путешествие мужчины и женщины через все, что только может означать человеческое существо: через невинность, невежество, знание, любовь, смерть, ад, рай, привязанность, печаль, секс, покорность, истину, желания, свободу, медитацию, беспомощность, молитву, блаженство — снова, и снова, и снова, но последовательно, как мне приходится записывать все это, но подобно открытиям, содержащимся внутри открытий.

Внутренние видения — вот что Ошо открывает нам. Как при путешествии во внутреннюю область Гималаев, когда ландшафт становится все более захватывающим, а атмосфера все более разряженной. Но для меня магия заключается в направленности путешествия внутрь; истина, открываемая в своей простой красоте, пленительна. Но голос Ошо нашептывает: «Смотрите в это. Узрите, куда вы идете. Смотрите. Смотрите». И когда мы смотрим через его мудрость, истина, на которую мы смотрим, открывается, и мы направляемся в истину, что лежит скрытой внутри нее

— жемчужина внутри жемчужины, содержащая свою собственную скрытую жемчужину. Путешествуя таким образом все время внутрь и внутрь, мы обнаруживаем, что также движемся вверх. Это путешествие в сознание.

Это история Ошо о путешествии, которое он совершил, и это песнь всех мудрецов, которая снова поется через него. Это песня, которая поется из радости пения, но это также и алхимия, это — вновь создаваемое писание. Где-то в этих беседах Бхагван говорит, что, поскольку все есть Бог, то что же это значит сказать, что кто-то или что-то является божественным? И его ответ таков: божественное несет нас ближе к нашей собственной божественности: в божественном есть песня, преобразовывающая слушателя.

Если вы позволите себе войти в интимное отношение с этой книгой, вы можете обнаружить то, что обнаружил я: в словах Ошо есть зеркало, ведущее вас назад в ваше собственное переживание — мистическое путешествие, в ваше бытие, пробуждающее вас, ибо одно не бывает без другого. И в то же самое время нечто случается вокруг слов, нечто происходит между Ошо и его слушателями — поднимающаяся энергия, медленное непрерывное крещендо, по мере того, как главы идут одна за другой; я был восхищен, и иногда меня захватывал этот прилив, и я чувствовал, что у меня появляется вкус того, что происходило в том семидневном лагере, где Ошо вел эти беседы.

Эти лагеря больше не существуют в том виде, какими они были раньше. В те дни Ошо после каждой беседы сам проводил медитацию. В последней беседе он говорил так: «Все, что я говорил, имело целью создание трамплина для вас. Целью был прыжок. Вот почему после окончания каждой сутры мы входили в медитацию, чтобы вы могли пережить на собственном опыте ее смысл, совершив в нее прыжок».

Я воображал, что нечто невероятное должно было случиться с теми, кто был в том лагере, живя так напряженно в присутствии Ошо, сидя рядом с ним и три раза в день взрываясь посредством его катарсических медитаций в покой, когда Ошо сидел там, вливая в них свою энергию. И когда я натолкнулся на главу в книге «Новая Алхимия», в которой Ма Сатья Бхарти описывает, что это было такое — участвовать в одном из тех ранних медитационных лагерей, ее слова прекрасно отображают то чувство энергии, подъем которой я испытывал, проходя последовательно через главы этой книги. Вот абзац из ее описания: «Непрерывное присутствие Ошо было катализатором для

столь многих драматических и мелодраматических событий. За ночь люди преобразовывались. Ты двигался изумленный, из медитации в медитацию, никогда не выходя из одной медитации до начала следующей. Это было тотальное переживание и переживание тотальности. На протяжении восьми дней ничего не существовало, за исключением Ошо, медитаций и твоих собственных внутренних исканий. Период одиночества в окружении сотен других, таких же одиноких в их собственном личном поиске. Период невероятного катарсиса и очищения. Период открытия, ввергающего в благоговейный трепет. Период головокружительного празднования».

«Пuls Абсолюта» является записью подобного путешествия, но это не просто запись. Это алхимическая работа, песня, которая может направить ваш путь внутрь и вверх, если вы позволите музыке войти.

Свами Ананд Раджен

1

*От. Это целое, и то
целое.*

*Ибо только целое
рождается из целого,
и когда целое
отнимается от
целого,
смотрите, остаток есть
целое.*

От. Мир, мир, мир.

ВСЕ ЕСТЬ ЧУДО

Ишавасья-Упанишада начинается и заканчивается этой сутрой, и в ней является все, что вообще может быть сказано. Она совершенно уникальна. Для тех, кто полностью понимает ее, ничего больше не нужно. Остальная часть упанишады предназначена для тех, кто не понимает. Так, молитва о Мире, которая обычно заключает упанишаду, здесь провозглашается в конце самой первой сутры. Это конец Ишавасьи. Но для тех, кто все еще поднимается, это только начало.

Часть ее уникальности заключается в той ясности, с которой она проводит различие между восточным и западным методами мышления и рассуждения. В мире расцвели две школы рассуждения: одна в Греции, другая — в Индии. Греческая система логики породила всю западную науку, а из индийской системы возникла религия. Первое и самое фундаментальное из различий между этими двумя системами заключается в западно—греческом методе продвижения к выводу. Всякий раз, когда мы ищем истину в каком-то деле, начальный вопрос будет вести через исследование к конечному выводу: сперва мысль и вопрос, затем вывод.

Индийский путь совершенно противоположен. Индия утверждает, что то, что мы собираемся исследовать, есть всегда. Оно не принимает форму в результате нашего вопроса, но уже присутствует еще до начала нашего исследования. Истина, которая станет проявленной, была до того, как мы вошли в существование. Она была до того, как мы открыли ее, точно так же, как она есть после того, как мы открыли ее. Истина не формируется или создается посредством нашего исследования, исследование только вносит ее в область нашего опыта. Истина присутствует всегда. Вот почему индийский путь рассуждения объявляет вывод в начале, а затем обсуждает метод и порядок действий, сперва — вывод, затем — метод. Западный путь ставит метод на первое место, затем — исследование и, наконец, вывод.

Следует запомнить один важный момент: западный метод очень подходит для тех, кто ищет истину посредством думания о ней. Этот метод рассуждения подобен попытке найти нечто темной ночью с помощью маленькой лампы. Ночь черна, как смоль, и лампа неясно освещает землю на два-три фута. Виден лишь небольшой клочок земли, большая часть остается невидимой. И вывод, к которому

приходят относительно того, что видится, будет гипотетичным. Через некоторое время, по мере того, как человек с лампой продвигается, он видит немного больше, и возникает необходимость пересмотреть или изменить вывод. По мере того, как человек продвигается все дальше и дальше, все время становятся видимыми все новые и новые вещи, и поэтому вывод изменяется снова и снова.

Следуя, как она это делает, греческой школе логики, западная наука никогда не может прийти к окончательному выводу. Поэтому все ее выводы противоположны, временны и основаны на знании, приобретенном до настоящего времени. Вот почему ни одна истина, к которой пришел Запад, не является абсолютной. Она не тотальна. Все его истины и выводы не совершенны. Но истина никогда не может быть несовершенной или неполной, и все, что несовершенно, будет не истиной. Вывод, который нам требуется изменить завтра, в действительности не является истиной даже сегодня. Она просто представляется истиной. Только то может быть истиной, что нам никогда не надо изменять. Поэтому выводы, которые объявляются Западом истинами, на самом деле являются относительными истинами, основанными на знании, приобретенном до сих пор, и подлежат изменению в соответствии со знанием, которое будет получено завтра.

Индийская система рассуждения не похожа на исследование истины с помощью лампы. Она подобна исследованию темной ночи в ослепительном слиянии вспышки молнии, когда все становится видимым одновременно. Не так, что сейчас видно нечто — некая часть, некоторое время спустя — другая часть, затем еще что-то. Нет, индийский путь не таков. В индийской системе исследование открытия истины происходит за один раз, все открывается в одно и то же время. Все дороги тянутся к горизонту, и все, что бы это ни было, видится одновременно во вспышке молнии. Нет возможности для какого-либо изменения в будущем, поскольку было увидено целое.

Западный метод, называемый «Логика», исследует истину посредством процесса мышления. Индийский путь, который мы называем «Опыт» или «Мудрость», раскрывает все вещи за один раз подобно вспышке молнии, в результате чего истина проявляется такой, как она есть, в ее тотальности, не оставляя места для изменения. Как результат, нет никакой возможности для изменения в том, что сказал Будда или Махавира или Кришна. Но западные мыслители, склонные к сомнению и беспокойству, сомне-

ваются, может ли то, что Махавира сказал двадцать веков назад, быть все так же истинным сегодня. Им представляется обоснованным выдвигать также сомнения. За такой период времени нам следовало бы ожидать двадцать пять тысяч изменений, если бы мы искали истину с факелом. Новые факты будут возникать каждый день, и мы будем вынуждены изменять или преобразовывать старые. Но истины, заявляемые Махавирой, Кришной или Буддой, являются откровениями. Это не истины, которые находят при свете лампы. Они были увидены, узнаны и открыты в ослепительной вспышке молнии неподвижного ума — ума, лишённого мыслей. Истина, которую узнал Махавира, не была открыта им постепенно, иначе он не мог бы узнать полную истину. Он узнал ее в ее тотальности за одно единственное мгновение.

Я хочу сказать вам следующее: все, открытое в ее тотальности, посредством мудрости Востока, включено в эту короткую сутру. Оно там в своей тотальности. Вот почему мы в Индии заявляем, что сперва вывод, а затем уже исследование. Объявление истины делается вначале, затем мы обсуждаем, как истина может быть познана, как она была познана и как это может быть объяснено. Эта сутра является объявлением — декларацией. Остальная часть книги не существенна для тех, кто может постичь полный смысл из объявления. Ничего нового не будет изложено во всей упанишаде: истина будет пересказываться по-разному снова и снова. Остальная часть книги предназначена для тех, кто слеп к сверкающей вспышке молнии и упрямо настаивает на поиске истины с помощью лампы. При свете этой лампы истину можно выбирать из каждой строки Ишавасья-упанишады по очереди. Но в этой великой сутре в первую очередь представляется рассматриваемая тема во всей ее полноте. Вот почему я сказал вам, что эта сутра столь уникальна — она говорит все. Теперь давайте попытаемся понять ее. Она заявляет, что целое рождается из целого. И все же то, что остается в запасе, всегда есть целое: в конце поглощается целым, и даже тогда целое вовсе не увеличивается, оно остается таким, каким было ранее. Это очень антиматематическое утверждение. П.Д.Успенский написал книгу под названием «Терциям Органум». Он был известным математиком России, а затем стал мистиком вместе с другим замечательным святым Запада — Гюрджиевым. Он был математическим гением. Его интеллект достиг высот и глубин его предмета.

Первое утверждение, которое он делает в своей чудес-

ной книге, таково: в мире есть только три великих канона мыслей. Первый, под названием «Органум», написанный Аристотелем, отцом западной науки Логики. «Органум» означает «принцип знания». Вторая книга написана Френсисом Бэконом и называется «Новый Органум» — новый принцип знания. И третьей является его собственная книга, которая называется «Терциам Органум» — третий принцип знания. За этим утверждением следует одно короткое предложение, которое озадачило многих людей. «Прежде, чем существовал первый, был третий». То есть, в мире уже был третий принцип до того, как был открыт первый принцип. Первая книга была написана Аристотелем две тысячи лет назад, вторая была написана Бэконом трехсот лет назад, и третья была написана около сорок лет назад. Но Успенский говорит, что третья существовала в мире до того, как была написана первая, хотя он написал эту третью книгу всего сорок лет назад. Когда его спрашивают о смысле этого безумного, нелогичного утверждения, он отвечает: «Все, что я написал, написано не мной, я просто провозгласил это». Земля была под воздействием тяготения до того, как родился Ньютон. Земля притягивала камень до его рождения таким же образом, как она делает это до сих пор. Ньютон не придумал принцип всемирного тяготения, он только открыл его. Он открыл то, что было скрыто. Он сделал известным то, что было неизвестно. Но тяготение уже было до Ньютона, иначе не было бы самого Ньютона. Ньютон не мог бы родиться без тяготения. Тяготение может существовать без него, но он не может существовать без тяготения Земли. Оно уже существовало, но не было известно в мире.

Успенский говорит, что его третий принцип существовал до того, как был известен первый. Совсем другой вопрос, был ли третий принцип неизвестен. Возможно, говорить, что он был неизвестен, неправильно. Поскольку то, что сказал Успенский всей своей книгой, содержится в этой маленькой сутре. Его «Терциам Органум» очень ценная книга. Его заявление, что в мире есть только три такие книги и третья—это его книга, не ошибочно. Он говорит это не из тщеславия. Это факт. Его книга действительно так важна. Если бы он не сказал этого, его молчание было бы ложной скромностью. Это факт, что его книга действительно настолько значительна. Но все, что он говорит в ней, есть в этой маленькой сутре Ишавасья-Упанишады.

Всей своей книгой он попытался доказать, что в этом мире есть два вида арифметики. Один — это тот, который

говорит, что дважды два — четыре. Это простая арифметика, которую мы все знаем, простое вычисление, которое удовлетворяет утверждению, что если мы складываем все части некоей вещи, они никогда не могут быть больше, чем ее целое. Простая арифметика утверждает, что, если мы разобьем некую вещь на кусочки и затем сложим эти куски вместе, их сумма никогда не может превысить целое. Это простой, прямой факт. Если мы разменяем рупию на сто пайс, сумма этих пайс никогда не может быть больше одной рупии. Может ли быть иначе? Это простая арифметика, это сложение частей никогда не будет больше, чем целое. Но Успенский говорит, что есть другая, высшая математика и это — математика жизни. В этой математике вовсе не обязательно, что дважды два должно равняться четырем. Иногда два плюс два может быть пять или три. В жизни, говорит он нам, сумма частей иногда превышает целое. Нам придется понять это немного более ясно, ибо если мы не сможем понять это, мы будем не в состоянии полностью постичь значение этой первой и последней сутры Ишавасьи. Художник пишет картину. Предположим, мы оцениваем стоимость его материалов. Сколько будут стоить краски? Безусловно, не очень много. А холст? Тоже не так уж много. Но ни одно произведение искусства, ни одна прекрасная картина не представляет собой просто смесь красок, нанесенных на холст: это нечто большее.

Поэт сочиняет стихотворение, песню. Все слова, использованные в них — это самые обыкновенные слова, которыми мы пользуемся каждый день. Возможно, вы можете встретить в нем одно или два слова, которыми не так часто пользуются, но все равно, мы знаем их. И все же ни одно стихотворение не является просто набором слов. Человек играет на ситаре. Воздействие, оказываемое на наши сердца, когда мы слышим мелодию ситара, не есть просто звуковое давление. Что-то еще затрагивает нас.

Давайте поймем этот феномен вот таким образом. Некий человек, закрыв глаза, касается с любовью вашей руки. Тот же самый человек касается вашей руки с огромным раздражением. Пока речь идет о физическом, телесном аспекте касания, то между этими двумя прикосновениями нет никакого основополагающего отличия. И все же в ощущении прикосновения любящего человека, несомненно, есть некий отличительный элемент: прикосновение гневающегося человека совершенно иное, чем прикосновение любящего человека. И еще, когда кто-то касается нас с полным безразличием, мы ничего не чувствуем в этом прикоснове-

нии. Если бы мы спросили у физика, он бы ответил, что степень давления, осуществляемого на нашу руку прикосновением другого человека, может быть измерена, даже количество тепла, переходящего из одной руки в другую, может быть выяснено. Тем не менее, все это тепло, все это давление никоим образом не могут открыть нам, коснулся ли нас этот человек из любви или из гнева. И все же мы испытываем качественные различия в прикосновениях. Поэтому, несомненно, что прикосновение не является просто общей суммой тепла, давления и электрического заряда, передаваемых в руку, это нечто большее.

Жизнь зависит от некоей высшей математики. Нечто совершенно новое и полное значения рождается из общей суммы частей. Создается нечто лучшее, чем сумма частей. Нечто важное рождается даже из самых низменных частей. Жизнь вовсе не простая арифметика—она гораздо более глубокая и тонкая арифметика. Это арифметика, где числа становятся бессмысленными, где правила сложения и вычитания становятся бесполезными. Человек, который не знает секрета жизни, лежащего за пределами обычной арифметики жизни, не понимает смысла и назначения жизни. В этой великой сутре есть много чудес. Она говорит:

...и когда целое отнимается от целого,

смотрите,

остаток есть целое.

С точки зрения обычной арифметики это абсолютно неправильно. Если мы отнимем некую часть от вещи, остаток не может быть таким же, как первоначальная вещь. Останется нечто меньшее. Если я возьму десять десять рупий из сейфа, в котором содержатся миллионы рупий, сумма в сейфе будет несколько меньшей. Она будет меньшей, даже если взять несколько пайсов. Остаток не может быть равен первоначальному количеству. Каким бы огромным ни было богатство — даже сокровища Соломона или Кубла-хана, оно уменьшается, если всего лишь десять пайсов изымаются из него. Оно не может быть таким, каким было раньше. Точно так же, каким бы огромным ни было богатство, при добавлении к нему десять пайсов оно становится еще больше. Но, согласно этой сутре, целое может быть отнято от целого — не всего лишь десять пайсов, а все богатство, и все же остаток есть целое.

Это представляется похожим на бормотание сумасшедшего, который ничего не знает о математике. Даже начинающий знает, что вещь будет меньше, если от нее отнять

нечто, и если отнимается целое, то вообще ничего не останется. Но эта сутра заявляет, что останется не просто что-то, а целое. Те, кто знает только логику денежного сундука, безусловно, не поймут этот феномен. Понимание появляется из совершенно нового направления.

Уменьшается ли ваша любовь, если вы отдаете ее кому-то? Испытываете ли вы недостаток любви, когда вы отдаете ее полностью? Нет! Любовь — вот слово, которое нам нужно, чтобы прийти к пониманию этой сутры. Это то слово, которое нам придется использовать. Сколько бы любви мы ни отдавали, у вас остается столько же, сколько было первоначально. Акт отдавания любви не создает ее недостатка. Наоборот, она растет, увеличивается по мере того, как вы отдаете ее, проникает все глубже и глубже, по мере того, как все больше и больше вы раздаете ее. Когда вы свободно отдаете ее, богатство любви внутри вас начинает расти. Тот, кто отдает всю свою любовь свободно и безоговорочно, становится обладателем бесконечной любви.

Простая арифметика никогда не сможет понять, что когда целое отнимается от целого, остаток есть целое. Только любовь может найти смысл в этом утверждении. Эйнштейн не сможет помочь. Искать помощь такого рода будет бесполезно. Лучше пойдите к Мире или Чайтанье, возможно, через них вы сможете найти ваш путь к пониманию, ибо это предмет, принадлежащий к какому-то иному, неизвестному измерению, в котором ничто не уменьшается, когда отдается. Единственный, имеющийся у вас опыт, который может дать вам понять это во внезапной вспышке озарения, — это любовь, и из каждых ста человек — девяносто девять слепы к этому опыту. Если, отдав свою любовь, вы испытываете чувство потери, тогда знайте, что у вас вовсе нет опыта любви. Когда вы отдаете кому-то свою любовь и чувствуете, что внутри вас нечто исчезло, тогда знайте, что то, что вы отдали, должно быть, было чем-то другим. Это не может быть любовью. Это должно быть чем-то, принадлежащим к миру фунтов, миллионов и пенсов. Это должно быть измеримой вещью, которую можно оценить в цифрах, взвесить на весах и подсчитать в литрах. Запомните: все, что измеримо, подчиняется закону уменьшения. Только то, что не измеримо, будет оставаться таким же, сколько бы от него ни отнималось.

Испытывали ли вы чувство уменьшения отдаваемой любви? Почти все знакомы с ним. Если кто-то любит меня, я хочу, чтобы она больше никого не любила, ибо мое рассуждение говорит, что любовь разделенная есть уменьшенная

любовь. Поэтому я стремлюсь стать единственным владельцем и обладателем ее любви. Я требую, чтобы любящий меня человек не дарил никому даже нежного взгляда, такой взгляд — отравя для меня, ибо я знаю, что теперь ее любовь ко мне начнет уменьшаться. Если я цепляюсь за это понятие уменьшения любви, мне нужно признать, что у меня нет никакого представления о том, что такое любовь. Если бы у меня было какое-то понимание истинной любви, то я бы хотел, чтобы моя любимая пошла и свободно отдавала любовь всему миру, ибо, отдавая ее таким образом, она бы пришла к пониманию ее секретов и тайн, и по мере того, как она погружалась бы в любовь все глубже и глубже, ее любовь ко мне тоже лилась бы через край.

Но нет, мы не сведуци в высшей математике. Мы живем в мире очень простой математики, где все при раздавании уменьшается. Поэтому вполне естественно, что каждый боится акта отдавания. Жена боится, что ее муж отдаст свою любовь какой-то другой женщине, а муж опасается, что его жена может влюбиться в другого мужчину. На самом деле говорить о том, что муж и жена могут влюбиться в кого-то другого, значит говорить не по существу, ибо дилемма уже существует внутри семьи. Когда мать проявляет свою любовь к сыну, ее муж ревнует; а когда отец проявляет свою любовь к дочери, ревнует его жена. В таких обстоятельствах порождается беспокойство, ибо истинная любовь отсутствует. Чувство, которое мы склонны называть любовью, не есть истинная любовь.

Настоящая проверка любви заключается в том, находится ли она за пределами законов деления. Любовь неизмерима. Оставьте ваше заблуждение, что истинная любовь уменьшается, когда ею делятся. Камнем преткновения является тот факт, что все другие доступные нам переживания измеримы. Все, что есть у нас, может быть измерено: наш гнев, наша ненависть и все другие чувства могут быть измерены.

Единственное переживание, которое не поддается измерению — это любовь, и любовь неизвестна вам. Вот почему вам так трудно понять, что такое Бог. Тот, кто понимает, что такое истинная любовь, не беспокоится о понимании Бога, поскольку, если вы знаете любовь, вы знаете Бога, они неотъемлемые части одной и той же арифметики, они принадлежат к одному и тому же измерению. Тот, кто понял истинную любовь, скажет: «Все в порядке, даже если я не узнаю Бога. Я узнал Любовь, этого достаточно. Мое назначение выполнено — я узнал. Я посвящен в тот вы-

сший мир, где деление не приносит уменьшения, где свободно и щедро отдаваемые вещи остаются с дающими».

И запомните, когда вы чувствуете внутри себя такую любовь, которая остается целой, даже после того, как она была отдана во всей ее тотальности, тогда исчезает ваша потребность получать любовь от других, ибо ваша собственная любовь не может увеличиться, как бы много любви вы ни получали. Всегда помните, что то, что не может быть уменьшено посредством отдавания, не может также и быть увеличено посредством получения. Оба эти феномена случаются одновременно. Поэтому осознавайте, что у вас нет никакого опыта любви, пока у вас есть потребность просить ее у других.

И не только дети, взрослые тоже — все мы требуем любви и продолжаем требовать ее. Всю нашу жизнь мы просим любви. Психологи говорят, что в нашей жизни есть только одна проблема, а именно: наше беспокойство о том, как добиться любви от других. Все наше напряжение, все наши заботы, страхи и тревоги могут быть отнесены к этой единственной проблеме. И, когда мы не можем найти любовь, мы ищем заменители. Всю нашу жизнь мы гонимся за любовью, мы идем по ее следу в постоянной погоне. Зачем? В надежде, что наш запас любви увеличивается, если мы получим ее, и все это означает, что мы еще не узнали любви, поскольку то, что увеличивается при получении, не есть любовь. Сколько бы любви ни было получено, любовь будет оставаться такой, как была. Поэтому человек, который полностью понимает эту сутру любви, также понимает эти два факта. Во-первых, сколько бы любви я ни отдавал, моя любовь не будет уменьшаться. И во-вторых, сколько бы любви я ни получал, любовь во мне не будет увеличиваться. Даже если целый океан любви хлынет в меня, моя любовь не увеличится ни на йоту. И она ни на йоту не уменьшится, если я отдам ее всю.

*... и когда целое отнимается от целого
смотрите,
остаток есть целое.*

Вся эта Вселенная выходит из Бога. И она не мала — она бесконечна, беспредельна, у нее нет границ. У нее нет направления, нет начала, нет конца. Бог остается целым, несмотря на то, что такая необъятность родилась из Него. И даже тогда, когда вся эта огромная Вселенная возвращается в эту высочайшую тотальность — существование

и снова погружается в нее, Бог будет оставаться целым. В ней не будет ни увеличения, ни уменьшения.

Давайте попытаемся понять этот феномен с другого направления. Мы знаем океан: это опыт, воспринимаемый нашими органами чувств. При всей своей огромности он не беспределен. В него непрерывно вливаются реки и никогда не появляются снова. Облака в небе продолжают вбирать в себя его воды и проливают их снова на землю. В океане никогда не бывает недостатка воды. И все-таки он уменьшается, ибо при всей своей огромности он не бесконечен и не беспределен. Тысячи рек, впадающих в него, вместе вызывают изменение на один дюйм в его объеме, так он велик. Воображение отказывается представить количество воды, вливаемой в океан каждое мгновение великими реками, такими как Брахмапутра, Ганг, Амазонка. И все же, по всей видимости, океан остается одинаковым. День за днем лучи солнца откачивают его воду и из нее рождаются облака в небе. Несмотря на все эти процессы, кажется, что океан остается постоянным в своем объеме, но в действительности он не пребывает в состоянии неувеличения и неуменьшения. Он уменьшается и он увеличивается, но он так огромен, что мы ничего не знаем об изменениях.

Если мы обращаем наши лица вверх к небу и смотрим в пространство, мы наталкиваемся на опыт иного рода. Все, что существует, существует внутри пространства. Настоящее значение слова «пространство» — это стихия, в которой содержится все. Пространство есть то, во что включены все вещи. Поэтому, заметьте, пространство не может существовать внутри какой-либо другой стихии. Если мы начинаем думать, что пространство само должно содержаться внутри какой-то другой стихии, нам приходится составлять себе представление о некоем большем пространстве. Ситуация становится трудной, и мы впадаем в ошибку, которую логики называют «бесконечная регрессия». Это означает заняться бесконечной глупостью: нам теперь приходится определять природу большего пространства, в котором содержится пространство. Вопрос становится бесконечным, ибо теперь мы должны беспрестанно спрашивать: «А какова природа окружающей нас стихии?»

Нет, мы должны принять, что все содержится в пространстве, а пространство не ограничено. Пространство окружает все, но не окружено само. Поэтому все случается внутри пространства, но оно не увеличивается от того, что случается. И хотя все внутри него приходит к концу, пространство не уменьшается. Пространство таково, каково

оно есть. Оно остается в своей таковости, оно остается в своем собственном состоянии. Вы строите здание, великолепный дворец. Через какое-то время ваш дворец превратится в руины. Так дворцы, достигающие небес, снова становятся прахом. Пространство будет незатронутым: оно не уменьшалось, когда вы построили ваш дворец, и оно не увеличится, когда ваш дворец рухнет. Дворец возводится внутри пространства и рухнет он тоже внутри пространства. Тогда, возможно, пространство подводит нас ближе к существованию. Это я намеревался объяснить вам.

Пространство недосыгаемо для нас, оно не субстанционально; и все же, строя здание или создавая любую другую вещь, мы испытываем ощущение увеличения или уменьшения пространства. Вы не можете занять сиденье, на котором я сижу, ибо я занял это пространство. Здесь было пространство, которое вы могли бы использовать, если бы я не заполнил его. На одном месте мы можем построить только одно здание, мы не можем возвести еще одно здание на том же самом месте. Почему? Потому что построенное нами здание поглотило то пространство. Теперь, если это здание поглотило то пространство, можно сказать, что пространство уменьшилось. Мы вынуждены строить небоскребы только потому, что поверхностное пространство Земли уменьшается изо дня в день. По мере повышения стоимости земли здания возводятся все выше и выше, а земля становится более дорогой, потому что ее все больше и больше занимают. Итак, по мере уменьшения имеющегося пространства здания поднимаются все выше и выше. Скоро мы начнем строить здания под землей, поскольку есть предел высоты, за которой мы можем строить.

Мы занимаемся заполнением пространства нашего неба, нашей атмосферы. Мы все больше и больше посягаем на небо, поглощая все больше пространства. Свободное пространство сильно сократилось. Это верно, что бесконечное пространство простирается в пустоту во все стороны. На самом деле вовсе нет никакого недостатка пространства. Но никакая другая земля не может быть создана на той земле, на которой мы сидим. Везде, где стоят здания, пространство поглощено. Для нас осталось доступным гораздо меньше земного пространства.

Бог безграничен. Бог не убывает. Океан, такой огромный для нас, является такой крошечной каплей того, что есть Бог. Да, он громаден по сравнению с большими реками, такими, как Ганг и Брахмапутра. Все их воды, вливающиеся в океан, не производят в нем заметного

изменения. И все же изменение есть, хотя его нельзя взвесить или измерить. А небо, оно гораздо больше наших морей и океанов, и все же для нас оно тоже имеет пределы. Для достижения концепции Бога нужен еще один прыжок, в котором вся логика, идеи и воображение должны быть отброшены.

Бог означает существование, бытие, то, что просто есть: есть атрибут Бога. Что бы мы ни делали, это не затрагивает его бытийность. У ученых есть другой способ утверждения этой истины. Они говорят: «Ничто не может быть уничтожено». Это означает, что мы не можем изъять что-либо из его бытийности. Если мы хотим уничтожить кусок угля, мы можем превратить его в золу, но эта зола будет существовать. Мы даже можем бросить золу в море, она смешается с водой и не будет больше видима, но какой бы ни была теперь у нее форма, она будет все также существовать. Мы можем уничтожить формы, но мы не можем уничтожить саму бытийность. Его бытийность будет пребывать вечно.

Что бы мы ни продолжали делать с ним, его бытийность не будет затронута. Бытийность будет пребывать. Конечно, мы можем изменять его формы, мы можем придать ему тысячу различных форм, мы можем трансформировать его снова и снова, но мы не можем изменить то, что есть внутри него. Оно останется. Вчера оно было глиной, сегодня оно зола. Вчера оно было деревом, сегодня оно уголь. Вчера оно было углем, сегодня оно алмаз. Всегда оно есть. Оно ничем не затрагивается, бытийность остается.

Бог есть бытийность во всех вещах — их бытие, их существование. Вещи могут создаваться в любом количестве, но не будет никакого прибавления к этой бытийности; они могут уничтожаться в любом количестве, и все же не будет никакого уменьшения в этой бытийности. Она будет оставаться одинаковой — незапятнанная, несвязанная и незатронутая.

Когда мы проводим черту на воде, хотя она и исчезает до того, как успеешь ее провести, нечто случилось. Но даже настолько кратковременная черта не может быть проведена в существовании, даже это невозможно. Сутра говорит, что это целое вышло из того целого. То неизвестно, это неизвестно. Это, что видимо, вышло из того, что невидимо. Это, что мы знаем, вышло из того, чего мы не знаем. Это, что мы испытываем, вышло из того, что лежит вне нашего опыта.

Поймите этот феномен правильно. Все, что попадает в

пределы нашего опыта, выходит из того, что лежит за пределами нашего опыта. Все, что мы видим, возникает из того, что невидимо.

Известное нам приходит из неизвестного. И все, что знакомо вам, берет свое начало из того, что незнакомо. Если мы сажаем семя, из него вырастает дерево. Если мы разламываем семя на части, там не будет дерева. Там не будет и следа тех цветов, которые должны были бы расцвести. Там не будет и следа тех листьев, которые должны были бы появиться. Откуда они появляются?

Они появляются из невидимого. Они создаются невидимым. Каждое мгновение невидимого преобразовывается в видимое, а видимое исчезает в невидимое. Каждое мгновение беспредельное входит в предельное, и каждое мгновение выходит из него. Это совсем как процесс нашего движения — вдохание и выдыхание. Все существование непрерывно вдыхает и выдыхает. Тот, кто знает секрет дыхательного процесса существования, называет его творением и аннигиляцией. Они говорят, что творение происходит, когда существование вдыхает, а аннигиляция — когда существование выдыхает, и между двумя вздохами мы проходим через бесчисленные жизни. По мере того, как существование выдыхает, мы проходим через бесконечные рождения, бесчисленное количество раз мы приходим и уходим.

Эта сутра говорит две вещи: первая — целое выходит из целого и то, что остается, есть целое; вторая — когда целое поглощает целое, оно все то же целое. Целое остается всегда девственным, всегда нетронутым. Никто не нарушает его девственность. Это очень трудный для понимания вопрос.

Вот чему это подобно: рождается ребенок, а его мать остается девственницей. Такая история рассказывается об Иисусе и его матери Марии. Марию, родившую Иисуса, называют Блаженная Дева. Эта история признана среди тех, кто узнал и понял Иисуса и Марию. И это похоже на рождение существования: целое выходит из целого.

Христианство не в состоянии объяснить это событие. Христиане озадачены концепцией непорочного зачатия. Они несведущи в той арифметике, которая может оставить мать девственницей после того, как она зачала и родила ребенка. Они совершенно ничего не знают о той арифметике, они полностью несведущи в высшей математике. Христианство сильно озадачено. Христиане спрашивают: «Как мы можем объяснить этот феномен? Это невозможно.

Это чудо. Это абсолютно невозможно, но это случилось. Бог явил нам чудо».

Какое бы чудо Бог не являл в этом мире, он являет его каждое мгновение. В этом мире не бывает никаких чудес; или, если посмотреть на это с другой стороны, каждое мгновение есть чудо. Все есть чудо. Когда из семени вырастает дерево, это чудо. Когда из материнской утробы рождается ребенок, это чудо.

Наблюдайте это, когда вы делаете, что угодно. Наблюдайте это, когда вы едите. Наблюдайте это, когда вы идете по дороге. Наблюдайте это, когда вы гневаетесь на кого-то. И осознавайте, что это случается. Стойте позади и будьте свидетелем того, что случается—тогда вы откроете тайну этой сутры. Вы будете держать ее тайный ключ в своей руке. Вы поймете, что что-то случается снаружи, а вы стоите позади, незатронутый и незаинтересованный. Каким вы были до совершения этого, таким же вы остаетесь после, а то, что случается в промежутке, приходит как сон и уходит как сон.

Для Бога — *сансара*, колесо жизни, не что иное, как сон. Если оно становится сном и для вас тоже, тогда вы становитесь неотделимы от Бога. Я повторяю: для Бога *сансара* не что иное, как сон. И пока *сансара* для вас нечто большее, чем сон, вы будете меньше, чем Бог. В тот день, когда *сансара* становится для вас сном, вы есть Бог. Тогда вы можете сказать: «Я — Брахма». Это такая глубокая сутра. Никто не знает, сколько тайн заключено в ней. Остаток есть целое, даже когда целое берется из нее. Запомните: целое остается и целое берется, оно уходит полностью, оно остается полным. Что это значит? Это значит, что каждый человек тоже Бог. Каждый человек и каждый атом — это полностью Бог. Атом не частичный Бог, нет, он есть Бог целиком. Поскольку это неизвестно в нашей обыкновенной арифметике, это трудно понять.

Если вы поняли, что целое выходит из целого и все же остаток есть целое, тогда я могу сказать вам больше. Бесконечное целое выходит из целого и все же остаток есть целое. Если после того, как возникло одно целое, другому целому нет никакой возможности появиться, это значит, что какой-то недостаток был вызван рождением первого целого. Но, если после возникновения первого целого появляется второе такое же целое и третье тоже, если последовательные целые продолжают возникать и все же всегда есть столько же потенциала для возникновения целых, тогда остаток поистине есть целое.

Поэтому вы не часть Бога, говорить так — значит ошибаться. Всякий, кто говорит, что вы часть Бога, ошибается. Он опять говорит на языке низшей математики. Он говорит на языке того мира, где два плю два равняется четыре. Он говорит на языке мира мер и весов. Я же говорю вам, и упанишады говорят вам, и те, кто когда-либо узнавал истину, говорят вам, что вы есть Бог целиком. Это не означает, что ваш сосед не есть Бог целиком.

Нет, этот факт не может быть изменен. На кусте расцветает роза и расцветает полностью, но полнота ее цветения не мешает цветению соседнего бутона. Помощь и сотрудничество становятся возможными, но, несомненно, нет никаких помех. Тысячу раз могут расцвести в полную меру своей способности: тотальность Бога есть бесконечная тотальность. Из бесконечной тотальности могут рождаться бесконечные целые. Каждый человек есть Бог целиком. Каждый атом есть эта огромная Вселенная целиком, нет ни на йоту различия между ним и всем целым. Если есть какое-то различие, тогда оно никогда не может быть всем целым, тогда нет никакого способа сделать его всем целым. И, если он когда-либо будет целым, тогда он есть целое прямо сейчас, просто мы не знаем этот факт. Пророк просто в нашем знании.

Держите в голове эту сутру на протяжении этих дней нашей *садханы*, нашей совместной работы. Повторяйте про себя:

Это целое, и то целое.

Ибо только целое рождается

из целого,

и когда целое отнимается от целого,

смотрите,

остаток есть целое.

Все это не создает никаких различий. Помните это и продолжайте проговаривать это про себя с каждым совершенным вами вздохом. Каждый день разнообразные интерпретации этого будут открываться вам в различных формах и различными путями. Держите эту сутру в голове и по мере того, как мы будем продолжать открывать ее для себя, продолжайте погружаться все глубже и глубже в ее смысл и в ваше памятование о ней. Пусть эти процессы продолжают работать внутри вас. На протяжении этих семи дней есть возможность, что в любой момент нечто может случиться: совершенно неожиданно эта сутра может

сорваться с ваших губ, и вы почувствуете, как целое выходит из целого, и целое остается целым. Целое исчезает в целом, и все же целое остается целым. Нет никакого различия. Все это происходит, как сон, и на самом деле ничего не случается. Все это случается, как театральное представление, и целое остается таким же невозмутимым и незатронутым, как всегда. Если вы будете помнить сутру, как только вы можете, это поможет вам. Попробуйте жить в ее духе двадцать четыре часа в сутки.

Суть Упанишад не может быть понята только посредством ума. Она должна быть достигнута посредством переживания ее. Эта сутра не провозглашает теорий, она представляет определенные *садханы*, определенные практики. Она не состоит лишь из выводов, к которым пришли с помощью знания. Она провозглашает некие виды опыта. Когда вы переживаете эти виды опыта внутри себя, порождаете их внутри себя, позволяете им войти в вашу кровь, кости и плоть, позволяете им вливаться в ваше дыхание, когда вы живете тем, что вы слушаете, помните и проговариваете их про себя, проходя через вашу повседневную рутину бодрствования, стояния, сидения и сна — тогда и только тогда их тайна, их двери начнут открываться вам.

В этой сутре вам дается только первое сообщение. Должно быть, то были замечательные люди, раз они сказали все, что должно быть сказано в этой сутре. Она заканчивается, провозглашая успокоение трех форм агонии: «*Ом Шанти, шанти, шанти*». Какое отношение может эта сутра иметь к успокоению трех агоний? Прекратились ли чьи-то беды благодаря распеванию определенных формул? Нет, но мудрец говорит: «*Ом*», — и это завершает дело. Все ваши беды могут прекратиться, вы можете стать свободным от всех бед, распевая эту сутру.

Если она распевается со всей искренностью, с полным пониманием, то это возможно. Если она просто читается из книги, это невозможно никогда. То есть, если она распевается с отношением, «я уже читал это, я уже слышал это», тогда ничто невозможно. Но для тех, кто сказал: «*Ом*» со всей отвагой и бесстрашием, — со всеми проблемами покончено. Все беды людей, осознавших истину, прекращаются. Все недуги их тела, ума и души исчезают. Такие люди выходят за пределы несчастья.

Вы думаете: «Здесь должен быть какой-то смысл, раз он говорит это с такой легкостью, с такой уверенностью». Смысл же таков: всякий, кто дает ей родиться внутри себя,

будет чувствовать себя свободным от всех несчастий. Ибо есть только один вид несчастья, только одна агония — будь то на ментальном, физическом или духовном уровне. Есть только один вид несчастья и это — эго. «Я делаю это — это сделано мною» вот единственное несчастье, единственное препятствие. «Это оскорбление направлено против меня, надо мной издеваются...» Все события аккумулируются вокруг этого «Я». Но, если такая огромная Вселенная не вызывает никаких изменений в Боге и оставляет Его незатронутым, должен ли я позволять таким незначительным вещам затрагивать меня? Могу ли я тоже оставаться незатронутым? Не могу ли я стать в стороне и сказать: «Нанесенное оскорбление было нанесено не мне». А также: «Все, что я сделал — делалось, не я делал это».

Если я становлюсь свидетелем действий, происходящих ко мне и исходящих из меня, если я прекращаю быть деятелем, тогда начинают раскрываться чудесные тайны. Итак, попытайтесь жить этой сутрой на протяжении этих семи дней. Когда я буду говорить об Ишавасье-упанишаде, вы будете слышать интерпретации этой сутры из различных перспектив. Если вы просто попытаетесь жить в соответствии с той интерпретацией, которую я дал сегодня, понимание, несомненно, придет к вам, и никак иначе.

Теперь достаточно о сутре. Сейчас я дам определенные указания относительно медитации, поскольку завтра утром мы начнем практиковать медитацию. Вот что нужно запомнить в первую очередь: на протяжении всего дня дышите настолько полно, насколько это возможно, и каждый раз, когда вы вспоминаете об этом, вдыхайте как можно глубже. Перенасыщайтесь кислородом. Энергия, которую вы высвобождаете для вашей *садханы*, будет находиться в прямой пропорции к количеству вдыхаемого вами воздуха. В вашем теле скрыто много энергии. Она должна быть пробуждена и активизирована для медитации, она должна быть направлена в медитацию. Итак, первая медитационная сутра, которую я даю вам, заключается в том, чтобы активизировать эту энергию. Самое близкое и самое легкое средство из доступных вам — это наша дыхательная деятельность.

Как только вы проснетесь утром и придете в себя, начинайте глубоко дышать, сидя на вашей постели. Когда вы будете идти по дороге, дышите как можно глубже. Дышите медленно, не перенапрягайтесь, чувствуйте себя удобно и полным радости, но помните: ваше дыхание должно быть глубоким. Все время помните, что вам будет легче войти в медитацию, если вы будете получать как можно

больше кислорода. Чем больше кислорода будет у вас в крови, в сердце, тем легче вам будет найти вашу медитацию. Чем больше вы будете выдыхать двуокись углерода, тем легче вам будет. Количество нечистот уменьшается по мере того, как вы увеличиваете количество кислорода в вашем теле. Интересно узнать, что уму оказывается труднее функционировать, если устранена основа телесного загрязнения. Возможность для быстрого разрастания мыслей в вашем уме будет уменьшаться по мере того, как вы будете поглощать больше свежего воздуха. И, как я сказал вам, это будет повышать потенциал расцветания внутри вас сутр, подобных этой.

Поэтому, первая сутра такова: перенасыщайтесь кислородом. Пусть в вас будет избыток кислорода. Помните об этом на протяжении этих семи дней. Если вы будете делать это, с вами случатся две или три вещи, но не пугайтесь.

Когда вы начнете дышать глубоко, ваш сон станет короче. Об этом не стоит беспокоиться. Когда сон глубок и крепок, его продолжительность уменьшается, а когда вы начнете дышать более глубоко, глубина вашего сна тоже увеличится. Вот почему тот, кто занимается тяжелым физическим трудом, так крепко спит ночью. Глубина вашего сна будет увеличиваться пропорционально глубине вашего дыхания, и по мере того, как глубина вашего сна будет увеличиваться, его продолжительность будет сокращаться. Не беспокойтесь из-за этого. Если сейчас вы спите семь часов, ваш сон сократится до четырех или пяти часов. Не тревожьтесь: после этих пяти часов сна вы будете просыпаться утром более свежим, более радостным и более здоровым, чем раньше, когда вы спали восемь часов. Итак, когда утром ваш сон приходит к концу, а это начнет случаться раньше, если вы дышали глубоко, вы должны сразу же вставать. Не упускайте это блаженное мгновение утра, используйте его для медитации.

Второе, что нужно запомнить: чем меньше вы будете есть, тем легче, тем лучше будет для вас. Сократите количество принимаемой пищи, насколько это возможно, не попадая в затруднительное положение. Продвижение вашей медитации будет тем быстрее и легче, чем меньше вы будете есть. Почему? Тому есть несколько веских причин. Наши тела имеют определенные установившиеся привычки. Медитация — не одна из них, это новая работа для тела. Тело имеет фиксированные ассоциации. Если в какой-то точке наши установившиеся привычки прорываются, тогда наше тело и ум легко могут сформировать новые

привычки. Предположим, вы беспокоитесь и по привычке начинаете почесывать голову. Если же в такой момент вам привяжут руки к телу, чтобы вы не могли почесать голову, то вы не сможете оставаться обеспокоенным. Это весьма озадачивает. Вы можете спросить: «Какая связь между беспокойством и почесыванием»? Ответ таков: привычка. Тело крепко держится за свои привычки и функционирует посредством них.

Еда — наиболее глубоко укоренившаяся привычка тела. Она самая глубокая потому, что без нее невозможна никакая жизнь. Запомните, она сильнее и могущественнее, чем секс. Среди всех глубоко укоренившихся привычек привычка к пище является самой глубокой. Она начинается с первого дня жизни и продолжается до последнего дня. От нее зависит само существование жизни, само тело.

Итак, если вы хотите изменить привычки вашего ума и тела, тогда сразу же ослабьте их самую глубокую привычку. Как только вы сделаете это, все фиксированные физические режимы и установки вашего тела будут нарушены, и вам будет легче входить в новые области и идти к новым направлениям, когда ваше тело будет находиться в этом возмущенном состоянии, в противном случае это будет труднее. Поэтому идите в этом направлении, как можно дальше. Вы можете выбрать пост, или, может быть, прием пищи один раз в день. Поступайте по своему выбору, нет никакой нужды в правилах. Спокойно, своим собственным ходом следуйте по тому пути, который наиболее легок для вас.

Третий пункт — концентрация. Вы должны глубоко дышать дватцать четыре часа в сутки и в то же самое время осознавать ваше дыхание. Даже идя по дороге, концентрации можно достичь следующим образом: вдыхая, наблюдайте, как воздух идет снаружи внутрь, будьте внимательны. Продолжайте наблюдать за вдыханием, а также и за выдыханием. Если же вы будете невнимательны, вы забудете о наблюдении, и ваш процесс вдыхания станет мелким. Если вы будете продолжать делать глубокие вдохи, вы будете в состоянии оставаться внимательным, ибо для выполнения глубокого дыхания вам нужно будет быть внимательным. Итак, объедините медитацию с дыханием. Если выполняя определенные работы, вы почувствуете, что не можете сосредоточивать ваше внимание на дыхании, тогда концентрируйте на вашей задаче. Например, когда вы принимаете пищу, полностью концентрируйтесь на акте еды. Поглощайте каждый кусочек с полной концентрацией. Ког-

да вы принимаете душ, концентрируйтесь на воде, текущей по вашему телу. Идя по дороге, концентрируйтесь на каждом шаге, который вы делаете.

На протяжении этих семи дней погрузитесь в концентрацию на двадцать четыре часа в сутки. Медитация, которой мы будем заниматься здесь — нечто совершенно особое, но сейчас я объясню вам фон того, что вы должны будете делать остальную часть времени. Итак, практикуйте эту третью сутру. Огромное внимание, огромная концентрация — и особенно на дыхании, ибо дыхание является непрерывным процессом, длящимся двадцать четыре часа в сутки. Никто не может продолжать есть, плавать или ходить двадцать четыре часа в сутки, но дыхание продолжается непрерывно, поэтому концентрацию на нем можно практиковать все время. Концентрируйтесь на нем. Забудьте о том, что в мире происходит еще что-то. Живите так, будто во всем мире случается только одно: входящее и выходящее дыхание. Этого достаточно. Следите за этим процессом дыхания, входящего и выходящего подобно бусинам четок. Концентрируйтесь только на этом.

Четвертая сутра — сенсорное голодание. Три дела должны быть сделаны. Если вы чувствуете себя способным хранить молчание целый день, тогда начинайте сразу же. Если же для вас это окажется трудным, тогда говорите в телеграфном стиле. Помните, что вы платите дорожную цену за каждое слово, которое произносите. Поэтому не произносите более двадцати слов за целый день. Говорите только тогда, когда это абсолютно необходимо, когда этого избежать нельзя — как бы вопрос жизни и смерти. Вы представить себе не можете, как благотворно будет для вас хранить полное молчание — его ценность неисчислима.

Итак, позвольте себе быть полностью безмолвным. Вы обнаружите, что это не трудно. Держите при себе бумагу и карандаш, и, если уж возникает абсолютная необходимость, запишите ваше послание и покажите кому-то. Оставайтесь совершенно безмолвным. Благодаря соблюдению молчания, вся ваша энергия будет накапливаться внутри. Эта энергия поможет вам глубже погрузиться в медитацию. Более половины энергии человека расходуется на слова. Поэтому полностью прекратите пользоваться словами. Храните молчание, насколько это в ваших силах, и будьте очень осторожны, чтобы никто другой не нарушил свое молчание из-за вас. Если нарушено ваше молчание, это ваша неудача, это ваша собственная ответственность. Но следите за тем, чтобы никто другой не нарушил свое молчание из-за вас.

Не задавайте никому беспочвенно вопросы, не занимайтесь ненужными расспросами, не поднимайте бесполезных вопросов, не пытайтесь втянуть кого-либо в беседу. Сотрудничайте и помогайте другим хранить молчание. Если кто-то задает вопрос, сделайте ему знак хранить молчание. Он нуждается в напоминании.

На семь дней полностью оставьте разговоры. До сегодняшнего дня вы и так много говорили и опять будете заниматься этим через семь дней. Но на одну неделю полностью отбросьте разговоры. Каждый должен сделать все, что от него зависит. Если вы сможете оставаться безмолвным все семь дней, это поможет вам чрезвычайно, и у вас не будет нужды в оправданиях, мол, «я не могу медитировать». Если вы будете придерживаться пяти указаний, которые я даю вам, у вас не будет причин для недовольства. Если вы будете создавать такие причины, игнорируя эти пункты, ответственность падет на вас одного. Итак, храните полное молчание, и если вы не сможете хранить его, если вы слабы, если вам недостает решимости, если ваш интеллект недостаточно силен — тогда удовлетворяйтесь как можно меньшим количеством разговоров. Если же у вас есть интеллект, сила воли, твердость, уверенность в себе, тогда соблюдайте полное молчание.

Молчание — это первый элемент программы сенсорного голодания. Второй — это повязка на глазах. Сделайте такую повязку и начинайте ею пользоваться с завтрашнего утра. Ваши глаза должны быть полностью прикрыты. Глаза — это дверь, через которую вы выходите наружу. Чем больше выдержите их закрытыми, тем будет лучше для вас. Даже когда вы сидите где-то, держите повязку на глазах, ибо тогда вы не будете видеть других и не возникнет возможность для разговора. И видя вас с повязкой на глазах, другие не будут пытаться докучать вам понапрасну. Итак, будьте слепы. Вы уже слышали о соблюдении молчания, теперь я прошу вас быть также и слепыми.

Быть безмолвным — это своего рода освобождение, а быть слепым — это еще большее и более глубокое освобождение, ибо именно глаза заставляют нас устремляться наружу в течение всего дня. Когда вы закроете глаза, у вас будет гораздо меньше возможности двигаться наружу, и энергия начнет циркулировать внутри. Поэтому держите на глазах повязку. При ходьбе сдвигайте ее немного вверх настолько, чтобы вы могли видеть, что у вас под ногами, чтобы вы могли видеть дорогу на четыре фута перед вами.

Держите повязку на глазах целый день. Если вы можете спать с ней, спите. Только снимайте ее, если для вас это окажется неудобным. Если вы будете спать с повязкой на глазах, будет различие в крепости вашего сна. Остальное время, что вы будете находиться здесь, носите повязку на глазах. Когда мы будем встречаться здесь для утренней медитации, повязка должна оставаться на глазах. Снимайте ее на время послеполуденной медитации, но держите ее на глазах, пока не придете на площадку для медитации. Вечером вы тоже должны приходиться с повязкой на глазах. И уже здесь снимайте ее на время вечерней медитации.

Итак, когда утром я буду начинать говорить, снимайте повязку, а также делайте это для послеполуденной и вечерней медитации. Я даю вам эти возможности пользоваться глазами, ибо, если у вас будет какая-то возможность увидеть внешний мир, это может помочь вашим глазам направиться внутрь. В других случаях держите глаза закрытыми. Вы будете удивлены, сколько ментального напряжения исчезает, когда вы держите глаза закрытыми. Большое количество ментального напряжения входит через глаза вызывает напряжение в тканях мозга. Если бы глаза, оставались невозбужденными, спокойными и расслабленными, исчезли бы девяносто девять процентов психических болезней. Итак, добросовестно и полностью используйте это приспособление.

Не может быть и речи о том, чтобы дать кому-нибудь поблажку или освободить от этого. Если вы попытаетесь увильнуть от этого, проигравшим буду не я. Вы будете проигравшим. Помните, вы должны оставаться слепыми большую часть времени. Вы должны дать вашим глазам надежный отпуск, представьте себе, что у вас вообще нет глаз. Через семь дней вы осознаете, какими расслабленными и спокойными могут быть ваши глаза. Вы представить себе не можете, сколько радости может истекать из их расслабления. Но если на протяжении этих дней вы предпочтете обманывать себя, тогда не я буду нести ответственность. Все это зависит от вас. Здесь никто не несет ответственность за кого-то другого. Вы можете обманывать себя или нет, как того пожелаете. Кроме повязки достаньте ваты, чтобы заткнуть ею уши. Мы хотим дать отдых и ушам. Если глаза, уши и речь отключены и отдыхают, результатом будет состояние лишения восприятия. Заткните ваши уши, а затем завяжите повязку так, чтобы она закрывала глаза и уши. Таким образом, другие не могут причинить вам беспокойство в вашей тишине.

Если ваши уши будут открыты, у кого-нибудь может появиться соблазн поговорить с вами. Если же ваши уши будут закрыты, никакого соблазна не будет. Открывайте ваши уши только тогда, когда я буду говорить здесь по утрам, а также ночью, когда вы будете ложиться спать. Во время послеполуденной и вечерней медитаций держите глаза открытыми, а уши закрытыми.

Пятое и последнее указание является самым важным и существенным условием из всех. Оно таково: только те люди, которые танцуют, смеются и полны веселья и радости, входят в Храм Божий. Плачущим никогда не удавалось получить туда доступ. Поэтому на семь дней оставьте вашу меланхолию и депрессию. Будьте блаженны. Смейтесь, танцуйте и оставайтесь веселыми. Пусть блаженство все время будет с вами. Оставайтесь неунывающим и радостным даже в ваших повседневных делах. Будьте блаженным, когда сидите или идете, будьте пьяны от музыки, сходите с ума от радости. Когда вы идете, идите не так, как ходят все. Идите, как искатель, как шел бы *саду*. С танцем в вашей походке. Мы пришли сюда, чтобы быть свободными от критики со стороны других. В худшем случае другие могут принять вас за маньяка, душевнобольного. Поэтому примите эту ситуацию прямо с самого начала. Это наихудшее, что может случиться. Попытайтесь создать блаженную и радостную атмосферу для всего лагеря.

Храните молчание — молчание, кипящее радостью и восторгом, молчание, танцующее в веселье и забаве, молчание снаружи и танцующая энергия внутри. В вашем восторге, танце и смехе. Если вы расположены танцевать даже во время послеполуденной безмолвной медитации, вы можете танцевать. Будьте полны веселья и ликования даже во время утренней медитации. Если вам хочется, если испытываете такое желание, даже во время медитации танцуйте, прыгайте и смейтесь. Если вы плачете, пусть этот плач будет выходом вашей радости. Пусть ваши слезы помогают изливаться вашему блаженству. Запомните все это. Если вы захотите раскачиваться, раскачивайтесь. Если во время вечерней медитации вам захочется танцевать, танцуйте. Если вам захочется ходить туда и сюда, делайте это. Если вам захочется смеяться, смейтесь. Вибрация празднования должна всегда быть с вами.

Эти пять вещей должны практиковаться с завтрашнего утра. Поэтому сейчас подготовьте повязку для глаз и вату для ушей. Завтра утром к восходу солнца вы не будете тем человеком, который пришел сюда сегодня. Вот чего я ожи-

даю. Делайте то, что я сказал, и, если вы исполните мое ожидание, никто не может удержать вас от того, чтобы быть способным сказать: «Ом, Шанти, Шанти, Шанти», «Ом, Мир, мир, мир», — когда вы будете отбывать отсюда. Если, когда вы покидаете это место, ваше сердце может произнести эти слова, тогда для вас нет никаких трудностей.

2

*Все вещи этого мира,
органические и неорганические,
наполнены Богом.*

*Наслаждайтесь ими через
отречение от них.*

Будьте беспристрастны.

*Не помогайте богатств
других людей.*

НИ МОЕ, НИ ВАШЕ

Основное заявление Ишавасья-Упанишады, само значение ее названия—Ишавасья—такое: Все есть богово. Все вещи принадлежат Богу. Но наш человеческий ум пытается доказать, что все это наше, и мы живем в этом заблуждении на протяжении наших жизней. Что-то является *моим*. Сама идея есть идея собственности и владения — это *мое*.

Когда все есть Богово, тогда не останется места для этого моего «я». Запомните: для своих проявлений даже Эго нуждается в основе. Чтобы выжить, «я» нуждается в поддержке «моего». Если бы поддержки «моего» не было, было бы невозможно выковать «я». При поверхностном рассмотрении кажется, что сперва появляется «я», а за ним уже следует «мое». Но на самом деле как раз наоборот. Если все, что у вас есть, что вы называете «мое», полностью вырывается из ваших рук, ваше «я» не сохранится. Оно исчезнет. «Я» есть не что иное, как собрание «моих». «Я» выковывается из руды «твоего»: мое богатство, мой дом, моя религия, мой храм, мое положение, мое имя, моя семья и так далее.

По мере того, как мы продолжаем извергать каждое «мое», одновременно разъедается основа «я». Если не осталось ничего «моего», тогда нет фундамента, на котором может стоять «Я». «Я» нуждается в месте отдыха, убежище, доме «моего». «Я» нуждается в краеугольном камне «моего», иначе вся структура «я» рухнет. Первое воззвание Ишавасья подразумевает крушение всей этой структуры. Мудрец говорит: «Все есть Богово». Нет места для «моего». Нет никакой возможности даже для того, что «я» сказало «мое» о себе самом. Если оно может сказать «я есть», оно ошибается. Если оно упорно продолжает говорить «я есть», тогда оно является «я», сбитым с толку. Это необходимо понять с двух или трех точек зрения.

Первая такова: вы рождены, я рожден. Но никто не спрашивает меня, хочу ли я быть рожденным или нет. О моих желаниях никогда и вопроса не возникает. Мое рождение не зависит от моего желания или от моего согласия. Когда я узнаю себя, я узнаю, что был рожден. Нет никакого моего бытия до моего рождения. Давайте рассмотрим это таким образом: вы строите здание. Вы никогда не спрашиваете здание, хочет оно быть построенным или нет. У здания нет своей воли. Вы строите его и оно возведено.

Не приходила ли вам мысль, что с вами тоже не сове-

товались до вашего рождения? Бог творит вас, и вы творение. Если здание станет сознательным, оно скажет: «я». Если оно станет сознательным, оно откажется считать своего создателя своим владельцем, своим хозяином. Здание скажет: «Строитель — мой слуга. Он построил меня. Материалы мои, он же служил мне. Я желаю быть построенным, поэтому он построил меня».

Но у здания нет сознания. У человека есть. А на самом-то деле кто знает, есть у здания сознание или нет? Это возможно, так может быть. Есть тысячи уровней сознания. Сознание человека — это один специфический вид сознания. Вовсе не обязательно, чтобы все вещи имели один и тот же вид сознания. Здание может иметь сознание другого вида. Камень может иметь свой вид сознания, растение — свой. Возможно, что они тоже живут в их собственном «я». Когда садовник поливает растения, то, может быть, растение не думает: «Садовник дает мне жизнь, — а наоборот. — Я оказываю милость этому садовнику, принимая его услуги. Из моей благосклонности я принимаю его услуги». Никто никогда не обращался к растению, чтобы выяснить, если ли у него желание быть рожденным.

Абсурдно называть его «моим рождением», когда оно навязывается без моего желания. Где смысл объявлять моим рождением то, о чем со мной не советовались до моего рождения? Когда приходит смерть, она не спрашивает у нас позволения. Смерть не будет спрашивать вас: «Чего вы хотите? Пойдете вы со мной или нет?» Нет, когда она приходит, она приходит по собственной воле точно так же, как рождение приходит без нашего знания о нем. Смерть приходит без стука, без нашего разрешения, без указания, без предварительного уведомления и встает тихо перед нами. Она не оставляет нам никаких альтернатив, никакого выбора. Она ни секунды не колеблется, каким бы ни было наше желание. Это чистый идиотизм считать «моим рождением» то, к чему у меня нет ни малейшего желания или готовности.

То рождение, в котором нет никакого выбора с моей стороны, не «мое» рождение. Смерть, к которой моя готовность не имеет отношения, не *моя* смерть. Так как же та жизнь, которая лежит между двумя этими концами, может быть *моей* жизнью? Как может этот промежуток быть моим, когда оба его неминуемых конца, без которых я не могу существовать, не мои? Это обман, который мы продолжаем укреплять, полностью забывая рождение и смерть. Но, если мы проконсультируемся по этому вопросу

с психологом, он скажет: «Вы забываете их намеренно, потому что помнить о них так горестно». Когда мое рождение не является моим, каким бедным и несчастным я становлюсь. Когда моя смерть не является моей, все отнимается у меня, ничего не остается. Мои руки остаются пустыми. Остается лишь прах.

Мы строим длинный мост жизни между этими двумя концами подобно мосту через реку, но ни один из берегов реки не наш. Не наши и опоры моста на обоих концах. Итак, подумайте немного, как может быть нашим протянувшийся с одного берега этой реки на другой мост, чьи основания не являются нашими? Почему мы стремимся забыть наши рождения и смерть — наши основы?

Человек забывает многие вещи намеренно. Он стремится не помнить, ибо воспоминание может разбить все его это, и оно рухнет. «Тогда что же будет моим?» Поэтому мы воздерживаемся от мыслей о рождении и смерти, и это делает возможным то великое недоразумение, что все, что мы находим в жизни, является нашим. Но, если мы позволяем себе исследовать и изучать то, что мы находим, мы со всей определенностью обнаруживаем, что это не наше. Вы говорите: «Я влюблен в некую особу», — не раздумывая о том, была ли эта любовь вашим решением или нет. Послушайте, что говорят влюбленные: «Мы не знаем, когда это случилось. Мы ничего не делали для того, чтобы это случилось». Тогда как может быть, что это случилось само по себе? Если это случается, это случается. Если это не случается, это не случается.

Мы так зависимы, так отрегулированы, как будто где-то все установлено и определено. Наше положение подобно положению животного, привязанного веревкой к колышку. Животное будет продолжать ходить вокруг колышка на веревке и будет жить в неправильном представлении, что оно свободно, поскольку оно свободно ходить по кругу. Оно забудет о веревке, ведь помнить о ней мучительно. Веревка, привязанная к колышку, причиняет нам боль, потому что она напоминает нам о нашей зависимости.

Истина в том, что веревка говорит нам, что мы в действительности не являемся самими собой. Мы не годимся даже на то, чтобы быть подчиненными, не говоря уже о том, чтобы стать свободными. Чтобы быть чьим-то подчиненным, то есть чувствовать натяжение веревки, необходимо быть осознающим его бытие, а мы не таковы. Животное бродит вокруг вбитого колышка иногда влево, иногда вправо и думает: «Я свободно». А когда оно думает:

«Я свободно», — есть «я». Тогда постепенно оно должно начать убеждать себя: «Я привязано к колышку, потому что хочу этого. Я могу оборвать веревку, как только захочу, но я думаю о моем благополучии».

Мы создаем столько обмана в наших жизнях. Мы говорим: «Я разгневался... я влюбился... я возмущился... я возненавидел... я подружился... я стал врагом...» Но ничего из этого не является нашим решением. Приходилось ли вам когда-либо гневаться и быть творцом этого гнева? Вам никогда этого не удавалось. Когда есть гнев, *вас* нет. Испытывали ли вы когда-либо любовь, которая была сотворена вами? Если вы можете творить любовь, тогда вы можете творить ее с кем угодно. Но действительность такова, что вы способны любить кого-то одного и вы не способны любить кого-то другого. Вы способны заниматься любовью с кем-то, даже когда вы не хотите делать это. И вы не способны заниматься любовью с кем-то, хотя вы хотите делать это.

Все чувства и эмоции жизни приходят из какого-то неизвестного места, они приходят точно так же, как приходит ваше рождение. Вы незаконно посягаете на это событие и становитесь хозяином, творцом его. А что же вы такого сотворили? Что есть такого, что было сотворено вами? Чувство голода приходит, сон приходит, утром приходит пробуждение, а вечером ваши глаза снова начинают закрываться. Детство приходит. Когда оно уходит? Оно не спрашивает нас, оно не вступает с нами в обсуждение и совещание, и оно не откладывает свой уход ни на мгновение, даже если мы просим его об этом. Затем уходит молодость, и приходит старость. Где же вы? Нет, вы продолжаете говорить: «Я молод... Я стар...», — как будто молодость зависит от вас. У молодости есть свои цветы. У старости тоже есть свои цветы, и они расцветают, как расцветают цветы на дереве. Розовый куст не может сказать: «Я заставляю розы расцвести». Он мог бы сказать такое только в том случае, если бы мог заставить расцвести подснежники.

Не приписывайте себе все эти события. Если в детстве есть невинность, она есть в нем без всякого усилия с вашей стороны. И когда в юности вами овладевает секс и другие страсти, они делают это так же, как владеет вами невинность в детстве. Вы не хозяин ни вашей детской невинности, ни вашего юношеского сексуального желания. И не считайте своим достижением то, что в старости ваш ум начинает склоняться к целибату. Так уж оно есть: секс овладевает вами в юности, а безразличие овладевает вами

в старости. Так же и те, которые никогда не были рабами секса, не имеют над этим фактом никакой власти. Поэтому не гордитесь тем, что вы не раб секса.

Исследуйте каждый мельчайший атом жизни, и вы осознаете, что нет места, на котором могло бы стоять «я» — это. Тогда почему же мы создаем эту иллюзию? Как это случилось? Откуда приходит этот обман? Он приходит, потому что мы всегда чувствуем, что есть альтернатива. Например, вы оскорбляете меня. Теперь у меня есть две возможности: я могу ответить вам оскорблением или я могу проигнорировать его, думая, что оскорбления нет вообще. То есть, я могу решить отплатить той же монетой, если захочу, а если я не захочу, я могу решить так не поступать. Но есть ли действительно какие-то альтернативы. Вы предполагаете, что человек, отвечающий оскорблением на оскорбление, мог бы решить не поступать так, если бы он этого захотел? Вы скажете: «Если он не хотел поступить так, ему не нужно было отвечать оскорблением». Но вам придется пойти немного глубже, чтобы понять это. Есть ли это желание уже в нем или он берет его откуда-то? Находится ли это желание оскорбить или не оскорбить в его власти?

Те, кто ищут внутри, говорят, что глубина открывает только то, что события неподвластны вам. Человек намеревается оскорбить, и он оскорбляет. Другой человек решает не оскорбить, и он не оскорбляет. Но откуда приходит эта идея оскорблять или не оскорблять? Ваша ли это идея? Нет. Она приходит из того места, откуда приходит рождение. Она приходит оттуда, где находится любовь. Она приходит оттуда, где находится сознание. Она возвращается туда, где находится смерть. Она поглощается там, куда уходит желание.

Легко обманывать себя, говоря: «Это в моих руках, это в моей власти. Если бы я захотел, то не нанес бы оскорбления». Но кто сказал вам, кто просил вас оскорблять? Люди, подобные Будде и Махавире, никогда не нанесут оскорбления. Думаете ли вы, что они могут просто решить не испытывать желания оскорбить? Нет, так же, как вы испытываете навязчивое желание и неизбежно состояние, в котором вы вынуждены наносить оскорбление, так и Будда и Махавира испытывают равно неизменное состояние, в котором они не могут наносить оскорбления. Они не могут решить, даже если попробуют, почувствовать желание оскорбить. Само такое желание не может быть создано.

Как-то рано утром один человек пришел к Мастеру дзен и начал расспрашивать его, почему тот так спокоен, а сам

он так возбужден и встревожен. Мастер ответил: «Я спокоен, а ты взволнован. Вот и все. На этом вопрос исчерпан. Больше сказать нечего». Человек настаивал: «Нет, я хочу узнать, как вы стали таким спокойным.» Мастер ответил: «А я хочу узнать от тебя, как ты стал таким взволнованным». Человек ответил: «Возбуждение приходит само по себе». Мастер сказал: «Точно так же случилось и со мной. Спокойствие пришло ко мне само по себе, моей заслуги в этом нет. Когда приходило волнение, оно приходило. Я не мог ничего сделать для того, чтобы остановить его, когда ко мне пришел покой, я ничего не могу сделать для того, чтобы вызвать волнение, даже если я захочу вызвать его, настолько я связан с этой ситуацией».

Человек сказал: «Нет, покажите мне, пожалуйста, путь к тому, чтобы быть спокойным и тихим». Тогда Мастер сказал: «Я знаю только один путь, и он таков: оставь свою иллюзию, что способен что-то сделать в отношении этого. Если ты становишься взволнованным, оставайся взволнованным. Знай, что ты взбудоражен и что ты ничего не можешь поделать с этим. Это вне твоей власти. Не делай никаких усилий быть спокойным. Даже те люди, которые делают усилие быть спокойными, становятся взволнованными и взбудораженными. Они становятся взволнованными, и в своих усилиях стать спокойными, они создают в самих себе новое беспокойство».

Но человек упорствовал... Тогда Мастер сказал: «Ты обречен оставаться взволнованным, потому что ты к чему-то стремишься. Ты отказываешься предоставить это дело Богу, тогда как действительность такова, что все зависит от него, ничего не подвластно тебе. Я стал спокойным с того дня, когда начал с готовностью принимать все, что случилось, что выпадало мне. Я не мог быть спокойным, пока я желал и пытался стать чем-то».

Но человек никак не принимал то, что говорил Мастер. «Я завидую вашему спокойствию, — сказал он, — я не могу удовлетвориться вашим объяснением».

Тогда Мастер попросил его подождать и задать свой вопрос, когда в его хижине не будет никого, ибо у него было много посетителей. Человек согласился, и, когда все посетители ушли из хижины, он снова попросил Мастера указать ему путь. Тогда Мастер, приложив палец к своим губам, сказал: «Молчи».

Человек был сильно озадачен. Он сказал: «Когда здесь были люди и я попросил вас дать мне ответ, вы сказали мне спросить тогда, когда здесь никого не будет. А когда

здесь никого нет и я прошу вас дать ответ, вы велите мне хранить молчание. Как же тогда будет разрешена моя проблема?»

Пришел вечер, солнце село, и все люди ушли. Хижина была пуста, и человек снова обратился за ответом. Мастер пригласил его выйти наружу. Сияла полная луна. Мастер сказал: «Ты видишь эти растения?» А перед хижинной росли небольшие растения. Человек ответил: «Я вижу их». Мастер опять спросил: «Ты видишь там, вдалеке, те деревья, высоко поднимающиеся в небо?» Человек сказал: «Я вижу их».

Тогда Мастер сказал: «Те деревья большие и высокие. Эти растения маленькие и низкие. Между ними нет никаких конфликтов. Я никогда не слышал никакого спора между ними по этому вопросу. Эти маленькие растения никогда не спрашивают высокие деревья, почему они высоки, они удовлетворены своим малым размером. У высоких деревьев есть свои трудности, это обнаруживается во время бури. У маленьких растений тоже есть свои проблемы, но они довольны своим малым размером точно так же, как высокие деревья довольны своим высоким ростом. Я никогда не слышал о споре между ними, я всегда находил их молчаливыми. Так что, пожалуйста, оставь меня. Я есть то, что я есть. А ты есть то, что ты есть».

Но как может тот человек удовлетвориться этой аналогией? И как вас убедить? Ум всегда желает быть чем-то. Почему он ведет себя так? Да потому, что мы всегда считали само собой разумеющимся, что мы можем что-то сделать. «Нет, — говорит Ишавасья, — вы ничего не можете сделать. Вы не можете быть деятелем». Вот в чем была тайна той чудесной идеи, которую назвали «судьба». «Судьба» не подразумевает, что вы не должны ничего делать. Это означало бы сидеть тихо, а судьба говорит, что вы не можете даже сидеть по своей собственной воле. Если судьба вас усаживает, только тогда вы сидите. Судьба делает ваше «я не буду ничего делать» невозможным для вас. Если судьба пожелает какого-то недеяния, тогда недеяние случится.

Запомните, пожалуйста, нет ни единого фаталиста среди тех, которые кажутся фаталистами. Они говорят: «Все в руках судьбы. Что мы можем сделать? Поэтому мы ничего не делаем». Само существование идеи «мы ничего не делаем» означает, что чувство делания все еще присутствует. Концепция фатальной тотальности означает, что нас нет. Нет никакого способа делать что-либо. Оно есть Бог.

Когда мы не можем делать что-либо, когда мы не можем быть деятелями, тогда что будем моим? Кому мы будем говорить: «Это мое»? Можем ли мы сказать: «Это мой сын»? Это выглядит так, ведь кажется, что «я дал ему рождение». Такая иллюзия случается, хотя никто никогда не давал рождения ни одному сыну. Сыновья рождаются, они находят свой выход через вас. Вы не создаете сексуальное желание.

Оно прокладывает свой путь через вас. Вы начинаете любить женщину. Эта любовь возникает не из вас. Любовь прокладывает свой путь через вас. Сексуальное желание, любовь, стремление ваших тел встретиться друг друга — это стремление не ваше. Оно скрыто в каждой частице вашего тела, в мельчайших волосках на вашем теле. Оно сжато в каждой частице, оно побуждает вас. В конце концов, ребенок зачат. Кто-то становится его матерью, и кто-то становится его отцом. Выглядит так, будто они произвели ребенка на свет. Судьба смеется над вами. Из вас сделали орудие рождения, не вы дали рождение. Вы были просто проходом. Мать является просто проходом для чего-то путешествия в жизнь. Через нее судьба дает рождение. Вы ничего не сделали.

Вы строите здание и говорите: «Оно мое». Но замечаете ли вы, что птицы тоже строят для себя гнезда. В этом мире даже самая маленькая тварь устраивает себе место для обитания. Есть птицы, которые ни у кого этому не учатся. Есть птицы, матери которых улетают прочь после откладывания яиц. Из яиц вылупляются молодые особи. Они не получают ни материнского обучения, ни отцовской защиты. Они не ходят в школу. И чудо в том, что эти птицы делают свои гнезда точно такими же, как делали свои гнезда их матери и их бабушки до них. И гнездо — это не простая вещь, оно требует большого архитектурного мастерства. Оно столь прекрасно, что если бы человеку захотелось построить такое гнездо, ему пришлось бы учиться, как его строить, и даже после обучения ему было бы трудно построить его так мастерски.

Как делается такое гнездо? Ученые называют это заложеной программой. Они говорят, что в каждой мельчайшей клетке птичьего тела есть заложённая программа. Весь процесс построения гнезд скрыт в ее костях, плоти и тканях. То, что эта птица может построить свое гнездо, есть несомненный факт. Она будет искать именно тот вид травы и листьев, который искала ее мать. Никто не учил ее. Мать даже не видела ее, и она не ходила в школу. И

все же она будет выбирать такие же листья и такие же стебельки травы и построит такое же точно гнездо, какое до нее строили ее мать и бабушка. Человек тоже строит. Всевозможные виды тварей строят. Нет никакого основания говорить: «Это мое». Можем ли мы предъявлять такое притязание в отношении богатства? Все животные накапливают, они делают это различными способами, и человек поступает в этом деле отнюдь не самым умным образом. Есть животные, гораздо более умелые в акте накопления, чем человек. В Сибири есть белые медведи. На протяжении шести месяцев в году там идет снег, и человеку трудно выжить в эти месяцы, а медведь защищает себя. Его метод накопления чудесен. Он не собирает вещи, он набирает жир — достаточно, чтобы хватило на шесть месяцев. Он просто продолжает накапливать все больше и больше жира в своем теле. Он хранит столько жира в своем теле, что может прожить на нем шесть месяцев, во время которых он спит под снегом.

Ваше богатство не находится так глубоко внутри вас. Воры могут украсть его у вас. И чтобы быть полезным для вас, ваше богатство обусловлено многими обстоятельствами. У вас может быть богатство, но оно окажется бесполезным для вас, если на фондовой бирже произойдет крах. Белый медведь умнее, чем вы. Он накапливает свою пищу внутри себя, и, поскольку, лежа под своим тяжелым снежным одеялом, медведю неудобно жевать, глотать, переваривать и образовывать новую плоть, он хранит свою пищу в виде жира, который может быть спокойно поглощен.

Весь мир накапливает. Не думайте, что только вы поступаете так. Это естественный процесс. Когда мать кормит грудью своего ребенка, гордость, которую она ощущает, необоснованна. Не успеет ребенок появиться на свет, как груди матери наполняются молоком, и ее тело начинает производить молоко. Если бы ребенок отказался принимать молоко, мать оказалась бы в трудном положении и чувствовала бы себя весьма стесненно. Это счастье, что ребенок пьет молоко. Мать не приготавливает молоко преднамеренно. Рождение ребенка — это спонтанный процесс, и как часть этого процесса в матери производится молоко. По мере того, как младенец подрастает, приток молока начинает уменьшаться, и, когда нужды больше нет, молоко исчезает.

Все происходящее — естественно. Желание накопления — естественно. Вот почему эта сутра Ишавасьи говорит: «Все есть Богово». Вы можете называть это природой,

судьбой, *пракрити* — Ишавасья называет его Богом. Все из Бога. Природа, судьба, *пракрити* — это все механические слова, а он так огромен, так полон тайны, так полон жизни и сознания, что он не может быть механическим.

Наука тоже утверждает, что все делает природа, но когда мы говорим о Боге на языке науки, мы становимся жалкими, мы становимся никчемными и механическими. Когда Ишавасья говорит: «Все делает Бог», — с одной стороны срывается наше эго, а с другой стороны мы становимся Богом. Это важно. Это стоит того, чтобы в нем разобраться. По мере своего продвижения наука придает все большее значение тому, что человек должен отбросить идею «Я делаю». Все случается. Но наука делает ударение на том, что все случается механически. Все случается, как в машине. А когда все случается механически, положение у человека жалкое. Его эго разбивается вдребезги, но не открывается ничего, придающего ему смысл или весомость.

На самом деле гордыня человека, его эго — это весьма незначительное и мелкое явление, подобное пламени небольшой глиняной лампы, заправленной маслом. Наука гасит его — и вокруг полная темнота, и нет восходящего солнца, которое светило бы вместо него. Вот почему явление Ишавасьи более ценно, чем явление науки. С одной стороны, Ишавасья гасит ваш тускло горящий свет и отнимает ваше ничтожное эго, говоря: «Погасни. Тебя нет и твой страх излишен». А с другой стороны, она порождает суперсолнце. В одно мгновение, с одной стороны, она говорит: «Вас нет», — и тут же, с другой стороны, она утверждает вас в положении Бога. С одной стороны, она вызывает вас и уничтожает вас полностью, а с другой стороны, она дарует вам целое. Она гасит глиняную лампу эго, тускло горящее, коптящее пламя дурно пахнущего масла, но вместо этого она даст вам яркий, сияющий свет солнца. Она уничтожает «я» — эго, но утверждает вас в высочайшем «я» — Боге.

Это и есть различие между измерениями религии и науки. Наука утверждает те же самые факты, которые утверждает религия, но акцент науки ставится на машину. Религия же, обсуждая те же самые вещи, ставит акцент на сознание, мудрость, живое. И этот акцент важен. Если преуспеет западная наука, человек в конце концов станет машиной. А если преуспеет религия Востока, человек в конце концов станет Богом. И та, и другая разрушают эго, но наука унижает человека в этом процессе.

Около ста пятидесяти или двухсот лет назад наука впер-

вые начала заявлять, что человек — это беспомощное животное. Когда Дарвин сказал человечеству: «Забудьте о том, что вы были созданы Богом. Вы эволюционировали из животных, из зверей», — тогда человеческое эго получило первый удар — и какой! Человек верил, что он сын Божий, божье творение, хотя никаких доказательств этого у него не было. Тогда неожиданно оказалось, что Отцом был не Бог, а шимпанзе. Это должно было быть ужасным потрясением. Какое падение! Только что был Бог, сидящий на высочайшем троне, а мы Его сыновья, а в следующее мгновение мы оказались потомками обезьян. Это было очень мучительно для человека, это больно задело его. Итак, наука впервые заявила, что человек должен полностью забыть о том, что он человеческое существо, и считать себя животным, зверем. Все усилия человека лелеять свое эго были подорваны.

Но раз начавшись, путешествие, каким бы ни было его направление, не прекращается, пока не будет завершено. Оно стремится к своему концу. Было трудно остановиться на уровне животного. Сперва наука объявила, что сам человек является неким видом животного. Затем, после дальнейших исследований природы животных, наука обнаружила, что животные — это машины.

Понаблюдайте за черепахой. Вы увидите что, когда жара усиливается, черепаха движется в тень. Вы скажете, что она переместилась туда потому, что ей стало слишком жарко. Наука отвергает это. Наука изготовила механических черепах. Они были помещены на солнце, и они оставались там, пока жара была не очень большой. Но когда жара усилилась, они начали двигаться. Они перебрались в тенистое место. Эти черепахи были всего лишь механическими штучками, что же случилось с ними? Наука называет это условием гомеостаза — средство передачи предупреждения о любом значительном изменении температуры. Здесь не вовлечено никакого сознания. Вы видите мотылька, летящего к пламени лампы. Поэт описывает его, как безумца, ослепленного любовью к пламени, приносящего свою жизнь в жертву любви. Ученый не примет этого, для него в этом событии нет ничего, подобного безумству. Все это механично. Как только мотылек видит пламя, его крылья начинают нести его к пламени. Ученые изготовили механических мотыльков и выпустили их в темноту. Затем они включили свет, и сразу же мотыльки устремились к нему.

Итак, наука установила, что животные являются ма-

пинами, и ее окончательный вывод был просто великолепным. Сперва ученые установили, что человек произошел от животных. Затем они установили, что животные подобны машинам. Их окончательный приговор: человек есть машина. Естественно, в этой аргументации есть какая-то правда. Это хорошо, что они разбивают человеческое эго, они низводят человека до статуса машины — человек дегенерирует в нечто механическое. Человеку опасно думать подобным образом, пагубность этого была доказана. Такие люди, как Сталин и Гитлер, могли обрекать на смерть миллионы людей, поскольку они смотрели на человека, как на машину, и поэтому их сердца оставались незатронутыми массовым убийством.

Теперь рассмотрим такую интересную ситуацию. Кришна сказал в Гите, что человеческая душа бессмертна, она не умирает, поэтому убийство ваших врагов не имеет никакого значения. Сталин тоже мог бы сказать, что, поскольку человек — это машина, не имеющая души, в убийстве его нет ничего плохого. Когда Кришна сказал Арджуне, что душа бессмертна и не умрет, как бы вы ни пытались убить ее, воздействие его слов на Арджуну было таким, что он примирился с убийством своих врагов. Но результаты этих двух действий совершенно различны. Когда принимается бессмертие души, вопрос смерти становится бессмысленным. Сталин получает удовольствие, обрекая миллионы людей на смерть. Но для него нет такой вещи, как душа, не творится никакого зла, ведь человек всего лишь машина.

Не может быть никаких возражений по поводу уничтожения машины. Если вы бьете машину палкой, даже сторонник ненасилия не может обвинить вас в совершении насилия. Внешне результаты кажутся одинаковыми, но они не таковы, ибо истинное значение результатов весьма отличается и меняет оттенок смысла в каждом случае. Наука настаивает на том, что все делает природа, человек не делает ничего. Религия заявляет то же самое, но с той разницей, что Бог, а не природа делает все. Наука не только разрушает человеческое эго, но и принижает человека, а религия, разбивая человеческое эго, поднимает его на более высокий уровень и отправляет его в путешествие, направленное вверх.

Эта сутра говорит, что ваше эго исчезнет, если вы прекратите называть что-либо своим. Рассматривайте все это, как принадлежащее Богу. Не лелейте желания чьих-то богатств. В конце концов почему? Когда ничего не может

быть моим, тогда ничто не может быть и вашим. Будьте внимательны, ибо эта сутра:

Не домогайтесь богатств других людей, —

весьма неправильно понималась: она истолковывалась так неправильно, что можно прийти в глубокое недоумение. Большинство комментаторов объясняли ее так: «Желать богатства другого — это грех, поэтому не вынашивайте такого желания». Но они кажутся спятившими, ведь первая часть сутры говорит, что богатство не принадлежит никому, оно Божье. Первая часть сутры говорит: «Если это не мое, как оно может быть вашим?» Нет, ее истинный смысл таков: вы не должны желать богатства другого, потому что богатство, которое не является моим, также и не ваше. Возможность для желания существует только тогда, когда, поскольку оно может быть вашим, оно также может быть и моим. В противном случае для желания нет основания. Знатки науки этики объясняли, что смысл сутры в том, что грешно даже думать о богатстве другого. Но поскольку оно не может быть моим, как оно может принадлежать другому?

Никакой знаток этики не может уловить истинный смысл этой сутры. Он тонок и глубок. Моралист ратует за то, чтобы никто не воровал чужую собственность. Никто не должен считать своим то, что принадлежит другому, но этот акцент моралиста на собственность другого является просто обратной стороной его акцента на том, что принадлежит ему самому. Запомните, человек, который говорит: «Это ваше», — не свободен от понятия «Это мое», ибо это две стороны одной монеты. Пока остается чувство «этот дом мой», будет оставаться и его противная сторона «этот дом ваш», а когда чувство моего дома исчезнет, как может сохраниться соответствующее чувство вашего дома? Не желать богатства или собственности другого не значит, что эта собственность принадлежит другому человеку и, следовательно, желать ее — грех. Настоящее значение заключается в том, что собственность и богатства не принадлежат никому, богатства принадлежат только Богу, и именно потому такое желание есть грех. Не рассматривайте что-либо как «мое» или «ваше», не считайте себя владельцем и не пытайтесь украсть у другого, ибо это означает рассматривать нечто, как принадлежащее ему. Мы не можем ни украсть что-либо, ни сохранить его. Все это

принадлежит Богу, и то, что есть Его, мы не можем ни добыть, ни накопить.

Как смешна эта идея собственности. Я устанавливаю на участке земли доску с надписью, объявляющей его моим. Глядя на мои действия, этот участок земли, должно быть, смеется от души, ибо многие до меня тоже устанавливали доски с надписью «мое», и участок земли похоронил их всех. Они были похоронены там, где вы сейчас сидите. По меньшей мере, десять человек могут находиться под тем местом, на котором сидит каждый из нас. Во всем мире едва ли найдется пядь земли, которая не содержала бы могил десяти человек. В мире родилось и умерло так много людей, что под каждой пядью земли должно быть похоронено по меньшей мере десять человек. Этот участок земли прекрасно знает, что другие претенденты тоже устанавливали на нем такие доски. Но ничто не останавливает человека. Такой, как он есть, он по-прежнему будет продолжать устанавливать такие доски, и он не хочет видеть, что он просто добавляет свое имя на старую доску, заново покрытую краской. Он не хочет видеть, что завтра кому-то другому придется повторить ту же самую работу. На самом деле весь этот шум из ничего. Этот участок земли, должно быть, смеется.

Итак, не домогайтесь собственности другого, ибо она не принадлежит никому. Я не имею в виду лишь то, что грешно захватывать собственность другого с целью сделать ее вашей. Прежде всего грех — это считать ее его или вашей. Грех — это смотреть на нее, как на чью бы то ни было собственность. Безусловно, грех — это признавать право собственности за кем бы то ни было, кроме Бога. Если вы сможете постигнуть это толкование, тогда и только тогда вы будете в состоянии уловить тонкий и глубокий смысл Ишавасьи. В противном случае кажущееся значение этих сутр будет в том, что каждый должен надежно владеть своей собственностью и, чтобы защитить свои собственные интересы, должен повсюду проповедывать, что никто не должен домогаться собственности другого.

Вот почему Маркс и другие, разделяющие его образ мышления не были неправы, когда они почувствовали, что все религии защищали богатых, поскольку толкование таких сутр было неправильными и вводящим в заблуждение. Из этих толкований возникает представление, что вы не должны пытаться отнять у другого то, владельцем чего он является. Это ясно определяет, что владелец имеет право заручиться помощью полиции для защиты своей собствен-

ности. Поэтому это направлено на поддержание закона и порядка, статус—кво и идеи собственности. Но эта сутра не подразумевает этого. Самое первое значение Ишавасьи таково: все принадлежит Богу. Один Бог — хозяин. Ни я, ни вы не являемся хозяевами, и наша идея собственности—иллюзия. Хозяин только Он, кто никогда не приходил заявить: «Я — хозяин». Перед кем Ему заявлять? Кому бы Он стал говорить: «Земля моя?» Чтобы говорить так, надо по меньшей мере иметь другого — а все есть Бог.

Помните об этом, когда будете устанавливать доску со своим именем над каким-то участком земли. Вы делаете это для других, чтобы они могли знать, что он ваш. Вы не устанавливаете такие доски в джунглях. И, предположим, что вы живете один на всей Земле. Я не думаю, чтобы вы были настолько безумны, что стали бы устанавливать такие доски в различных местах. Если вы единственный человек, живущий на этой планете, то вся земля Ваша. Было бы совершенно бессмысленно беспокоиться о том, чтобы объявлять это.

Бог не делает таких объявлений, ибо Он — хозяин. Запомните это тоже, это еще одно послание, содержащееся в этой сутре, Ишавасьи: те, кто делают объявления, не могут быть хозяевами. Хозяину нет нужды объявлять это. Хозяин есть хозяин, пусть даже необъявленный. Только слуги делают объявления. Если человек выдвигает убедительные претензии на что-либо, это скорее всего создает в равной степени сильное сомнение в умах слушателей. Когда кто-то горячо заявляет, что право собственности на что-то принадлежит ему, то можете быть уверены, что это принадлежит не ему. Почему претензии выдвигаются так неистово? Мы всегда громко заявляем о своем праве на какую-то вещь, чтобы доказать, что она наша, тогда как на самом деле это не так.

Бог не делает никаких объявлений. Для кого Он должен это делать? Почему Он должен объявлять? Заявление было бы бессмысленным. Заявление, наоборот, доказало бы, что это не Его. Это не принадлежит никому из тех, кто когда-либо претендовал на это. Не желайте богатства другого, ибо оно никому не принадлежит — это все Богово. Не считайте это вашим или чьим-то еще, считайте это Боговым, и осознавайте, что этот другой и вы тоже Боговы — все Его. Поэтому воровство и вымогательство бесполезны, бессмысленны и неуместны. Для этого не надо большого ума. Все это напрасный труд. Такие усилия подобны рисованию на воде.

Есть еще один пункт:

Наслаждайтесь...через отречение....

Говорится, что, если вы отрекаетесь от некоей вещи, вы можете наслаждаться ею. Но нет, мы так не думаем. Наоборот, мы думаем, что можем наслаждаться только тем, за что крепко держимся. Но этот мудрец наставляет нас делать как раз обратное. Он говорит, что только те могут наслаждаться вещами, кто отказывается от них. Это утверждение является антитезой нашему убеждению. Только те становятся настоящими хозяевами, кто отказывается быть хозяином. Все падает в руки тех, кто не имеет желания цепляться за вещи.

Хорошей аналогией является попытка удержать в руке воздух. Вы можете постичь истинный смысл этой сутры:

Наслаждайтесь ... через отречение...—

если вы просто попытаетесь удержать воздух в вашей руке. Чем крепче вы сжимаете кулак, тем меньше воздуха вы удерживаете, пока, наконец, воздуха не останется совсем. Расслабьте хватку, и воздух устремится к вашей открытой руке. В открытой руке всегда есть воздух, а из сжатого кулака он ускользает. У того, кто держит свою руку открытой, она всегда полна воздуха, она никогда не бывает пустой, каждое мгновение воздух свеж. Замечали ли вы это? Открытая рука никогда не бывает пустой, а сжатый кулак всегда пуст. И, если немного воздуха и останется в сжатом кулаке, он стар, затхл и несвеж. Только те, кто отрекаются, способны наслаждаться.

В этом мире, в этой жизни человек получает ровно столько, сколько он готов отдать. Это парадоксально — но все правила жизни парадоксальны. Они не противопоставления. Они — парадоксы. Человек, который желает почета и уважения в мире, непременно найдет позор и презрение. Человек желает быть богатым, но когда он начинает накапливать богатство, он становится бедным и убогим внутри, хотя внешне он кажется богатым. Тот, кто думает и мечтает о бессмертии, обеспокоен страхом смерти двадцать четыре часа в сутки. Смерть никогда не приходит в дом человека, который готов приветствовать ее. Тот, кто готов встретить смерть, вкушает нектар, тогда как тот, кто боится смерти, умирает каждый час. Он умирает все время, ибо он совсем не знает, что такое жизнь. Тот, кто говорит: «Я стану господином», — скоро станет рабом, а тот, кто говорит: «Я готов быть рабом», получит бесконечное господство.

Но это все противоречивые заявления, поэтому понять их очень трудно. А когда мы пытаемся толковать их, мы делаем это таким образом, что избавляемся от содержащегося в них парадокса, и в результате упускаем суть.

Вот так неправильно люди и толковали эти сутры.

Наслаждайтесь ... через отречение...—

стало означать, что, если вы раздаете милостыню, небеса наградят вас. Дайте копейку нищему, сидящему на берегу Ганга, и вы будете вознаграждены в тысячекратном размере. В этом мире ни с чем другим не обращаются так плохо, как с сутрами, подобными этим, а также ни с кем не обращаются так несправедливо, как с мудрецами, — ибо их трудно постичь в их истинном духе.

Вместо этого мы интерпретируем их из нашей собственной перспективы. Мы думаем, что понимаем сутру: если вы отдаете нечто как милостыню, вы попадаете на небо после смерти. Но обратите внимание — сутра говорит: *тот, кто отрекается, получает*. Она не говорит: тот, кто отдает с намерением получить, не отдает, поскольку он просто вычисляет, как получить награду. Человек, который раздает милостыню здесь, в этом мире, чтобы получить награду на небесах, вовсе не отрекается. Он просто экономит на будущем. Если правильно понять, то его действие не только скаредничание на будущем мире. Своим действием он говорит другим: это действие не очень важно здесь, это вполне обыкновенно, но оно очень важно там, в следующем мире. Если он вполне уверен, если он убежден на сто процентов, что в следующем мире он будет вознагражден за свои хорошие поступки в этом мире, тогда он готов сделать определенные капиталовложения. Он готов рискнуть какой-то частью своей собственности, если ему полностью гарантируется награда в следующем мире.

Нет, такой человек совершенно не уловил смысла сутры. Это не то, что говорит эта сутра. Она просто говорит: «Тот, кто отрекается, получает». Она не говорит: «Отрекайтесь, чтобы вы могли получить в будущем». Человек, чьи глаза направлены на получение, никогда не может думать в терминах отдавания.

Когда он вроде бы отдает, это не отречение, а капиталовложение. Он просто перестраивает свои финансовые дела, чтобы получить больше. Если человек вкладывает в фабрику миллион, можно назвать это благотворительностью? Безусловно, нет. Он делает капиталовложение с желанием заработать полтора миллиона. Затем он может

вложить в дело полтора миллиона. И это благотворительность? Вот так он и продолжает, вкладывая все больше и больше, чтобы иметь возможность еще сильнее вцепиться в свою собственность. Он хочет все большего и большего.

Человек, который занимается благотворительностью в расчете на то, что он получит взамен, не понимает смысла благотворительности. Эта сутра делает прямое, простое утверждение, что наслаждается тот, кто отрекается. Она объясняет, что, если вы можете отдавать, тогда вы можете наслаждаться. Но, если вы лелеете желание наслаждаться, вы никогда не сможете отречься.

Это чудесная сутра. Вначале она объявляет, что все принадлежит Богу. Чем же остается владеть и за что цепляться тому, кто осознал, что все принадлежит Богу? Для обладания не остается ничего. Отречение полное, и человек, который осознал это, который отрекся от всего и эго которого исчезло, есть сам Бог, а стать Богом — значит начать наслаждаться. Он погружен в высочайшее наслаждение, поглощен в высочайшее блаженство. Он начинает испытывать это высочайшее наслаждение каждый миг. Каждая мельчайшая частица его жизни начинает танцевать. Чем остается наслаждаться тому, кто стал самим Богом? Он начинает наслаждаться всем. Всем! Огромное небо, распускающиеся цветы, восходящее солнце, звезды ночью, улыбка и смех — все становится объектами его наслаждения. Это высочайшее наслаждение теперь распространилось для него во все стороны. Теперь он господин и обладатель ничего, но по всем направлениям лежат пространства наслаждения, и отовсюду он пьет божественный сок.

Религия — это наслаждение. Когда я говорю, что религия есть наслаждение, многим людям становится не по себе, ибо их представление о религии заключается в том, что религия — это отречение. Запомните, тот, кто думает, что религия — это отречение, будет совершать ту же ошибку капиталовложения. Однако суть жизнь в отречении. Жизнь — это отречение. Цепляться за что-либо в жизни — чистейшая глупость. Цепляться — огромная ошибка. Поступая так, человек теряет то, что мог бы получить. Заявляя: «Это мое», — человек теряет то, что уже было его.

Все само по себе отпадает от того, кто осознал, что все принадлежит Богу. Тогда не остается ничего, от чего он мог бы отречься. Запомните, акт отречения невозможен для того, кто говорит: «Это мое». Если человек говорит: «Я отрекаюсь от этого» — в этом содержится его убеждение, что эта вещь была его. Но дело в том, что тот, кто

говорит так, не может отречься, поскольку его представление о «моем» продолжает существовать. Божественный человек, который может отречься, это тот, кто может сказать: «У меня ничего нет, от чего же я могу отречься?»

Прежде чем отречься от чего-то, человек должен обладать этим. Если я скажу: «Я дарю вам небо», — вы будете смеяться надо мной и скажете: «Давайте сперва вспомним, является ли вашим это небо, которое вы отдаете». Подобным же образом я могу сказать: «Я даю вам планету Марс в качестве милостыни». Это в равной степени нелепо. Эта планета должна быть моей, прежде чем я могу отдать ее как милостыню. Эта иллюзия не происходит в результате простого акта отказа от чего-то. Это происходит только в осознании истины, что все принадлежит Богу. Тогда отречение случается. Его нельзя практиковать.

Отречение — это переживание, осознание того факта, что все есть Богово. Теперь не остается ничего, от чего можно было отречься. Теперь не остается даже вас самого, кто стремится отречься. Теперь не существует никакого притязания на что-то, от чего можно было бы отказаться. Тотальное блаженство приходит к тому, чье отречение несет такую природу. Вся сущность, вся красота, весь нектар жизни теперь его. Поэтому сутра говорит, что тот, кто отрывается, приобретает все. Тот, кто опустошает себя, кто отказывается даже от своего «я», становится хозяином бесконечных богатств.

Теперь достаточно об этой сутре. Мы поговорим еще сегодня вечером. Пожалуйста, примите к сведению эти несколько наставлений в отношении утренней медитации, прежде чем мы начнем. Первый пункт таков: все, что я говорил, — это медитация. Держите вашу руку открытой, и вы будете наполнены воздухом. Когда вы испытаете на себе, когда вы признаете, что все принадлежит Богу, вы будете восхищены блаженством внутри вас.

Эта медитация будет продолжаться сорок минут. Держите ваши глаза и уши полностью закрытыми, чтобы никакой свет и никакой звук не могли проникнуть в вас. Первые десять минут делайте глубокие вдохи. Старайтесь изо всех сил, чтобы разбудить всю энергию *кундалини*. Если ваше тело начинает танцевать, кружиться и прыгать, позвольте ему делать это. Совершенно не беспокойтесь об этом. На протяжении следующих десять минут с величайшей радостью внутри расслабляйте полностью ваше тело. Ваше тело захочет прыгать, танцевать, смеяться, кричать, плакать, петь. Позвольте ему делать все, что оно захочет,

полностью сотрудничайте с ним. Во время третьего десятиминутного периода продолжайте сотрудничать с вашим телом и одновременно продолжайте спрашивать себя: «Кто я?» Продолжайте спрашивать: «Кто я?» — как будто вы распеваете мантру. Делайте это с удовольствием, с радостью. Затем во время четвертого десятиминутного периода некоторым из вас захочется встать, некоторым захочется лечь, а другим захочется кататься по земле. Делайте все, что вам захочется. Наконец, на протяжении последних десяти минут оставайтесь в тишине, ожидая вхождения Бога внутрь вас. Оставайтесь полностью расслабленным, совершенно не сопротивляясь, чтобы Он мог войти в вас. Вам придется ждать этого.

Прежде чем мы начнем наш эксперимент, сложите руки вместе и перед Богом произнесите торжественную клятву. Закройте глаза, сложите руки вместе, думайте о Боге как о вашем свидетеле и повторите эту клятву три раза: «В присутствии Бога я клянусь, что полностью выложусь в медитации».

З

*Для такого человека, как вы,
который желает прожить
сто лет,
будучи вовлеченным в свою
деятельность в мире и
верящего: "Я - деятель",
нет никакого другого пути, кроме
этого - жить не запятанным
своими деяниями.*

ФОРМА ВОДЫ

Есть только один путь, на котором вы можете остаться незатронутым: делать то, что вы должны делать в этом мире. Этот путь, о котором говорит Ишавасья, таков: живите, покоряясь Ему, отдавайте все, оставляйте все у Его ног. Предоставьте все Ему. Отбросив понятие себя самого как деятеля, вы можете жить вашей жизнью и оставаться незатронутым выполнением ваших мирских обязанностей. Это единственный путь, другого нет.

В этой связи будет полезно понять два или три пункта. Первое: жить в этом мире, не будучи затронутым кармой — вашими деяниями, — это великая алхимия и вопрос огромной ценности и мудрости. Это почти как представить себе человека, выходящего из угольного подвала без какого-либо следа угольной пыли на нем. Более того, это не вопрос пребывания в угольном подвале на протяжении одного-трех часов. Если мы рассматриваем продолжительность нашей жизни, мы говорим о столетнем периоде. А если мы рассматриваем многие жизни в прошлом, наше путешествие проходило через многие тысячелетия. Итак, это будет вопросом великой мудрости или же исключительной удачи, если человек, живущий в таком угольном подвале и на протяжении ста лет выполняющий свои повседневные дела: просыпаясь, засыпая, садясь, вставая и так далее — все же может оставаться незатронутым угольной пылью. Вполне очевидно и естественно, что он будет измазан сажей. Вполне возможно представить себе, что этот человек не только вступит в контакт с угольной пылью в подвале, но может фактически превратиться в угольную пыль. Вероятно, он будет выглядеть как воплощение угольной пыли. Трудно поверить, что, живя в таком подвале сотню лет, человек не станет самой угольной пылью.

Как можем мы пройти через нечто, не касаясь его? Мы не успеем пройти через это, как соединимся с ним. Когда мы гневаемся, мы становимся поглощенными нашим гневом. Когда мы любим кого-то, мы объединяемся с ним или с ней. Всякий раз, когда мы деремся, или убегаем, или наслаждаемся чем-то, мы поглощены нашей деятельностью. Даже когда мы совершаем наше отречение, мы сливаемся с ним. А если мы соединены с нашим отречением, мы мараем наши руки сажей. Мы запятнаны. Гордость обладания таким большим богатством возникает в уме человека, ког-

да он наслаждается его плодами. Подобным же образом отречение привносит в его ум гордость тем, что он отрекся от столь многого. Эта гордыня — угольная пыль для нас. Это тщеславие — сама сажа.

Как бы человек ни проводил свою столетнюю жизнь, ему придется делать нечто, и, если это будет делаться с гордыней, это очернит его. Но эта сутра Ишавасья говорит нам, что есть путь, который дает человеку возможность не потерять чистоту свою и на котором он не затрагивается своими деяниями, несмотря на пребывание в угольном подвале. Это кажется невозможным, но это не невозможно, если мы правильно понимаем смысл этой сутры. Человек может делать, что угодно, говорит она, но, пока он является деятелем, он будет запятнанным. Имеется лишь одна альтернатива: полностью прекратить быть деятелем.

Избежать действий нельзя. Когда мы живем, действия определены будут. Было бы ошибкой говорить: «Прекратите действия, чтобы не было возможности быть запятнанными ими». Действия будут до самой смерти. Дышать — это действие. Не только владелец лавки вовлечен в деятельность. Человек, который оставляет свой дом и бежит в джунгли, тоже действует. Их действия могут отличаться, но это не значит, что в одном случае это — деяние, а в другом — недеяние; и то, и другое суть деяния, поэтому нет никакого смысла верить, что мы можем защитить себя от угольной пыли, когда оставить все это есть такое же действие, как и жить со всем этим. Отказываясь от действий, человек убегает, но тогда побег становится его действием. Действия крепко связывают нас.

Есть только один выход из этого затруднительного положения, и этот выход — найти свободу от бытия деятелем, хотя мы не можем освободиться от действий. Но как мы можем освободиться от бытия деятелем, когда деятельность продолжается? Разве я не стану деятелем, когда буду совершать действия? Ишавасья говорит нам, что даже делая, мы можем быть свободным и от бытия деятелем. Обычно нам кажется, что, возможно, мы можем быть свободными от становления деятелями, если мы откажемся от действий. «Я не буду ничего делать, поэтому я не стану деятелем». Но Ишавасья говорит нам вполне определенно, что это невозможно. Наоборот, возможно вот что: вы продолжаете делать нечто, но вы остаетесь отдельным от становления деятелем.

Не будьте деятелями. Как это возможно? Мы немного знакомы с таким действием. Играть на сцене — значит

переживать возможность действия, не будучи деятелем. Рама громко рыдает в лесу, когда исчезла Сита. Он бежит от дерева к дереву, цепляется за стволы и плачет, обращаясь к деревьям: «Где Сита?» Актер, возможно, стелает более ревностно, чем сам Рама, а также, быть может, более искусно и мастерски, ведь у Рама не было возможности для репетиции. У этого актера было много практики. Он совершает те же самые действия, которые совершал Рамак, но за ним нет деятеля, есть только актер.

Запомните, действия могут быть двух видов: одно, в котором есть деятель, и другое, в котором есть актер. Если актер заменяет деятеля, действие будет продолжаться на поверхности, но внутри будет полная трансформация. Игра не привязывает вас к действию, она не затрагивает вас. Она остается полностью снаружи, она не входит внутрь, она вибрирует на поверхности и затем исчезает. Как бы ни рыдал и ни убивался актер, играющий роль Рама, эти слезы не приходят из его внутренней сущности. Обычно ему приходится прикладывать к глазам угольную пыль, чтобы вызвать появление слез. А если он не пользуется угольной пылью, то это потому, что научился проливать слезы благодаря практике. Они не приходят из глубины, а появляются на поверхности. Он кричит, он поднимает ужасный шум, но это идет из его горла, а не из сердца. Внутренняя сущность остается абсолютно незатронутой и невзволнованной. Он проходит через угольный подвал, но не как деятель, он остается актером.

Запомните, именно деятель покрывается угольной пылью, не действие. Если бы угольная пыль собиралась на действии, тогда то, что говорит Ишавасья, не могло бы случиться. То, что говорит Гита, не могло бы случиться. Тогда не было бы никакого спасения от деяния, пока человек жив. Тогда человек мог бы быть свободным от деяния только после смерти. Тогда, кажется, не было бы никакого освобождения, пока сохраняется жизнь. Но как можно быть свободным после смерти, когда нельзя быть свободным при жизни? Если нельзя быть свободным при жизни, тогда определенно нет никакой возможности найти свободу после смерти.

Если само действие может быть запятнано сажой жизни, тогда освобождение невозможно. Но те, кто ищут глубоко внутри, говорят, что угольная пыль прилипает к деятелю, а не к действию. То есть прилипает она только тогда, когда человек говорит: «Я — деятель», когда акцент ставится на действие и «я», когда «я» и действие отождествляются друг

с другом. Только тогда случается загрязнение, когда «я» становится одним с действием и говорит: «Я — действие». Только в такой ситуации угольная пыль покрывает деятеля, и тогда жизнь наполнена пылью и чернотой.

Если внутри нет никого, кто говорит: «Я — деятель», — и в то же самое время там есть знающий, который понимает, что действие продолжается, что актеры собрались на сцене, чтобы разыграть драму, тогда размеры сцены не имеют никакого значения, пусть ею будет весь мир. Не имеет никакого значения, что занавес в этой драме поднимается только один раз в момент рождения и опускается только в момент смерти. Не имеет значения также и то, что драма длится очень долго от поднятия до опускания занавеса. Все это не имеет никакого значения, это не затрагивает нас совершенно, если вы смотрите на это изнутри, как на театральное представление. Если вы несете это понимание внутри, тогда весь мир есть *лила* — игра, драма, сцена для вас, и сама жизнь подобна сюжету. Тогда мы — актеры, а актеров ничего не затрагивает.

Эта сутра Ишавасья говорит, что есть только один путь, на котором человек может остаться незапятнанным при выполнении своих обязанностей жизни: это путь превращения жизни в игру. Но мы — интересные люди. Мы пытаемся раз за разом представить нашу игру как нашу настоящую жизнь, и наши повторяющиеся действия фактически становятся ведущими силами наших жизней. Если мы обращаемся за советом к психологам, они говорят, что обычное поведение человека — это все культивированное действие. Это все обуславливание.

Мы называем это человеческой природой, но психологи заявляют, что никакой человеческой природы нет. Если я есть некая человеческая природа, то это бесконечное непостоянство. Человеческая природа подобна воде. Если мы наливаем воду в стакан, она принимает форму стакана, если ее наливаем в чашку, она принимает форму чашки, а если ее наливаем в кувшин, она принимает форму кувшина. Вода всегда принимает форму того сосуда, в который ее наливают. Тогда какова же естественная форма воды? У нее нет никакой естественной формы. Ее природа может быть описана как способность принимать бесчисленные формы. Вода не упряма, не неподатлива. Она не утверждает: «Я буду сохранять эту конкретную форму». Она говорит: «Я готова жить в любой форме, какой бы она ни была».

У человека тоже нет своей собственной природы. Тот феномен, который мы называем его природой, — это всего

лишь часто практикуемые поведенческие схемы. Это действия, совершаемые в некоем культурном обрамлении в часто повторяющихся обстоятельствах. Так, человек, родившийся в семье невегетарианцев, ест мясо. Это не его природа, обрекающая его быть таковым. Если бы он был воспитан в доме вегетарианца, он бы привык к вегетарианской пище. Тогда бы его могло тошнить при виде мяса, но это не является свидетельством его добродетельной природы, в такой же степени, как мясная диета не означает злой природы. Характеристики, подобные этим, не являются показателями величия.

Форма действия есть нечто практикуемое, чему мы обучаем людей с самого их младенчества. Если мы правильно понимаем, что такое это обучение, то это не что иное, как подготовка к той роли, которую, как ожидается, человек будет играть в жизни. Наши воспитательные институты являются репетиционными студиями. Они представляют собой студии, где мы готовим себя к ролям наших жизней. Мы обучаем человека играть в определенном стиле в наших семьях, обществе, школе и университетах. Мы подготавливаем одного как индийца, другого — как американца, третьего — как китайца, еще кого-то — как христианина. Когда они таким образом подготовлены и их склад ума становится крепким и устойчивым, все выглядит так, как будто этот склад ума и есть их природа. Нет, все это всего лишь заученные роли, в итоге так прочно зафиксированные в уме человека, что ему даже не приходит в голову, что он просто играет свою роль.

Думали ли вы когда-нибудь о том, к какой религии вы принадлежите? Индуизм, джайнизм, ислам, христианство и другие религии — все это роли, которым вас обучили. Если бы вас не тренировали в них, вы бы о них никогда не думали. Но когда вы говорите: «Я индуист», — вы становитесь деятелем. Тогда вы можете взять в руку меч, чтобы защищать вашу религию. Тогда можно жертвовать жизнями и совершать убийство. Можно искать повода для ссоры с любым, кто говорит, что вы не индуист.

Раньше психологи говорили, что привычка — вторая натура. Таково было мнение психологов прошлого. А вот современные психологи говорят, что натура — первая привычка. По мере того, как проводится все больше и больше исследований человеческой природы, психологи все больше убеждаются, что натура есть первая привычка, глубоко сидящая привычка, ставшая столь прочно зафиксированной, что человек забыл о том, что вы играете роль.

Если вы сможете помнить о том, что вы играете роль, не будет больше убийств. Наоборот, вы будете говорить: «Что за безумие? Я играю роль индуиста, а вы играете роль мусульманина, почему из-за этого должна быть какая-то ссора?» Нет, ссоры и драки вспыхивают именно тогда, когда на этот феномен не смотрят как на игру, как на театральное представление. Тогда люди становятся серьезными, они прекращают быть игривыми.

Эрик Берн написал книгу под названием «Игры, в которые играют люди». Он рассматривает не только такие игры, как футбол, хоккей, карты и шахматы, но и игры в индуистов, мусульман и христиан. Это тоже игры, в которые играют люди, иногда с тяжелыми последствиями. Случалось, и игроки в шахматы хватались за мечи, оспаривая победу, поэтому вряд ли стоит сильно удивляться, что люди убивают друг друга из-за религиозных различий.

Кажется, что, когда к играм относятся серьезно, они становятся неотъемлемой частью жизни. И люди крепко держатся за все, к чему их приучили. Во всем мире женщин приучали, что они ниже мужчин, и они поверили в это. Но есть и матриархальные общества, где мужчина приучен, что он ниже женщины. И люди, живущие при таком социальном порядке, цепляются за это убеждение. Есть семьи, где женщина господствует над мужчиной. В этой ситуации интересно то, что в таком случае, когда женщина стоит выше мужчины, женщины стали более умными, чем мужчины. А там, где женщину приучили занимать более низкое положение по отношению к мужчине, мужчины стали более умными.

Мы отливаем людей в формы подобно тому, как наливаем воду в сосуды. Тогда игра держит это так крепко, что оно не говорит: «Я играю роль». Оно говорит: «Я есть». Тогда быть индуистом не игра: это то, что я есть. А угольная пыль начинает покрывать вас, как только вы говорите: «Я есть». Это можно было бы считать не столь важным, если бы это затрагивало только вас, но человек, испачканный угольной пылью вскоре начинает бросать ее и на других. Угольная пыль с наших рук переходит и на других. Мы сами испачканы и мы пачкаем других. Мы распространяем преобразованные игры в роль, исполняемую деятелем.

Когда двое маленьких детей празднуют свадьбу двух кукол, мы говорим, что они играют. Но осознавали ли вы когда-нибудь, что свадьба мужчины и женщины в известной мере есть ни что иное, как свадьба кукол? В обоих случаях все формы, все соображения, все приготовления,

вся музыка, все церемонии и вся остальная мишура одинаковы. Единственное различие в том, что одна свадьба разыгрывается маленькими детьми, а другая свадьба разыгрывается взрослыми людьми. Маленькие дети быстро забывают об этой игре, вечером они не помнят, что утром праздновалась свадьба. А взрослые дети даже отправляются в суд, чтобы отстаивать свои брачные права. Они не забывают об этом событии, они крепко за него держатся.

Никто не готов рассматривать свою свадьбу как игру. Это трудно, ибо если считать свадьбу игрой, тогда и на семью, которая является результатом свадьбы, неизбежно приходится смотреть как на игру. Тогда и община, состоящая из таких семей, тоже игра. Таким образом, круг расширяется, пока весь человеческий мир, охватывающий эту общину, не становится игрой. Вот почему нам приходится крепко держаться за каждую деталь нашего положения и говорить: «Нет, институт брака — не игра, это серьезное дело, это жизненный вопрос». Семья — не игра, община — не игра, тогда каждый шаг, каждое действие становится твердым, неподатливым, как камень.

Вся структура становится все более и более жесткой. И мы, общество, будем уничтожать любого человека, который рассматривает этот, созданный руками людей порядок, просто как игру, ибо такой человек угрожает подорвать все наши серьезные соглашения. Он отказывается подчиняться правилам нашей игры, поэтому мы мстим ему. Наша жизнь есть долгая непрерывная игра, но мы придали игре такую структуру, что можем сказать, что это наше дело, мы деятели.

Ишавасья утверждает обратное. Она говорит: «По меньшей мере осознайте игру как игру, в этом мире нет ничего в отношении чего вы должны сходить с ума настолько, чтобы быть деятелем этого. Если вы становитесь деятелем, вы определено безумны. Пусть деятелем будет Бог. Оставьте все Ему. Кто всегда есть. Кто был, когда вас не было. Кто будет быть, когда вы перестанете быть. Оставьте все ваши дела Ему. Не берите на себя груз дел. Этот груз будет слишком велик для вас. Он будет больше, чем вы сможете вынести. Нести этот груз выше ваших сил. Если он раздавит вас — вы погибнете. Ничто не спасет вас от этого».

Но нашему эго трудно проглотить это. Наоборот, оно получает удовольствие от веса валуна на его груди. Оно говорит: «Я поднимаю такой тяжелый камень, а то, что поднимаете вы, не идет ни в какое сравнение с моей ношей. Я несу такой тяжелый груз». Президент, премьер-ми-

нистр—вот люди, которые получают удовольствие от того, что несут тяжелые валуны. За подниманием таких валунов они получают тысячи оскорблений и сталкиваются с тысячами трудностей. Но они могут сказать: «Посмотрите на пустяковые камешки, которые вы несете на вашей груди. Вы всего лишь староста своей деревни. Какое может быть сравнение между нами? Я президент всей страны, а вы староста деревни». Мания стать деревенским старостой мелкомасштабна. Чтобы стать президентом страны, требуется помещательство в крупном масштабе. Но деревенский староста постоянно озабочен тем, когда же он сможет нести более крупные камни. На протяжении наших жизней мы оцениваем человека пропорционально весу камня, который он несет — чем больше груза на его груди, тем более велик человек.

Истина идет вразрез с этим убеждением, то есть, кто знает, ищет человека, у которого на груди нет никакого камня, он не несет никакой ноши и он легок как цветок. Но найти такого человека трудно, ибо каждый цепляется за тот или иной груз; каким бы маленьким он ни был, груз все же есть. Если человек не деревенский староста, то он по крайней мере глава семьи, и не всегда бывает так, что только отец — глава семьи. Если отец уходит на время, старший из его детей берет на себя роль главы семьи. Он сразу же начинает властвовать над младшими братьями и сестрами. Он начинает играть роль своего отца. Например, ваш старший брат ссорится со своим младшим братом в вашем присутствии, но если вы выйдете из комнаты, вы неожиданно обнаружите, что старший начинает доминировать. Он начинает играть ту роль, которую играли вы, то есть масштаб может быть небольшим, ее статус может быть небольшим, но драма та же. Вы можете разыгрывать эту драму перед двумя или тремя сотнями людей, тогда как ваш сын разыгрывает ее перед двумя или тремя малышами. В драме нет никаких изменений, только пропорция отличается. Маленькие дети будут разыгрывать маленькие драмы, взрослые дети будут разыгрывать большие драмы, а старейшины будут разыгрывать великие драмы.

Человек расстраивается, когда он не может показать, что он несет на своей груди большой камень, поэтому проявляется еще одна особенность: он обычно хвастает, что несет более тяжелый камень, чем на самом деле. В университете, где я работал, была одна дама-профессор. Я был по горло сыт ее рассказами о ее различных болезнях. Разве у человека может быть столько болезней? Каждый раз,

когда она встречала меня, она жаловалась на какую-нибудь серьезную болезнь, она никогда не страдала от несерьезных. Тогда я спросил ее мужа, как это она страдает от столь многих болезней, и добавил: «Обычно жена сама по себе является достаточной болезнью для мужа, но в вашем случае к этому прибавляются все эти болезни. Как вы справляетесь со всем этим?»

Он ответил: «Пожалуйста, не верьте ее рассказам. Она никогда не болела ничем серьезным. Даже о небольшой простуде она будет говорить так, как будто это по меньшей мере туберкулез».

Я был озадачен и захотел узнать, какой секрет лежит за этой потребностью преувеличивать свою болезнь. Вот этот секрет. Если у вас серьезная болезнь, то у вас на груди тяжелый камень. Вас будут считать значительным. Но если у вас небольшое недомогание, вы станете никчемным человеком, ибо ваше заболевание пустяковое. Оно не несет в себе большой ценности, другим нет никакой нужды беспокоиться за вас. Поэтому серьезные заболевания называются королевскими болезнями. На туберкулез смотрели как на королевскую болезнь. Бедные люди не болели им, только короли болели им.

Недавно я читал об одной женщине, которая пришла к врачу и попросила удалить ей аппендикс. Врач спросил: «Ваш аппендикс беспокоит вас?» Женщина сказала: «Нет, но это не имеет значения. Все женщины клуба, членом которого я состою, были прооперированы, у некоторых удалили аппендикс, у других удалили еще что-то, а у меня еще ничего не удалили. Мне не о чем рассказывать».

Человек дорожит камнем на своей груди, поэтому и трудно обнаружить человека легкого, как цветок, который может сказать: «Я не несу никакого груза». Только человек, который доверил свой груз Богу, может говорить так. И вот что интересно: весь груз в любом случае только Богов. Мы без всякой нужды суем нос в это дело. Наше положение похоже на положение пассажира, который ехал в поезде, держа свой груз на голове. Другие пассажиры убеждали его поставить свой груз на пол и говорили: «За чем вы без нужды утруждаете себя?» Он ответил: «Я купил билет только на себя». Он был так прост и бесхитроушен. Он сказал: «Я не покупал билет на мой багаж. Как же я могу поставить этот чемодан на пол? Это было бы обманом правительства, поэтому я держу его на голове».

Итак, этому простаку даже не приходит в голову, что держа свой груз на голове, он вовсе не уменьшает общий

груз поезда. Общий груз этой Вселенной несет Бог. Весь спектакль по упорядочению дел Вселенной осуществляется только Богом. Но мы — странные пассажиры. Нам доставляет огромное счастье держать наш багаж на головах во время поездки на поезде Бога. Мы даже говорим тем, кто несет небольшие камни: «Вы понапрасну растратили вашу жизнь. Вам следовало бы увеличить ваш груз». А зачем? Затем, что к тому времени, когда человек умирает, груз на нем выглядит таким огромным, что каждый скажет о том, как много этот человек оставил после себя. Вот почему, когда кто-то умирает, мы сплетничаем даже о тех грузах, которые он никогда не нес. Мы помогаем грузу выглядеть более значительным.

Вот что я услышал: умер один человек, и деревенский священник, стоя у его могилы, начал говорить о нем, в то время, как гроб опускали в могилу. Священник расхваливал его добродетели, его хорошие поступки, его услуги друзьям. Слыша все это, жена покойного забеспокоилась. Она попросила своего сына нагнуться и заглянуть в гроб, чтобы удостовериться, лежит ли в нем тело его отца, поскольку она никогда не слышала обо всех этих добрых делах, которые, как говорил священник, совершил покойный. Вечером она пошла к священнику и спросила: «Что это вы говорили о моем муже? Насколько я знаю, мой муж никогда не делал ничего из того, о чем вы говорили».

Священник ответил: «Не обращайте внимания. Может быть, он не совершил ни одного из тех добрых дел, но что люди будут говорить о вашем муже, если не упомянуть об этом?»

У Вольтера был друг. Он оскорблял Вольтера на протяжении всей своей жизни. Он критиковал его всеми возможными способами. Он выступал против Вольтера по любому поводу. Он не был хорошим человеком. Когда же он умер, несколько человек пришли к Вольтеру и сказали: «Пусть теперь между вами будет мир, в конце концов, он был вашим другом. Да, он часто оскорблял вас, обзывал вас, резко критиковал вас и старался подорвать ваш престиж». И теперь, когда он умер, Вольтер написал: «Он был хорошим человеком, великим человеком — при условии, что он действительно умер». Если человек жив, мы неспособны хвалить его. Но как только он умер, нам приходится хвалить его, и ему приписываются такие валуны, которых он никогда не поднимал.

Но Ишавасья подразумевает такого человека, после смерти которого не остается ничего, что можно было бы

восхвалять. Она говорит о том, кто передал все свои авторские права Богу. О том, кто говорит: «Меня вовсе нет, есть только ты. Если есть деятель, то это только Ты. Самое большое, я всегда лишь пешка в Твоей игре. Я готов пойти туда, куда бы ты ни направлял. Я готов быть тем, кем Ты пожелаешь. Я готов делать все, что Ты прикажешь. Если Ты хочешь нанести мне поражение, я готов быть побежденным. Если ты хочешь сделать меня победителем, я готов побеждать. Ни победа, ни поражение не мои. Поражение Твое, победа тоже Твоя».

Покорность такого человека тотальна. Он относит все Богу: «Я — тоже Он, как и все деяния — Он». Такой человек будет делать все, что необходимо в жизни: жить, дышать, ходить, стоять, сидеть, выполнять свои обязанности, есть свою пищу и спать по ночам. Все эти действия будут, но в них не будет деятеля.

Это единственный путь. Позвольте мне повторить. Мудрец, чьи слова передает Ишавасья, совершенно прав, когда он заявляет, что это единственный путь. И люди, которые действительно жили незатронутыми в этом мире, незапятнанными, всегда свежими и новыми, такими же невидимыми, как при рождении, — это те, кто никогда не накапливал, никогда не лелеял никакого Эго во время их путешествия через жизнь, кто жил в состоянии отсутствия эго. Эго означает «Я есть деятель», состояние отсутствия эго означает сдачу, сдачу всего на сторону Бога.

4

*Асуры, демоны - это те,
кто окутаны тьмой неведения.
Это убийцы
своей сущности,
уходят в мир Асуров
после смерти.*

ИСТИННОЕ ЖЕЛАНИЕ

Упанишады делят людей на две категории. Первая—те, кто убивают *атман*, свою сущность. Они самоубийцы, ибо они убивают свои собственные сущности. И есть те, кто знает свою сущность. Они относятся ко второй категории. Знающие свою сущность и убивающие свою сущность. У нас есть слово, *атмахатья*, означающее «убийство себя», но мы не используем его в правильном смысле. Упанишады использовали его в его истинном смысле. Когда человек убил свое тело, мы говорим, что он совершил самоубийство—убил *атман*. Это неправильно, ибо убить тело не значит убить *атман*. Убить ваше собственное тело — это определенно совершить самоубийство. Это определенно означает вашу собственную смерть и все же, в то же самое время, это не ваша собственная смерть. Это просто смена оболочки, тела. Это убийство тела, но не убийство вашей сущности — *атмана*.

Упанишады называли того убийцей, разрушителем своей сущности, кто продолжает жить, не зная себя самого, кто покрыт невежеством. Такой человек убивает свой *атман*. Жить, не зная себя самого — вот настоящее самоубийство. И мы все живем, не зная себя самих. Мы живем, но мы совершенно не знаем, кто мы есть, откуда мы, почему мы есть, для какой цели мы есть, куда мы движемся, каков смысл жизни. Нет, обо всех этих вопросах у нас нет ни малейшего представления. Мы ничего не знаем о самих себе. Мы можем знать о многих других вещах, но мы совершенно несведущи в отношении одного: мы ничего не знаем о самих себе.

Упанишады заклеивают нас как убийц нашей сущности, как *асуров*, как демонов. Преднамеренно или непреднамеренно мы наносим самим себе раны, пока мы не можем больше узнавать самих себя. Сперва наше невежество приносит беды нам, затем оно приносит беды другим. Запомните, невежественный человек сперва нападает на себя самого, а затем уже нападает на других. Фактически, пока мы еще не напали на самих себя, пока мы не причинили боль самим себе, невозможно нападать на других. Невозможно причинить боль другим, пока мы не причинили боль самим себе. Человек, который никогда не ранил себе ногу шипом, не разбрасывает шипы на пути других. И тот, кто не заставлял рыдать самого себя, не может пла-

нирывать создание неприятностей для других. Действительность такова, что прежде всего мы создаем беду для самих себя, и тогда она становится громкой, концентрированной и начинает проявляться через нас, тогда мы начинаем распространять ее. Только несчастный делает других несчастными. Это кажется правильным, ведь мы отдаем то, что у нас есть. Но то, что мы отдаем, является вторичным. Прежде всего мы причиняем боль и несчастье самим себе.

Разве мы все не мучаем самих себя? Мучаем. Мы можем стремиться приносить другим радость и удовольствие, но в конце концов мы приносим только страдание. Дорога в ад вымощена добрыми намерениями, и она прокладывается усилиями добрых пожеланий, которые мы делаем для себя. Коренная проблема не в том, каковы наши желания. Мы все желаем доставлять самим себе радость, но никто не может доставить самому себе радость, не зная самого себя. Как может человек, который не знает, кто он есть, иметь какое-либо представление о том, что такое его радость? Я могу знать, что такое моя радость только тогда, когда я знаю мою природу, мое бытие, мою сущность.

До тех пор, пока я ничего не знаю о том, какие корни сидят глубоко во мне, как я могу иметь какое-либо представление о том, какие цветы могут расцвести во мне? На какие цветы я могу надеяться, когда я настолько несведущ относительно семян, лежащих внутри меня? Каким цветком мне желать быть? Если у меня нет ни малейшего представления о самом семени, результатом для меня может быть только несчастье, чем бы я ни пытался быть. Ибо я не могу быть тем, кем я пытаюсь быть, и, следовательно, я становлюсь несчастным, отчаявшимся, мучающимся. Я умру в напряжении и мучениях. Вся моя жизнь будет бешеной гонкой стремлений, но я никуда не попаду. Хотя путешествие очень долгое, я не приду к месту назначения, ибо оно скрыто в моей природе, в моей сущности.

Прежде всего я должен узнать, кто я есть. Я должен выяснить, пытаюсь ли я открыть то, чем я являюсь. Или я пытаюсь открыть то, чем я не являюсь. Если мне не удастся открыть то, чем я являюсь, я определенно буду несчастен. Еще более интересен тот факт, что, если мне действительно удастся открыть то, чем я не являюсь, я все равно буду несчастным. Те, кто не преуспел в жизни, определенно становятся несчастными, но и для тех, кто преуспел, нет конца несчастьям. То, что непреуспевающие люди становятся несчастными, можно понять. Но преусп-

певающие люди тоже становятся несчастными. Пойдите и разузнайте у преуспевающих. Тогда кажется, что жизнь — большой розыгрыш, издевательство. В этом мире непреуспевшие становятся несчастными, что кажется вполне логичным, это представляется обоснованным и правильным. Но несчастны и те, кто преуспел в жизни. При таких обстоятельствах этот мир представляется совершенно безумным и неуравновешенным. Когда как преуспевшие, так и непреуспевшие должны быть несчастны, то кажется, что вообще нет способа быть счастливым. Итак, давайте прежде всего спросим преуспевших людей, почему они несчастны, поскольку в том, что непреуспевающие люди несчастны, ничего удивительного нет. Давайте спросим у таких людей, как Александр Великий и Сталин. Давайте спросим таких мультимиллионеров, как Карнеги и Форд. Спросим тех, кто получил то, что они хотели. Спросите их: «Нашли ли вы счастье?» Вы будете сильно озадачены их ответами. Они говорят: «Мы преуспели, но преуспели в несчастье». Те, кто не добился успеха, тоже говорят: «Нам не удалось достичь счастья, вместо этого мы нашли несчастье». Те, кто добились успеха, говорят: «Мы преуспели в достижении несчастья. В наших руках оказалось только несчастье».

Те, кто быстро бегут в гонке жизни, достигают своей цели, где находят только несчастье. И те, кто ничего не достигают и блуждают в тупике, тоже скитаются в несчастье. Когда дело обстоит подобным образом, какова же разница между целью и путем? Какова же разница между блужданием и достижением цели? Ясно, что разницы нет.

Эту разницу нельзя найти, ибо человека, который не знает «кто я есть», даже успех сделает несчастным. В тот день, когда он преуспеет, он осознает, что дом, который он построил, его великое достижение, не удовлетворил его нужду. Дом был построен, он накопил богатство, он нашел славу и удачу, но эти достижения не смогли ничего укрепить в его внутренней жизни, они не смогли принести удовлетворение. Ему следовало бы постараться узнать: «Каково же мое желание, каково мое стремление? Чего я хочу?» Не зная вашего истинного желания, вы будете просто продолжать желать, перепрыгивая от одного желания к другому.

За несколько дней до своей смерти Фрейд написал в письме другу: «После того, как всю мою жизнь я выслушивал рассказы тысяч людей об их несчастьях, я пришел к выводу, что человечество обречено всегда оставаться несчастным, и причиной тому то, что человек не знает, чего

он хочет». Когда такой человек, как Фрейд, говорит так, в этом вопросе стоит разобраться. Он говорит: «Я пришел к выводу, что человек не знает, чего он хочет, после изучения страданий, беспокойства, страхов и ментальных конфликтов тысяч несчастных людей».

Человек никогда не узнает, чего же он хочет, ибо прежде всего он не знает, кто он такой. Предположим, я отправляюсь заказать себе одежду. Я ничего не знаю о моем теле, я ничего не знаю о моих размерах, я ничего не знаю о потребностях моего тела. Короче, я не имею ни малейшего представления о себе самом и все же иду заказывать себе одежду. Когда одежда готова, я обнаруживаю, что она мне не подходит. Что-то где-то не так. Одежда не подходит для меня. Пожалуйста, идите и заказывайте себе одежду, но прежде чем вы пойдете, узнайте, кто вы есть, узнайте, для кого будет шиться одежда, для кого должен быть построен дом, для кого надо искать счастье.

Интересно отметить, что как только человек действительно узнает, кто он такой, его путешествие и приготовления, и приспособления всей его жизни трансформируются. Он больше не бродит в поисках того, что ищем мы. Он не демонстрирует готовность улыбаться и выглядеть довольным из-за того, что кто-то предлагает ему подешевле или даром то, ради чего мы трудимся в поте лица. Если кто-то готов отдать ему нечто даром, он свернет с пути этого человека в том случае, когда это навязывается ему. Он вышел в путь, чтобы найти нечто совсем иное, нечто необычное. И весьма примечательно, что те, кто знают себя, никогда не терпят неудачу. До сих пор они никогда не знали неудач. Они преуспевают в той же мере, в какой те, кто не знают себя, остаются неудачниками. Человек, который знает себя, становится удачливым, потому что узнав свою сущность, он открывает для себя секрет той двери, за которой находится блаженство. Это блаженство скрыто внутри его сущности.

Итак, Упанишады заявляют, что есть два типа людей, — те, кто знают себя, и те, кто не знают себя. Те, кто не знают себя, продолжают свой путь в невежестве, и все, что они делают, делается в невежестве. В невежестве они продолжают приобретать, в невежестве они принимают решения и в невежестве их гонка становится все быстрее и быстрее. Обычная точка зрения такова: «Я не достиг того, чего хотел в жизни, потому что я не бежал так быстро, как мне следовало бы. Позвольте мне бежать быстрее и быстрее, и еще быстрее, чтобы я мог достичь своей цели.

Может быть, я не достиг ее потому, что не поставил на карту все. Если бы я рискнул всем, я мог бы достичь».

Мы никогда не останавливаемся, чтобы поразмышлять, имеет ли то, чего мы пытаемся достичь, внутреннюю гармонию с нами самими, или нет. Даже если это будет достигнуто, оно будет бесполезным. Если же это не будет достигнуто, оно не может принести пользы, а время, затраченное на достижение или на тщетные попытки достичь, потеряно. В такой же мере мы стали своими собственными убийцами. Мы стали *асурами*, демонами, убийцами *атмана* — своей сущности. Слово *асур* означает тех, кто живут во тьме. Означает тех, кто живут в таком месте, куда не проникает солнечный свет, в месте, где нет освещения. Они движутся осязью в темноте, они блуждают во мраке. Те, кто не знают себя, живут во тьме.

Узнать себя — значит стать солнцем. Путь такого человека ведет в мир света, а те, чей внутренний свет не горит, погашен, глубоко погружены во тьму. Те, кто продолжают бежать, рыскать, страстно желать, подобны слепым, следующим за слепым. И среди них попадают великие ораторы. Такие люди имеют последователей, тех, кто говорят меньше, и таким образом гонка продолжается. Слепые, имеющие немного мужества, собирают вокруг себя слепых, у которых мужества поменьше.

Халиль Джигран написал о святом, который бродил из деревни в деревню, обещая людям показать Бога, если они последуют за ним. Никто никогда не следовал за ним, поэтому не возникало никаких неприятностей. Крестьяне говорили ему, чтобы он пришел еще раз, поскольку сейчас они очень заняты другими делами. Урожай созрел и его надо убрать, так что пусть он придет еще раз через какое-то время. Когда же он приходил к ним снова, они говорили: «В этом году плохой урожай, недород, и мы в трудном положении. Пожалуйста, приходи в следующем году». Он продолжал ходить по деревням. Он не спешил убедить кого-либо последовать за ним. Но один запальчивый человек из какой-то деревни решил последовать за ним. Когда святой сказал: «Следуйте за мной, если вы хотите увидеть Бога», — этот человек отбросил свой топор и сказал: «Я иду за тобой».

Святой занервничал. Тогда он подумал: «Долго ли он будет следовать за мной? Через одну-две недели он устанет и покинет меня». Но крестьянин продолжал следовать за ним. Прошел год. Крестьянин сказал: «Я буду следовать за тобой, куда бы ты ни пошел». Прошло два года и святой

стал больше нервничать. Он пытался избавиться от своего последователя, но тот всегда держался позади него, говоря: «Я готов следовать за тобой, куда бы ты ни повел меня. Я буду делать все, что ты велишь».

Так прошло шесть лет. И в один прекрасный день этот человек взял святого за горло и сказал: «Ты долго тянул, теперь покажи мне Бога. Куда ты теперь хочешь идти?»

Гуру сказал: «Пожалуйста, прости меня. Я тоже сбился с моего собственного пути в твоём обществе. Я сам заблудился с тех пор, как ты последовал за мной. До того, как ты последовал за мной, мой путь был совершенно ясен для меня. Все было отчетливо видно. Я был близок к цели. Бог был передо мной. Какая беда, что я позволил присоединиться тебе ко мне. Теперь я тоже сбился с пути. Так что, пожалуйста, оставь меня и иди своим собственным путем».

Тогда крестьянин предупредил его: «Не приходи больше в нашу деревню». Гуру сказал: «Брат, молю простить меня. Я никогда не приду в твою деревню, но я могу ходить по другим деревням, ибо во всех этих деревнях нет таких людей, как ты. Они просто слушают меня, и я продолжаю свой путь в одиночестве».

Человек, который сам живет в неведении, часто склонен рассказывать другим о свете истинного знания. Это утешает его и помогает забывать о своей собственной тьме. Важно отдавать себе отчет в опасности таких людей. Когда вы начинаете разглагольствовать о том, чего совершенно не знаете, бывает трудно определить, сколько вреда вы наносите другим. Но трудно найти человека, который следует правилу говорить только о том, что он знает, и молчать о том, чего он не знает. Нет, есть огромный соблазн поучать других, наставлять других, если возникает удобный случай. Этот соблазн ужасно силен. Если мы встречаем кого-то, кто кажется немного слабоват на предмет Бога и души, и кого можно ошеломить и потрясти вашей речью, мы непременно будем ему навязывать наше знание. Мы покажем ему путь достижения Бога и проинструктируем его, как по нему идти.

Эта работа по указанию пути другим восхитительна и приносит удовлетворение, поскольку она создает в нас заблуждение, что мы уже знаем путь. И указывая путь другим на протяжении длительного времени, мы постепенно забываем, что мы сами не знаем истины. Есть очень мало людей, которые действительно знают, и есть множество людей, которые наставляют, которые всегда готовы советовать другим. Мир много бы выиграл, если бы тех, кто

не знают, но продолжают поучать других, обязали держать рты на замке по вопросу о духовном знании. Но им очень трудно держать рот на замке и также трудно другим заставить их замолчать. Если вы попытаетесь заставить их замолчать, они начнут кричать еще больше, ибо крича громко, они могут обманывать самих себя. Их собственный шум, попадая в их же уши, создает в них уверенность, что «все правильно, я знаю истину».

Упанишады заявляют, что есть два типа людей. Взвесьте и тщательно обдумайте, к какому из этих двух типов принадлежите вы, к какой категории вы относитесь. Необходимо искренне и честно принять решение относительно себя самого, чтобы следующий шаг мог быть сделан правильно и в верном направлении. Кто вы? Убивающий свою сущность или знающий свою сущность? Если вы — знающий свою сущность, тогда никаких вопросов не возникает, с этим делом покончено. Если же вы — убивающий свою сущность, тогда вам придется отправиться в путешествие. Оно еще не началось, так что оставьте в покое вопрос о его завершении. Но считать себя знающим свою сущность очень легко, ведь все читали Упанишады, Гиту, Библию, Коран и то, что говорили Махавира и Будда. Трудно представить себе, во что это обошлось человечеству. Эти религиозные книги на кончике языка у каждого, все они полностью известны. На самом же деле никто ничего о них не знает, но все находятся в заблуждении, что они знают все, ибо вся книга у них на кончике языка.

Люди пишут мне письма, говоря: «Вы сказали что-то по такому-то вопросу, но это представляется неправильным, ибо на эту тему в такой-то книге написано иное». Итак, если вы знаете, что правильно, тогда вам не нужно спрашивать, что я говорю. И если вы не знаете, что правильно, тогда как же вы можете решить, что написанное в такой-то книге правильно? Человек должен что-то делать в этом вопросе, просто рассуждения и размышления не помогут.

Вчера, когда я уезжал отсюда, к машине подошел один человек и сказал: «То, о чем вы говорили сегодня в вашей беседе, сказано также и в «Йогасаре». Итак, этот человек уже прочел «Йогасару». Тогда уж действуйте так, как я вам говорю, ибо, если бы вы действовали согласно тому, что говорит «Йогасара», вам не нужно было бы приходить ко мне. Вы оказали «Йогасаре» великое почтение, но вы ничего не осуществили. Пожалуйста, не почитайте меня подобным же образом. И теперь вы спрашиваете, не было ли это уже сказано в «Йогасаре». Что это меняет? Вы про-

чили «Йогасару» и вы выслушали меня. Вопрос в том, когда вы осуществите на практике то, что вы услышали.

Задавший вопрос — не ребенок. Дети никогда не задают таких дурацких вопросов. Он пожилой человек. Если вы хотите послушать самые дурацкие истории, вам следует обратиться к старикам, ибо их глупость созрела и приобрела пикантность. Они испытали на себе невежество во всей его силе и тяжести. Они знакомы со всеми писаниями. Они знают все, что было сказано. Они стали «знающими свою сущность». В этом нет ничего плохого. Это очень хорошо, весьма похвально. Если кто-то становится знающим свою сущность, это повод для празднования. Но тогда ему нет никакой нужды приходить ко мне, а поскольку он пришел, я знаю, что его чтение «Йогасары» было бесполезным и что все, что он прочел до сих пор, не принесло никакой пользы.

Весьма вероятно, что такие люди сделают меня таким же бесполезным, как они сделали бесполезным все, что они прочли. Они так заняты этой деятельностью. Если я скажу, что сказанное в «Йогасаре» правильно, тогда, я знаю, вопрос будет исчерпан. Но если я скажу: «В «Йогасаре» говорится не то», — они ухватятся за эту возможность начать дебаты. Вы можете спорить всю вашу жизнь.

Я не заинтересован ни в каких дебатах. Мне нет дела ни до каких «измов». Я заинтересован в одном небольшом деле: чтобы вы могли быть в состоянии четко решить, являетесь ли вы убивающим свою сущность или знающим свою сущность. Если вы — знающий свою сущность, вы вне рассмотрения. Тогда у меня нет никакого интереса к вам. Дело сделано. Если же вы — убивающий свою сущность, тогда нечто может быть сделано. И я рассказываю вам, что может быть сделано. Запомните, не то, что я рассказываю вам, делает это правильным. Ничто не становится правильным из-за того, что я говорю это. Этого никоим образом не будет, пока вы не узнаете это, переводя это в действие. Узнайте это после претворения этого в практику, после его исполнения.

Религия — это экспериментирование, не мысль. Религия — это метод действия, не мышление. Религия — это наука, не философия. Это, несомненно, лаборатория, но не оснащенная сложными приборами, в которой мы собираем материалы и начинаем проводить эксперименты. Вы сами и есть лаборатория. Весь эксперимент проводится внутри вас самого.

На сегодня достаточно. Завтра мы будем говорить о других сутрах. Теперь я скажу несколько слов о нашем экспе-

рименте, а затем мы начнем осуществлять его. Я начну с убеждения, что вы — убийцы своей сущности. Мои слова могут вас оскорбить. Это хорошо, если вы оскорблены. Иногда я нахожу людей столь эмоционально мертвыми, что даже такие слова их не задевают. Если вы заклейте их как убийц своей сущности, они скажут: «Вы правы, мы принимаем наше клеймо». Я говорю вам, что вы до сих пор живете, не зная вашу сущность. Я хочу, чтобы вы вошли в вашу сущность и были способны сказать самому себе: «Я живу, не зная самого себя», — потому что мука незнания самого себя столь нестерпима, что она направит вас в экспериментирование. В противном случае это невозможно.

Запомните, что этот эксперимент таков, что вы узнаете его, только если вы будете осуществлять его. Вы не сможете узнать благодаря тому, что ваш сосед осуществляет его. Сегодня во время послеполуденной медитации я видел около десяти абсолютно незрелых людей, которые смотрели туда и сюда, чтобы увидеть, что делают другие. Что они увидят? Кто-то бегаёт, кто-то танцует, кто-то еще громче кричит. На что вы смотрите? Может быть, вы думаете, что эти люди свихнулись. Я говорю вам, что свихнулись-то вы сами. Тот человек что-то делает. Вы что, приехали посмотреть на свихнувшихся людей? Зачем вы проделали весь этот путь сюда? Просто посмотреть, как кто-то танцует? Вы напрасно утруждали себя, приехав сюда. Такое длительное путешествие, и бесполезное. Если вам хотелось посмотреть на спятивших людей, вы могли бы сделать это в вашем родном городе. Вам вовсе не обязательно было совершать такое длительное путешествие и подниматься на эту гору.

Вы никогда не сможете узнать, что случается внутри тела другого человека. Если он смеется, вы можете слышать звук его смеха, но вы никогда не узнаете ту грозу, которую он видит внутри себя. Если он плачет, вы можете видеть его слезы, но вы никогда не узнаете то, что затронуто внутри него и выливается наружу в виде слез. Если он танцует, вы видите, как поднимаются и опускаются его руки, или вы видите, как он прыгает, но вы никогда не узнаете, какая музыка начала играть внутри него, какие струны начали гудеть внутри него — вы не сможете услышать то неизведанное звучание его внутренней флейты, как бы близко вы ни держали ваше ухо к его груди. Поэтому я прошу вас, полностью забыть о других, отбросить в сторону весь ваш интерес к другим.

Итак, я хочу, чтобы с завтрашнего дня вы все носили повязки на глазах даже во время нашей послеполуденной

медитации. Никто не должен сидеть здесь без повязки на глазах. И затыкайте ваши уши ватой. Оставьте в стороне ваше любопытство, побуждающее вас видеть и слышать. Такая деятельность вас никуда не приведет. Вы должны держать глаза открытыми во время вечерней программы. Те, кто днем держали глаза максимально закрытыми, будут в состоянии идти настолько глубоко, насколько это возможно. Те, кто не делал так сегодня, должны запомнить это и держать глаза закрытыми, насколько это возможно. Вечерняя программа будет с открытыми глазами. Запомните это, когда ваши глаза открыты, ваша энергия все время продолжает выливаться. Если вы хотите проделать этот эксперимент с максимальной энергией, тогда днем держите глаза закрытыми как можно больше, чтобы эта энергия могла накопиться. Ваши глаза могут использовать эту энергию в вечерней программе, иным способом она не может быть использована. Итак, завтра будьте внимательны в отношении этого. Держите глаза, уши и рот закрытыми, насколько это в ваших силах. Через утреннюю программу и послеполуденное молчание вы будете проходить с повязками на глазах, а во время вечерней программы ваши глаза будут оставаться открытыми на протяжении сорока минут.

Теперь мы будем сидеть здесь сорок минут, а вы просто продолжайте пристально смотреть на меня, даже не мигайте. Держите ваши глаза широко открытыми на протяжении сорока минут. Вы начнете многое испытывать, и те, кто проводил эксперимент в дневное время — а многие друзья делали это очень сознательно — обнаружат некоторые очень важные результаты. Те, кто предпочитают делать это стоя, должны встать внешней окружности по всем сторонам и стоять там, поскольку они, вероятно, будут энергично танцевать и прыгать. Люди, сидящие в центре вокруг меня, должны оставаться там, где они находятся. Итак, те, кто стоят, должны разойтись во все стороны. Те, у кого есть хоть малейшее подозрение, что стоячее положение будет для них более подходящим, должны сейчас отойти в сторону, чтобы у них не возникла потребность встать посреди программы, поскольку, как только мы начнем, вам не будет позволено вставать и беспокоить людей вокруг вас.

Храните полное молчание — никто не должен разговаривать. Я хочу сорок минут видеть и наблюдать вас. Я буду сидеть в полной тишине. И пусть с вами случается все, что бы ни случилось. Если вы захотите делать глубокие вдохи, делайте их. Если вы захотите танцевать, тогда танцуйте, но ваше внимание должно быть направлено на ме-

ня, ваши глаза должны неотрывно смотреть на меня. Если у вас появится желание кричать, рыдать или смеяться, делайте это. Делайте все, что вам захочется делать, но не сводите с меня глаз.

Я могу дать вам несколько указаний. Когда я почувствую, что вы вошли в ваш собственный темп, я подниму руки вверх. В это время полностью выкладывайтесь. Это будет мой сигнал о том, что ваша *кундалини* внутри поднимается, пробуждается. Теперь вкладывайте всю вашу энергию в ваши действия. А когда я почувствую, что вы настолько полны энергией, что Божественная сила может снизойти на вас, я отпущу руки. Тогда вкладывайте всю вашу энергию в ваши действия, не оставляя ничего в резерве. И случится многое.

*Этот высший духовный
элемент — атман —
неизменен по природе и
обладает движением
более быстрым, чем ум.
Органы чувств не могут
достичь его, ибо
он предшествует им всем.
В своей неподвижности
он опережает все движущееся.
Только в его присутствии
воздух управляет
всей деятельностью
живых существ.*

ДОРОЖНЫЙ СТОЛБ С ОТМЕТКОЙ «НОЛЬ»

В своей неподвижности *атман* — высший духовный элемент — есть быстрее среди быстрых. Он опережает движение органов чувств и ума, ибо он предшествует им. Он есть до создания органов чувств и ума. Он есть вне органов чувств и ума.

Искателю крайне необходимо и полезно понять эту сутру. Во-первых, мы несведущи относительно этого высшего духовного элемента, у нас нет никакого знания о нем. Он есть мы, и все же мы совершенно не знаем его. Он есть предельная глубина сознания, откуда рождается и развивается наше бытие.

Понимание облегчается, если вы представите себя деревом. Листья дерева простираются в небо, за листьями скрыты ветви, а ветви выходят из ствола дерева. Дерево также имеет корни, скрытые в земле. Дереву не очень трудно поверить, что оно представляет собой только листья, ибо корни не видны, они скрыты глубоко в земле. Итак, вполне возможно, что дерево может подумать: «Я — скопление листьев», — забывая, что корни тоже есть. Но это забвение ничего не меняет. Несмотря на это, корни будут продолжать делать свое дело. Листья не могут жить без своих корней. Интересно отметить, что листья не могут жить без своих корней, но корни могут жить без листьев. Даже если мы срубим все дерево, корни будут делать свою работу, и новое дерево вырастет и расцветет. Но если мы обрубим все корни, листья просто увянут, высохнут и умрут. Они не могут дать рождения первым листьям. Настоящая жизнь — это корни, которые скрыты глубоко внизу в темноте.

Если мы рассматриваем человека как дерево, тогда то, что мы называем мыслями, есть не что иное, как листья дерева, а мы смотрим на общую сумму мыслей как на то, что есть «я». Корни, лежащие в глубине — вот настоящее, они суть высший духовный элемент. Но как корни дерева скрыты глубоко под землей в темноте, так же и как высший духовный элемент, *атман*, скрыт в первичной глубине — в Боге. Оттуда мы получаем квинтэссенцию жизни, оттуда приходит сама жизнь. Оттуда текут потоки жизненной энергии и идут вверх в наши листья. Если этих корней нет, наши листья не могут быть. Поэтому в тот день, когда

эти корни высыхают, наши листья увядают, наши ветки высыхают, и люди говорят о нас: «Этот человек умер».

Пока эти корни продолжают пить и всасывать сок жизненной энергии, высший духовный элемент продолжает распространяться, и мы чувствуем, что живем. Наши мысли подобны листьям, наши желания подобны ветвям, а наше эго рождается из соединения листьев и ветвей. Это лишь малая часть нашего существования. Наша наиболее важная часть, наша основная сущность скрыта. Упанишады называют ее *атман*, что значит высший духовный элемент. Он есть то, о чем мы можем забыть, но без чего мы не можем жить. Он есть то, без чего мы не можем ничего достичь. Но он скрыт так глубоко, в такой глубине существования, что мы можем позволить себе забыть о нем. Высший духовный элемент забыт, мы теряем его из виду.

Интересно отметить, что то, без чего мы можем по-прежнему существовать, не очень глубоко. Это находится над поверхностью — его можно видеть и легко ухватить, поэтому, когда мы пытаемся ухватить самих себя, мы принимаем за свое «я» наше обилие мыслей. Мы думаем, что ум и есть «я». Но ум — ментальный элемент — есть всего лишь наша масса листьев. Высший духовный элемент есть наши корни. И запомните, человек, понимание которого не достигает самых корней, никогда не сможет узнать тот источник, из которого пьют корни. Корни — это *атман*, и тот, кто достигает своих корней, скоро откроет для себя ту землю, которая питает корни.

Тот, кто узнал высший духовный элемент, скоро сможет узнать также и верховный элемент — *параматму*, Бога. Итак, когда маленький листок увядает и опадает, мы думаем, что умираем, исчезаем. А когда увядают все листья, мы думаем, что погасла сама жизнь. Мы не знаем, что такое жизнь. Мы живем в убеждении, что внешняя оболочка жизни есть «я».

Упанишады говорят, что тот, кто живет в этой внешней оболочке, есть убийца своей сущности. Знающим же свою сущность есть тот, кто движется вглубь внутри оболочки, вниз к самым корням, туда, где существование берет свое начало, там он открывает источник жизни. Знающий это и есть знающий свою сущность. Только тот, кто делает это, находит свет, он достигает жизни. Он достигает сущности жизни.

В отношении этого высшего духовного элемента упоминается три особенности. Во-первых, он всегда неподвижен, в то время как вокруг него происходит великое перепле-

тение трансформаций. Очень важно узнать тайну неподвижности в центре. Какая бы трансформация ни происходила, центр неизбежно будет неподвижен, точно так же, как ось остается неподвижной, когда колесо повозки движется. Колесо может двигаться, только если что центральная ось неподвижна. Секрет движущегося колеса заключается в неподвижности его центральной оси. Если ось начинает двигаться, колесо двигаться не будет. Тогда повозка перевернется и поломается. Вращение колеса зависит от неподвижности центральной оси.

Сколько миль проходит ось, когда колесо прошло сто миль? Ось остается неподвижной на своем месте. Очень интересно видеть, что движущееся колесо нуждается в помощи неподвижной оси. Колесо перемен движется на том, что не подвержено переменам. Итак, первое, что нужно запомнить: все в жизни изменяется. Листья будут появляться и исчезать, пока есть трансформация. Они будут распускаться весной и опадать осенью. Ничто не остается статичным даже на секунду. Но где-то глубоко-глубоко внутри есть некий неизвестный элемент, который проходит через центр всех вещей и несет на себе трансформации, происходящие вокруг его собственной неподвижности.

Видели ли вы когда-нибудь летние смерчи, проносящиеся в атмосфере? Поднимая с собою облако пыли, вращающийся смерч устремляется в небо. Вы будете очень удивлены, когда увидите следы, оставленные им на земле. Как быстро он движется! Иногда он уносит с собой людей. Вы удивитесь, если увидите оставленные им следы. В центре смерча есть пространство подобное оси колеса. Это пространство остается абсолютно нетронутым. Хотя смерч движется так неистово, в его центре остается незатронутое и спокойное пространство. Там возникает воздушная ось, и весь смерч вращается вокруг этой неподвижной воздушной оси. Фактически ничего не может вращаться, если у него нет неподвижного центра.

Жизнь движется очень быстро, желания пролетают в нас одно за другим, страсти кружат в водовороте огромной силы. Жизнь — это быстро движущееся колесо. Упанишады говорят, что в ее центре есть неподвижный элемент. Мы должны будем искать его. Такой мощный смерч, каким является жизнь, не может двигаться без помощи этого элемента. Этот смерч движется вокруг опоры этого неподвижного элемента. Этот стабильный элемент есть *атман*. Он всегда неподвижен, непоколебим. Он никогда никуда не двигался. Запомните, мы не узнаем, что такое жизнь, пока

не встретимся с этим неизвестным элементом. Сейчас мы знаем только те перемены, которые происходят на периферии, мы еще не представлены этому высшему духовному элементу. До сих пор мы знакомы только со спицами колеса. Мы еще не видели ступицу, от которой все зависит.

Что означает фраза: «В своей неподвижности»? Какую бы интерпретацию мы ни давали ей, есть полная возможность совершить ошибку. Большинство комментаторов Упанишад совершали эту ошибку. Эта фраза не означает «застойный», она не означает нечто, подобное пруду, вода в котором не движется. Когда мы говорим, что высший духовный элемент неподвижен, это не означает, что он в застое. Это такой совершенный элемент, он так полон во всех отношениях, что нет никакой возможности для какой-либо трансформации. Он так изобилует, так велик, так беспристрастен, что нет абсолютно никаких потенциальных возможностей для каких-либо изменений в нем.

Меняется то, в чем есть неполнота, чему чего-то недостает. Трансформация происходит там, где есть некая возможность для дальнейшего приспособления, где есть некая потенциальная возможность быть чем-то другим. Ребенок растет, чтобы стать юношей, юноша растет, чтобы стать стариком, ибо остается возможность для изменения, поэтому изменение происходит непрерывно. Появляются листья, распускаются цветы, они увядают и опадают и снова появляются новые, свежие листья и цветы. Высший корневой элемент неподвижен. Это означает, что он совершенен, полон во всех отношениях.

Как вы можете изменить совершенное? В какой части произойдет трансформация совершенного? Нет никакой дальнейшей возможности для трансформации. Нет никакой возможности для перемен. «В своей неподвижности» означает, что он полностью расцвел. Нет никакой возможности для дальнейшего расцветания. Запомните, он не подобен застою пруду, он подобен полностью раскрывшемуся бутону. Он так полно расцвел, что больше нет никаких бутонов, которые бы могли раскрыться. Итак, здесь неподвижность, стабильность означают совершенство. Куда будут распускаться лепестки, даже если им захочется распуститься, ибо высший духовный элемент совершенен максимально, до высочайшей степени, какая только возможна? Он настолько совершенен, что сейчас нет места, куда бы лепестки могли еще открыться, даже если бы нам этого захотелось. Здесь неподвижность означает, что весь потенциал стал осуществленным. Все, что было сокрыто в семени, пол-

ностью проявилось, не осталось ничего невидимого. Итак, думайте о полностью расцветшем цветке, а не о пруде. Тогда мы сможем постичь смысл этого.

Следующее, что нам говорит эта сутра Ишавасьи, это то, что органы чувств не могут достичь *атмана*, ибо он предшествует им всем. Поскольку вы находитесь перед моими глазами, я, естественно, могу вас видеть. Но я не могу видеть «меня» моими глазами, поскольку «я» находится позади глаз. Я могу видеть вас только потому, что вы находитесь перед моими глазами. Я не могу видеть себя моими собственными глазами потому, что я нахожусь позади глаз. Если я утрачу мои глаза, если я стану слепым, тогда я не смогу вас видеть. Но это не изменит мою способность видеть себя самого. Если я утрачу зрение, я не смогу видеть моими глазами. Но я никогда не видел себя самого глазами. Поэтому, несмотря на слепоту, я по-прежнему буду обладать способностью видеть себя самого. В том вопросе надо правильно уяснить себе два аспекта.

Органы чувств становятся средствами видения, узнавания тех объектов, которые находятся перед ними. Они не становятся средствами видения тех объектов, которые находятся позади них. Слово «позади» здесь имеет два значения. Оно означает не только «позади» с тыльной стороны, оно также означает «предшествующее». Когда эмбрион укореняется в матке для рождения ребенка, сперва появляется жизнь, а органы чувств следуют за ней. Так и должно быть, ибо, если жизнь не предшествует, тогда кто создает органы? Следовательно, жизнь предшествует. Сперва в матку входит душа. Вся душа входит, и тогда органы чувств начинают развиваться один за другим, по мере того как начинает развиваться тело. Органы чувств медленно развиваются на протяжении семи месяцев в материнской утробе, и они принимают свою полную форму за девять месяцев. Но кое-что не становится полным даже тогда. Например, половые органы не развиваются полностью. Даже после появления из материнской утробы для их полного развития требуется еще около четырнадцати лет. Есть некоторые участки мозга, которые развиваются постепенно и продолжают развиваться на протяжении всей жизни. Даже умирающий человек все еще развивается, даже тогда. Но сперва приходит жизнь, органы чувств следуют за ней, а остальные признаки появляются позже.

Сперва приходит хозяин, а затем призываются слуги. Кто обычно призывает слуг? Кто дает им работу? Хозяин может знать слуг, но слуги не могут знать хозяина. Душа

может знать органы чувств, но органы чувств со своей стороны не могут знать душу, ибо она существовала до них, до того, как они вошли в бытие, и существует она в такой глубине, к которой у органа чувств нет доступа. Они находятся на поверхности. Они тоже являются оболочками жизни. Поэтому никто не может узнать душу при помощи органов чувств, как бы быстро они ни работали.

Ум тоже относится к органам чувств. Как он быстр. И так, в этой сутре есть потиворечивое утверждение: даже ум, который так быстр, не в состоянии достичь души, которая неподвижна. Такому быстрому уму не удается достичь ее. Это весьма примечательная гонка. Это состояние весьма озадачивает. Чтобы этот стремительно несущийся ум не мог достичь этой неподвижной души? Но это именно то, что обычно случается в жизни. Неподвижными вещами можно обладать, только оставаясь неподвижными, а не гоняясь за ними. Вы идете по дороге. На обочине дороги растут цветы. Они неподвижны, они укоренились на одном месте. Чем медленнее вы идете, тем больше вы их рассмотрите, а если вы встаете неподвижно, вы сможете увидеть все, что можно увидеть в них. Если же вы проезжаете мимо них в автомобиле на скорости девяносто миль в час, вы не успеете даже разглядеть их. А если вы будете пролетать над ними на самолете, вы вообще ничего не будете знать о них. Если предположить, что в будущем будет изобретено еще более быстрое средство передвижения, тогда вы никогда не узнаете, были там цветы или нет. С самолета, летящего со скоростью десять тысяч миль в час, вы не увидите цветы, растущие на обочине дороги. Хотя они неподвижны, вы упустите их из-за вашей большой скорости.

Ум мчится с ужасной скоростью. До сих пор у нас нет самолетов и автомобилей, которые по скорости могли бы сравняться с умом. Храни нас, Боже, от такого аппарата. Или от такого, который может мчаться быстрее, чем ум, так, что наш ум остается далеко позади, в то время как мы мчимся дальше. Возникла бы огромная тревога, огромное затруднение, человек оказался бы в большой беде. Нет, этого определенно не случится, чтобы самолет мог летать со скоростью, превышающей скорость ума. К тому времени, как летательный аппарат достиг бы Луны, ваш ум уже завершил бы путешествие к Марсу. А когда летательный аппарат достиг бы Марса, к тому времени ум бы уже вошел в другую солнечную систему. Ум мчится впереди летательных аппаратов, какой бы большой ни была их скорость.

И все же ум, со всей своей огромной скоростью, никогда

не может достичь неподвижного *атмана*. Поэтому то, что говорят Упанишады, совершенно правильно. То, что абсолютно неподвижно, не может быть достигнуто бегом, его можно достичь, только остановившись неподвижно. Если ум становится полностью тихим, абсолютно неподвижным, тогда и только тогда можно будет познать то, что неподвижно. Вы тоже знаете это — что, когда ум становится абсолютно тихим, он прекращает быть. Он есть, пока он движется. По правде говоря, «движение» — это другое название «ума». Говорить, что ум движется — тавтология. Когда мы говорим, что ум движется, мы допускаем оговорку так же, как тогда, когда мы говорим, что вспыхивает молния. В действительности, это вспыхивание и есть молния. Нет нужды делать дважды утверждение «вспыхивает молния». Видели ли вы когда-нибудь молнию, которая не вспыхивала? Тогда зачем давать себе труд говорить так? Именно пользование словами создает трудности. Мы разделяем молнию и вспыхивание, когда выражаем этот феномен словами. Тогда мы говорим: «Смотрите, вспыхивает молния», — тогда как на самом деле вспыхивание и молния является двумя названиями одного феномена.

Мы совершаем такую же ошибку, когда говорим, что ум движется. На самом деле умом называется то, что всегда движется. Движение есть ум. Тогда «неподвижный ум» не имеет смысла точно так же, как не имеет смысла «вспыхивающая молния». Если бы кто-нибудь сказал: «В этот раз молния не вспыхивает», — вы бы сказали: «Тогда ее нет вообще», — поскольку утверждение «молния не вспыхивает» не имеет смысла. Когда она вспыхивает, она есть. Если ум неподвижен, он прекращает быть. Неподвижный ум становится не-умом.

Кабир называет это состояние не-ума состоянием покоя. Когда ум неподвижен, он прекращает быть. Ум присутствует, только пока он движется. Вот почему вы никогда не сможете удержать его неподвижным. Если вы станете неподвижным, вы обнаружите, что ума нет. Ум никогда не может познать душу, поскольку душа никогда не может быть познана посредством движения, а ум — это другое название движения. Поэтому *атман* познается в тот день, когда ума нет. Посредством ума мы можем узнать весь мир, только высший духовный элемент остается непознанным. Мы в состоянии познать этот высший духовный элемент, только когда ума нет.

У ума есть своя полная технология беспокойности. Поскольку движение без цели невозможно, то ум создает при-

чины или цели для своего движения, ум говорит: «Я желаю эту вещь, поэтому я буду двигаться к ней». Как можете вы двигаться, если у вас нет никакого желания достичь чего-то в будущем или если нет никакой цели, которую надо достичь? Поэтому каждый день ум решает осуществить определенную цель в будущем. Тогда начинается движение, но к тому времени, когда цель достигнута, выясняется, что она бесполезна, ибо все это было просто предлогом для ума, чтобы двигаться. Цель, которая достигнута, становится бесполезной в момент осуществления. Тогда ум выискивает новый предлог, новую цель, которая должна быть достигнута. После достижения этой цели он скажет: «В этом нет ничего существенного. Теперь мне следует стремиться к той цели...» Таким образом, он продолжает двигаться все дальше и дальше.

Вот почему ум всегда в будущем. Он никогда не может быть в настоящем. Тот, кто хочет двигаться, должен жить в будущем. Ум всегда будет впереди вас. Он не будет оттаптываться здесь, где вы есть. Чтобы быть здесь, где вы есть, движение должно будет прекратиться. Душа, *атман*, есть здесь, где вы есть, а ум есть там, где вас нет, где вы никогда не были. Он всегда впереди вас, и куда бы ни доходил ум, он говорит: «Это бесполезно, ничемно, иди дальше». Он подобен дорожному столбу, стрелка которого говорит вам идти дальше. Но среди этих дорожных столбов мы иногда встречаем столб, на котором вместо стрелки стоит «ноль».

Вчера, прогуливаясь, я увидел дорожный столб с нулевой отметкой на нем. На нем не было никакой стрелки, указывающей в ту или другую сторону, ибо ноль означает место назначения. Идти дальше некуда. Вы достигли места назначения. Но ум выдумывает указательную стрелку, говоря: «Иди дальше».

В путешествии умам никогда не встречается столб с нулевой отметкой. И если вы когда-нибудь натолкнетесь на такой столб, знайте, что вы пришли на место, известное как медитация. Когда в вашем путешествии вам случится увидеть такой столб, знайте, что это реализация *атмана*. Душа есть там, где есть ноль. Поэтому те, кто познали абсолютное, заявляли, что вы не сможете познать его посредством ума. Вы познаете его через ноль. Запомните, что реализованные существа называют нулем «не-ум».

Я говорил вам, что ум создает предлоги для того, чтобы гнаться за чем-то. Когда ему начинают приедаться мирские вещи, они оставляются в стороне. Ум говорит: «Я при-

обрел огромное богатство, я построил много домов, я купил много тел для своего наслаждения, но не получил ничего существенного от этих вещей». Тогда он разыгрывает свой последний трюк, чтобы продолжать гонку. Он начинает создавать стрелки, указывающие на мир иной, небеса, спасение и Бога.

Даже тогда он не просит нас перестать создавать стрелки и превратить их в нуль. Нет, теперь он говорит: «Надо достичь духовного богатства. Мирского богатства я достиг и нашел его бесполезным. Не стоит думать о нем. Теперь позвольте мне попытаться достичь религии. Я знаю, что смогу сделать это. Так или иначе я достигну».

Побуждение стать кем-то сохраняется. Если остается усилие приобрести нечто, тогда ум тоже остается. Запомните это, тот не истинно религиозный человек, кто желает достичь чего-то. Религиозный человек — осознал истину, что вся деятельность, направленная на приобретение, есть просто ум. Он оставил попытки достичь чего-либо. «Теперь я не пытаюсь достичь чего-либо. Теперь, наконец, я готов к неподвижности. Теперь, даже если Бог попросит меня прийти к нему, сделать всего два шага к Нему, я останусь неподвижным. Теперь я стою у столба с отметкой «ноль». Теперь для меня нет никакого путешествия». Осознайте: тот, кто стоит неподвижно, в своей неподвижности находит Бога. Человек, который движется к Богу, никогда не достигает Его, ибо движение есть от ума, а высший духовный элемент никогда не может быть достигнут посредством ума.

Когда вам приесться стремление ума к мирским объектам, вы будете создавать для ума новые предлоги — *атман*, Бога, просветление. Будда заходит настолько далеко, что отрицает существование *атмана*, ибо иначе вы направите все свои усилия на попытки найти его. Он так хитер, он скажет: «О'кей, если нет ничего другого, то, по крайней мере, есть *атман*, поэтому я буду стремиться к этому. Я отдам всю мою энергию достижению этого». Если ум не движется по направлению к дому, он будет двигаться по направлению к *атману*. Но двигаться он должен. Если не к материальным объектам, тогда к Богу, в любом случае ум должен двигаться.

Но только те, кто стоит неподвижно, находят *атман*. Таково заявление этой сутры. Он находится позади органов чувств и вне ума. Ни органы чувств, ни ум не могут помочь вам достичь *атмана*. Тогда что же нам делать? Поскольку он находится позади органов чувств, отбросьте представление, что они могут помочь вам. Поскольку он

находится вне пределов достигаемости ума, прекратите быть зависимым от скорости ума.

Я прошу не полагаться ни на ум, ни на органы чувств. Когда я прошу вас закрыть глаза, фактически я прошу вас прервать привычку к зависимости от определенного органа восприятия. Я говорю вам, что вы видели вашими глазами более чем достаточно, и все же *атман* не был увиден. Глаза были активными на протяжении многих жизней, но не смогли увидеть *атман*. Теперь давайте видеть с закрытыми глазами.

Мы упорно пытались услышать голос *атмана*, но не могли его услышать. Мы страстно стремились услышать его музыку, но наши уши не смогли уловить ее. Теперь давайте заткнем наши уши.

Мы бесконечно думали и размышляли, но так и не смогли придумать сутру, которая привела бы нас к *атману*. Мы подвергали ум тяжелым испытаниям, мы несли в себе много забот и тревог, мы много рассуждали и обдумывали, мы рассматривали многие философии, многие религии и многие писания. Мы создали много книг и установили много теорий и принципов, но не смогли найти никаких следов *атмана*. Теперь давайте войдем в область недумания. Возможно, здесь он будет найден.

Я пользуюсь словом «возможно» ради вас. Он, безусловно, достигается здесь. Но пока он не достигнут, опасна даже подлинная вера в то, что он будет непременно найден в области не-ума. Поэтому я пользуюсь словом «возможно» ради вас: часто такие верования становятся препятствием для нашего прогресса. Они убеждают вас, что все в порядке, теперь мы достигнем его, теперь мы нашли путь наверняка. Таким образом, теории начинают выглядеть как достижения. Вот почему я пользуюсь словом «возможно», чтобы побудить вас войти в эксперимент.

Он, безусловно, достигается, но надо отказаться от опоры на органы чувств. Ум, движущийся в непрерывной гонке, должен быть отброшен. Такова природа нашего высшего духовного элемента, который уже и всегда присутствует внутри нас, но который мы продолжаем упускать из-за наших собственных приемов и схем жизни. Он никогда не утрачивается нами, он просто забыт. Мы просто забываем о нем. Но в забвении его наша жизнь становится никчемной, становится адом. В забвении его жизнь становится пустыней без рек, без притока свежей воды. Все счастье исчезает. Наша жизнь становится пустыней, где, сколько бы мы ни искали, нельзя найти источника воды,

и сквозь наши пальцы струится только песок. Как долго бы мы ни шли, не видно никакой тени, нигде нет убежища, нигде нет места для отдыха.

Поймите это, без этого высшего духовного элемента, без *атмана*, в жизни нет никакого убежища, никакого оазиса. Без этого высшего духовного элемента никогда не проистекал экстаз. Он есть все во всем. Он есть истинная сущность. Но те, кто запутались среди листьев, не могут достичь корней. Листья обязаны своим появлением корням, но те, кто остаются запутавшимися среди листьев, никогда не обнаруживают корней. Оставьте листья. Погружайтесь внутрь: за пределы ощущений, за пределы органов чувств, за пределы мыслей. Двигайтесь внутрь и за ними, медленно-медленно, пока вы не придете к столбу с нулевой отметкой. Он есть внутри каждого. Кружа вокруг него, мы блуждаем тут и там, но без него не могло бы быть никаких блужданий. Без этого нуля внутри, без этого неподвижного совершенного элемента в центре не мог бы продолжаться весь этот процесс трансформации, это огромное круговое переплетение. Эта ваша беготня подобна буре, это кружение, подобное смерчу — все зависит от присутствия этого нуля.

Позвольте мне разъяснить последний аспект этого вопроса. Есть два способа описания этого высшего духовного элемента: как ноль и как совершенство. Упанишады предпочитают термин «совершенство». Они предпочитают пользоваться словом «совершенно». Когда Упанишады появились на свет, когда эти сутры были впервые продекламированы, человек был способен понять их смысл только как «совершенное». Это слово выражает смысл на позитивном языке. Пользоваться словом «ноль» — значит выражать смысл на негативном языке. Чтобы понять термин «совершенно», надо иметь невинное сердце ребенка. Старики не в состоянии понимать этот язык, а человек с каждым днем движется все дальше от состояния детства.

В те дни, когда была создана эта сутра, люди, как дети, понимали язык совершенного. Вы поймете эту ситуацию, если изучали детей, если вы следили за их повадками и поведением. Идя по дороге, ребенок задает самые разнообразные вопросы, все дети делают это. Иногда эти вопросы приводят вас в замешательство, но вы даете им на их вопросы простые, удобные ответы, и они довольны и успокаиваются.

Эти вопросы иногда бывают настолько трудными, что у взрослых нет на них ответов. Когда в семье рождается

новый младенец, маленький ребенок спрашивает: «Откуда взялся этот маленький?» Вопрос труден. У взрослых нет правильного ответа на этот вопрос. Нет правильного ответа и у тех, кто знает — биологов. Они говорят: «Мы все еще исследуем. Мы еще не знаем определенно, откуда появляется новый ребенок. Мы можем рассказать вам только то, что смогли обнаружить, но жизнь приходит из того, что лежит далеко за пределами известного нам. Мы не знаем ничего наверняка».

Так что даже исследователи, посвятившие свои жизни этому вопросу, не знают. А те, кто дает детям рождение, не знают об этом вообще ничего, поскольку не нужно знать об этом для того, чтобы рожать детей. Но возникает ошибочное представление, что отец семерых детей должен знать, откуда появляется ребенок, и поскольку он тоже живет в этом заблуждении, он ответит, он найдет ответ. Но внимательно проследите за реакцией ребенка. Он задает такой трудный вопрос — откуда появляются дети — что даже наука пока еще не нашла правильный ответ. И насколько я могу видеть, она его никогда не найдет. Но вы сразу же отвечаете, что видели, как ребенка принесла ворона. Ребенок верит вам и убегает играть. Для него вопрос исчерпан.

Он верит в вас. Пока еще его ум позитивный, непротестующий, несомневающийся. Он не спросит, протестуя: «Как же ворона может принести его? Откуда она его приносит?» Сейчас у него не возникает сомнений. Позже они возникнут. Придет день, когда этот ответ: «Ребенка приносит ворона», не пройдет. Тогда он задаст много вопросов и выразит много сомнений. Тогда вы будете знать, что появился негативный ум.

Было время, когда весь мир, все человечество было невинно, как дети, люди верили тому, что им говорили. Поэтому, чем древнее писание, тем больше будет ваше удивление и недоумение.

Вы будете смущены недостатком логики и отсутствием разумных аргументов. Есть только прямые утверждения. Кто-то приходит к мудрецу и говорит ему: «Я испытываю беспокойство и тревогу. Что я должен делать, чтобы получить спокойствие духа?» Мудрец говорит: «Повторяй имя Рамы». Спрашивающий удовлетворен и говорит: «Хорошо, я так и поступлю», — и уходит. Он даже не спрашивает, что случится и как ему может помочь повторение имени Рамы. Он не задает никаких вопросов.

Запомните, ничего не случится из-за повторения имени

Рамы, но состояние ума этого человека таково, что даже если бы мудрец сказал ему повторять: «Камень, камень», — это помогло бы ему.

Ничего не случается из-за повторения слова Рама» или слова «камень». Но именно позитивное состояние ума, невинное настроение приятия, не знающее отказа и неповиновения, не порождающее никаких сомнений, делает это плодотворным. Вот почему они говорили: «Иди и повторяй имя Рамы, и все будет в порядке». Человек идет домой, повторяет имя Рамы, и все в порядке.

Это случается благодаря позитивной установке ума. Если бы этот мудрец сказал: «Возьми этот амулет», или если бы он дал ему немного воды и заставил выпить ее, человек, несомненно, выпил бы эту заколдованную воду, и это было бы плодотворным. Эффективным оказалось бы что угодно. Не имеет значения, то или это будет средством. Важно то, что за всем этим делом стоит позитивный ум. Если он там есть, результатом будет несомненный успех.

Но сейчас эта позитивная установка исчезла. Она полностью исчезла уже во времена Махавиры и Будды. Поэтому Махавире и Будде пришлось пользоваться негативным языком. Махавира пользовался им немного и заявлял: «Нет никакого Бога», — не потому, что Бога нет, а потому, что нет человека, который бы заплясал от радости, когда ему говорят, что Бог есть. Такой человек не спросил бы: «Где он?» Он бы просто танцевал до экстаза. Он бы сказал: «Если Бог есть, я приду к Нему, и двери Небес откроются для меня». И запомните, нет таких дверей, которые не открылись бы для такого доверчивого и невинного ума.

Но перед Махавирой сидели не такие люди. Когда он сказал кому-то: «Бог есть», — этот человек сразу же поставил перед Махавирой множество вопросов по этому поводу. Тогда Махавира сказал: «Бога нет». На самом деле первый ответственный, но тогда кто-то начинает высказывать сомнение, вся ситуация становится абсурдной и ничего не стоящей. Нет никакого смысла в ответе, если он вызывает сомнение.

То был ответ древних мудрецов. Но во времена Махавиры люди начали спрашивать: «Кто есть Бог? Где он? Сколько у него голов? Сколько у Него рук? Как Он был рожден? Откуда Он появился? Где мы можем увидеть Его?» Поэтому Махавира сказал: «Его нет вообще».

Старый ответ стал бесполезным. Ответ, из которого возникают вопросы, не имеет ценности. Цель ответа в том,

чтобы сконцентрировать в себе вопрос. То является ответом, что включает в себя вопрос, так что вопрос исчезает. «Бог есть», — было величайшим ответом, но Махавира был вынужден отказаться от него.

А Будде пришлось пойти на шаг дальше. Махавира принимал существование души, *атмана*, для своей миссии. Это различие между точками зрения Махавиры и Будды возникло так быстро.

Не было большого разрыва между временами Махавиры и Будды, фактически всего лишь тридцать лет. И все же Будда был вынужден сказать: «Нет никакой души, никакого *атмана*». Махавира сказал: «Бога нет, есть душа — *атман*». Будде же пришлось сказать: «Нет даже души», — ибо во времена Будды люди начали спрашивать: «Что такое *атман*?»

На это не было ответа. Будда сказал: «Это ноль, это ничто». Запомните, в отношении нуля нельзя поднимать вопросы, ибо он означает то, чего нет. Какие вопросы можно поднять в отношении нуля? В отношении нуля вопросы не могут быть подняты. А если вы поднимаете какой-нибудь вопрос, это означает, что вы не поняли.

Смысл нуля — то, чего нет. Так какие еще вопросы вы можете задать о нем? Мы сами говорим, что его нет. Будда сказал: «Ноль. Ничто», — и наставлял людей становиться единым с нулем. Весь язык изменен. Но я говорю вам, что ноль и совершенство суть одно и то же. Слово «совершенное» — это ответ позитивного ума, а слово «ноль» — это ответ негативного ума.

Интересно отметить, что у нас, в этом мире, нет никакого другого опыта совершенного, кроме опыта нуля. Вот почему мы принимаем круг в качестве символа нуля. Это самая совершенная фигура, вычерчиваемая человеком. Никакая другая фигура не совершенна. Так же интересно то, что из всех стран мира цифра ноль была впервые придумана именно в Индии, и она была придумана не для математических целей, а для ведантических, для целей понимания.

Числа от одного до девяти тоже были сформулированы в Индии, но интересно то, что все эти числа от одного до девяти несовершенны. Нечто может быть прибавлено к ним. К числу один может быть прибавлено еще одно число один, а то, к чему может быть прибавлено нечто, не является совершенным, поскольку его величина увеличивается в результате прибавления. От него также можно нечто отнять — вычесть. А то, из чего можно нечто вычесть, тем самым уменьшая его, не является совершенным.

Вы не можете ни прибавить что-либо к нулю, ни вычесть что-либо из него. Он совершенен. Вы не можете вычесть что-либо из нуля. Как вы можете вычитать из ничего? Не можете вы и прибавить что-либо к нулю. Как вы это делаете?

Ноль — это символ, образ совершенного. Это геометрический образ совершенного. Мы несем этот ноль, этот образ совершенного внутри себя. Если вы можете прийти к пониманию Бога через совершенное, это прекрасно. А если вы не можете понять через совершенное, тогда подходите через ноль. Для конечного результата это не имеет значения.

Из-за изменения наших ментальных установок возникли два пути, ведущих к одной и той же цели. Если ваша ментальная установка позитивна, и вы чувствуете, что не достигнете цели через ноль, вам следует вступить на путь танца, пения и пребывания в экстазе. А если вы чувствуете, что ваша ментальная установка негативна и полна сомнений, тогда оставайтесь в тишине, будьте спокойны, будьте в нуле и потеряйтесь в нуле. Если вы считаете, что ваш ум обладает негативным подходом, тогда станьте едины с нулем. Конечный результат будет одинаков.

Танец, экстаз, придет через ноль тоже, но он придет благодаря тому, что вы стали нулем, а ноль придет через танец благодаря тому, что вы стали едины с танцем. Тот, у кого ум имеет установку на совершенное, вначале будет танцевать, петь и возносить молитвы, а затем исчезнет в ноль.

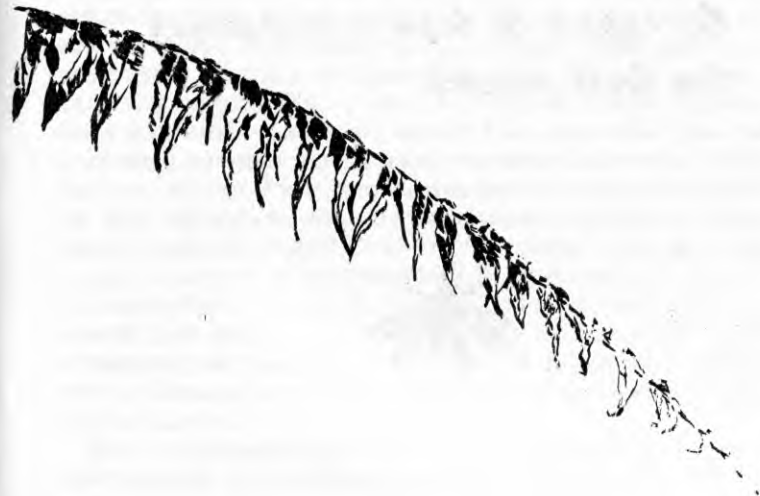
Когда танец становится быстрым и необузданным, тогда остается только сам танец, и когда танец становится неистовым, как смерч, человек начинает испытывать ноль внутри. Он почувствует, что за этим кто-то стоит. Тело будет продолжать танцевать, а внутри будет стоять, будет бодрствовать ноль, *атман*. Вместе с вращающимся колесом начнет проявляться и ось.

Запомните, если колесо неподвижно, будет трудно узнать ось, поскольку и то, и другое неподвижно. Будет трудно различить, что есть ось и что есть колесо, если колесо неподвижно. Если же колесо будет в движении, то узнать ось будет легко, ибо она не будет двигаться, когда движется колесо. Погрузившись в экстаз через становление одним с совершенным, танцует некий Чайтанья или Мира. По мере продолжения танца колесо вращается все быстрее и быстрее, и центральная ось проявляется отдельной в своей неподвижности.

Если же вы начинаете с нуля, вы начинаете ощущать

внутри пустоту. Если все внутри становится пустотой, становится видно вращение колеса снаружи, мысли приходят и уходят, *сансара*, этот мир, продолжается.

Путешествие к абсолютному может начаться от оси и от колеса. Оба пути приведут нас к концу путешествия. Высший духовный элемент можно познать, либо став совершенным, либо став нулем, но органы чувств не могут привести нас ни к совершенству, ни к нулю. И ум тоже не может привести вас ни к тому, ни к другому.

*Высший духовный элемент
движется и также не движется.
Он далек и все же близок.
Он скрыт во всем и находится
вне всего также.*

ИСТИНА АБСУРДНА

Высший духовный элемент, *атман*, не движется и все же движется. Он есть самое близкое нам и все же он очень далек. Он есть внутренняя душа и все же он видим вовне.

Это одна из величайших сутр, когда-либо произнесенных в истории человечества. Она очень проста и в то же время очень глубока и трудна для понимания. Нет более глубоких и трудных для понимания истин, чем все простые истины жизни.

Они представляются столь непритязательными, но они содержат тайны, и чтобы раскрыть их, надо использовать парадоксальные слова. Если бы их стал изучать логик, он бы сказал, что они полностью абсурдны.

Артур Кестлер, великий мыслитель Запада, много потешался над восточным взглядом на вещи. Он осудил его как абсурдный. Что может быть абсурднее следующего утверждения: высший духовный элемент ближе близкого и дальше далекого? Вы в своем уме? То, что близко, должно быть близким — как оно может быть далеким? Высший духовный элемент неподвижен и притом движется. Что за бред вы несете? В том, что вы говорите, нет никакого смысла. Высший духовный элемент находится внутри и пронизывает внешнее тоже? Если это так, тогда в чем различие между внешним и внутренним? Если он внутри, как же он может быть снаружи? Или если он снаружи, как же он может быть внутри? Если он далеко, то, пожалуйста, так и говорите, не говорите, что он близко. А если вы говорите, что он близко, тогда, пожалуйста, прекратите говорить, что он далеко.

Вот так аргументирует Кестлер. Если вы преданы своим собственным установкам, вам понравятся убеждения Кестлера. Он очень честный человек, и я предпочитаю его честность альтернативам, ибо для такого человека могут быть найдены пути. Кестлер говорит: «Я считаю такие утверждения нелогичными. Они исходят от сумасшедших, но сумасшедшему, если он говорит такое, можно простить». Но Кестлер не знает, что за последние годы даже наука оказалась в таком же положении и начала делать подобные заявления. Даже Эйнштейн говорит на таком языке.

Оставьте их в покое. Мудрецы вполне могут быть безумными людьми. Они определенно не претендуют на то, что они не сумасшедшие, ибо никто в этом мире, за иск-

лючением безумца, не заявляет, что он не сумасшедший. Мудрецы столь разумны, что они вполне готовы быть безумными. Те, кто достигают высшей мудрости, согласны на то, чтобы их считали глупцами.

Вчера я говорил кому-то, что притязание на мудрость является единственной глупостью. Никто, кроме глупцов, никогда не претендовал на мудрость. Все мудрые люди, родившиеся в этом мире, говорили: «Мы круглые дураки, мы ничего не знаем. Мы знаем только то, что ничего не знаем. Когда мы начали узнавать, мы начали осознавать, что мы глубоко невежественны». Даже Кестлер не может сказать, что Эйнштейн безумен. Но за последние десять лет возникла некая трудность — та трудность, которая в свое время встала перед Упанишадами. Такая трудность возникает, когда некая мысль, некий поиск касается высшей тайны. Когда мудрец Упанишад пришел к этой высшей тайне, абсолютному атману, ему пришлось пользоваться парадоксальным языком. Он сказал на одном дыхании: «Высший духовный элемент очень далек и притом близок». И у мудреца одно последовало за другим так быстро и непосредственно, что вы не можете подумать, что он далеко. Мудрец сказал, что высший духовный элемент близок, и тут же сказал, что притом он далек, так что вы не можете совершить ошибку, подумав, что он близко. То, что было сказано первым, тут же отменяется в следующем утверждении. Сейчас открытия науки приближаются очень близко к этому высшему духовному элементу.

Ученые были сильно озадачены, когда был открыт электрон. У них не было слов для его описания. У человека есть слова для всех вещей, но ученые оказались в замешательстве: какое слово следует им использовать для него? Следует называть электрон частицей или волной? Частица и волна — это разные, противоположные вещи. Частица не может быть волной. «Частица» означает нечто стационарное. «Волна» означает нечто плывущее, текущее, находящееся в непрерывном становлении, непрерывно меняющее форму свою, это процесс. Волна есть процесс.

А электрон? Каков его статус? Два ученых изучают его. Один из них говорит: «Для меня он выглядит, как волна». Другой говорит: «Мне электрон представляется частицей». Еще один ученый говорит: «В какой-то момент он выглядит как частица, а в следующий момент он выглядит как волна. Он есть и то, и другое одновременно». Поэтому возникла большая трудность с выбором логического понятия для электрона. Ни в одном языке мира не было слова, оз-

начающего частицу и волну одновременно, — слово, которое могло бы означать и то, и другое в одно и то же время. Поэтому ученые придумали для этого новое слово — квант. Слово «квант» подразумевает и волну, и частицу одновременно.

Кестлер назвал бы Эйнштейна, Планка и других подобных им безумцами. Он считал бы их сумасшедшими. Кто-то спросил Эйнштейна: «Что вы на это скажете? Как это может быть одновременно частицей и волной?» Тот ответил: «Как я могу решить, что возможно и что невозможно? Я могу лишь сказать, что это так». Спрашивающий сказал: «Это ваше заявление опровергает все наши логические законы и принципы. Отмечается вся логическая теория, предложенная Аристотелем». Тогда Эйнштейн ответил: «Что же я могу поделать? Если перед лицом факта приходится отбрасывать логику, тогда она должна быть отброшена. Факт не может быть отброшен. Вы меняете ваше логическое рассуждение».

Факт таков. Аристотель неправ. Электрон просто не готов доказывать правоту Аристотеля. Вам придется изменить ваш способ рассуждения, ибо факт таков, каков он есть. Пусть Аристотель будет неправым. Электрон не собирается стать частицей только для того, чтобы сделать одолжение Аристотелю, не готов он быть просто волной, чтобы доказать правоту Аристотеля. Он есть и то, и другое. Ему нет дела до Аристотеля. Аристотелева логика говорит, что противоположные вещи не могут сосуществовать как одно. То, что говорит Аристотель кажется правильным. Как может Человек быть живым и мертвым одновременно? Но те, кто знают глубокую тайну жизни, говорят, что жизнь и смерть — это две ноги, правая и левая одного и того же человека. Когда вы живете, вы в то же самое время и умираете. Вы не умираете в один день, вы умираете с того дня, в который родились. С одной стороны, жизнь идет дальше, а с другой стороны, приближается смерть.

Над этим интересно поразмышлять, может ли мертвый человек умереть? Чтобы умереть, нужен живой человек. Это значит, что для того, чтобы умереть, абсолютно необходимо, неизбежно быть живым. Это условие не может быть ослаблено. Если человек не живет, он не может умереть. Теперь это становится противоположным утверждением совершенно. Быть живущим — это неизбежное условие для того, чтобы умереть. Тогда это значит, что быть умирающим — это неизбежное условие для того, чтобы жить. Человек, который в этот момент не умирает, так-

же и не живет. Жизнь и смерть — это название одного и того же процесса. Мы живем и умираем в одно и то же время. Мы находимся в процессе уничтожения и становления одновременно.

Аристотель говорит, что тьма есть тьма, а свет есть свет. Они не могут быть объединены как одно. Обычно это кажется правильным. Там, где нет света, есть тьма. И там, где есть свет, нет тьмы. Но наука говорит нам, что недостаточный свет называется тьмою, а недостаточная тьма называется светом. Различие в степени. Таким же образом тепло и холод не являются двумя различными вещами.

Эту сутру Упанишад будет очень легко понять, если вы проведете такой эксперимент. Некоторое время держите одну вашу руку у огня, а в другой сжимайте кусок льда. Затем окуните обе руки в ведро с водой и спросите у себя, теплая вода в ведре или холодная. Одна рука скажет вам, что вода холодная, а другая рука скажет вам, что вода теплая. Тогда вам придется сказать, что вода холодная и теплая, если вы не хотите сделать ложное заявление. Вам придется дать противоречивые показания. Согласно Кестлеру, это абсурдно. Но вода ни теплая, ни холодная. Просто между водой и вашими руками есть разница температур, что вы и обнаруживаете, когда руки касаются воды.

Упанишад говорит, что *атман* близко и также далеко. Она говорит это потому, что как бы далеко ни раскинулись листья, они всегда рядом с корнями. Они связаны с корнями, иначе они не могут существовать. Сок приходит от корней. Если мы смотрим правильно, листья не что иное, как вытянутые руки корней. Это продолжение — корни вытянулись и превратились в листья. Между ними нет никакого разрыва непрерывности. Нет места посередине, о котором мы бы могли сказать, что корни разорваны здесь и листья начинают появляться отсюда. Все дерево едино. Листья с этого конца, а корни с другого. Так же и кончики ваших пальцев и волосы на вашей голове неотделимы друг от друга. Они два конца одной и той же вещи. Посмотрите, насколько близки корни к листьям. Они дают им весь сок, всю жизненную силу, как они могут быть далеко, очень далеко. И если листья хотят познать корни, им нужно будет отправиться в долгое путешествие. Почему я говорю, что корни далеко? Они далеко в том смысле, что листья не знают даже, что корни существуют. Солнце также кажется очень близким к листьям, хотя оно очень далеко, в миллионах километров. Но листья чувствуют, что солнце близко, они начинают танцевать утром, когда солнце восходит. Они

осознают присутствие солнца каждый день. Но они не знают о корнях, которые спрятаны под ними и являются их частью. В этом смысле солнце очень близко, а корни очень далеко. Высочайший духовный элемент — *атман* очень близко к нам, потому что мы не можем существовать без него. И он очень далек, потому что мы совершенно не осознаем его, несмотря на наш поиск его в течение бесчисленных жизней. Говорится, что он совершенно недвижим и все же все движение жизни зависит от него. Центр не движется, но колесо в движении. Все же центр совершает то же путешествие, что и колесо. Допустим, вы начали путешествовать в повозке. Его ось не будет двигаться ни на миллиметр, лишь колесо будет двигаться, но когда вы остановитесь, проехав десять километров, его ось так же, проехала, совершила это путешествие не подвинувшись ни на миллиметр. Кестлер назвал бы это заявление глупостью. Но это явление, путешествие, случилось. Как же понять этот факт? Если Аристотель оказался неправ, пусть он будет неправ. Факт не может быть неправым. Ось не двигалась вообще и все же путь в десять километров был пройден. *Атман* никогда не двигался. И все же он совершает путешествие через бесчисленные рождения, останавливаясь на бесчисленных стоянках и путешествуя в бесконечную даль. Поэтому святые в Упанишадах говорили, что он не движется и все же движется. Они говорят, что это внутри и, одновременно, это снаружи. Фактически, — внутри и снаружи — есть лишь временные различия. Когда вы закончили свою фразу, оно вышло.

Думали ли вы когда-нибудь об этом? Вы говорите; дыхание выходит — оно внутри, но перед тем, как вы завершили свою фразу, перед тем, как у вас появилось время сказать так, оно уже вышло наружу, и когда вы говорите, что оно вовне, вы сразу же видите, что оно начинает входит вовнутрь опять. В чем разница между «внутри» и «вовне» в этом случае? Разница просто в направлении, другой разницы нет.

Есть ли хоть какая-нибудь разница между небом вне вашего дома и внутри него? Нет никакой разницы. Вы построили стены и таким образом отгородили кусочек неба; но это то же небо, которое находится и за пределами дома. Внутреннее небо такое же, как внешнее, и все же есть некая разница. Когда солнце жжет, мы знаем, что внешнее небо отлично от внутреннего. Внутри комфорт, а снаружи — дискомфорт. Внешнее и внутреннее небо — это одно и то же, и все же они отличны, разделены. Когда мы ночью

спим под внутренним небом, мы чувствуем себя более комфортно, чем когда мы спим вовне.

Поэтому Упаишады говорят, что то же, что и внутри есть и снаружи. И все же вам надо начать с внутреннего, если вы хотите познать его. Лишь позав его изнутри, вы можете сказать, что то же есть и снаружи. Не зная этого, нельзя сказать, что это то же и вовне. Потому что если вы не знаете вашего внутреннего, у вас не будет представления о том, что вовне. Как же те, кто не знают даже маленького неба в своем доме, узнают огромное, бесконечное небо вовне?

Во-первых, познакомьтесь с этим маленьким небом и вы узнаете бесконечное небо вовне. Тот, кто хочет узнать это, должен начать изнутри. А тот, кто достигает конечной стадии познания, завершает свое путешествие вовне.

Первая часть самопознания происходит внутри, а последний шаг, познание высшего, происходит вовне. Путешествие начинается с *атмана* и заканчивается высшим духом — *параматмой*.

Это кажущееся нелогичным и абсурдным утверждение очень глубоко, полно истины и реальности, но тот, кто останавливается на логическом размышлении, никогда не сможет прийти к этому факту. Лишь тот, кто достаточно храбр, чтобы отказаться от объяснений, способен подойти к факту. Потому что истина, факт не уважает ваши размышления. Все размышления происходят от человека, а факты никогда об этом не беспокоятся. Ваши размышления могут спорить, как им заблагорассудится, но факты — их не затронешь — будут продолжать следовать своей природе, своему образу действий. Факты продолжают говорить за себя, совершенно не волнуясь о вашем объяснении. Поэтому объяснения нужно разбить и отбросить, когда возникает спор между фактами и объяснениями. Поэтому когда мудрецы Востока познавали истины жизни, они отказывались от логических объяснений. Они провозглашали: объяснения не могут принести пользы. Поэтому тем, кто хорош в объяснениях, трудно познать истину. Они привязаны к своим объяснениям. Они продолжают говорить: «Как вода может быть горячей и холодной в одно и то же время? Холод — это одно качество, тепло — другое, противоположное качество!» Но они есть одно и то же. Они продолжают говорить: «Как рождение и смерть могут быть едины?» Но это так!

Искатель истины должен быть достаточно храбр, чтобы отказаться от объяснений, и это величайшая храбрость.

Эта сутра одна из величайших сутр, рассказанных в истории человечества. Теперь давайте войдем в великую истину за пределами логики.

Не пытайтесь объяснить, как танцы, крики, слезы и смех могут помочь нам. Не думайте. Оставьте логику в стороне и прыгайте!

7

*Тот, кто видит весь мир
одушевленных и неодушевленных
объектов в себе самом
и также видит себя самого
во всех одушевленных и
неодушевленных объектах,
благодаря этому никого
не ненавидит.*

СТАНЬТЕ ЗЕРКАЛОМ

Неприязнь и ненависть к другому является основой укоренившихся сложностей человечества. Можно сказать, что отраву ненависти проявляется во всех отвратительных делах человечества. Слово «ненависть» означает желание уничтожить другого. «Любовь» означает готовность пожертвовать самим собой ради другого, если необходимо. «Не-нависть» означает готовность уничтожить другого ради себя самого, даже если это не необходимо. В том, как мы все живем, есть изобилие ненависти и никакой музыки любви.

То чувство, которое мы называем «любовь», на самом деле является формой ненависти. Занимаясь любовью, мы делаем другого средством для достижения счастья, а как только мы делаем другого средством, начинается ненависть. Занимаясь любовью, мы живем для самих себя. Мы хотим служить нашей собственной эгоистической цели. Иногда кажется, что мы делаем что-то для другого, но это просто потому, что мы стремимся получить от него, нечто взамен. Мы делаем что-то для другого только тогда, когда имеем какую-то надежду получить что-то от него — мы желаем плодов. В противном случае мы ничего не делаем. Вот почему наша любовь может в любой момент превратиться в ненависть. Это случается. Любовь, еще несколько минут назад проявляемая по отношению к кому-то, может вскоре превратиться в презрение к нему. Если на пути осуществления нашего желания возникнет небольшое препятствие, наша любовь, которая может превратиться в ненависть и презрение, есть всего лишь скрытая ненависть. Внутри есть только ненависть, а внешняя оболочка есть лишь подобие любви.

Ишавасья представляет здесь очень важную сутру, которая делает любовь возможной, иначе она невозможна для нас. Без понимания этой сутры и действия в соответствии с ней нет никакой возможности открыться цветку любви. Эта сутра говорит следующее: ненависть приходит к концу только тогда, когда человек начинает видеть себя самого во всех одушевленных и неодушевленных объектах и начинает видеть все одушевленные и неодушевленные объекты все существование в себе самом. Ишавасья не говорит, что тогда рождается любовь, она говорит: «Тогда ненависть придет к концу».

Для такого заявления есть хорошо продуманное осно-

вание. На пути любви нет никакого другого препятствия, кроме препятствия ненависти. Если ненависти нет, любовь расцветает само по себе спонтанно, естественно. Это подобно устранению камня, перекрывающего небольшой ручей. Как только камень отодвинут, ручей течет сам по себе. Подобным же образом камень ненависти давит на вас. Из-за камня ненависти мы не в состоянии видеть наши лица, отраженные в зеркалах всех одушевленных и неодушевленных объектов, не можем мы и стать зеркалами, отражающими все эти объекты в нас самих.

Оба эти феномена случаются одновременно: человек, который может видеть себя самого во всех одушевленных и неодушевленных объектах, во всех животных, во всем существующем, неизбежно будет способен видеть все в себе самом. Человек, для которого весь мир становится зеркалом, сам становится зеркалом для всего мира. Это случается одновременно. Это две стороны одного и того же состояния. Упанишада говорит, что, когда это случается, ненависть исчезает.

Что же тогда рождается? Упанишада не сказала, что тогда рождается любовь, ибо любовь вечна, она есть наша природа. Она не рождается и она не умирает. Например, когда приходит сезон дождей и небо покрывается тучами, солнце скрыто. Тогда можем ли мы сказать, что солнце родится, когда тучи исчезнут? Нет, мы можем только сказать, что солнце, которое всегда было, будет видимым. Когда пришли тучи, солнце не было уничтожено, оно было просто закрыто тучами. Скрываясь за тучами, оно стало невидимым. Тучи исчезнут, и солнце снова засияет. Тучи рождаются и тучи умирают, но солнце всегда есть.

Любовь — это природа жизни, поэтому у нее нет ни рождения, ни смерти. Тучи ненависти рождаются и умирают. Когда рождаются тучи, солнце скрывается. Оно являет себя, когда они исчезают, когда их больше нет. Но любовь вечна, поэтому Упанишада не говорит о рождении любви, она говорит только то, что ненависть умирает и исчезает.

Но как? Эта сутра не так проста, как кажется. Часто случается, что вещи, которые кажутся трудными, не таковы, и точно так же вещи, которые кажутся простыми, не просты. Обычно в простых вопросах скрыта большая глубина и сложность. Эта сутра кажется прямолинейной и простой. Вся формулировка заключена всего в двух строках. Сутра говорит, что человек, который видит себя самого во всех объектах — одушевленных и неодушевленных—и начинает

видеть все объекты в себе самом, будет избавлен от ненависти. Но делать все своим зеркалом или быть зеркалом для всего — это великая алхимия и искусство. Нет более великого искусства.

Вот что я слышал. Однажды ко двору шаха Персии пришел один китаец и сказал: «Я пришел из Китая, и я — величайший из художников. Я могу создать такие картины, подобных которых Вы никогда не видели». Шах сказал: «Тогда создай их здесь. Но помни, при нашем дворе нет недостатка в художниках и мне доводилось видеть чудесные картины». Тогда китайский художник сказал: «Я готов принять любой вызов».

Для состязания был выбран наилучший придворный художник. И шах предупредил своего художника: «Используй весь свой талант. Сделай все, что в твоих силах. Теперь это вопрос престижа империи. Смотри, чтобы этот чужеземец не победил тебя».

Для завершения работы художникам было дано 6 месяцев. Иранский художник начал свою работу очень серьезно. С помощью десятка или двух помощников он покрыл всю выделенную ему стену прекрасными картинами. Новость о его картинах достигла самых отдаленных областей, и люди приходили издалека, чтобы посмотреть на его работу. Но наготове было еще более великое чудо. Китайский живописец сказал: «Для моей работы мне не нужны никакие принадлежности и материалы, не нужно мне и никаких красок. Я настаиваю только на одном условии: моя стена должна быть закрыта занавесом, пока картина не будет завершена».

Каждое утро он заходил за этот занавес и снова появлялся вечером в полном изнеможении, с каплями пота на лице. Но особое изумление вызвало то, что он не брал с собой никаких красок и кистей, когда скрывался за занавесом. Не было у него и следов красок на руках и одежде. Император начал подумывать, уж не сумасшедший ли этот художник. Какое могло быть состязание при таких обстоятельствах? Не надо было ждать шесть месяцев, чтобы выполнить условие.

С огромным нетерпением все ждали истечения этих шесть месяцев. Известие о картинах иранского художника распространилось повсюду и вместе с ним прошел слух о его безумном сопернике, который вступил в состязание без каких-либо красок. Вы представить себе не можете, с каким волнением люди ждали истечения этих шести месяцев. Когда срок истек, шах отправился смотреть картины.

Он был очарован картиной иранского художника. В своей жизни он видел много картин, но никогда не встречал картин, выполненных с таким несравненным мастерством. Затем он велел китайскому художнику показать свою картину. Тот отодвинул занавес, закрывающий его стену. Увидев ее, император был поражен. Это была та же самая картина. Китайский художник создал такую же картину, что и иранский. Но с одной дополнительной особенностью: она не была написана на стене, а возникла из глубины стены. Император спросил: «Как ты это сделал? Что это за магия?» Китайский художник ответил: «Я не прибежал к магии. Но я специалист по изготовлению зеркал, поэтому я превратил эту стену в зеркало, полируя ее на протяжении шести месяцев. Картина, на которую вы смотрите, — это отражение картины, написанной иранским художником на противоположной стене. Я просто превратил эту стену в зеркало».

Он выиграл состязание, ибо, сияя в зеркале, иранская картина стала бесконечно более глубокой, чем в оригинале. В зеркале иранская картина приобрела огромную глубину. Она стала трехмерной картиной. Сама иранская картина была двухмерной. У нее не было глубины. Картина китайского художника приобрела трехмерную глубину. Император спросил его: «Почему же ты не сказал нам с самого начала, что ты умеешь делать только зеркала?» Китайский художник ответил: «Я не художник, а — *саду*, монах». Шах сказал: «Это становится все более и более интересным. Сперва ты не сказал нам, что ты делаешь зеркала, а теперь ты говоришь нам, что ты — *саду*. Зачем же *саду* делать зеркала?»

Китайский художник ответил: «Я делаю только зеркала с тех пор, как я сделал себя самого зеркалом и увидел в нем мир. Точно так же, как я превратил эту стену в чистое зеркало, постоянно полируя ее, я сделал себя зеркалом, чистым, как кристалл, постоянно наблюдая самого себя. И такой прекрасный образ этого мира, какой я увидел внутри, я никогда не видел снаружи. В тот день, когда я увидел и осознал мир внутри себя, я стал подобным зеркалу. Все неодушевленные и одушевленные объекты проникли внутрь меня».

Мы сможем увидеть Бога в тот день, когда наше сердце станет подобным зеркалу. Тогда весь мир войдет в нас, и весь мир также станет для нас зеркалом. Тогда мы будем в состоянии видеть нашу сущность везде, каждое мгновение. Но весь мир не может быть превращен в зеркало.

Только наша собственная сущность может быть превращена в зеркало. Вот почему искатель истины начинает с изготовления зеркала из себя самого.

Чтобы узнать алхимию и искусство делать нашу сущность зеркалом, должны быть поняты три вопроса. Во-первых, возможно неправильно будет говорить об изготовлении зеркал из нашей сущности, ибо все мы уже суть зеркала, но покрытые пылью. Наша работа заключается в том, чтобы очистить и отполировать наше зеркало, чтобы сделать его блестящим и чистым. Зеркало не является зеркалом, если пыли позволяет оседать на нем, тогда оно ничего не отражает. Его способность отражать уничтожается, когда оно покрывается пылью. Вот такими зеркалами мы являемся. Пыль накопилась на нас. Как пыль накапливается на зеркале, которое несут по оживленной дороге, точно так же она собирается, когда мы проходим через бесчисленные жизни. Она накапливается бесчисленными путями из наших желаний, из наших бесчисленных деяний и из нашего постоянного становления деятелем. Никто не знает, какая куча пыли собралась — пыли от действий, от становления исполнителем действий, от эго, от мыслей, от желаний и чувств. Поэтому на нас есть очень глубокий слой пыли.

Важно избавиться от нее. Если пыль сметена, мы станем снова зеркалами. И все подобно зеркалу для того, кто сам зеркало. Почему? Потому, что все, чем мы являемся, мы видим вокруг нас. Чтобы понять это, запомните следующую важную сутру:

*Мы видим только то, чем мы являемся,
мы никогда не видим ничего, кроме этого.*

Все, что мы видим, всегда является нашей проекцией. Мы всегда есть это. Мы видим только наше лицо. Если во внешнем мире мы не видим добра, то это потому, что семя такого взгляда находится внутри нас. Если во внешнем мире мы видим только уродство, нам следует знать, что уродство просто укоренилось внутри нас. Если повсюду укоренилось вероломство, если повсюду мы видим вероломство, нам следует знать, что вероломство находится внутри нас. Проектор находится внутри, только экран находится снаружи, и мы продолжаем проецировать на него. Мы продолжаем распространять на экран то, что находится внутри нас.

Если во внешнем мире мы не видим Бога, это просто означает, что мы не испытываем божественное внутри нас.

Тот, кто осознает Бога внутри, немедленно начинает видеть Бога во всех объектах. Тогда не может быть по-иному. Тогда он будет видеть Бога даже в камне. Но в настоящее время в Боге видит только камень. Для меня нет другого значения термина «материалист», кроме следующего: материалистом является тот, чье духовное сердце превратилось в камень. Тот, у кого сердце внутри подобно камню, во всем мире видит камни. Для меня спиритуалистом является тот, чье духовное сердце не подобно камню, а бьется, живет, пульсирует, вибрирует.

Ученый сказал бы, что в биении нашего сердца нет ничего духовного. Это своего рода система, ничего больше. Ученый сказал бы, что сердце, о котором мы говорим, можно увидеть, если его рассечь, и мы обнаружим, что оно просто насос, который благодаря давлению воздуха обеспечивает циркуляцию крови по всему телу. В нем ничего больше нет. И если ученый именно так видит свое собственное сердце и источник жизни, тогда у него не может быть никакого опыта жизни и никакого осознания внешнего мира. Если для человека сердце означает только машину для перекачивания крови внутри, тогда во внешнем мире он будет видеть только механическое пространство, тогда система завершена.

Нет, есть другие пути вовнутрь. Это означало бы огромную трудность, если бы путь науки был единственным путем идти внутрь. Тогда бы победа была за учеными. Но ученый не может победить, его поражение несомненно. Возможно, будет некоторая задержка в нахождении путей, ведущих внутрь, поскольку есть много возможностей. Например, некто хочет научиться играть в вине. Итак, можно попытаться узнать, что такое вина, разломав ее и заглянув внутрь. Человек может оборвать все струны, разбить ее на куски, исследовать эти куски и, наконец, заявить: «В ней нет никакой музыки. Кто сказал, что это был музыкальный инструмент? Вот она передо мной, разобранный на части, а в ней нет никакой музыки».

Если бы это был единственный способ узнать, что такое вина, тогда музыкант уже потерпел поражение. Но есть еще и другой путь узнать, что такое вина. Безусловно, это тяжелый путь. Разломать вино легко, но узнать, что она такое на самом деле, очень трудно. Только играя на вине, человек может узнать, что скрыто в ее сердце. Оно настолько тонко, что его трудно уловить, и если вы глухи, вы не уловите его совсем. Если вы обладаете развитым интеллектом, но испытываете недостаток в чувствительно-

сти, недостаток в чувствах, тогда вы не поймете, даже если вы будете слушать вино. Когда человек слушает музыку, он слышит только звуки, обилие звуков. Но музыка подразумевает нечто большее, чем просто слушание. Когда ее слушают, добавляется еще нечто. Вы должны вылить в нее ваше сердце. Тогда и только тогда звуки превращаются в музыку. В противном случае есть только смешанные звуки. Есть только шум.

Если бы был только один путь узнать сердце — путь хирурга, рассекающего его на операционном столе, — тогда все было бы бесполезно. Но есть и другой путь. Духовный человек знает его, святой знает его. Он узнал его, играя на сердце, а не разбирая его на части. Он узнал его, создавая музыку в сердце. Поэтому он спрашивает: «О каком сердце вы говорите?» Вы так же безумны и глупы, как человек, который разбивает электрическую лампочку, приносит осколки стекла домой и говорит: «Вот свет».

Это верно, что свет приходит через лампочку, но осколки стекла, которые вы принесли домой, не свет, и не были им. То, что свет исчез, когда лампочка была разбита, есть факт. Поэтому логическое рассуждение, стоящее за этим действием, кажется правильным: когда лампочка была разбита, свет исчез, поэтому лампочка есть свет. В противном случае свет бы не исчез, когда была разбита лампочка. Осколки, которые мы принесли домой, в сумме дают свет. Это верно, что когда лампочка разбивается, свет исчезает. Но он не пропадает и не уничтожается, он просто исчезает, становится невидимым. Разрушена среда, которая делает его видимым.

Если мы разрушаем сердце, разрушается среда для управления духа. Лампочка разбита. Тогда духовное сердце не может сиять вовне точно так же, как свет не может сиять, когда лампочка разбита. Тогда дух скрыт. Сердце только помогает духу проявиться. Но среди нас есть очень мало людей, познавших духовное сердце. Мы знаем только физическое сердце, посредством которого циркулирует кровь и мобилизуется жизнь. Мы узнали только это механическое приспособление, потому его-то и видим увеличенным во внешнем мире.

В тот день, когда мы узнаем верховное сознание внутри нас, внешний мир тоже представится нам как пространство верховного сознания. Все будет зеркалом для нас, когда мы станем зеркалом внутри. Если мы будем стоять рядом с камнем, то даже тогда мы будем в состоянии видеть нашу сущность в этом камне. Тогда мы не будем смотреть на

камень с той твердостью, с которой сейчас смотрим на человека. Тогда мы будем касаться камня так, как будто мы касаемся нашей возлюбленной, ибо тогда камень не есть камень, он есть Бог.

Тогда мы будем ступать по земле с большой осторожностью, осмотрительностью и осознанием, ибо в ней тоже скрыта жизнь, там тоже есть пространство существования, там тоже пульсирует жизнь, там тоже некто танцует. Существование танцует в различных измерениях, в различных формах и различными способами. Мы не единственные хозяева жизни. Бесконечны Его формы, и мы лишь одна из них. Наш путь весьма невелик. И все же мы не обладаем знанием нашего пути внутрь.

Как нам стать зеркалом? Чтобы стать зеркалом, мы должны будем смахнуть пыль, осевшую на нас. Но мы должны будем не только удалить ее, мы также должны будем прекратить собирать новую пыль. Если же мы продолжаем смахивать пыль с одного конца и в то же время продолжаем тот образ жизни, который способствует ее накоплению, тогда нет никакой возможности стать зеркалом. Мы должны будем пойти в атаку с двух направлений. Мы должны будем удалить старую пыль, накопленную пыль, и в то же самое время мы должны будем прекратить собирание новой пыли. Старая пыль накоплена в виде воспоминаний, а новая пыль собирается посредством желаний. Старая пыль хранится в воспоминаниях, а новая пыль приходит через желание.

Оба усилия должны осуществляться одновременно. Мы должны будем освободить себя от воспоминаний, желаний. Мы должны будем сказать нашим желаниям, что теперь мы ничего не хотим добиться, теперь нет дальнейшего путешествия, и мы должны будем сказать нашим воспоминаниям, что то, что случилось в прошлом, теперь всего лишь сон. Нет никакой нужды продолжать нести этот бесполезный груз. Но все мы несем наш груз воспоминаний. Мы ничего не забываем. Наоборот, мы лелеем старые воспоминания и крепко держимся за них. Мы собираем эти отбросы и храним их в нашем сундуке. От рождения до смерти мы собираем наши отбросы. Итак, мы должны будем освободиться от воспоминаний. Мы должны будем сказать: «То, что случилось, случилось. Сейчас я не то старое я». Мы должны будем отрывать себя от вчерашнего дня. Мы должны будем освободить себя от прошлого и от будущего тоже. Когда мы будем свободны от прошлого и будущего, тогда наш ум станет зеркалом.

Для меня *саньясин* тот, кто говорит: «Я отрываю себя от прошлого. Сейчас я не то, что был вчера. Я прекращаю это отождествление». Вот почему меняются имена. Перемена имени символична. Она означает, что я не буду тем старым «я», которое было связано со старым именем. Теперь я освобождаюсь от этого. Теперь я хорошо забыл эти старые воспоминания, всю эту мешанину прошлого вместе с моим старым именем. Теперь я новый человек и начинаю мое путешествие с самого начала. В твердой решимости быть новым с сегодняшнего дня, с данного момента находится истинная *саньяса*.

Вспомните, свобода от прошлого возможна, но, если мы будем продолжать наши старые привычки, тогда наше прошлое будет оставаться нашим прошлым. Как долго будет длиться эффект перемены имени? Оно не останется новым и одного мгновения. Если после разрыва с прошлым я буду продолжать мои старые привычки, тогда я буду собирать старые воспоминания вокруг нового имени, и будет все та же старая ноша, а зеркало останется скрытым. Поэтому *саньяса* — это двойная решимость.

Отрывание себя от прошлого, а именно: я не то, чем был вчера; я разрываю непрерывность; я осознаю; сейчас я новый человек; то старое имя больше не мое; то не мой отец, то не моя семья; нет, то прошлое не имеет ничего общего со мной; сегодня я снова родился.

Однажды к Иисусу подошел человек по имени Никодим и спросил: «Что я должен делать, чтобы достичь того экстаза, о котором ты говоришь?» Иисус сказал: «Ты должен будешь родиться снова». Никодим спросил: «Как это возможно? О чем ты говоришь? Как это возможно? Я уже рожден, я уже был младенцем. Как же я могу родиться снова?» Иисус сказал: «Ты не понял меня. Ты никогда не рождался, поэтому я говорю тебе, что ты должен родиться снова. Ты должен будешь родиться новым человеком. Ты должен будешь родиться свободным от твоего прошлого беспорядка воспоминаний и отношений».

В нашей стране мы называли такого человека дважды рожденным. «Дважды рожденный» не означает, что человек прошел через брахманский ритуал инициации возложения священного шнура. Никто не может быть дважды рожденным, пока не станет *саньясином*. Никто не может быть дважды рожденным, просто надев священный шнур. Никто не может быть дважды рожденным, просто родившись в брахманской семье. Слово «дважды», *двиджа* означает того, кто пережил второе рождение. Первое рождение

дают родители, а второе рождение есть результат собственного усилия человека.

Это двойной процесс. Я отрываю себя от прошлого, а также от старой схемы жизни, из-за которой я становился все более и более привязанным к прошлому. Теперь я рождаюсь заново каждый день.

Теперь на мое зеркало не будет оседать пыль. Теперь это имя всегда будет оставаться свежим. Теперь с ним не будут связаны никакие воспоминания. Теперь я никогда не буду говорить, что я сделал это и я не сделал то. Теперь я никогда не буду заявлять, что я — деятель. Теперь я никогда не буду говорить, что дом мой, или богатство мое, или собственность моя.

Запомните, *саньясин* не тот, кто оставляет свой дом и начинает говорить: «Этот ашрам мой». *Саньясин* есть тот, кто прекращает пользоваться словом «мое». Не имеет значения, где он живет. Он может сидеть в лавке и торговать при условии, что лавка не становится «моей». Тогда весь вопрос исчерпан. Но у нас есть привычка оставлять лавку, бросать ее, а затем снова утверждать нашу старую привычку, вступая в ашрам и начиная говорить о нем, как о «моем» ашраме. Тогда нет никакой разницы, живем ли мы дома или в ашраме. Тогда перемена имени бесполезна. Это так же бесполезно, как повадка слонов купаться в реке или пруду, а затем выходить на берег и бросать пыль себе на спину. Купание было напрасным. Весь труд пропал попусту.

Эта сутра Упанишады просит нас быть зеркалом. Правильный ум есть зеркало. Тот, кто говорит: «У меня нет прошлого, нет будущего, я живу в «здесь и сейчас», вот этот момент есть все», — немедленно становится зеркалом.

Как может быть какая-то ненависть в сердце, которое отражает все одушевленные и неодушевленные объекты в своем собственном зеркале? И как может быть какое-то чувство ненависти, когда его собственное отражение видно во всех объектах? Чувство ненависти уходит, его дым исчезает. Эти дымовые тучи исчезают, и становится видимым солнце, солнце любви. Запомните, пока в вешем сердце есть ненависть, любовь, которой вы занимаетесь, будет всего лишь формой ненависти. Когда ненависть растворяется до самых своих корней, то есть когда она полностью и окончательно исчезает, тогда то, что появляется, есть любовь.

Только *саньясин* может заниматься любовью. Поток любви течет только из внутренней сущности — души. Ничего, кроме ненависти, не будет литься из тела и ума. Только ненависть будет проистекать из эгоистических идей

«моего» и «твоего». Искатель должен правильно понять искусство превращения себя в зеркало. Как можно быстрее он должен научиться делать настоящий момент своим существованием и начинать жить от момента к моменту. Он должен отделять себя от прошлого и будущего. Он должен найти освобождение от воспоминаний и от желаний. Тогда накопленная пыль исчезнет и не будет никакой возможности для оседания новой пыли.

*Какое горе или привязанности
может быть для
реализованной души,
человека мудрости,
если все одушевленные и
неодушевленные объекты мира
стали его сущностью,
если он видит единство
повсюду?*

ТЕНЬ ЭГО

Какая скорбь или какая привязанность может быть для такого реализованного человека, мудрого человека, который познал себя во всех одушевленных и неодушевленных объектах или познал все одушевленные и неодушевленные объекты в себе самом?

В этой сутре есть три или четыре важных пункта, которые надо уразуметь. Первое: кого Упанишады называют «человеком мудрости»? Это слово произошло от коренного слова «Вед». Слово «Вед» значит «знать». Значение слов «человек мудрости» — *тот, кто знает*. Что же он знает? Кто-то знает математику, кто-то знает химию, кто-то знает физику. Есть тысячи вещей, которые можно знать. Кто-то знает священное писание. Кто-то знает все те глубоко таинственные вопросы, о которых говорят святые, но Упанишады не считают таких людей мудрыми.

Это очень странно и интересно. Согласно Упанишадам накопление информации не есть знание. Они называют мудрым человеком того, кто знает только тот единственный элемент — истину, то есть того, кто знает самого себя, ибо тот, кто знает самого себя, знает все. Когда он познает себя самого, он становится зеркалом, в котором начинают появляться отраженные образы всего. Но тот факт, что он знает все, не означает, что он должен быть великим математиком, или известным химиком, или крупным ученым. Нет, смысл не в этом. Единственный смысл этого изречения: «Познав себя самого, он знает все», — заключается в том, что через познание самого себя он познает тот верховный, чистейший, сокровенный элемент, который скрыт внутри всего. Он знает формулу — суть — игра которой есть все это. Он знает тот верховный закон, власть которого пребывает везде. Он знает того верховного владыку, который есть в каждом. Он знает того верховного кукловода, который держит в своих руках нити, на которых танцуют все марионетки.

Он не специалист, он отнюдь не специалист. Если вы спросите его о чем-то конкретном, он может не знать ответа. Он знает то сущностное, что скрыто во всей вселенной. Он не знает каждый листок на дереве, но он держит в своей руке корень. Он знает ту глубокую и таинственную силу. И как только он узнает это, он становится свободным от гора и привязанности.

Вот весьма странная характеристика мудрого человека. Она заключается не в его способности отвечать на ваши вопросы, заключается не в том, что он будет в состоянии решить ваши проблемы. Она заключается в том, что он становится свободным от горя и привязанности. Математик, каким бы великим специалистом он ни был, не будет свободен от горя и привязанности. Пусть даже человек будет таким великим психологом, как Фрейд, а в этом мире было очень мало психологов подобных Фрейду, его ум все равно будет умом обычного человека, даже после того, как он очень много узнал об уме. Это ничего не меняет, в уме нет ни малейшей трансформации. Он по-прежнему остается беспокойным, испуганным, кипящим гневом и завистью, и так же испытывает горе и привязанность, как любой обычный человек. И весь парадокс в том, что, возможно, он имеет больше теоретических знаний о страхе и зависти, чем любой другой человек мира. У него есть запас знаний о сексуальности, но даже в старости его ум будоражится ею так же сильно, как ум любого другого человека.

Упанишады не считают такого человека знающим. Они даже не считают его знания истинным знанием. Они называют их запасом информации. Такой человек является специалистом. Ему известно все, что известно о страхе, но не сам страх. Если бы он действительно познал страх, он был бы свободным от него. Специалист по религиозным текстам знает все о религии, но он не знает религию. Он знает, что говорят Веды, что говорят Упанишады. Он все это знает. Он знает то, что говорит Гита, что говорит Коран, что говорит Библия. Он все это знает. Он знает то, что сказано, но он не знает того, от имени кого это сказано, каким образом это сказано, с каким переживанием это сказано.

Это различие сравнимо вот с чем: человек знает все о плавании, но не умеет плавать. Теоретически узнать о плавании нетрудно. Можно изучить книгу по плаванию. Можно изучить литературу, посвященную плаванию. Человек может быть специалистом по плаванию и отвечать на вопросы, любые вопросы, задаваемые о плавании. Но все же не столкните случайно такого человека в реку: познать плавание — совсем иное дело.

Человеку, познавшему плавание, вовсе не обязательно знать все о плавании. Вполне возможно, что он знает только плавание и не имеет никаких теоретических знаний. Но все теоретические знания человека не помогут ему, если его лодка будет тонуть и его жизнь окажется в опасности. В такой ситуации человек, который ничего не знает

о плавании, но знает само плавание, будет в состоянии плыть и спасти свою жизнь. Вот почему мудрец Упанишады правильно указывает основные характеристики истинно знающего человека. Он говорит, что суть те, кто видят все одушевленные и неодушевленные объекты в самих себе и видят самих себя во всех одушевленных и неодушевленных объектах. Такие люди становятся свободными от горя и привязанности.

Почему же мудрец сгруппировал это — горе и привязанность вместе? Они сгруппированы вместе потому, что они есть одно, они суть неизбежные, сопутствующие части одного и того же ментального состояния. Из этой двойки одно никогда не бывает без другого. Поэтому поймите их правильно. Ум, который привязан, будет испытывать скорбь и горе. А там, где нет привязанности, горя не может быть. На самом деле горе приходит, когда уничтожен объект привязанности. Нет никакой другой причины для скорби. Предположим, у меня есть привязанность к кому-то. Если он умрет, я погружусь в скорбь. Скорбь подобна тени, которая следует за привязанностью. Если у меня ни к кому нет привязанности, то невозможно быть печальным, даже если я захочу. Есть дом, к которому я привязан. Если в нем возникает пожар, я испытываю горе. Горе приходит, как только привязанность нарушается или разрушается, где бы она ни наталкивалась на какую-то трудность, где бы ее ни прерывали, где бы ей ни противодействовали. И запомните, когда приходит горе, вы должны будете найти новый объект для вашей привязанности, чтобы спасти себя от горя, чтобы избавиться от него. Если человек, которого я люблю, умирает, я не в состоянии забыть его, пока не найду замену любимому человеку. Трудно забыть старую привязанность, пока я не отброшу ее прочь и не найду ей замену, проявляя мою любовь к другому человеку.

Итак, горе приходит, когда разрывается привязанность, и чтобы спастись от этого горя, нам приходится создавать новые объекты для нашей привязанности. Таким образом, этот порочный круг продолжается. Каждая привязанность приносит скорбь, и каждая скорбь подавляется новыми объектами привязанности. Приходит болезнь, надо принимать лекарство, и оно вызывает новые болезни. Тогда от новых болезней принимаются новые лекарства, а эти новые лекарства дают начало новым болезням. Таким образом, круг продолжается. Поэтому это было мудрым решением сгруппировать это вместе.

Вот почему говорится, что тот, кто знает, становится

свободным от горя и привязанности. Как могут идеи «мое» и «твое» прийти к тому, кто видит себя самого во всех одушевленных и неодушевленных объектах и видит их все в себе самом? Как тогда возникнуть привязанности? Она возникает только тогда, когда я привязываю себя к кому-то и говорю: «Это мое, а остальное нет», — или когда я говорю: «Этот дом мой, а остальные дома не мои».

Когда я направлялся сюда, ко мне подошла одна женщина. Она сказала: «Благодаря вашей великой милости лавка моего сына была спасена от пожара. Загорелся соседний дом, и огонь приближался к нашей лавке. Но наша лавка была спасена». Она принесла сладости в подношение мне. Она была в восторге от того, что лавка ее была спасена. Нет, она нисколько не печалилась из-за тех домов, которые погибли в огне, поскольку у нее не было привязанности к ним. Наоборот, она была довольна: ведь дом, к которому она была привязана, был спасен.

Привязанность всегда исключаяща, она цепляется за одно и не принимает во внимание остальное. Человек говорит: «Это моя жена, это мой муж, это мой сын, это мой дом, это моя лавка — во всем этом есть я и мне нет дела до остального». Если что-то случается с остальным, это никоим образом его не затрагивает, ему это безразлично. Он доволен тем, что его собственное было спасено.

Степень привязанности понимается по мере расширения области привязанности. Величайшая привязанность — это привязанность к своему собственному «я». Поэтому, если, например, случается, что тонет лодка, в которой сидят муж и жена, а ситуация такова, что только один из них может быть спасен, то оба захотят спастись. Если в доме возникает пожар, то хозяин выскочит из дома первым, а потом уже будет выяснять, где другие члены его семьи. Как только человек узнает о пожаре, он тут же бросается вон из дома. Итак, привязанность концентрируется вокруг «я» в основном. Крепче всего она соединена с «я». Затем она постепенно ослабевает по мере расширения области «моего». Она будет меньше по отношению к семье, еще меньше по отношению к стране и совсем уже ничтожной по отношению ко всему человечеству. И если на каких-нибудь других планетах живут люди, по отношению к ним не будет никакой привязанности.

Ученые заявляют, что жизнь есть по меньшей мере на пятидесяти тысячах других планет. Мы не проявляем никакой привязанности по отношению к ним. Даже по отношению к человечеству привязанность кажется

минимальной. Мы остаемся равнодушными и безучастными, когда семьсот восемьдесят тысяч умирает в Пакистане. Если в нашей семье кто-то умирает, мы больше поражены горем, чем тогда, когда столько людей умирает в Пакистане. И если мы порезали себе палец, то мы испытываем больше боли, чем мы почувствовали, когда погибли эти семьсот тысяч человек. По мере приближения к «я» привязанность становится все более концентрированной, а по мере удаления от «моего» его тень становится все менее густой и более рассеянной.

Привязанность — это тень это. Привязанности мгновенно случаются везде, где я вижу, что я «есть». Но, как я сказал, привязанность исключаяща: чтобы сделать привязанность возможной, что-то или кого-то надо оставить без внимания. Поэтому мудрец говорит: что тот, кто увидел все одушевленные и неодушевленные объекты в себе самом, становится неисключающим, теперь его ощущение таково: «Все есть мое», — он становится всевключающим. Тогда привязанности не случаются, поскольку для нее нет основания.

Когда все есть мое, тогда нет никакого смысла называть кого-то моим. Говорить «мое» был смысл, пока был смысл говорить «твое». Был кто-то, кто не был моим. Поэтому я установил границы, я провел линии, показывающие пределы того, что было моим. Я создал стену, границу. За этим пределом начинался другой мир, до которого мне не было никакого дела, гибнет ли он или разрушается. И я хочу, чтобы в нем не было никаких несчастий, печалей и страданий, ибо когда он в беде, я огорчаюсь.

Упанишада говорит, что привязанность человека исчезает, когда он видит себя самого не только в животных, не только в живых существах, но во всех одушевленных и неодушевленных объектах, иначе говоря, во всем, что существует в мире. Тогда не останется никакой привязанности. Привязанность есть, пока есть граница. Привязанность не может быть беспредельной. Запомните, беспредельная привязанность — это нечто невозможное. Привязанность живет в определенных пределах. По мере расширения границ привязанность ослабевает, а по мере сужения границ привязанность становится сильнее. В беспредельности привязанность исчезает.

И тогда как может быть какое-то горе, когда привязанность исчезла? Горе не существует без привязанности. Если нет привязанности, нет и горя. Поэтому Упанишады называют мудрым человеком того, кто пребывает вне при-

вязанности и горя. А каким образом он пребывает вне при-
вязанности и горя? Он пребывает вне этого благодаря ви-
дению самого себя во всем существовании, которое есть
простирающееся вокруг нас, но невидимое нам, ибо мы то-
же находимся в нем.

Вот что случилось в жизни Рабиндраната Тагора. Об этом
стоит рассказать. В своей книге «Гитанджали» он написал
молитвы, посвященные Богу, за что, получив Нобелевскую
премию, и стал знаменит во всем мире. Но рядом с его домом
жил один старик, который начал его постоянно донимать.
Где бы он ни встречал Рабиндраната, он вцеплялся в него
и спрашивал: «Пожалуйста, скажи мне по правде, ты познал
Бога?» Старик был настойчив, а Рабиндранат, будучи пря-
мым человеком, не мог солгать. Старик смотрел так прямо
и глубоко в глаза Рабиндранату, что у того начинали дро-
жать руки и ноги. Вот вам, пожалуйста — лауреат Нобелевской
премии. Куда бы он ни отправлялся, везде люди
оказывали ему большое почтение. Люди говорили: «Вот жи-
вой пример того, кого Упанишады называют Махариши». А он оказался в беде из-за какого-то старика, живущего по
соседству. И это домогательство продолжалось изо дня в
день, поскольку старик, которому нечего было делать, про-
водил все свое время, сидя на стуле у дверей своего дома,
так что Рабиндранату было трудно избегать его.

Рабиндранат записал в своем дневнике, что у него воз-
никли затруднения с выходом из дома: «Прежде чем вый-
ти, я осведомлялся, сидит там старик или нет. В противном
случае он хватал меня за одежду и спрашивал: «Ты видел
Бога? Ты познал Его?» Меня бросало в дрожь от этих воп-
росов, ибо я ничего не знал о Нем. Услышав мой ответ,
старик громко и от души смеялся. Этот смех испортил мой
сон, он стал преследовать меня. Я начал бояться этого ста-
рика. Однажды я подумал: «Я действительно накликал на
себя беду, написав эту «Гитанджали». Я подумал: «Этот
старик, должно быть, пережил некий проблеск Бога, иначе
он не мог бы так преследовать меня». По глазам старика
казалось, что он знает нечто, поскольку Рабиндранат не
мог отделаться от него, пристально глядя на него и повто-
ряя перед ним одну или две строки из «Гитанджали» в от-
вет на его вопрос.

Так проходили годы, а старик продолжал свое пресле-
дование. Рабиндранат сказал: «Огромный груз был снят с
моей души в тот день, когда я смог сказать ему: «Я познал
Бога». Это было в начале сезона дождей, и первые ливни
оставили повсюду лужи. Резервуары и небольшие ямы по

сторонам дороги наполнились водой. Квакали лягушки.
Было утро, и Рабиндраната выманили из дома эти пере-
мены в природе: кваканье лягушек, приглушенный шум
падающего дождя, новое благоухание земли. Он увидел,
что старика не было на его обычном месте. Может быть,
тот еще не проснулся. Рабиндранат выбежал из дома. Сол-
нце поднималось над морем. Он остановился на берегу мо-
ря. Солнце мерцало на воде. Он посмотрел на солнце и на
его отражение, а затем стал возвращаться домой. Солнце
сверкало в каждой луже, в каждом небольшом резервуаре,
в каждой грязной яме у обочины дороги. Оно сияло по-
всюду: в грязных лужах, на море, в чистых ручейках, со
всех сторон. При этом зрелище в сердце Рабиндраната на-
чала играть некая музыка, некое неведомое, неопредели-
мое звучание внутри.

Возвращаясь домой, он танцевал. Он танцевал потому,
что увидел, что отражение солнца никогда не тускнеет.
Он танцевал, ибо он увидел, что отражение солнца такое
же свежее и чистое в грязной, мутной воде, как и в чистейшей
воде. Отражение никогда не может быть грязным.
Как оно может быть грязным? Только вода может быть
мутной и грязной. Но солнце, которое смотрит в нее, от-
ражение которого появляется в ней, не грязно. Оно абсо-
лютно свежо и чисто. Никакая вода не может испортить
его. Это было потрясающим — революционным пережи-
ванием для Рабиндраната. Оно означало, что Бог, который
есть внутри даже наихудших из людей, не может быть за-
грязнен. Отражение Бога в самом грешном человеке так
же чисто, как и в самом благочестивом человеке. Поэтому
он возвращался, танцуя. Внутри открылась дверь.

Тот старик сидел у своего дома. Впервые Рабиндранат
не испугался старика, и впервые старик сказал: «Все в по-
рядке. Кажется, ты познал Его». Старик подошел к Ра-
биндранату, обнял его и сказал: «Твой экстаз, твой
сегодняшний танец говорят мне, что ты познал Его. Теперь
я могу почитать тебя».

Потом на протяжении трех дней Рабиндранат оставался
в состоянии экстаза, в состоянии безумца. Члены его семьи
были напуганы этим. Только старик часто приходил и го-
ворил им: «Будьте довольны. Радуйтесь». И начал изве-
щать соседей, что Рабиндранат познал Его. Но домашние
были очень напуганы, поскольку Рабиндранат вел себя
очень странным образом. Если он видел столб, он обнимал
его. Если по дороге проходила корова, он обнимал ее тоже.
Если он видел дерево, он обнимал его. Его домашние ду-

мали, что он потерял разум. «Он помешался». Но старик продолжал говорить: «Не беспокойтесь. Он был помешанным до сих пор, а сейчас с ним все хорошо. Теперь он начал видеть во всем существовании то, без чего песнь, которую он пел всю свою жизнь, была бесполезна. Она была всего лишь рифмой, слабым оправданием для поэзии. Только теперь настоящая музыка рождается в его жизни».

Рабиндранат написал: «Я смог постепенно и с большим усилием подчинить себе мой экстаз и контролировать себя. Иначе я жаждал обнимать всех и все на моем пути. Раньше я томился и умолял: «О Боже, где Твоя дверь?» Теперь Бог был моей дверью, и куда бы ни смотрел, я видел Его дверь. Раньше я искал и вопрошал: «Где Ты скрываешься?» Но теперь я был изумлен, ибо Он уже был во мне, не было ничего, кроме Него».

Тот, кто видит свое присутствие во всем существовании или видит все существование в себе самом, есть поистине мудрый человек. И такой человек пребывает вне привязанности и горя. Запомните, в его жизни нет ни счастья, ни несчастья, есть только экстаз. Чистота существования танцует в его жизни. Он есть сама жизнь, танцующая и воспевающая хвалу Богу. Сама его жизнь есть музыка. И все, что приносит горе, что связывает, что становится привязанностью, что кажется приносящим счастье сегодня, но является причиной несчастья завтра — все это не имеет места в его жизни. Теперь он — зеркало.

Когда вы стоите перед зеркалом, в нем видно ваше отражение, а когда вы отходите от зеркала, ваше отражение сразу же пропадает. Зеркало не цепляется за вас. Как только вы отошли от него, оно становится пустым, без отражения. Зеркало не имеет никакой привязанности к вам. Вот почему, когда вы отходите от него, оно не разбивается на куски от скорби к вам. Его сердце не разбивается. Оно не говорит: «Как же я теперь буду жить без тебя?» Нет, оно говорит: «Когда ты стоял передо мной, ты был прекрасен, очень красив, и ты оказывал мне великую честь. А когда ты оставляешь меня, я не чувствую никакого недовольства». Ничего не меняется. Зеркало так же радуется, когда оно пусто и ничего не отражает, как оно радовалось, когда было заполнено отражением. Вот так и живет знающий человек, подобно зеркалу в мире. Он радуется всему, что появляется перед ним. Он счастлив, если он видит цветок и становится его отражением, отбрасывает его отражение назад, видит в нем Бога. Если перед ним никого нет, когда все пусто, он видит Бога в пустоте. Сама пустота

есть Бог. Тогда он танцует в этой пустоте и пребывает в экстазе даже в пустыне, даже в пустоте.

На сегодня достаточно. Теперь давайте сами попытаемся стать зеркалами.

9

*Он всепроникающий, он наиглестейший,
он бестелесный, он неразрешимый,
он незапятнанный, он безгрешный,
он всевидящий, он всезнающий,
он лучший из лучших и
он самосотворенный.*

ЧИСТЫЙ И НЕЗАПЯТНАННЫЙ

Эта сутра дает нам некоторые указания относительно *атмана*: прежде всего то, что он сотворен из самого себя. Только *атман* — существование — творит сам себя. Слово *сваямбху* означает «самопорожденный». Оно означает то, что не сотворено чем-то другим, то, что творит само себя. Его существование происходит из самого себя. Его существование не находится ни в чьих руках, оно зависит от самого себя.

Итак, этот первый пункт, самопорожденность *атмана*, который должен быть полностью понят. Все, что мы видим, может быть создано. Все, что создается, что может быть сделано, не есть *атман*. Мы строим дом, он не самопорождается, он делается. Мы изготавливаем машину, она не является самосотворенной, она изготовлена нами. Ищите тот элемент, ту сущность, которая никем не производится. Эта несозданная сущность есть *атман*. Если в нашем усилии найти убежище в существовании Вселенной мы проникаем туда, если мы можем ухватить ту верховную субстанцию Вселенной, которая никем не создана, которая вечна, не порождена, сама сущность, тогда мы достигнем Бога.

Атман и верховный *атман* не суть два. Это названия одного и того же, видимого с двух точек зрения. Если вы находите его внутри себя самого, тогда этот произведенный, нерожденный, самосотворенный элемент называется *атманом*. А если вы ищете и находите его в другом, тогда этот элемент называется великим, верховным *атманом*. *Атман* — это просто *атман* верховный, познанный изнутри. А верховный *атман* — это просто *атман*, познанный извне.

Если вы исследуете самого себя, вы увидите, что это тело есть нечто сотворенное. Оно не могло бы быть создано без совместных действий ваших родителей. Даже если в будущем оно будет формироваться в пробирке, оно будет оттаиваться чем-то изготовленным.

Западные ученые могут, если не сегодня, то в будущем, осуществить свое притязание на создание ребенка в пробирке. Они добьются успеха в изготовлении тела в пробирке, и они надеются, что тем самым они принесут

окончательное поражение религии. Но они ошибаются в своих расчетах, ибо духовный человек никогда не смотрел на это тело, как на *атман*.

Духовный человек говорит: «То, что не рождено, не сотворено, есть *атман*». Изготовив тело в пробирке, ученые просто докажут, что тело не есть душа — *атман*. Кажется, что в будущем тело будет изготавливаться. Я не вижу никаких причин, препятствующих этому.

Многие спиритуалисты испытывают тревогу по этому поводу: «Что случится с *атманом*, когда тело будет создано в лабораторной пробирке? Если мы сможем создавать ребенка с помощью химических веществ и без совместных действий родителей, это докажет, что *атман* не существует». Но такие спиритуалисты не знают, что тело не есть *атман*. Именно, если ученые добьются успеха в этом эксперименте, будет доказана правота этой сутры Упанишад — что тело не есть *атман*. Доказано будет только это и ничего больше.

Даже сейчас мы не знаем, что тело не есть душа. Этот факт доказан физическими науками. В будущем тело будет создаваться посредством искусственных, химических процессов. В настоящее же время, когда химические вещества родителей соединяются и создают ту клетку, которая является первой клеткой тела, тогда в нее входит душа. Если в будущем эта клетка будет производиться в лаборатории и если таким образом будет создаваться та генетическая ситуация, которая до сих пор создается родителями, тогда душа будет входить туда же тоже.

Но эта клетка, химическая клетка, которая является первой клеткой тела, не есть *атман*. Она есть нечто изготовленное, не саморожденное. Она кем-то создается. Ее существование, ее рождение от чего-то зависит, поэтому те, кто познали *атман*, не согласны называть ее *атманом*. Чтобы узнать это, нам придется пробираться все дальше и дальше назад, нам придется идти все глубже и глубже. Так что сам я доволен и надеюсь, что наука добьется успеха в создании пробирочных детей как можно раньше, поскольку тогда научные исследования помогут нам разрушить наше отождествление с телом. Тогда мы будем знать наверняка, что тело — это своего рода машина и что считать его нашей сущностью глупо.

Это глупо даже сейчас, но в настоящее время мы не готовы признать, что тело — это машина. Оно и так машина. Оно производится природными силами, поэтому, поняв тайны природы, мы сможем производить его, и тогда при-

родные силы будут помогать нам разрушить наше отождествление с телом.

Глубоко входя в самих себя, мы должны достичь той точки, той сущности, которая не может быть создана. Пока возможно создавать нечто, знайте, что это не может быть *атманом*. Поэтому продвигаясь все глубже и глубже в процессе создания, наука помогает религии. Ибо все, что наука может создать, не есть *атман*. *Атман* находится дальше, чем это. *Атман* всегда находится за пределами того, что может быть сделано.

Поэтому мы многим обязаны науке за то, что она продолжает изготавливать одну вещь за другой, расширяя пределы того, что может быть произведено, и тем самым определяя то, что не есть *атман*. Поскольку мы называем *атманом* тот элемент, который самопорожден, который не рожден, который не может быть создан, он означает первоначальное.

Чтобы вся эта Вселенная могла быть сотворена, несомненно, должен быть некий первичный, фундаментальный элемент, и этот первоэлемент должен быть несотворенным. Если для создания всего требуется основа, тогда создание невозможно. Если вы говорите: «Для сотворения мира необходим Бог», — тогда вам придется сказать, что для сотворения Бога необходим другой высший Бог. Логике такого вида нет конца. Тогда мы никогда не достигнем того места, где мы можем сказать: «О'кей, вот то место, для создания которого не нужен никакой другой создатель».

Будет лучше и более научно, если мы поймем это таким образом: то, что самопорождено, есть *атман*. Это более научно, чем говорить, что *атман* самопорожден. Если мы скажем: «Мы называем верховным *атманом*, Богом, того, кто не сотворен, кто никем не создан», — это будет более научно, чем говорить: «Никто не создал Бога».

Наука тоже сталкивается с этим. В своих исследованиях ученые достигают определенных пределов и тогда они чувствуют, что за этими пределами есть нечто, что находится вне творения. Так уж повелось, что наука всегда занималась исследованием элементов, и древние ученые заявляют, что существует пять элементов. Это говорилось не древними спиритуалистами, религиозными людьми, ибо им не было никакого дела до таких элементов. Они интересовались только одним, самопорожденным элементом.

Приблизительно четыре-пять тысячелетий назад старое научное мышление утверждало, что все создано из элементов. И произошла ошибка, ибо тогда не существовали

отдельные книги по науке, любой предмет включался в религиозные книги. Религиозные книги были собраниями всех знаний тех дней, и поэтому в религиозных книгах присутствовало убеждение, что все было создано из пяти элементов. Но этот вопрос относится к науке, а не к религии. Религия ищет только один элемент — самопорожденный элемент.

Наука продолжала свои исследования и выяснила, что принцип пяти элементов неверен. Когда это было выяснено, глупые, так называемые религиозные люди пришли в беспокойство. Они думали, что теперь все запуталось, ибо они веровали в пять элементов. Но наука упорно продолжала свои исследования. Сейчас ученые открыли сто восемь элементов. Но я хочу разъяснить вам, что новые исследования науки опровергают только старую науку.

Никакое научное открытие не может опровергнуть религию, ибо направления религии и науки совершенно обособлены. Кто-то может сложить прекрасную поэму, но это не может опровергнуть принципы математики. Между поэзией и математикой нет никакой связи. Подобным же образом кто-то может разработать глубокую и сложную математическую теорию, но это не принизит хорошую поэму, ибо их направления обособлены, они не отменяют друг друга. Они даже не соприкасаются. Эти направления идут параллельно подобно железнодорожным рельсам. Если и кажется, что они где-то встречаются, то это наша иллюзия. Если вы пойдете к точке их пересечения, вы обнаружите, что они идут параллельно. Может возникнуть только иллюзия пересечения науки и религии, как это происходит в случае железнодорожных рельсов.

Когда наука опровергает нечто, она опровергает старый факт или убеждение. Весь христианский мир пришел в большое беспокойство, когда наука заявила, что Земля не плоская, а круглая, ведь в Библии упоминается, что Земля плоская. Но то, что написано в Библии о форме Земли, является утверждением ученых тех времен. Это не религиозное утверждение. Поэтому, когда наука обнаружила, что Земля круглая, она опровергла старое утверждение. Но это новое открытие показало, что неправой была старая наука.

Наука никогда не может опровергнуть религию, и религия тоже никогда не может доказать, что наука ошибается. Они не имеют никакого отношения друг к другу. Между ними нет никакой взаимосвязи. Между ними нет даже никакого сообщения, измерения отличны друг от друга. Их направления абсолютно обособлены. Начав с пяти элемен-

тов, наука обнаружила много других элементов, и сегодня их число составляет сто восемь, что доказывает, что древние пять элементов неправильно понимались как элементы. Они, безусловно, не были элементами. На самом деле те вещи, что вначале понимались как элементы, не были элементами, они были соединениями.

Например, земля. Сейчас известно, что в земле есть много веществ, не просто одно вещество в земле любого вида. Еще одним примером является вода. Наука говорит, что в воде есть два вещества — водород и кислород. Вода не представляет собой некий отдельный элемент, она является смесью двух веществ. Сочетание не является элементом. Согласно науке, она называется соединением. Поэтому воду нельзя считать элементом. Элементами являются кислород и водород.

Итак, наука открыла сто восемь элементов. Но по мере того, как наука все глубже и глубже погружалась в свои исследования, ученые постепенно начали осознавать, что все эти сто восемь элементов имеют общего посредника. Это может быть кислород или это может быть водород, но оба они созданы электрическими частицами. Так что оказывается, что водород и кислород тоже не элементы. Теперь элементом стало электричество. Объединение некоторого количества электрических частиц создает водород и объединение некоторого количества электрических частиц создает кислород, и все эти сто восемь элементов представляют собой всего лишь комбинации электрических частиц. Если имеются три частицы, они создают один элемент. Если имеются две частицы, получается другой элемент. Если имеется четыре частицы, создается еще один элемент. Но будь их три или четыре или два — все они суть частицы электричества.

Итак, наука приобрела новое опытное знание: есть только один элемент и им является электричество. В конечном счете все сто восемь так называемых элементов являются соединениями. Они представляют собой некие комбинации. Они не элементы, они не основные субстанции.

В настоящее время положение науки таково, что она готова считать, что электричество несотворено, что самопорождено, что вся эта огромная Вселенная представляет собой развитие и распространение одного единственного элемента — электричества. Электричество, говорит наука, не есть соединение, создаваемое комбинацией двух субстанций, оно несотворено. Наука называет элементом ту субстанцию, которая самопорождена. Итак, сейчас наука

называет электричество самопорожденным элементом. Оно не может быть создано, потому что создать можно только ту субстанцию, которая может быть получена путем комбинирования.

Если вы комбинируете две вещи, будет получена третья вещь. Если вы комбинируете три вещи, результатом будет создание четвертой. Но как вы можете создать первоэлемент, который есть без какой-либо комбинации? Вы не можете ни создать, ни уничтожить его. Если мы захотим уничтожить воду, мы можем сделать это, разделив кислород и водород, поскольку вода создается путем комбинирования. Если мы захотим водород, мы можем это сделать. Если мы разделим его электрические частицы — то, что мы называем атомной энергией, тогда водорода больше не будет. Останется только электрическая энергия. Останется только энергия. Но мы не можем уничтожить эту энергию, поскольку нет никакой комбинации двух субстанций, которые мы можем разделить. Мы можем делать только вот что: мы можем либо комбинировать, либо разделять вещи. Мы не можем творить, элемент есть то, что не сотворено.

В настоящее время наука называет электричество — электрическую энергию, самопорожденным элементом. Но религия называет самопорожденным элементом *атман*. Если не сейчас, то в будущем научные исследования могут привести и к расщеплению, разделению, электричества тоже, тогда мы сможем увидеть, что даже электричество не является самопорожденным. Когда-то мы считали элементом воду, затем мы смогли проанализировать ее и обнаружили, что элементами являются кислород и водород, а не вода. Затем мы проанализировали водород и смогли увидеть, что он тоже не элемент. Электричество — вот элемент.

Сейчас есть две возможности: либо может быть установлено, что электричество и *атман* суть одно и то же, либо может оказаться, что электричество тоже может быть расщеплено, и мы обнаружим, что оно тоже не элемент. Насколько я понимаю, электричество тоже может быть расщеплено, и когда оно будет расщеплено, мы обнаружим, что остается только сознание.

Интересно отметить, что никто не рассматривает камень как энергию. Он есть субстанция, материя. Мы привыкли разделять все на материю и энергию. Камень — это материя. Но когда камень проанализировали, в конечном счете был обнаружен атом, тогда материя исчезла, осталась энергия, и науке пришлось оставить свое старое представление о дуальности — дуальности материи и энергии.

Анализируя материю все дальше и дальше, было обнаружено, что она не существует, есть только энергия. Материя есть энергия. Сейчас нет такой субстанции как материя. Самое последнее открытие науки заключается в том, что никакой материи нет. Сейчас материалистам приходится быть очень осторожными в высказываниях в поддержку материи, поскольку никакой материи не существует, есть только энергия.

До тех пор, пока мы не пришли к конечному анализу материи, учеными признавались две субстанции — материя и энергия. Вы непосредственно увидите это различие, если возьмете в одну руку камень, а другой коснетесь электрического провода. Вы узнаете, что камень есть камень, а то, что проходит по проводу, есть энергия. Между ними есть огромное различие. Но сейчас наука говорит, что, если вы будете продолжать расщеплять и анализировать камень, вы придете к энергии, которая может проходить по электрическому проводу. Расщепив материю, мы убили сто тысяч человек в Хиросиме. Вот это был электрический удар. При расщеплении материи посредством взрыва маленького атома было создано столько энергии, что мы смогли убить сто тысяч человек в Хиросиме и сто двадцать тысяч в Нагасаки. Столько людей не убить даже самым мощным электрическим током.

Маленький атом создает огромное количество электричества и при трансформации его в электричество атом был уничтожен, его больше не было. Поэтому сейчас наука говорит, что ее старое представление о дуальности — материя и энергия — отпало. Сейчас остается только энергия. Но я говорю вам, что остается еще одно разграничение — разграничение энергии и сознания.

Когда мы касаемся электрического провода, мы знаем, что электричество — это энергия, но когда мы говорим с каким-то человеком, мы не чувствуем, что он — просто энергия, мы чувствуем его сознание тоже. Если подается электрический ток, этот магнитофон, стоящий здесь, будет работать, он будет говорить. Но он будет повторять то, что говорю я. Поэтому, когда он говорит — это только энергия. Но когда говорю я, это не только энергия, есть также и сознание. Магнитофон не может вносить какие-либо изменения, он будет сообщать то, что я сказал. А я, даже если захочу, не смогу завтра повторить то, что я говорю сегодня, ибо я не машина. Я сам не знаю, какое предложение последует за этим предложением. Когда вы слушаете его, я тоже слушаю его.

Различие между сознанием и энергией все же существует. Следовало бы сказать, что старый мир не был дуальностью, это был тройственный мир материи, энергии и сознания. Из этой тройцы материя была отброшена. Сейчас есть двоица — энергия и сознание. Глубокое исследование материи доказало, что она не существует, она исчезла потому, что мы узнали, что она есть энергия. И я говорю вам, что при дальнейшем, более глубоком исследовании энергия тоже исчезнет, и мы увидим, что есть только сознание. Это сознание есть *атман*. Тогда не будет никакой материи и никакой энергии. Все исчезнет и только сознание останется.

Вот почему мы называли этот верховный элемент *самчи-тананда*. Чтобы передать истинный смысл слова *атман*, используются три слова. Слово *сам* означает «существование» — то, что есть, что всегда существует, что никогда не было несуществующим. *Сам* означает «то, что всегда есть». Оно никогда не бывает в том состоянии, о котором вы можете сказать: «Вот оно». Все меняется и продолжает меняться, и все же оно есть, неизменное.

Слово *чит* означает «сознание» Оно не просто существует, но знает: «Я есть». Оно знает свое присутствие. Вещь может существовать, например, камень лежит на земле, но он есть простое существование. Если этот камень знает, что он существует, тогда и только тогда он есть также и сознание.

Третье слово *ананда* — блаженство. Недостаточно, что оно есть *атман*. Недостаточно, что оно есть сознание. Недостаточно, что оно существует и осознает свое существование. Только так же, как оно осознает свое существование, оно знает: «Я есть ананда», — высший экстаз.

В этой сутре говорится, что *атман* самопорожден, ибо он никем не может быть создан или уничтожен. Запомните, поскольку он самопорожден, он неуничтожим, он бессмертен. То, что может быть сотворено, умрет. То, что может быть произведено, может быть разрушено. Никакое изделие не может быть вечным, никакая структура не может иметь перманентную природу. Все конструкции создаются в надлежащее время и исчезают в предназначенное для них время. Действительно, рожденное умрет.

Каким бы крепким ни было сотворение, оно непременно умрет, хотя и может продержаться долго. Дворцы — будь они из бумаги или из гранита — непременно рухнут. Миллионы порывов ветра в конце концов обрушат каменные стены дворцов. Если они изготовлены из стали, они про-

стоят немного дольше, но в конце концов они непременно упадут. Дворец из игральных карт рухнет даже от одного легкого дуновения ветра. Разница лишь в степени.

Разница между падением карточного домика и падением каменного дворца сводится просто к вопросу различия в скорости ветра. Между этими домами нет никакого существенного различия: карточный домик есть нечто построенное, поэтому он рухнет. И каменный дворец есть нечто построенное, поэтому он тоже должен рухнуть. Там, где с другой стороны есть создание, с одной стороны определено будет разрушение. Поскольку он самопорожден, *атман* неразрушим. С одной стороны, он никогда не был создан, с другой стороны, он никогда не будет разрушен.

Самопорожденное имеет две характеристики: оно несотворено и оно неуничтожимо. Позвольте мне также сказать вам, что наука поддерживает эту точку зрения, что все, что создается посредством комбинации двух вещей, умрет, тогда как элемент, состоящий из чего-то одного, не может быть разрушен, не может умереть. Нет никакого способа разрушить или создать его.

Чтобы создать нечто, нужно скомбинировать другие вещи, и чтобы разрушить нечто, эти вещи должны быть разделены. Но тот элемент, который один, который не имеет в себе никаких других элементов, не может быть разрушен. Как он может быть разрушен? Он не может быть расщеплен. Если бы он был сделан из двух вещей, его можно было бы расщепить. Но поскольку он один, он будет всегда. Элемент, который имеет свое начало в себе самом, неуничтожим. И этот элемент Упанишады называют *атманом*.

Также описываются некоторые из других его особенностей, его неизбежных характеристик. Говорится, что самосотворенный *атман* всезнающ. Что же означает «всезнающий»? Это слово может иметь два значения, и обычно широкое хождение имеет неправильное значение. Обычно случается, что модное неправильно. Истинное знание столь глубоко и таинственно, что оно никогда не может быть в моде. Вопрос, не обладающий большой глубиной, может быть принят всеми и скорее всего будет модным.

Одно значение термина «всезнающий» — иметь знание обо всем, это общеупотребительное значение. Например, джайны называют Махавиру всезнающим, ибо, когда человек познает *атман*, он становится всеведущим, всевидящим. Такова природа *атмана*.

Махавира сам сказал, что тот, кто знает одно, знает все. В этом смысле будет правильно сказать, что Махавира

знал все. Тогда обычно случается так, что последователь интерпретирует это в том смысле, что Махавира знает, как исправить прокол велосипедной шины. Но Махавира понятия не имел о велосипеде. Или что Махавира должен знать, как устроен самолет. Если термин «всезнающий» понимается таким образом, это приводит к большому заблуждению и большим трудностям. И джайны оказались в большом затруднении, когда они начали считать Махавиру всезнающим в этом смысле.

Будда часто высмеивал это убеждение джайнов. Он смеялся над абсурдностью последователей Махавиры, интерпретировавших его просветление таким образом, ибо они на самом деле стали утверждать, что Махавира знал все. Поэтому Будда часто при случае шутил: «Я слышал, что некоторые люди утверждают, что определенный человек является всезнающим, но я видел этого человека просящим подавание у дверей дома, в котором никого не было. Я видел, как он шел при слабом утреннем свете. Он узнал, что на его пути лежит собака, только когда наступил ей на хвост».

Поэтому-то Будда и смеялся над дурацкими толкованиями термина «всезнающий». Он говорил: «Я слышал, что этот всезнающий человек стоял на окраине города, спрашивая у людей о пути в этот город».

Но эта насмешка не направлена на Махавиру. У Махавиры никогда не было таких притязаний. Притязания есть у его последователей. Они говорили: «Махавира всезнающ. Он знает, какая дорога ведет в нужное место».

«Всезнающий» имеет еще одно значение — негативное значение. Позитивное значение «он знает все» неправильно. Негативное же значение таково: теперь не осталось ничего, что надо знать. Не осталось ничего достойного знания. Стоит ли знать, куда ведет конкретная дорога, или есть ли кто-нибудь в доме? Что за беда, если вы не знаете такие вещи? Стоит ли знать, спит или не спит на дороге собака? Повредит ли вам, если вы этого не знаете?

Как я это вижу, слово «всезнающий» означает, что после познания *атмана* не остается неизвестным ничего, что стоит знать. В этом банальном мире многие вещи кажутся достойными знания, но что меняется, если вы их узнаете? Поэтому для меня смысл этого слова в том, что не остается ничего, что стоит познать. Из нашего знания не упускается ни малейшая вещь, которая могла бы вызвать малейшее уменьшение в экстазе нашей жизни, не пропускайте ничего, упускание чего могло бы стать препятствием в нашем становлении *сатчитанандой*.

Если какая-то дорога ведет влево, она приведет в определенное место, а если она идет вправо, она приведет в другое место, но это ничего не меняет в качестве *сатчитананды*. Если Махавира сбивается с пути и приходит не туда, куда собирался, для него это ничего не меняет, ибо что это может изменить для человека, который достиг своей цели, который пришел к конечному месту назначения, если он сбился с пути во время своих скитаний в этом мире? Что это меняет для человека, который, достигнув своей цели, скитается тут и там? И что дает нам то, что мы, кто не достиг своей цели, нашли нужную нам деревню? И что меняет для нас то, что мы знаем все наши дороги так точно, как будто мы — географические карты?

Из-за ошибочного толкования термина «всезнающий» его последователями Махавиры необоснованно подвергался насмешкам, поскольку притязания его последователей были дурацкими. И теперь они опять сильно озадачены. Например, недавно они оказались в затруднении, когда астронавты впервые оказались на поверхности Луны, ведь описание Луны астронавтами не соответствовало описанию Луны в их писаниях. А в их писаниях утверждается, что факты, провозглашенные «всезнающим», не могут быть неверными. Поэтому ревнители джайнизма дошли до того, что говорят, что астронавты пребывали в иллюзии относительно высадки на Луну. Они не высаживались на Луну, а долетели до обратной стороны Луны, где пребывают в ожидании колесницы Богов. На одну из них опустились и оттуда же возвратились. Они определенно не высаживались на Луну.

Один джайн даже начал собирать денежные средства и ему удалось собрать у простаков, глупых людей сотни тысяч рупий на то, чтобы доказать в лаборатории, что астронавты высаживались не на Луне, а на колеснице какого-то Бога.

«А если они когда-нибудь достигнут Луны, они обнаружат Луну такой, как она описана в наших священных писаниях, потому что все, что сказано в этих писаниях, является свидетельством всезнающей личности».

Если пользоваться писанием для того, чтобы цепляться за такие дурацкие аргументы, то писание теряет всякую ценность. Когда в вашем священном писании упоминается, что Луна такая-то и такая-то, а впоследствии оказывается, что это утверждение неправильно, помните, что это утверждение в писании является утверждением ученого тех времен, а не того, кто познал *атман*. Какое дело познав-

шему *атман* до описания того, какие камни есть, а каких нет на Луне? И если такое утверждение и сделано им, то он сделал его не в качестве человека, познавшего *атман*?

Такое положение создает большие трудности. Давайте рассмотрим случай такого великого мыслителя, как Эйнштейн, великого математика. То, что он великий математик, не определяет все остальные особенности его личности, в его жизни есть много всякого другого. Он не математик, когда играет в карты, и какое ему дело до математики, когда он влюблен в женщину. Он не делает никакого математического утверждения, когда говорит ей, что нет женщины более прекрасной, чем она. Но если в будущем кто-то заявляет, что такой великий математик, как Эйнштейн, должен был сказать это, только измерив и сравнив красоту всех женщин мира, то самое заявление звучит определенно по-детски.

Но в этом мире все говорят такие вещи. Каждая женщина встречает какого-то мужчину, который говорит ей, что она самая прекрасная. Чтобы сказать это, нет необходимости быть математиком. Это утверждение делают не в качестве математика, а в качестве влюбленного.

Итак, слово «всезнающий» означает, что не осталось ничего, что стоило бы познать, ничего, что усилило бы экстаз этого человека. Его экстаз полон. И не остается ничего, что могло бы быть помехой ему. Все его невежество, все его безрассудство уничтожено. Его гнев, его привязанность, его алчность — все прошлое, все уничтожено. Он в состоянии высочайшего экстаза. «Всезнающий» означает того, кто водворен в наивысший экстаз. Он знает то истинное значение, которое водворяет его в экстаз и устраняет любую возможность несчастья.

Атман есть всезнающий именно в этом смысле, а не в смысле человека, знающего три времени: прошлое, настоящее и будущее. Он не знает, что случится завтра или послезавтра. Он не знает, кто выиграет или проиграет на выборах. И нет никакого осознания или необходимости знать такие вещи. Все события, происходящие в пределах времени, для него подобны линиям, проводимым на воде. Он не придает им никакого значения, он не беспокоится из-за них. Кто победит или кто проиграет — все это для него является субстанцией грез, все это принадлежит миру детей, он же слишком зрел для этого. Ему нет дела до этих вещей.

Познавая верховный элемент, он становится всезнающим, то есть его невежество отпадает. Алчность, привязан-

ность и гнев, возникающие в невежестве, отпадают. На их место приходит экстаз, рождающийся из истинного знания. Ибо начинает сиять свет знания, и жить в его свете — значит жить в наивысшем экстазе, непрерывном и вечном.

Третья характеристика *атмана* есть чистота — всегда безупречный, всегда святой и всегда невинный. Когда мы становимся нечистыми, он не становится нечистым. Вся наша нечистота есть наше заблуждение. Как я говорил вчера вечером, отражение солнца так же чисто в грязной луже, как и в прозрачном озере. В его чистоте нет ни малейшего различия. Его чистота не является случайной характеристикой, она ему внутренне присуща, врождена. Поэтому этот вопрос будет легко понять, если вы поймете различие между случайным и врожденным.

Случайная характеристика инородна. Она связана с вами, но она не приходит изнутри вас. Например, какой-то человек нечестен. Его нечестность случайна, но внутренне присуща ему. Она практиковалась, она была приобретена. Вот почему ни один человек не может оставаться нечестным двадцать четыре часа в сутки. Даже самые нечестные люди не могут оставаться такими целый день, поскольку приобретенное есть бремя, которое иногда надо снимать с себя.

Человеку нужно освобождаться от него на какое-то время. Нечестность не его природа, поэтому с кем-то ему приходится быть честным. И иногда случается, что нечестные люди честны между собой до такой степени, которую не позволяют себе даже честные люди. Причина в том, что то, что мы называем честностью, тоже есть нечто приобретенное, от чего нам иногда приходится искать освобождения.

Вы не можете непрерывно жить с чем-то, что приобретено, что случайно. Вам надо будет иногда отрываться от него. Вы вынуждены будете это сделать, иначе напряжение будет нарастать и бремя станет огромным. Поэтому серьезному человеку приходится время от времени искать себе развлечения, иначе его серьезность станет для него грузом.

У Махавиры и Будды не было никакой нужды в развлечениях, поскольку они не несли никакого груза серьезности. Запомните это. Мы склонны думать, что они не ходили в кино или театр, поскольку были такими серьезными. Но дело в том, что как раз если бы они были серьезными, они бы и ходили в театр. Нет, они определенно не были серьезными.

Но это не означает, что они были несерьезными. Серьезность и несерьезность — и то, и другое фальшиво. Махавира, Будда — они пребывают сами собой, они

пребывают в своих внутренних сущностях. Они ничего не приобретают извне, поэтому им не от чего отдохнуть. Если человек практикует святость и делает ее привычкой, тогда ему придется время от времени отдыхать от нее. Ему надо будет отдыхать три или четыре дня каждый месяц или каждые две недели. И он не будет в состоянии поддерживать свою святую роль на протяжении дня, если он на час или два не погружался в мир несвятости во время этого отдыха. Это будет для него трудно.

Случайные атрибуты — это те, которым мы обучаемся, которые приобретаем. Они приходят к нам извне, они не приходят изнутри. Всем им мы обучаемся. Например, язык — это случайный, приобретенный атрибут. Любой человек может выучить хинди, или маратхи, или немецкий, или английский. Есть тысячи языков и их могло бы быть гораздо больше, без каких-либо проблем. Все языки, которые мы могли бы придумать, были бы случайны.

Ну, а что насчет тишины? Она не случайна. Так, если два человека говорят, будет некое различие, тогда как если они соблюдают полное молчание, в этой тишине не будет никакого различия. В разговоре может быть некая дискуссия, в тишине не может быть никакой дискуссии.

Во внутреннем атрибуте двух человек не будет никакого различия, когда они пребывают в полной тишине. Какое различие будет между тишиной и тишиной? Но различие будет, если тишина принимается извне, тогда разговор будет продолжаться внутри. Различие будет, если два человека соблюдают тишину только для видимости.

Я сижу тихо, рядом со мной тихо сидите вы. Я продолжаю думать свое, вы продолжаете думать свое. Итак, хотя наши губы сомкнуты, акт мышления продолжается, и в таких условиях между нами будет огромное различие. Внутри мы будем находиться на тысячи миль друг от друга. Никто не может сказать, где будете находиться вы и где буду находиться я. Но если действительно достигается тишина, не принимаемая извне, а расцветающая внутри, распускающаяся изнутри, тогда и только тогда мы на самом деле пребываем в полной тишине. Тогда какое различие будет между вами и мной, когда внутри исчезли слова, когда внутри растворился разговор?

Не будет совершенно никакого различия. Мы будем стоять на одном и том же месте. Мы будем как бы одно целое. Постепенно, по мере развития тишины наши два пламени будут сливаться в одно пламя. Они не могут оставаться двумя обособленными явлениями, поскольку пограничная ли-

ния, обозначающая различие между ними, исчезла. Различие создает границу, а при его отсутствии граница исчезает.

Итак, тишина — неизменная тишина, внутренняя тишина — естественна, а не случайна. А все, что случайно, не вечно. Вот почему вы не можете сохранять гнев двадцать четыре часа в сутки, хотя вы можете жить во гневе целый день. Вы будете гневаться, а через какое-то время гнева не будет. Будет своего рода приход и уход гнева. Но не будет никакой помехи пребыванию во всепрощении на протяжении двадцати четырех часов в сутки. Вы можете оставаться всепрощающим целый день.

Таким же образом, если вы захотите жить в ненависти двадцать четыре часа в сутки, это окажется невозможным, вы создадите для себя ад. Тогда как если вы захотите вечно жить в любви — это возможно. Но невозможно оставаться с тем чувством, которое мы сейчас называем любовью, потому что это не реальная любовь, это случайная вещь.

Например, вы можете быть полны любовью десять минут из двадцати четырех часов, в остальное время это невозможно. А если кто-то делает усилие быть в любви дольше, для него будет трудно находиться в ней дольше десяти минут.

Почему? Потому что мы можем быть вечны только в том, что является нашей природой, и мы не можем быть вечны в том, что чуждо для нас, что было завезено извне. Это нужно убрать, этот груз быть убран.

Атман чист, незапятнан. Он не портится, он не становится иногда нечистым и не требует у нас очистки, и не требует у нас очищать его, делает его чистым вновь. Если *атман* может быть нечист, мы не способны сделать его чистым. Кто тогда сможет его очистить? Тот, кто мог бы его очистить, сам уже нечист. И все, что бы ни делал этот нечистый *атман*, будет нечистым.

Суть не в том, что *атман* становится нечистым, и мы нужны, чтобы его очистить. Он уже чист. Лишь мы накапливаем нечистоту со всех сторон, как если бы мы держали черную занавеску вокруг лампы.

Сияющий свет не изменится, не станет темнотой из-за этого. Свет ярко горит даже тогда, но окружающий черный занавес мешает свету светить во всех направлениях. И если свет такой же сумасшедший, как и мы, и забывает, что «я есть свет», тогда он столкнется с теми же трудностями, что и мы.

Наша связь с природой нашего «я» совершенно разбита, и мы отождествляемся с паутиной, состояще из нашего те-

ла, ума, чувств, мыслей, страстей и желаний, окружающих нас со всех сторон.

Мы начинаем говорить: «Это я!» А та часть внутри так чиста, так незапятнана, что все, что отражается на ней, отражается полностью, и мы ловим отражение на ней и начинаем говорить: в этом ошибка. Предположите, что зеркало, перед которым вы стоите, становится сознательным и говорит: «Это я!» Такое несчастье может случиться лишь из-за чистоты зеркала. *Атман* чист и незапятнан. И из-за этой кристальной чистоты все, что отражается в нем, как зеркале, что бы это ни было. Если подходит тело, оно отражается в зеркале и говорит: «Я есть твое тело».

Вы не знаете о постоянных изменениях в вашем теле и о том, как вы отождествляете себя с ними. Если бы первая клетка, созданная в чреве вашей матери, была бы изъята и положена перед вами и вам бы сказали: «Вы когда-то были этим», — вы бы сразу стали отрицать это и сказали: «Как это может быть мной. Это невозможно».

Если вас фотографировать пять-десять раз в день, то вся ваша жизнь будет длинной серией фотографий. В каждой фотографии вы признавали себя. Но какая же разница между фотографией вашего детства и вашей старости, какое огромное различие между новорожденным ребенком и трупом, спускающемся в могилу? Во всех этих изменениях вы есть. Чтобы ни оражалось в вашем зеркале, вы говорите: «Это я».

Находили ли вы когда-нибудь сходство между вашими детскими фото и фото в старости? Есть ли между ними какое-то сходство? Вы ли этот ребенок? Нет, когда-то вам это принадлежало и это зафиксировалось в вашей памяти; у вас осталась лишь претензия, что это были вы, тело же изменяется каждый день.

Ученые говорят, что каждая клетка нашего тела изменяется в течение семи лет. Ни одной старой клетки не остается. Но наше отождествление продолжается. За семь лет наши коси, наша плоть, наша кровь и все другие клетки изменяются. Если человек живет до семидесяти лет, его тело изменится десять раз.

Тело полностью изменяется каждое мгновение, но внутри есть незапятнанное зеркало. Что бы в нем ни отражалось, какая бы картина в нем ни создавалась, она говорит нам: «Это я». И если это отождествление разбито, если это невежество убрано, если мы прекращаем говорить: «Это я», — тогда мы сможем сказать: «Я знаю эти пермены, я свидетель всего этого, я знал мое детство и я не был этим,

я знал мою юность, и это не было мной, я узнаю мою старость, но это буду не я».

Я знал рождение — это не я. Я буду знать и смерть — и я не буду этим. Я то, что знает разные фазы. Я то, что знало эти длинные серии, этот длинный караван фильмов. Я знающий, я не то, что известно. Я не то, что отражается. Я то, в чем отражается. Тогда есть *атман*, чистый и незапятнанный, чисте зеркало, незагрязненный бассейн, где никогда не возникнет рябь нечистоты.

Когда Упанишады говорят: это чисто, они говорят о полной чистоте. Ни малейшей нечистоты никогда не входило в *атман*. И, подтверждают Упанишады, эо отождествление также становится чистой. Фактически никто никогда не становился нечистым, этого не может быть, это невозможно.

Нечистота в отождествлении. Отождествление делает человека грешником или святым. Помните, святой так же нечист, потому что он отождествляется со своей святостью. У грешника есть железные оковы, у грешника золотые. Но в чем разница? Рыночная ценность железа и золота могут отличаться, но отождествление — оковы — остаются.

Кто-то говорит: я грешник, кто-то еще говорит: я добродетелен. Но до тех пор, пока мы будем продолжать говорить: это я, мы без необходимости делаем себя нечистыми, хотя нечистота не присуща нам внутренне, мы продолжаем набирать нечистоту.

В день, когда вы сможете сказать: «Я и не это, я и не то», — вы сможете сказать: «Я то, в чем отражается». Я то зеркало, в которое приходят и уходят все тени. Я та пустота, в которой все блещет и все исчезает. Никто не знает, сколько рождений, сколько тел, сколько видов и форм, сколько различных черт, сколько стоящего, позиций и вариаций блеснуло в ней. Путешествия бесконечны, но озеро одно, и оно всегда чисто и незапятнано.

Путники все время проходят вдоль его берегов, а озеро все время излагает: «Это я, это я». Иногда по этой дороге проходит вор, и озеро говорит: «Я — вор». Иногда по этому пути проходит святой, и озеро говорит: «Я — святой», а иногда по этой дороге проходит грешник, и озеро говорит: «Я — грешник».

Таким образом, озеро продолжает провозглашать по мере того, как караваны отражений проходят по этой дороге. И они проходят так быстро, что не успеет исчезнуть одно отражение, как появляется другое. Мы не используем даже этот момент, этот интервал между двумя появлениями для

того, чтобы мы могли посмотреть на озеро, в котором нет никакого отражения.

Медитация — это практика, которая концентрируется на этом интервале. В этот момент, когда ничего не отражается, мы можем увидеть мельком само озеро, мы можем узнать, что: «Я — озеро, я не этот караван, который проходит по берегу. Я не эти отражения, которые возникают на мне. Я есть то, на чем создаются все формы, но что само не создается. Я остаюсь несозданным, несотворенным».

10

*Те, кто следуют по пути
невежества,
попадают во тьму,
а те, кто поглощены
знанием,
попадают ещё в большую
тьму.*

НЕВЕЖЕСТВО ПОКАЖЕТ ВАМ ПУТЬ

Эта сутра выступает с глубоким провозглашением истины — очень дерзким провозглашением. Такое заявление может сделать только мудрец. Заявляется, что те, кто идут по пути невежества, не знают, куда идти, и блуждают тут и там в этом мире. Но те, кто идут по пути знания — то есть по пути «я знаю» — блуждают в еще большей тьме. Во всей истории человечества трудно найти такое же дерзкое утверждение — найти параллель утверждению, которое смеет говорить, что невежественные движутся ощупью во тьме, но те, кто заявляют: «Я знаю», — движутся ощупью в еще большей тьме.

То, что невежественные блуждают во тьме, легко понимается нами, в этом нет никакой трудности. Утверждение прямолинейно и ясно. Невежественные, конечно, сбиваются с пути. Но мудрец говорит, что они блуждают во тьме — не в глубокой и великой тьме. Невежественные блуждают просто во тьме. Тогда почему же так называемые знающие блуждают в еще большей тьме? И где же средство освободиться от тьмы, когда невежественные блуждают во тьме, а так называемые знающие блуждают в еще большей тьме?

Невежественные блуждают просто во тьме, не очень глубокой, ибо каким бы долгим ни было блуждание, вызванное невежеством, оно не может заходить очень глубоко. В более глубокую тьму ведет не невежество, а эго. Из-за невежества случаются ошибки, но невежество всегда готово исправить эти ошибки, поэтому вероятность зайти слишком далеко, мала. Невежество всегда склонно совершать ошибки, но оно также всегда готово исправить их. У невежества есть своя скромность. Вот почему дети могут быстро учиться, а взрослые нет. Дети невежественны и готовы совершенствоваться. Со взрослыми не так. Когда им указывают на ошибку, они негодуют и отказываются исправлять ее. Наоборот, они сперва будут пытаться доказать, что это вовсе не ошибка. Когда детям указывают на ошибки, они готовы признать их и быстро исправляют их, поэтому они и учатся быстрее.

Взрослые за годы не могут научиться тому, чему дети способны научиться за считанные дни. Их способность

учиться понижается. В чем же причина? У взрослых способность учиться должна бы увеличиваться. Но нет, она не увеличивается. Взрослые находятся в заблуждении, что они знают. Ребенок пребывает просто в темноте, взрослый же человек провалился в более глубокую и великую тьму. В нем укрепляется заблуждение, что он что-то знает. Ребенок знает, что ничего не знает, поэтому он готов учиться. Он счастлив учиться, чему бы вы его ни учили. Таким образом, дети могут блуждать во тьме, тогда как взрослые блуждают в еще более глубокой тьме. Невежественный человек, если он становится осознающим свое невежество, становится очень скромным. Если мы помним о своем невежестве, если мы можем помнить: «Я не знаю, я невежествен», — тогда нет почвы, на которой могло бы стоять эго. Где эго может выстроить свою структуру, когда у него нет никакого фундамента? Интересно отметить, что, если невежественный человек осознает свое невежество, тогда его блуждание теряет импульс, он обнаруживает себя неподвижным, и его ошибки прекращают случаться. Он начинает идти по правильному пути. А знающий человек, который непоколебим в своем убеждении, что он является знающим, уже начал свое путешествие в еще более глубокую тьму. Когда невежественный осознает тот факт, что он невежественен, тогда начинается его путешествие к мудрости. Осознание своего невежества ведет к скромности, тогда как иллюзия, притязание на знание, ведет к эго, а настоящее препятствие — это эго.

Невежество — это не глубокая тьма, она подобна вечеру. Сейчас нет солнца, сейчас нет света испытания, но нет и темной ночи эго. Это просто вечер. Невежество стоит на пороге, откуда можно идти к свету. Но по мере того, как хвастовство знающего становится все сильнее и сильнее и его убеждение: «Я знаю, я знаю, я знаю», — становится все тверже и тверже, его ночь становится все темнее, его вечер исчезает и он погружается в глубокую тьму. И по мере усиления его хвастовства его темнота будет становиться подобной безлунной ночи.

Это ведет человека в великую тьму, и интересный парадокс возникает в человеческом мире: мудрые видят себя невежественными — незнающими, а невежественные утверждают свои притязания: «Мы знаем». Тогда куда же нам идти за истинным знанием? Что нам делать? Где путь?

Надо запомнить две вещи. Нам нужно всегда продолжать повышать осознание нашего невежества. Помнить о невежестве — значит уничтожать невежество. Стать

осознающим свое невежество — значит растворить свое невежество. Это осознание своего невежества можно сравнить с человеком, который зажег лампу и вошел с ней в комнату, чтобы искать там тьму. Этот человек сказал себе: «Дай-ка я зажгу себе лампу, чтобы я мог увидеть, где же находится эта тьма», — и он начинает искать тьму с зажженной лампой в руке. Разумеется, куда бы он ни смотрел, он не находит никакой тьмы. Когда внутри есть осознание желания узнать, где находится невежество, желания идти туда, где лежит невежество, желания урнуть его, тогда может случиться знание, понимание. Куда бы вы ни шли с этой лампой осознания, невежество будет исчезать оттуда.

Итак, первое — это помнить о невежестве, помнить, что вы невежественны. Если вы хотите войти в мир света — мудрости, истинного знания — вы должны полностью осознать ваше невежество и постоянно искать, где же лежит ваше невежество. И склоняйтесь к ногам любого, кто показывает вам ваше невежество. Он — ваш учитель, или Мастер. И не пытайтесь доказать, что ваше невежество есть знание, к чему будет подстрекать вас ваш ум. Ваше эго будет говорить: «Не верь ему». Ваше эго будет уговаривать вас возразить: «О чем вы говорите? Я невежественный человек? Невозможно». Вот так мы все увековечиваем наше невежество. Мы все упорствуем в отстаивании наших собственных мнений и установок.

Те, кто ничего не знают, выдвигают огромные претензии на то, что они правы. Те, кто ничего не знает даже о камне, лежащем у края дороги, продолжают выдвигать притязания в отношении Бога и утверждают, что их Бог есть единственный истинный Бог. Нет конца притязаниям тех, кто совершенно ничего не знает. Невежество является великим сторонником своих притязаний и оно продолжает притязать. Бегите от таких притязаний. А если вы никак не можете без притязаний, тогда притязайте только на то, что вы невежественны. Смело говорите: «Я не знаю». При любой возможности, при любом удобном случае и при любых условиях, когда разоблачается ваше невежество, остановитесь и осознайте, что вы невежественны. Признавайте вашим гуру любого, кто указывает вам на ваше невежество, кто привлекает ваше внимание к вашему невежеству.

Но на самом деле мы делаем вашим гуру того человека, который усиливает ваше эго. Мы идем к нему, набираемся каких-то обрывков мудрости и возвращаемся домой полными тщеславия и притворства — и затем говорим, что мы

тоже знаем. Мы называем нашим гуру того, кто раздувает ваше притязание на знание. Но настоящим гуру, настоящим Мастером является тот, в контакте с кем мы узнаем, что нет никого более невежественного, чем мы. Настоящим Мастером является тот, кто вырывает у нас наше знание, кто уничтожает наше притязание на знание, кто до основания разбивает наше эго, кто бросает нас на землю и говорит: «Вы — ничто, вы — нигде, вы ничего не узнали». Такой человек и есть Мастер. Не тот, от кого мы получаем знание, а тот, кто напоминает нам о нашем невежестве.

Запомните, воспоминание о невежестве ведет человека к пониманию, а накопление знаний ведет человека в великую тьму.

Итак, первое, что надо делать — это отдавать себе полный отчет в невежестве, живо осознавать невежество и искать себя в нем. Познайте себя как глубоко невежественного человека.

Другое, что надо помнить: когда бы вы ни подумали: «Я знаю», — остановитесь и пересмотрите эту мысль, спросите себя: «Знаю ли я это на самом деле?» Будет достаточно, если вы пересмотрите один раз. Будьте честны в вашей попытке. Будьте полностью сознательны и подвергните вашу мысль повторному рассмотрению, прежде чем скажете: «Я знаю». Будьте внутренне бдительны к открытию вашего невежества, а также к знанию. И когда вы начнете проверять себя, вы узнаете, что вы знаете слова, знаете принципы, знаете священное писание, но вы не имеете совершенно никакого представления об истине. Те, так называемые *пандиты*, которые напичкали свои умы писаниями и словами, нагроулили себя словами и выдвигают необоснованные права на знания, стали посмешищами для мудреца, который говорит, что такие люди движутся ощупью в великой тьме.

Вот что я слышал: один христианский священник каждый воскресный вечер читал проповеди в своей церкви. У него была репутация знающего человека. Однажды он забыл дома свои очки. Половина его знания оказалась в опасности, так как проповедь была записана на бумаге, и теперь он не мог прочитать ее. Но он счел неуместным сообщать пастве о том, что он забыл свои очки. Они с нетерпением ждали его проповеди, поэтому он решил обойтись без очков и начал говорить, посматривая на свои записи. Поскольку он говорил по памяти, неминуемы были ошибки, ведь его память была лишена помощи. Но ничто из того, что он говорил, не передавало истинное знание:

мудрость может говорить без помощи глаз, не нуждаясь в очках. Все, что он когда-либо говорил, было записано на бумаге, которая и являлась его памятью. Но средство для заглядывания в память в тот день было забыто дома.

Говоря об одном из чудес Иисуса, он допустил ошибку. Иисус был в лесу с четырьмя тысячами последователей и имел при себе только семь хлебов. Там было четыре тысячи последователей, но священник оговорился и сказал, что было семь последователей и четыре тысячи хлебов, и после того, как Иисус всех накормил, хлеб еще остался. Вот это — как сказано — было чудом.

Как обычно случается в храме или церкви, большинство людей дремали и не обратили внимания на ошибку, ее услышали только те, кто не спал. Но все равно они не среагировали, поскольку оставили дома свою способность рассуждать, как это делают люди, отправляясь в церковь. Только один человек оказался бдительным и подумал, что же это за чудо? Всего лишь семь человек и четыре тысячи хлебов. Он встал и спросил: «Сэр, разве это чудо? Любой может сделать это». Услышав это, священник разгневался. Он понятия не имел, что допустил ошибку, поэтому переполнился гневом и возмущением. Он спросил: «Что вы имеете в виду, говоря, что любой может это сделать? Вы богохульствуете». Человек ответил: «Да я сам могу сделать это». Священник был озадачен и спросил паству о том, что он сказал. Кто-то ответил: «Вы ошиблись. Вы сказали то, что хотели. Вы сказали, что было четыре тысячи хлебов и семь последователей. Такое дело может быть совершенно каждым, в этот нет никакого чуда».

Священник был весьма обеспокоен этим происшествием. У него была репутация мудрого человека, поэтому он был сильно взволнован и решил поставить на место человека, бросившего ему вызов. В следующее воскресенье он пришел полностью подготовленным. Во время проповеди он снова затронул вопрос о чуде: «Однажды Иисус отправился в лес, — сказал он. — Слушайте внимательно. С ним было четыре тысячи последователей и всего лишь семь хлебов, и Он накормил всех. Все были накормлены досыта, довольны, и все же весь хлеб не был съеден». Затем он посмотрел на человека, который в прошлое воскресенье поставил его в неловкое положение, и спросил его: «Дорогой друг, можете ли вы совершить такое чудо?» Человек встал и ответил: «Да, могу». Священник занервничал и спросил: «Как же вы это сделаете?» Человек ответил: «Я воспользуюсь запасом, оставшимся от прошлого раза».

Перестановка слов, игра словами, запоминание слов — все священные писания представляют собой большую шутку. В таких вещах мало смысла. Попытка исправлять других является великой глупостью, а непризнание своих ошибок — чистое тщеславие. Тот несчастный священник не мог даже сказать: «В моем утверждении была ошибка». Это был пустяк, и он мог бы просто извиниться. Но наше эго никогда не позволяет нам признавать наши ошибки, хотя мы рады заставлять других признавать их ошибки.

Итак, вот еще что надо запомнить: пересмотрите, знаете ли вы что-то или нет. Спросите себя, действительно ли вы знаете, или все это лишь мешанина пустых слов, писаний, принципов и памяти. Спросите себя: «Узнал ли я что-нибудь? Пережил ли это? Практиковал ли я что-либо из этого? Испробовал ли я это из моего жизненного опыта? Танцевал ли я в этом верховном переживании Бога? Испытал ли я Его вибрацию? Или я просто допоздна жег керосиновую лампу, запоминая слова священных писаний?» Тошнотворный запах керосина исходит от тех, кто напичкал свою память писаниями. Керосин горит с густой копотью. Очень трудно найти людей более невежественных, чем знающие.

Следовательно, говорит эта сутра, невежественные движутся ощупью, но знающие движутся ощупью в еще более густой тьме. Лучше быть невежественным человеком, чем знающим. Невежество покажет вам путь. Не старайтесь войти в великую тьму, оставаться в простой тьме гораздо лучше. Из этой тьмы легко войти в свет, а путешествие из великой тьмы будет долгим и тяжелым.

На сегодня достаточно. Теперь давайте войдем в медитацию. Давайте сделаем несколько шагов из тьмы к свету.

*Один результат, говорят они,
достигается Видьей,
и другой результат, говорят они,
достигается Авидьей.
Так мы слышали от мудрых,
которые обьяснили это нам.*

Я ТОЖЕ СЛУШАЮ

Истинно знающие, мудрые, говорят нам, что плод истинного знания, мудрости, понимания — то, что Упанишады называют *Видья* — совершенно отличен от плода материального, информационного, приобретенного знания, которое Упанишады называют *Авидья*.

Авидья также означает «невежество» — отсутствие *Видьи*. В Упанишадах под *Авидьей* имеется в виду материальное знание: физическое, научное знание, которое выглядит, как настоящее знание, но оставляет человека невежественным. Посредством *Авидьи* мы можем узнать все области учености, но останемся невежественными в отношении того, кто мы есть. Такая ученость, которая создает иллюзию знания, в Упанишадах называется *Авидья* — невежество. Слово *Авидья* можно интерпретировать как «наука», хотя такая интерпретация может показаться странной. Тогда оно означает знание о физической науке, знание других вещей, а слово *Видья* — буквально «знание», «узнавание» — означает знание своей сущности.

Слово *Видья* не подразумевает простое знание. Слово *Видья* подразумевает трансформацию. Упанишады не называют *Видьей* то, что не трансформирует бытие человека. Если я знаю что-то и все же остаюсь таким же, каким был до того, как узнал то, тогда такое знание, согласно Упанишадам, не есть *Видья*. *Видьей* будет называться то знание, которое трансформирует вас непосредственно по познанию его. Как только я познал, я трансформировался, я становлюсь другим человеком.

Если я остаюсь таким же, каким был до того, как узнал, тогда знание есть *Авидья* — невежество. А если я трансформирован, оно есть *Видья* — истинное знание. Такое познание есть не просто добавление к вашему информационному фонду, а преобразование. Посредством его вы изменяетесь, вы становитесь совершенно иным человеком. Упанишады называют *Видьей*, знание то, что дает вам новое рождение.

Сократ дал нам одну, очень короткую сутру, подобную по смыслу этой интерпретации Упанишад. Он сказал: «Знание есть добродетель». Это обсуждалось и дебатировалось в Греции на протяжении столетий, ибо связь между знанием и добродетелью не очевидна. Человек знает, что гнев — это плохо, и все же гнев не исчезает. Другой человек знает,

что воровство—это плохо, но продолжает воровать. Еще кто-то знает, что жадность—это плохо, но его жадность не кончается. Но Сократ говорит, что наша жадность уйдет, как только вы узнаете, что жадность— это плохо.

Если человек знает, что жадность — это плохо и все же остается жадным, тогда его знание — *Авидья*. Это просто иллюзия знания. Это ложное знание. Критерием истинного знания является то, что оно сразу же становится частью вашего поведения. Оно даже не требует практики. Если кто-то думает: «Позвольте мне сперва узнать это, а затем я осуществлю это на практике», — тогда это его знание — не знание, а невежество.

Предположим, что перед нами стоит чаша с напитком и как раз тогда, когда вы собираетесь выпить его, вы узнаете, что в чаше яд, тогда ваша рука, тянущаяся к чаше, тут же отдергивается. То есть, как только вы узнаете о яде, чаша остается нетронутой. Итак, когда знание остается действительным, оно называется истинным знанием. А если вам приходится делать усилие, чтобы изменять ваше поведение, после того как вы узнали, тогда это поведение навязывается вам. Оно не может быть названо результатом знания.

Знание, которое было навязано, чтобы произвести определенное действие, которое не становится действием само по себе, называется в Упанишадах *Авидьей* — невежеством. А вот *Видья* — истинное знание — изменяет жизнь человека безусильно, он как бы и не знает, что произошло какое-то изменение. С одной стороны, сгорает невежество, а с другой — исчезает тьма. И то, и другое случается одновременно. Можно ли создать такую лампу, которая при зажигании не устраняла бы тьму? И надо ли нам будет делать специальные усилия, чтобы устранить тьму. После того, как свет зажжен? Если бы это было так, тогда лампа была бы символом *Авидьи* — тьмы. Но тьмы не существует, когда горит лампа. Зажигание лампы означает гашение тьмы. Такой лампой и является *Видья*.

В этой связи надо запомнить две вещи. Почему случается так, что даже после того, как мы узнали, трансформация не происходит? Ко мне приходит много людей, которые говорят: «Мы знаем, что гнев ужасен, это отравка, она жжет, это огонь, это ад, и все же мы не свободны от него». Тогда я говорю им: вы ошибаетесь, когда думаете, что знаете, что такое гнев. Вы думаете, что уже знаете, и все же спрашиваете себя: «Что надо делать, чтобы гнев ушел?» Такова ваша ошибочная точка зрения. На самом деле вы не знаете, что гнев это ад. Возможно ли, чтобы

человек не выпрыгнул из гнева, как только он узнал, что гнев — это ад?

Про Будду где-то сказано вот что: некий человек, чья жизнь была полна забот и печалей, обратился к Будде за советом — как выбраться из несчастий. В его жизни не было ничего, кроме горя и беды. Будда сказал ему — отбросить эти заботы и печали, выйти из них немедленно. «Я покажу тебе путь, как выйти из них», — сказал он.

Человек сказал: «Покажи мне путь сейчас, а потом, постепенно, я буду пытаться следовать твоему пути». Тогда Будда сказал: «Ты как тот человек, у которого загорелся дом, а он говорит: «Большое спасибо за ваш совет, теперь я постепенно постараюсь выбраться из дома». Затем Будда сказал, что было бы лучше, если бы тот человек заявил: «Вы лжете, я не вижу никакого пожара». Но человек не говорит так, он говорит: «Я вам верю. Я верю, что пожар есть, и постепенно попытаюсь выбраться из дома».

Спасается ли кто-нибудь постепенно, когда слышит предупреждение о пожаре? Нет, человек сразу же бежит. Он не остановится, даже если сообщивший о пожаре человек остается позади. Узнавший о пожаре сперва спасается, а потом уж благодарит, когда оказывается вне дома. Поэтому Будда сказал: «Ты веришь, что пожар есть, но отказываешься видеть его, потому ты страдаешь понапрасну. Такому человеку, как ты, не стоит даже затруднять себя расспросами. Тебе не стоит даже пытаться проверить мой совет. Ты даже глаз не открыл, чтобы увидеть, что вокруг тебя пожар. Ты признал, что ты в беде, и теперь ты думаешь: »В доме пожар, теперь я буду выбираться отсюда мало-помалу«, — и ты еще просишь меня показать тебе путь к спасению».

Когда кто-нибудь говорит мне: «Я знаю, что гнев — это плохо, и все же я не могу освободиться от него», — я говорю: было бы хорошо, если бы вы могли сказать: «Я не знаю, что гнев — это плохо». На самом деле вы знаете вот что: «Гнев — это хорошо, и я делаю то, что хорошо. Но я слышал от других людей, что гнев — это плохо». Вы считаете знанием то, что вы слышали.

Тогда что же такое знание? Вы должны будете узнать внутри себя, что гнев — это плохо. Поэтому вы должны будете пройти через него, вы должны будете вытерпеть и огонь гнева, вы должны будете вынести душевные страдания и боль, вызванные гневом. Когда все ваши пределы будут сожжены пламенем гнева и когда вся ваша жизнь станет великим смятением, полным дыма, тогда не надо

будет идти к кому-то, чтобы спросить, плох гнев или нет. Тогда не надо будет искать какой-либо метод, ритуал или средство для того, чтобы спастись от вашего гнева. Познав, что гнев — это огонь, вы сразу же освободитесь от него. Такое познание и есть *Видья* — истинное знание.

Упанишады называют истинным знанием то знание, которое несет внутри себя свободу, которое сразу же освобождает знающего. А то знание, у которого отсутствует этот атрибут, не есть истинное знание. Мы все имеем много информации. Мы все знаем много вещей. Если бы мы обратились к Упанишадам за определением качества нашего знания, они объявили бы его *Авидьей* — невежеством — ибо наше знание даже не касается нас, оно не трансформирует нас. Хотя наши знания увеличиваются, мы остаемся там, где мы есть. Знание становится складом информации, и мы стоим далеко от него. Наша сокровищница становится все больше и больше, но это просто накопление, хотя мы заявляем, что это знание. И всякий, кто считает это знанием, скоро будет блуждать в безнадежном состоянии. Это невежество.

Принимайте как истинное знание не то, что является дополнением к вам, а то, что трансформирует вас. Истинное знание есть то, что не требует никакого запоминания, а становится самой вашей жизнью. Истинное знание есть то, что не превращается в память, а впитывается в саму вашу жизнь. Дело не в интеллектуальном знании того, что гнев — это плохо, а в вашем поведении, отражающем открытие вами того, что гнев — это плохо. Дело не в том, что вы вешаете на стенах вашего дома плакаты, на которых написано: «Жадность — грех», а в том, что ваши глаза, ваши руки и ваше лицо отражают ваше понимание того, что жадность — это грех. Это становится истинным знанием только тогда, когда вся ваша личность демонстрирует, что жадность — это грех.

Упанишады воздали огромное почтение *Видье*. Она была высоко оценена. Она считается алхимией, трансформирующей жизнь. То, что мы понимаем под знанием, есть всего лишь приспособление, помогающее нам зарабатывать себе на жизнь. Один человек — врач, другой — инженер, третий — владелец лавки. У всех нас есть свое собственное знание, но оно не трансформирует жизнь, оно просто помогает нам влачить существование. Эти различные отрасли специализированного знания не дают жизни новый поворот, они просто делают жизнь безопасной. Новые цветы не распускаются благодаря им, они просто не дают кор-

ням жизни засохнуть. Никакой экстаз не входит в жизнь благодаря им, только защита, планирование и приспособление, чтобы избежать трудностей и неудобств в жизни. То, что мы называем знанием, есть всего лишь средство для того, чтобы эффективным и удобным образом зарабатывать себе на жизнь. Упанишады называют это *Авидьей*.

Согласно Упанишадам, *Видья* есть то, что не просто протаскивает жизнь немного дальше, а поднимает жизнь на более высокий уровень. Запомните, *Авидья* горизонтальна. *Видья* не вертикальная, она уходит в небо. *Авидья* подобна воловьей упряжке, тяжело движущейся по дороге. В ней нет взлета, как на самолете. Она не может взлететь и устремиться ввысь. В ее путешествии от рождения к смерти она никогда не оставляет своего нижнего уровня, и мы умираем на том же уровне, на котором родились. Обычно колыбель — это могила. Между уровнями рождения и смерти едва ли есть какое-либо различие. Постоянно двигаясь горизонтально, мы все, в конце концов, находим свои могилы, ибо они находятся не очень далеко от наших колыбелей. И даже если они находятся далеко, уровень остается тем же.

Видья же вертикальна, устремлена ввысь. Уровень меняется. Вы не то, что были раньше. Как только вы достигаете истинного знания, вы — другой человек. Будда, Махавира или Кришна стоят совсем рядом с нами, в непосредственной близости к нам, касаясь наших плеч, и все же они не с нами — их нет нигде рядом с нами. Они высоко на некоей вершине. Кажется, что их тела находятся рядом с нами, но их дух не с нами. Они прошли через *Видью*. Они знающие в истинном смысле слова.

Эта сутра Упанишады говорит нам, что *Авидья* имеет свою ценность так же, как *Видья* имеет свои достоинства. В *Авидье* есть своя польза. Упанишада не говорит: «Убейте *Авидью*», — она говорит: «Не принимайте *Авидью* за *Видью*». Это не означает, что вы не должны стоять ногами на земле в этом мире, а только воспарять все выше и выше в небеса. По правде говоря, человек, который хочет подняться к небу, должен крепко стоять ногами на земле.

Ницше сказал где-то, что дерево, которое хочет коснуться неба, должно направить свои корни в землю. Дерево идет вниз настолько же, насколько оно поднимает вверх. Дерево, которое достигает звезд в небе, имеет корни, глубоко уходящие в землю. Дерево может вытянуться настолько, насколько его корни идут в глубь земли.

Упанишады не выступают против *Авидьи*. Мнение, что

они против нее, привело к огромному заблуждению. Я объясню это вам, ибо никто не может сказать, сколько несчастья и горя претерпел Восток из-за этого ошибочного мнения. Упанишады понимались неправильно. Мы совершаем ошибку, принимая *Авидью* за *Видью*. Упанишады выступают против этого. Они говорят нам, что *Авидья* не есть *Видья* и различие между ними должно быть правильно понято. Затем мы совершаем другую ошибку. Простая истина заключается в том, что мы упорствуем в заблуждении, ибо мы совершаем либо одну ошибку, либо другую.

Согласно Упанишадам, наши современные университеты следовало бы назвать центрами *Авидьи*, так как им совершенно нет дела до *Видьи*. Наши университеты являются центрами *Авидьи*, и их ректоры являются ректорами *Авидьи*. Из этих центров распространяется только *Авидья*. Но Упанишады не выступают против *Авидьи*. Они просто говорят: «Не полагайте, что эта *Авидья* есть *Видья*, не совершайте эту ошибку».

Четко уясните себе разницу между ними. В *Авидье* есть своя польза. Неверно, что врачи не нужны. Не верно, что жизнь была бы лучше без владельцев лавок. Нет, лавочники, врачи, инженеры, мусорщики, чернорабочие — все они необходимы. Они полезны для общества. Но ошибочно считать это обучение ради добывания средств к существованию, обучением жизни. Такой человек просто зарабатывает себе на хлеб и умирает.

Иисус говорит: «Не хлебом единым жив человек». Это не означает, что вы можете жить без хлеба, но может ли один хлеб быть жизнью? Хлеб — это необходимость для жизни, но не сама жизнь. Мы заполняем фундамент здания камнями и здание не может быть построено без них, но запомните, эти камни в фундаменте не есть само здание. Не живите в заблуждении, что здание построено, когда фундамент заполнен камнями. Да. Здание не может быть построено, если не заложен фундамент. Фундамент должен быть заложен, это необходимое зло. Упанишады говорят, что у *Авидьи* есть своя польза, а именно — она обеспечивает средства к существованию. Она является внешним атрибутом жизни, она имеет отношение к физической жизни, она является средством поддержания жизни. Но не считайте *Авидью* всем. Она необходима, но не достаточна. Все не будет претворено ею одной.

Страны Востока, и особенно Индия, допустили вторую ошибку. Они сказали: «Когда мудрецы Упанишад — мудрые и знающие — говорят, что нечто есть *Авидья*, мы должны

быть безразличны к нему. Мы должны придерживаться только *Видьи*». Поэтому наука не могла проложить себе путь на Востоке. Мы игнорировали все, что считали *Авидьей*. Поэтому Восток стал беспомощным, нищим и поработанным. Если бы мы заинтересовались *Авидьей*, мы бы стали материальными, но мы так упорно игнорировали ее, что стали беспомощными и бедными в физической жизни.

Упанишады говорят, что полезно и то, и другое. И то, и другое полезно в различных измерениях. У *Авидьи* есть свое место в жизни. От нее не надо отказываться. Надо только помнить, что она не есть все. У *Видьи* тоже есть свое место.

Мудрец сказал в этой сутре еще кое-что: «Мы услышали это от тех, кто познал». Чтобы понять это заявление, надо немного углубиться в него. Сказано: «Так мы слышали от мудрых, которые объяснили нам это». Разве мудрец, который сказал это, не знал это сам? Он что, говорит нам то, что слышал? Он что, сам не знает это? Он повторяет нам заимствованное знание? Нет, этот вопрос должен быть понят правильно, ибо он вызывал большую путаницу. Необходимо понять форму выражения в те далекие времена, когда были написаны Упанишады.

Никто никогда не говорил: «Я знаю». Тому были причины. Причиной было не то, что человек не знал, причиной было то, что эго — «я» — исчезает после познания. Если бы мудрец Упанишад сказал: «Я говорю это после того, как познал», люди того времени засмеялись бы и сказали: «Тогда не говори этого. Ты не можешь знать, ведь твое «я» все еще присутствует». Поэтому запомните, мудрец знает это прекрасно, но говорит: «Я слышал это от тех, кто познал». И вот что интересно: люди, от которых он услышал это, тоже говорили: «Мы слышали это от тех, кто познал». За этим кроется некая тайна. За этим нет никакого индивидуального притязания, никакой эгоистической претензии, ибо где найти это «я» познавшего? Поэтому они говорят: «Мы слышали от тех, кто объяснил это нам». И я хочу сообщить вам еще одну интересную вещь об этом. Та личность сама тоже включена в тех «мы», которые слышали. Это утверждение довольно трудно понять.

Как я говорил вам сегодня утром, когда я говорю вам нечто, я слышу это так же, как слышите это вы. Мы слышим это одновременно. Ничего не знает тот говорящий, который не является слушателем того, что он говорит. Истины не готовятся по шаблону. Они не подготавливаются заранее. Они творятся, проявляются, они рождаются естественно, они спонтанны. Они появляются так, как по-

являются цветы — распускаясь из растения, полного аромата. Когда я хочу вам что-то сказать, это может быть сделано двумя способами. Первый — обдумать это хорошенько и затем подготовить для передачи вам. То, что вы в конце концов получите, будет черствым и старым. Оно не будет свежим и живым. Оно будет мертвым. Но когда я начинаю произносить то, что выходит изнутри меня, тогда я слышу это, как и вы, впервые. Тогда я тоже слушатель. Вы не единственные слушатели, я тоже слушатель.

Итак, мудрец говорит: «Мы слышали от тех, кто объяснил это нам». Он слышал, говорит он, от тех, кто познал. Но он слышал это именно от себя самого — он тоже слушает объяснение, исходящее от него самого. Поэтому мудрец называет себя слушателем.

Есть еще одна причина. Когда человек достигает высшей истины, ему представляется, что не он достиг истины. Ему представляется, что истина как бы снизошла на него. Высшая истина не появляется как мое творение, как мое достижение. Она появляется передо мной как откровение, как открытие, как вдохновение. Если бы кто-нибудь спросил Мухаммеда: «Ты написал Коран?» — Мухаммед ответил бы: «Пожалуйста, не говори мне таких греховных вещей. Я услышал Коран. Я увидел Коран. И услышав его, я записал его. Я не написал его. Я не его автор».

Вот почему Мухаммед называется посланником Бога — тем, кто передал данное ему послание. Истина была открыта перед ним, и он пришел к вам и сказал: «Это истина». Эта истина не его творение. Вот почему мы называем мудрецов провидцами, а не авторами или творцами. Мы не говорим, что они сотворили истину. Мы говорим, что они узрели истину. Вот почему мы называем то, что они увидели *даршан* — «видение», нечто увиденное. Как бы мы ни называли это, мы можем назвать это либо *даршан*, либо *Шрути* — нечто услышанное — это мудрец на самом деле говорил нам, что истина совершенно отдельна и обособлена от нас. Мы не создаем ее. Мы только слышим ее, познаем ее, видим ее. Мы просто свидетели. Вы можете назвать мудреца свидетелем, провидцем или слушателем, но помните, что за этим стоит идея пассивности.

Мудрец говорит: «Мы пассивны, не активны». Когда вы строите нечто, вы активны. Когда художник рисует цветок, он является активным фактором. Но когда он стоит рядом с цветком розы и смотрит на него, он — пассивный фактор. Тогда он ничего не делает, он только восприимчив. Он просто открыл двери и окна своего существа. Он при-

глашает цветок, он предлагает ему свое сердце, он приветствует его и стоит неподвижно. Он восприимчив. Тогда цветок входит в его сердце и касается его своими лепестками. Аромат цветка растворяется во всем существе человека. И поскольку тот впустил его внутрь себя как свидетель, как восприимчивый фактор, цветок распустился во всех уголках его существа.

Этот мудрец Упанишады говорит: «Так я слышал». Говоря это, он хочет сказать нам, что только пассивный человек достигает истины. Пассивность — вот дверь. В небе светит солнце. Мы не можем привести его свет в дом, но нам надо только открыть двери, и солнечный свет войдет в дом. Его лучи постепенно заплывут во всех уголках дома. Было бы уж слишком сказать: «Мы принесли свет в дом». Это хвастовство. Мы можем сказать только то, что мы не устанавливали никаких препятствий, которые помешали бы солнцу войти. Мы держали двери открытыми. Для восхода солнца не нужно, чтобы наши двери были открытыми, но это факт — что солнце никогда не сможет войти в наш дом, если двери будут закрыты. И если двери открыты и солнце не восходит, мы ничего не можем сделать, мы беспомощны.

Вы поняли, что я имею в виду? Солнце не обязано восходить потому, что ваша дверь открыта. Оно свободно восходит или нет. Но совершенно определенно то, что оно не может войти, если дверь закрыта. Даже если оно хочет войти, оно не может. Это означает, что, если мы хотим, мы можем оставаться слепыми по отношению к истине, тогда истина не может ничего поделать. Если мы хотим, мы можем быть широко открытыми истине. Но тогда мы не создадим истину, мы просто восприимчивы к ее откровению.

Все ценное, все прекрасное, все наилучшее, все истинное, все благоприятное в жизни находится только восприимчивым умом. Находит тот, кто держит дверь открытой. Поэтому мудрец не говорит: «Я обладаю этим». Он говорит: «Я слышал это от тех, кто познал. Я услышал это, я воспринял это оттуда, где есть мудрость». В этом утверждении есть острое желание стереть «я». Вот почему ни на одном Упанишаде нет подписи ее автора. Мы не знаем, кто говорит это, кто рассказывает это, чьи это слова. Некто провозгласил такие бесценные истины, не раскрыв своего авторства.

На самом деле великие истины должны провозглашаться без претензии на авторство, ибо автор умирает перед рождением великой истины. Это мудрецы полностью отстраняются от претензии на авторство. Никто не знает, кто

произносит эти сентенции. Неизвестно также, сделаны ли эти записи одним человеком или многими людьми. Возможно, что различные сутры в Упанишадах — это откровения различных мудрецов, и все же можно заметить нечто интересное. Эти сутры могут быть словами разных людей, но в них есть единая гармония, единая музыка. Может быть, был целый ряд мудрецов, у каждой сутры был свой автор, но они должны быть, где-то глубоко внутри себя были абсолютно как один человек.

Если вы когда-нибудь посетите джайнский храм, вы увидите двадцать четыре статуи *тиртханкаров* — просветленных мастеров джайнизма. Между этими статуями нет никакого различия за исключением очень маленького знака на стене, который у каждой из них разный. Эти знаки сохранялись для распознавания, иначе было бы невозможно узнать, кто из них Махавира, кто Нариванатха, кто Неминатха. Если стереть эти знаки, все статуи будут выглядеть одинаково. Даже их лица идентичны. Это не может быть историческим фактом. Лицо Махавиры не может быть таким же, как лицо Нариванатхи. Трудно поверить, что все двадцать четыре *тиртханкара* имели идентичные фигуры и черты лица. Нельзя найти даже двух человек, идентичных по фигуре и чертам лица. Вообразите, насколько трудно отыскать двадцать четыре таких человека.

Возможно ли, что людям, создавшим эти статуи, не приходила мысль о том, что когда-нибудь кто-то засмеется, увидев все эти идентичные названия, и скажет: «Это не может быть историческим фактом»? Нет, они ваяли с мудростью. Не обращая внимания на внешнюю схожесть, они создали образы внутреннего состояния. Внутри отсутствует различие. Между Махавирой и Нариванатхой должно быть много физических различий, но в жизни наступает стадия, где «я» исчезает. Тогда внутри нет никакого различия. Тогда приходит своего рода безликость. Человек освобождается от внешнего лица, от индивидуальности. Тогда внешние лица не имеют ценности. «Поэтому мы не делаем идолов из внешних тел».

Идолы *тиртханкаров* показывают то подобие, которое находится внутри, внутреннее сходство. Вот почему они все одинаковы. Эти сутры Упанишад сочинены разными людьми. И было бы неудивительно, если бы оказалось, что одна строка двустихия сочинена одним мудрецом, а другая — другим. Такие вещи случались. В доме Кольриды, великого сагойского поэта, после его смерти было обнаружено сорок тысяч стихотворений. До его смерти его

друзья часто спрашивали его, почему такие чудесные стихи оставлены незавершенными. Они убеждали его завершить их. Они говорили: «В этом мире не будет более великого поэта, чем ты. Ты оставил шестьдесят тысяч стихотворений незавершенными. Подумай и заверши их. У некоторых твоих стихотворений есть три строки, а четвертой нет, у некоторых есть семь строк, а восьмой нет, у некоторых есть одиннадцать строк, а двенадцатой нет. Им не хватает всего лишь одной строки. Почему ты не заверши их?» Кольриды ответил: «Одиннадцать строк пришли, и я жду двенадцатую. Прошло десять лет, а она все еще не пришла. Как же я могу завершить стихотворение? Если кто-то найдет эту строку, он может завершить стихотворение. Ко мне она еще не пришла. Если я захочу, я могу сочинить строку, но тогда она будет подделкой. Она будет подобна деревянной ноге. Она будет подобна деревянной ноге у человека, в остальном физически совершенного. Эти одиннадцать строк живут, они снизошли на меня, они не были сочинены мной. Они пришли ко мне в восприимчивый момент, когда я был в восприимчивом состоянии, и я записал их. Двенадцатая еще не снизошла на меня. Поэтому я жду ее. Если она придет во время моей жизни, я добавлю ее к стихотворению, в противном случае я оставлю его незавершенным. Строка может прийти в жизнь кого-то другого. Возможно, кто-то другой станет дверью для двенадцатой строки, тогда он завершит стихотворение».

Не обязательно, чтобы двустихья Упанишады были написаны одним человеком. Это двустихья тех людей, которые не сами сочиняли их, а записали то, что снизошло на них. Поэтому заявление этих мудрецов, что они услышали это от тех, кто познал, является просто признанием отсутствия у них эго. Это заявление: «Меня нет, я всего лишь дверь».

*Тот, кто знает
Видью и Авидью вместе,
побеждает смерть
посредством Авидьи и
испытывает бессмертие
посредством Видьи.*

Я — НЕ ТЕЛО

Тот, кто знает как *Авидью*, так и *Видью*, победив смерть, познает бессмертное. Это очень редкая сутра. Я говорил вам, что Упанишады не против *Авидьи*. Они оказывают предпочтение *Видье*, но отнюдь не против *Авидьи*. Сказано: «Тот, кто знает *Авидью*, победит смерть». Весь конфликт *Авидьи* против смерти. Врач борется против смерти, инженер борется против смерти. Все усилия науки, вся ее деятельность направлены против смерти — против болезней, против будущих опасностей.

Все усилия *Авидьи* — научного знания — направлены на то, чтобы жизнь не прекращалась, чтобы она была сохранена, вся *Авидья* находится в постоянной борьбе против смерти. Поэтому тот, кто искусен в *Авидье*, преуспевает в недопуске к себе смерти, то есть, он живет комфортно. В этом смысле посредством *Авидьи* он побеждает смерть. Но он не может достичь бессмертного. Он просто контролирует смерть, чувствуя себя довольно удобно.

С помощью *Авидьи* мы можем существовать, но мы не можем попробовать субстанцию жизни. Мы можем просто существовать. Это следовало бы назвать вегетацией. Мы будем двигаться по ходу жизни. Нам будет доступно все — пища, жилище, лекарства и так далее. Мы все это получим, и жизнь пройдет приятно, комфортно. Но бессмертное не будет доступно нам. И даже если *Авидья* полностью преуспеет в предотвращении смерти, бессмертное все также не будет доступно.

Современная наука энергично ищет способы и средства покорить смерть. Вот почему наука так стремится узнать, как можно избежать смерти, как навсегда прекратить ей путь. В отдаленном будущем может возникнуть ситуация, когда мы будем способны, если захотим, избежать смерти навсегда. Если мы правильно поймем процесс развития науки за последние три тысячи лет, мы увидим, что вся ее деятельность была направлена на это.

Все ее усилия направлены против смерти, и в значительной мере она преуспела. Тысячу лет назад девять из десяти новорожденных умирали, а сегодня в странах, где наука добилась замечательных успехов, не умирает даже одного из десяти новорожденных. По обнаруженным учеными костям людей, живших десять тысяч лет назад, видно, что ни один из них не прожил более двадцати пяти

лет. Никто не переживал двадцатипятилетнего возраста. Пока не было обнаружено ни одной кости человека, жившего десять тысяч лет назад, которая была бы живой на протяжении более двадцати пяти лет.

А сегодня в советской России есть более тысячи человек, достигших стапятидесятилетнего возраста. Столетний возраст становится обычным делом. Иногда вы можете изумиться, прочитав в газетах, что в России девяностолетний человек женился.

Мы думаем, что этот старик, должно быть, большой дурак. Но запомните, что этот старик еще не стар и он не совершает ничего необычного. Когда в России женится девяностолетний человек, не сравнивайте его со стариком в нашей стране. Наш старик умер за двадцать лет до такого возраста. Этот девяностолетний человек принадлежит к общине, где максимальный возраст равен ста пятидесяти годам. До какого возраста человек все еще молод, когда продолжительность этой жизни достигает сто пятьдесят лет? Не установите ли вы его, по крайней мере, на ста годах?

Везде, где наука добивалась успеха, смерть отодвигалась немного дальше, но в последнее время наука продвинулась еще дальше. И не кажется невероятным, что к концу этого столетия мы будем в состоянии поддерживать человека живым, если мы захотим это делать. Не останется никаких препятствий, которые могли бы помешать науке совершить это. Можно сделать так, что человек будет жить бесконечно. Вот почему некоторые мыслители на Западе, особенно в Америке, стали очень яростно настаивать на том, чтобы прежде чем наука преуспеет в продолжении человеческой жизни, мы должны внести в Конституцию страны поправку, что каждый человек рождается с правом умереть. В противном случае возникнет очень трудная ситуация, ибо если правительство не позволит человеку умереть, у него не будет права на это.

До сих пор во всем мире мы устанавливали правила, что никто не имеет права убить другого человека. Но во всем мире, особенно в таких странах, как Швеция и Норвегия, где наука добилась успехов в продлении человеческой жизни, люди начали агитировать за прекращение ее. Трезвомыслящие и чувствительные люди начали пропагандистскую кампанию, настаивая, что ни один врач не имеет права сохранять жизнь человеку против его воли, это следует считать нарушением основного права этого человека, его основного права распоряжаться своей собственной жизнью.

Мы находимся в опасном положении. Предположим, человеку сто пятьдесят лет. Если он хочет жить дальше, он — дурак, у него должно быть желание умереть, уйти на вечный покой. Но врачам приходится держать его в больнице и пытаться поддержать его жизнь, поскольку в настоящее время у врачей нет права помочь человеку умереть. Поэтому они будут делать все, что в их силах, чтобы спасти жизнь такому человеку. Если же, несмотря на усилия врачей, человек умирает, это уже другое дело. Поэтому идет агитация за предоставление человеку права умереть, если он хочет.

Этот вопрос скоро приобретет очень большое значение, ибо в человеческом теле не был обнаружен механизм, который мог бы на самом деле ускорить смерть. Единственная причина, по которой случается смерть, заключается в том, что до сих пор не было возможности заменять физические органы тела. Мы не можем заменять определенные части тела и в этом-то трудность. Когда мы добьемся успехов в замене частей тела, смерть не будет оставаться неизбежным феноменом для человека. Она станет делом его собственной воли. Запомните, очень скоро случится то, что никто не будет умирать с течением времени, разве что в результате несчастного случая. Итак, в мире будет меньше естественных смертей и больше самоубийств. Это определено будет самоубийством, если человек попросит врача прекратить его жизнь. Тогда самоубийство будет общепринятым средством достижения смерти.

С очень древних времен человек провозглашал, что смерть может быть побеждена благодаря *Авидье*. То, что говорит сегодня западная медицинская наука, провозглашено в Упанишадах. Они говорят, что смерть можно сдерживать так долго, что она действительно будет побеждена *Авидьей*. Вечно внутри никогда не может умереть. Умирает тело. Тогда вечно внутри вас принимает новое тело.

Но если мы можем сохранять старое тело здоровым и активным, тогда нет никакой нужды принимать новое тело, ведь принятие нового тела кажется абсолютно незаконченным. Кажется, природа не знает, что такое экономика. Совершенно очевидно, что у природы нет никакого опыта в области экономической науки. Она дает рождение детям и убивает стариков. Наши старики обучены и опыты и на их обучение были затрачены большие усилия, тогда как дети, заменяющие их, совершенно неподготовлены, совершенно бесполезны. Она прекращает жизни тех, кто трудился на протяжении семидесяти лет, и дает рождение

младенцам, лишенным знания. Поэтому их приходится воспитывать и обучать. Это очень неэкономно.

Экономика не допустила бы смерти семидесятилетнего человека со всем его накопленным опытом. Семидесятилетний человек после смерти получит новую жизнь — и ему снова придется провести двадцать—двадцать пять лет в обучении и подготовке себя только для того, чтобы с трудом вновь обрести то положение, в котором он был в момент своей смерти. Все это бесполезно. Поэтому наука, *Авидья*, работает в этом направлении и прикладывает все силы, чтобы прекратить это разбазаривание.

Если мы можем спасти жизнь какого-нибудь Эйнштейна, мы избежим большего убытка. Если он пройдет через три рождения, увеличение в знании за эти три жизни не будет столь же большим, как за одну жизнь протяженностью в триста лет, поскольку это будет непрерывная зрелость. Не будет частых разрывов непрерывности, не будет тех двадцати пяти—тридцатилетних промежутков, разрушающих эту зрелость.

Итак, если мы будем поддерживать жизнь Эйнштейна непрерывно на протяжении трехсот лет, то даже представить нельзя, какой огромный вклад будет сделан в запас знаний. А знание бесконечно.

В небольшом человеческом мозге есть бесконечные миллионы клеток, и ученые говорят, что каждая клетка обладает такой способностью сохранять знание, что информацию, содержащуюся во всех библиотеках мира, можно было бы хранить в одном человеческом мозге. Обладание столь многими миллионами клеток — это такой огромный потенциал, что один человек может быть хозяином всех знаний, существующих сегодня в мире. А то, что мы еще не разработали такого устройства, с помощью которого мы могли бы вводить столь много знаний в мозг человека, это уже другое дело. Наши способности передачи знаний весьма примитивны.

Ребенок, безусловно, узнает кое-что после того, как его обучали на протяжении двадцати лет, но на самом деле ничего не достигается. Затратив на образование ребенка двадцать лет, мы можем сказать лишь то, что он не необразованный. Только это возможно. Не достигается ничего особенного. Даже если бы мы затрачивали на образование семьдесят лет, не многое бы достигалось.

Запас знаний колоссален, а у нас нет ни устройства, ни системы, с помощью которой мы могли бы вводить его в человеческий мозг. Поэтому ведется непрерывный поиск

новых способов и методов для разработки более продвинутых техник обучения.

Сейчас в России ведется большая работа над обучением во сне. Обычно дети учатся днем, а ночью спят, двенадцать ночных часов тратятся попусту. Поэтому в России детям, когда они спят, проигрываются магнитофонные записи, чтобы они обучались и в ночное время. Таким образом, прикладываются больше усилия для достижения больших успехов. Русские надеются, что в ближайшем будущем они смогут, используя также и ночное время, передать детям за семь лет столько же знаний, сколько сейчас передается за пятнадцать лет.

В этом новом эксперименте есть еще одно преимущество. Когда учитель обучает детей в дневное время, когда они не спят, между эго учителя и эго ученика возникает конфликт, и это служит большой помехой для развития детей. Когда же дети спят и знания впитываются непосредственно, никакого конфликта нет. Учителя нет, а детей тоже можно считать отсутствующими. Ученики пребывают во сне, учитель отсутствует, только магнитофон работает. Магнитофонная запись медленно-медленно вливает знания в мозги детей на протяжении всей ночи, и они получают их непосредственно.

Заявление Упанишады, что смерть может быть побеждена *Авидьей* — наукой, следовало бы разослать в письменной форме во все университеты. Мудрец Упанишады говорит это потому, что смерть является всего лишь физической трагедией, несчастным случаем. Если мы можем разработать соответствующие приборы и технологии, смерть можно будет отодвинуть немного дальше. В этом нет никакой трудности.

До сих пор у науки не было средств возвращать мертвого человека к жизни, но ученые надеются, что к концу 1980 года они смогут давать новую жизнь мертвому человеку. Поэтому один человек, который умер пятнадцать лет назад, завещал десять миллионов долларов на то, чтобы его мертвое тело было сохранено самым надежным способом, по крайней мере, до 1980 года или до того времени, когда его можно будет оживить. Ежедневно сто тысяч рупий расходуются на сохранение его мертвого тела наилучшим способом, чтобы в нем не было ни на йоту разложения. Это делается с целью сохранить его мертвое тело до 1980 года в том же состоянии, в каком оно было, когда он умер, чтобы, если мы сможем найти научный ключ к этой проблеме, мы могли оживить его мертвое тело и дать ему новую жизнь.

Спиритуалисты очень боятся этих исследований. Они говорят: «Если эти эксперименты окажутся успешными, каким будет положение души?» Тело этого человека можно будет вернуть к жизни только при одном условии — что науке удастся сохранить его тело в хорошем состоянии. Это необходимая часть эксперимента, но не достаточная. Если его душа блуждает где-то и еще не вошла в другое тело, тогда она войдет в его мертвое тело, и я полагаю, что душа этого человека будет продолжать блуждать и ждать. Он отошел, завещав очень большую сумму.

Десять миллионов долларов — сумма немалая. Он, несомненно, будет ждать. Он будет ждать еще десять лет, и если его тело можно будет оживить, он снова войдет в него. Это будет похоже на возвращение в дом, который был перестроен после того, как он рухнул.

Смерть может быть побеждена *Авидьей* — наукой — но посредством ее нельзя испытать бессмертие. Вторая часть сутры более важна. Возможно, что наука сможет победить смерть и сделать человека почти бессмертным, но какое благо получит человек от такой перемены? Даже став почти бессмертным, он не может иметь опыт бессмертного. Даже тогда мы не познаем то, что бессмертно в нас. Мы можем обладать знаниями, накопленными за семьдесят лет или за семьсот лет, мы даже можем прожить семь тысяч лет. Но у нас совершенно нет опыта того, что было до нашей жизни, что существовало до нашего рождения и также существует после нашей смерти. Если мы хотим познать — испытать — бессмертное, помочь может только *Видья* — истинное знание.

Упанишады отдают должное *Авидье* — науке. Это способ борьбы со смертью, но она бессильна достичь бессмертного. Конфликт со смертью — это неэффективное усилие. Сознание бессмертного — позитивное достижение. Попытка познать бессмертное — это усилие узнать то, что существовало до нашего рождения и будет существовать также после нашей смерти, что есть в настоящем, что было в прошлом и что будет в будущем также. Оно было до того, как стало существовать это тело, и оно будет все также существовать, когда это тело исчезнет.

Познать это — значит достичь бессмертного. Продолжать продлевать жизнь этого тела — значит быть просто в конфликте со смертью. Это борьба за увеличение расстояния между рождением и смертью. Тогда как погрузиться в опыт того, что пребывает за пределами рождения и смерти — значит открыть бессмертное. Упанишады заявляют,

что бессмертие будет испытано посредством *Видьи*. Поэтому нам нужно понять две или три сутры о *Видье* — истинном знании. Каждое учение о *Видье* может привести нас сейчас к бессмертному.

Первое, человек, думающий, что он есть тело, не в состоянии двигаться к бессмертному. Итак, первая сутра такова: отбросьте отождествление с вашим телом. Знайте это всегда. Помните об этом каждый день. Как можно чаще осознавайте это, как можно чаще думайте: «Я не есть тело». Насколько глубоко вы поймете и установите эту сутру внутри себя, настолько же вы продвинетесь к бессмертному. И наоборот, насколько прочно укоренено в вас убеждение: «Я есть тело», настолько вы продвинетесь к *Видье*, к конфликту со смертью. И жизнь такова, что двадцать четыре часа в сутки мы вынуждены вспоминать: «Я есть тело».

Слегка повреждена нога, и мы сразу же вспоминаем: «Я есть тело». Если мы хотим есть, мы вспоминаем: «Я есть тело». Немного заболела голова, мы вспоминаем: «Я есть тело». Приближается зрелость, мы вспоминаем: «Я есть тело». Приближается старость, мы вспоминаем: «Я есть тело». Со всех сторон жизнь постоянно заставляет нас вспоминать: «Я есть тело». И стоит отметить, что всегда налицо бывают признаки неистины, а не признаки истины.

Но в нашем толковании наличествующих признаков мы совершаем фундаментальную ошибку. Когда проявляются признаки некоей вещи, мы воспринимаем ее в совершенно ином свете, и случается великое недоразумение. Таким образом, вся жизнь становится великим недоразумением. Признаки означают одно, но мы видим их в ином свете. Когда желудок хочет пищи, мы говорим: «Я голоден». Это неправильно. Мы неправильно поняли полученное нами указание. Это указание означало только вот что — я узнал, что желудок голоден. Но мы говорим: «Я голоден». Никто еще не показал, как мы приходим к этому выводу. Как исчезает это среднее звено — то, что я узнал, что желудок голоден? Я никогда не могу быть голодным, и все же мы говорим: «Я голоден».

Когда в голове есть боль, я узнаю, что в голове есть боль. Но я говорю, что у меня болит голова. Я говорю другим, что я испытываю головную боль, и я говорю самому себе, что внутри меня есть боль. В указаниях тела нет ошибки, но мы совершаем ошибки, когда пытаемся расшифровать эти указания.

Свами Рам всегда говорил правильные вещи. Он всегда выражал свои мысли правильно. В результате люди при-

нимали его за сумасшедшего. Мир полон безумцев и не очень трудно счастье мудрого человека безумным. Рам никогда не говорил: «Я голоден». Иногда он говорил: «Послушай, брат, здесь есть голод». Услышав его, люди задумывались, а в своем ли он уме, и возникали всевозможные затруднения.

Бедняга Рам выражал свои мысли правильно, но люди начинали сомневаться в его здравомыслии. Иногда, возвращаясь домой, он говорил: «Сегодня было много веселья. Когда Рам шел по дороге, люди начали оскорблять его». Он никогда не говорил: «Они начали оскорблять меня». Он никогда не говорил: «Когда я проходил, люди начали оскорблять меня». Он говорил: «Сегодня было много веселья: какие-то люди на дороге насмеялись над Рамом. Рам мог видеть их тоже. Я сказал: «Смотри, Рам, они веселятся, глядя на тебя».

Это вызвало большие затруднения, когда он впервые отправился в Америку и начал там говорить о себе в третьем лице. В Индии его друзья знали его хорошо, они знали, что он слегка чокнутый. Но в Америке возникли большие затруднения, так как люди не могли разобраться, что он говорит. Но он был совершенно прав в своих высказываниях.

Желудок становится голодным, но вы никогда не бываете голодным. Этого до сих пор никогда не случалось. Это невозможно, ибо голод беспомощен перед душой — сущностью. У души нет никакого механизма, чтобы чувствовать голод. У нее нет никакого средства, чтобы чувствовать муки голода. Никто не уменьшается и не увеличивается в душе. Ничто не оставляет душу, ничто не пропадает из нее, чтобы породить муки голода. Что-то всегда убывает в теле, ибо оно умирает каждый день, и из-за этого процесса умирания вы чувствуете голод.

Может быть, вы удивитесь, узнав, что каждый день внутри вас что-то умирает, поэтому-то та часть, которая умирает, должна быть замещена пищей. Другой причины нет. Какие-то части внутри вас умирают, поэтому вы должны замещать умершие части живыми частями, чтобы вы могли оставаться живым. Следовательно, вы теряете один фунт вашего веса, когда поститесь один день. Какова причина? Эта однофунтовая часть умерла, а вы не восстановили ее. Вам придется снова восстановить ее.

Ученые говорят, что человек может оставаться без еды девяносто дней. В конце концов, это создает огромную трудность, ибо человек продолжает жить все эти девяносто дней, потребляя накопленный в теле жир, но изо дня в

день истощая свои запасы жира, он умирает. Изо дня в день он будет становиться все слабее, теряя вес и чувствуя себя изнуренным, но он будет продолжать жить.

Мы замещаем наши умершие части пищей, убыток компенсируется. Но душа не умирает. Никакой элемент ее не убывает, поэтому для души нет никакой причины чувствовать голод.

В отношении этого надо отметить одну вещь. Душа не чувствует голод, тело не познает голод, тело чувствует голод, душа познает голод. Весь этот феномен напоминает одну историю, которую вы, быть может, слышали. Однажды загорелся лес. В лесу находились слепой и хромой. Слепой не мог видеть, но он мог передвигаться, у него были крепкие ноги. Оставаться в лесу было опасно. К счастью, огонь еще не распространился до того места, где они находились. Хромой был неспособен передвигаться, но мог видеть приближающийся огонь.

Эти двое, должно быть, были мудрыми людьми, хотя обычно такие люди не мудры. Как можно ожидать, что слепой будет мудрым, если зрячие не мудры? Как может хромой быть мудрым, когда люди со здоровыми ногами не мудры? Но эти двое были мудры, поэтому они пришли к взаимопониманию.

Хромой сказал: «Если мы хотим спасти свои жизни, есть только один способ. Позволь мне сесть тебе на плечи. Мы будем использовать мои глаза и твои ноги. Я буду направлять, а ты будешь идти в соответствии с моими указаниями». Так они спасли свои жизни. Жизненное путешествие—это тоже своего рода взаимопонимание между телом и душой. Это путешествие слепого и хромого.

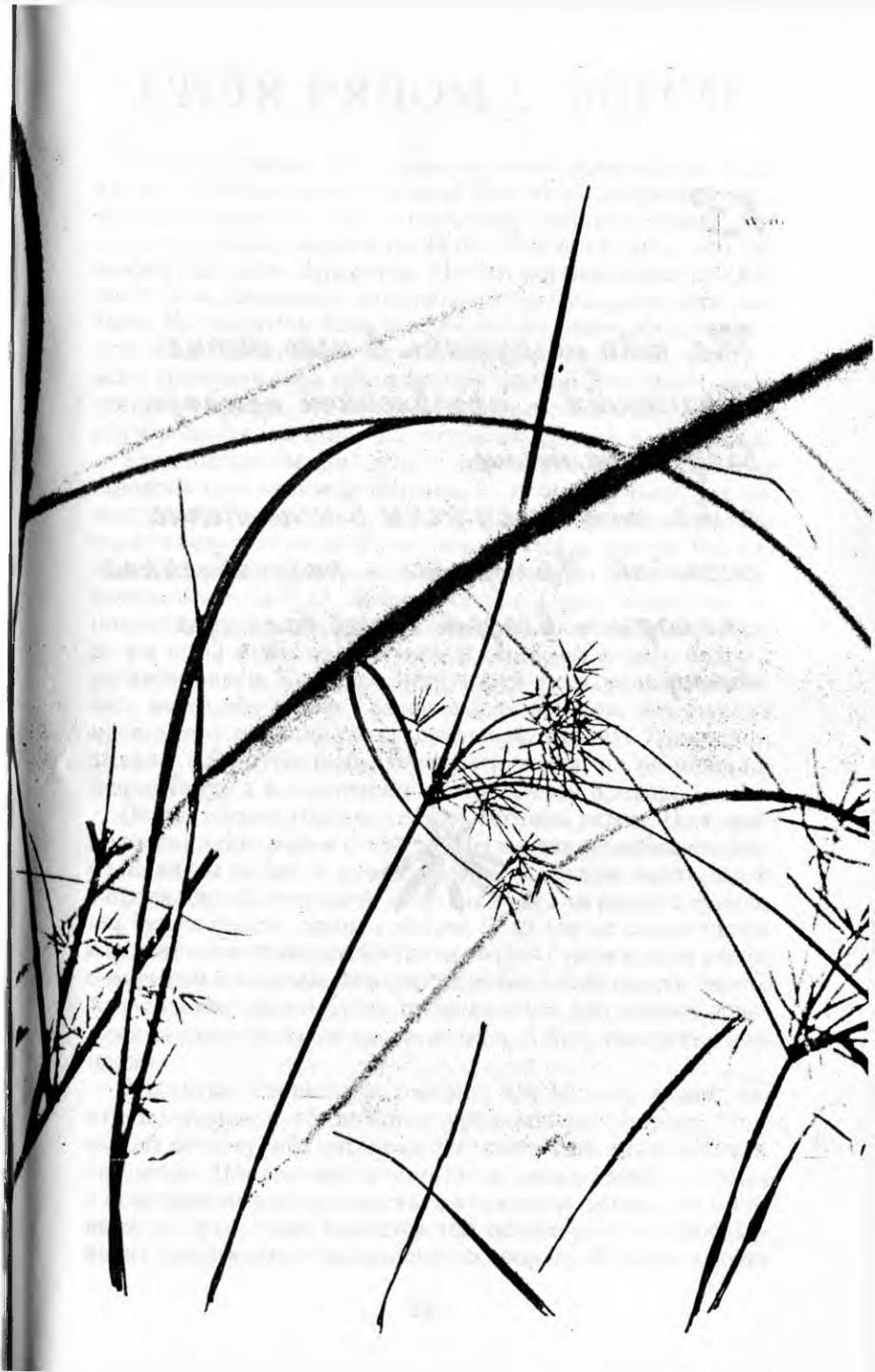
У души есть впечатления: она испытывает впечатления, но в ней не бывает никаких событий, тогда как в теле события происходят, но оно не испытывает впечатлений. Все впечатления воспринимаются душой, а все события происходят в теле, но тело не испытывает впечатления от них. Отсюда и все затруднения.

В тот день тоже должно было возникнуть некое затруднение, но Эзоп, написавший эту историю, не упомянул о нем. Те двое должны были торопиться: поэтому, когда слепой быстро бежал, а хромой быстро смотрел по сторонам, вполне возможно, что слепой чувствовал: «Я могу видеть»,—а хромой мог чувствовать: «Я бегу».

Именно это и случается с вами. Именно это должно быть разорвано. Следует четко различать то и другое. То и другое должно быть разделено, иначе наши провода замыка-

ются. Все события происходят в теле, а душа испытывает впечатления от них. Вы начнете постигать сутру *Видьи*, когда вы разделите то и другое. Тогда начнется ваше путешествие к бессмертному.

На сегодня достаточно. Мы снова будем беседовать завтра утром. Теперь давайте начнем наше путешествие к бессмертному.

Внешнее проявление существования называется *Пракрити* — материальная природа Вселенной, видимая глазу, осязаемая руками, воспринимаемая органами чувств. Все то, что знакомо нашим органам. Можно сказать, что видимый Бог есть *Пракрити*. Но это переживание тех, кто знает Бога. Они могут утверждать, что *Пракрити* есть тело Бога. Но мы знаем только тело. Мы не знаем того, что оно есть тело Бога. *Пракрити* есть форма скрытого, невидимого сознания, она есть видимая форма. Этот факт известен только тем, кто знает и невидимое тело. В противном случае мы знаем лишь то, что видимое есть все во всем.

Упанишады говорят, что те, кто погружен в поклонение *Пракрити* — видимой природы, — входят во тьму. Все мы погружены подобным образом. Менее погружены только те, кто возносят молитвы и поклоняются в храмах. Мы же, погруженные в *Пракрити*, возносим наши молитвы и поклоняемся в храмах органов чувств. Слово «Упасана» — поклонение — также имеет значение «сидеть рядом». Когда вы погружены во вкус некой вещи, вы сидите рядом с органом вкуса. Когда вы погружены в сексуальное желание, вы сидите рядом с сексуальным органом. В это время происходит поклонение сексуальному органу. Те, кто называют себя атеистами, тоже погружены, но не в поклонение Богу, а в поклонение проявленной природе.

Очень трудно уберечь себя от сидения рядом. Нам приходится сидеть рядом с чем-то. Мы не можем избежать этого. Если мы не сидим рядом с Богом, мы будем сидеть рядом с проявленной природой. Если мы не сидим рядом с душой, мы будем сидеть рядом с телом. Если мы не сидим рядом с духовным и трансцендентальным, мы будем сидеть рядом с мирским и земным. Мы определенно будем сидеть где-то. Акт сидения рядом будет продолжаться при любых условиях за единственным исключением. Я буду говорить о нем позже.

Эта сутра Упанишады говорит, что во тьму входят те, кто поглощен в поклонении проявленной природе. Они входят во тьму, ибо они не могут установить никакой связи со светом. Поклонение и почитание проявленной природы в основном является следствием темноты, невежества. Говоря по сути, тьма является той основой, от которой зависит погружение в проявленную природу. Если вы хотите

13

*Те, кто погружены в исполнение
Пракрити — проявленной природы —
входят во тьму,
а те, кто погружены в исполнение
скрытой Пракрити — непроявленной
природы — входят в ещё большую
тьму.*

осуществить какое-то желание или страсть, это будет легко изменить именно потому, что ваш ум наполнен тьмой и невежеством. Будет трудно сидеть рядом с желанием, если в уме есть свет — истинное знание. Стремления, погоня за желаниями будут настолько легкими, насколько ум наполнен нечувствительностью. Желания, относящиеся ко всем органам чувств, ведут нас в глубокое оцепенение. Если вы бодрствуете, вы пройдете мимо органов чувств, а если вы спите и нечувствительны, вы окажетесь сидящими рядом с органами чувств.

Чем больше бессознательность, тем ближе вы сидите. Поэтому поклоняющиеся проявленной природе обязательно будут в бессознательности. Этим приверженцам органов чувств придется открывать различные способы и средства для того, чтобы оставаться в бессознательности. Следовательно, они должны всегда отыскивать новые интоксиканты. И неудивительно, что они прибегают к употреблению вина и других алкогольных напитков. Фактически приверженцу органов чувств невозможно долго воздерживаться от вина. И везде, где число таких приверженцев продолжает умножаться, будет открываться все больше и больше способов и средств для того, чтобы оставаться бессознательным. Чтобы быть погруженным в наслаждение органами чувств, чтобы сидеть поближе к органам чувств, надо сохранять ум бессознательным и лишенным рассудительности.

Если вы хотите гневаться, быть алчным или полным сексуального желания, необходимо держать ум в трансе, в нечувствительности. Только в таком бессознательном состоянии ума вы можете сидеть рядом с проявленной природой и поклоняться ей. Итак, вы видите, что во тьму входят те, кто погружен в поклонение проявленному, видимому.

Она также говорит и кое-что еще: в еще большую тьму входят те, кто погружены в поклонение эго. Поклонение органам чувств естественно. Это то поклонение, которое практикуют даже животные, но ни одно животное не погружено в поклонение *Карма Упасане*, то есть в удовлетворение своего эго. Это должно быть понятно. Поклонение *Карма Упасане* — это способность, свойственная только человеку.

Предположим, человек стремится к какому-то общественному положению. Нет никакой прямой возможности для удовлетворения любого отдельного органа чувств, добившись определенного общественного положения. Приобретая определенное общественное положение, человек может облегчить себе непрямым образом удовлетворение

определенных органов чувств, но прямой возможности удовлетворения нет. Органы чувств не имеют прямой связи с общественным положением. Желание добиться общественного положения не принадлежит органам чувств, оно принадлежит эго: «Вот я каков». Верно, что общественное положение обеспечивает большие возможности для удовлетворения органов чувств, но это «Вот я каков» имеет нечто свое, что захватывает и доставляет удовольствие. Именно этот интерес — удовлетворение своего эго — и имеется в виду под выражением *Карма Упасана*.

Упанишады говорят, что такой человек движется в еще большую тьму. Он входит в более глубокую тьму, чем та, в которой пребывают животные, ибо проявляемый животными интерес является естественным и физическим. Человек проявляет интерес к еде, это напоминает интерес животных. В определенном смысле человек — животное. Но предположим, что человек проявляет интерес к политике и продолжает добиваться одной должности за другой. Такой человек хуже животного. Его интерес совершенно не естественен, он извращен. Интерес, получаемый от занятия определенной должности, не удовлетворяет какой-либо орган чувств. Это очень неестественный рост. Узел эго внутри продолжает увеличиваться и доставляет человеку удовольствие от ощущения: «Вот кто я такой, а другой — никто». Это интерес к доминированию, удовольствие от господства над другими. Это интерес к держанию других в кулаке. Это удовольствие от держания других за горло.

Поэтому смысл поклонения *Карма Упасане* заключается в различных способах и средствах, предназначенных для удовлетворения эго. Они могут быть направлены на славу, общественное положение, богатство. Действительно, человек получает больше возможностей для удовлетворения мирских желаний, если у него есть деньги. Если же у него денег нет, ему приходится сталкиваться со многими трудностями. Но есть некоторые люди, которые поклоняются деньгам ради самих денег. Они поклоняются им не потому, что могут купить прекрасную женщину или вкусную пищу. Они поклоняются деньгам только из-за убеждения, что они будут кем-то, если у них будут деньги. Их не волнует вопрос покупки чего-либо. Для них это не проблема.

В стремлении к накоплению богатства обычно случается так, что человек утрачивает свою способность наслаждаться удовольствиями, доступными органам чувств. Тогда человеку остается только подсчитывать свои богатства,

проверять свой банковский счет, пока в конце концов это не станет его единственным интересом. Он не спит покойной ночью и не бодрствует по-настоящему днем. Он гоняется за деньгами и сгребает их в кучи. Другой человек гоняется за славой и продолжает преследовать ее все дальше и дальше. Кто-то еще гоняется за знаниями, поставив перед собой цель собрать как можно больше информации. Все огромное переплетение наших действий начинается с вашего желания удовлетворить ваше эго — ваше чувство бытия кем-то.

Осознайте, насколько меньше беспорядка и хаоса в жизни животных, чем в мире человека, ибо все животные — ревностные приверженцы проявленной природы. Они стойкие поборники ее и их невозможно втянуть в какую-либо другую форму поклонения. Они нуждаются в пище, они нуждаются в защите, они нуждаются в удовлетворении своих сексуальных желаний, они нуждаются во сне, и тогда их жизненное путешествие завершено. Животное не хочет ничего сверх этого. В определенном смысле их требования немногочисленны и ограничены. В каком-то смысле они очень умеренны. Их потребности невелики. Они никогда не беспокоятся о чем-то другом, когда удовлетворены требования их органов чувств.

У животных нет желания быть президентом. Поев, животное отдыхает, и даже его потребность в сексуальном удовольствии весьма ограничена и контролируется. За исключением мира человека потребность в сексуальном наслаждении во всем животном мире периодична. Есть период, когда животные нуждаются в сексуальном наслаждении, а по истечении этого периода они теряют все побуждение к сексуальному удовлетворению. Человек — единственное на земле животное, сексуальное побуждение которого всегда активно, двадцать четыре часа в сутки и триста шестьдесят пять дней в году. Нет никакого определенного временного предела его тяги к сексуальному наслаждению, он испытывает эту тягу все время. Жажда сексуального наслаждения заполняет всю его жизнь. Ни одно другое животное не испытывает такой тяги к сексуальному наслаждению. Если животное получает пищу, дело на этом заканчивается. Никаких дальнейших требований. У животных даже нет особого желания собирать пищу на завтра или на послезавтра или на год-два вперед. Если же какое-нибудь животное беспокоится о собирании пищи, то запас делается самое большее на один год, и такие животные редки. Человек — единственное жи-

вотное, которое трудится для того, чтобы запастись не только на всю свою жизнь, но и на существование после смерти, если такое существование вообще есть.

В Древнем Египте, когда человек умирал, египтяне укладывали в могилу вместе с мумифицированным телом все вещи, необходимые для жизни. Укладываемые в могилу вещи соответствовали общественному положению умершего. Если умирал император, вместе с ним хоронили всех его жен, ведь они могли понадобиться ему после смерти. В его могилу укладывали все его богатства, пищу и очень много других вещей. Жен хоронили живыми вместе с умершим мужем, поскольку они могли пригодиться после смерти.

Ни одно животное не беспокоится о том, что будет с ним после смерти. Оно даже не беспокоится о своей жизни. Его виды на будущее очень ограничены. Человек же различными способами делает приготовление к следующему миру — миру иному. Он строит храмы и раздает милостыню, чтобы иметь возможность обрести счастье и в ином мире. Он хочет, чтобы в ином мире было зарегистрировано, что он раздал столько-то милостыни и ожидает награды.

Поклонение только органам чувств грубее и проще. Среди примитивных людей переплетение желания и поклонение *Карма Пракрити* менее изощренное, поэтому в их жизни меньше напряжения. В значительной степени в примитивных обществах, как и среди животных, есть только потребности органов чувств. Поклонения *Карма Пракрити* не существует. По мере того, как человек становится все более и более цивилизованным, повышается ценность удовлетворения эго в ущерб удовлетворению органов чувств. Мы прославляем человека, который приносит потребности своих органов чувств в жертву удовлетворения своего эго.

Человека, который в погоне за общественным положением прекращает заботиться о еде, своей жене и детях, мы называем великим и самоотверженным. Он стремится к некоему общественному положению, он стремится к престижу, а мы говорим: «Посмотрите на этого человека. Как он безразличен к еде, одежде, домашним делам». Но когда вы присмотритесь к тому, что лежит за всей его деятельностью, вы обнаружите, что он приносит потребности своих органов чувств в жертву ради удовлетворения своего эго.

Упанишады говорят, что такой человек движется в великую тьму. По сравнению с таким человеком тот, кто захвачен лишь органами чувств, находится в лучшем положении. Паутина, сеть, в которой он находится, крепко и искусно сплетена, поскольку потребностей у органов

чувств не много. Потребности же эго бесконечны. В органах чувств прекрасно то, что все они имеют мало, очень мало потребностей, это повторяющиеся, но не беспредельные потребности.

Запомните и поймите это. Эти потребности неоднократны, но не беспредельны. Ни одна потребность чувств не беспредельна. Никогда не случается так, что вы продолжаете есть, а чувство голода остается неудовлетворенным. Сегодня вы удовлетворили ваше сексуальное желание, завтра оно появится снова. Но при этом, когда сегодня ваше желание сексуального наслаждения удовлетворено, то совершенно неожиданно вы полностью свободны от этого желания. Сексуальное желание тоже не беспредельно. Оно, безусловно, повторяющееся, но оно также и ограничено.

Эго же беспредельно. Оно не требует повторения, оно требует все большего и большего. Как бы вы ни насыщали и ни удовлетворяли его, оно никогда не насыщается, оно никогда не удовлетворяется. Эго ненасытно. Оно не может быть удовлетворено. Если оно приобретает одно положение, оно тут же начинает кампанию за более высокое положение. Не успеет оно добиться одного положения, как начинает готовиться к более высокому положению. Если вы говорите человеку: «Вас назначали министром», — тогда ему сразу же, той же самой ночью, начинает сниться, что он стал премьер-министром. Он говорит: «Отлично, одно желание осуществилось». Тогда его эго сразу же отправляется в свое следующее путешествие.

Эго не носит повторный характер. Желания, страсти повторны, но поскольку их требования имеют пределы, они успокаиваются, когда их осуществляют. Когда они снова пробуждаются, они повторяют свои требования. Вот почему животные не склонны беспокоиться и, следовательно, никогда не становятся неэротичными. Они никогда не требуют, чтобы их подвергли психическому обследованию, они не нуждаются ни в каком психоанализе. Им не требуется никакого Фрейда, никакого Юнга, никакого Адлера, для животных это ничего не значащие люди. Если вы присмотритесь к животным, вы обнаружите, что они очень спокойны. Если вы посмотрите на тигра после того, как он пообедал, вы найдете его очень спокойным. Ни малейшего беспокойства. Он — убийца, плотоядное животное до мозга костей, но его природа убийцы присутствует только до тех пор, пока он не получил свою пищу. Как только он поел, он абсолютно отказывается от насилия, он становится непоколебимым последователем Махатмы Ганди.

Тогда он остается безразличным к еде, лежащей перед ним. Когда лев отдыхает после обеда, более мелкие животные, которые вполне могли стать его обедом, собираются вокруг него и доедают остатки его обеда. Но тогда он вовсе не стремится убить их. Когда на следующий день он проголодается, он будет готов охотиться и убивать, но до тех пор с убийством покончено. С голодом же человеческого эго никогда не бывает покончено. Наоборот, он продолжает увеличиваться по мере того, как вы продолжаете удовлетворять его.

Уясните себе это различие между органами чувств и эго. Удовлетворяйте органы чувств, и они скоро будут насыщены. Они проголодаются снова и тогда их снова можно будет насытить. Но эго никогда не насыщается, оно никогда не бывает удовлетворено. Но по мере того, как вы насыщаете его, оно растет. Когда вы бросаете жир в огонь, чтобы погасить его, вместо того, чтобы погаснуть, огонь увеличивается. Таким же образом все, что бросается эго для его удовлетворения, помогает ему расти. Внезапно оно выбрасывает языки пламени и поднимается все выше и выше. Итак, все, что предлагается эго, лишь помогает ему расти. Поэтому, как только человек попадает в тиски эго, он оказывается так запутан в беспокойстве, заботах, напряжениях, тревогах, как это никогда не может случиться с животными.

Сегодня на Западе разворачивается огромное движение за возврат к органам чувств. Юноши и девушки, которых мы называет хиппи, битниками или выпавшими из общества, являются проводниками этого великого движения. Эта тяга к возврату к органам чувств. Они говорят: «Нам не надо вашего образования, ваших ученых степеней, ваших должностей, вашего богатства, ваших автомобилей и ваших великолепных зданий. Для нас достаточно еды, любви и секса. Нам не нужны все эти ваши вещи». И я считаю, что это величайшее событие. В истории человечества никогда не было такого движения в таком широком масштабе, когда люди сказали: «Мы с готовностью отдаем природе органов чувств, проявленной природе органов чувств, желаниям и страстям. Вот все, что нам надо, большего мы не желаем».

Это показывает, что сеть действий, мотивированных эго, стала настолько опасной, что человек хочет освободиться от нее и готов быть подобным животным. Но, даже став подобным животному, человек не может быть свобод-

ным от эго. Быть свободным от эго он может только став Богом. Втянувшись в преследование наслаждения от органов чувств, он получит некоторое облегчение, но сеть действий появится снова. Две тысячи лет назад человек жил органами чувств, но из тех обстоятельств возникло эго. Если сегодня мы вернемся к ним снова, то завтра эго, безусловно, возникнет снова.

Эта сутра говорит о том, что те, кто погружаются в поклонение проявленной природе, блуждают во тьме, но в еще большей тьме блуждают те, кто поглощены удовлетворением своих эго. Тогда кто же может выйти из тьмы? Кто они?

Наблюдаются два типа поклонения. Есть люди, поклоняющиеся органам чувств, и люди, поклоняющиеся эго; и обычно поклоняющиеся эго бывают против поклонения органам чувств. Предположим, некий человек предался отречению. Если мы сможем тщательно исследовать состояние эго ума, если мы сможем подвергнуть эго ум исследовательской операции, мы увидим, что секрет эго отречения заключается во тьме, что оно удовлетворяет эго эго. Он соблюдал пост на протяжении тридцати дней, поэтому жители его города с большой шумихой оказывают ему почести, в его честь устраивается большое торжество. Он оказался способным выдержать тридцатидневный пост.

Мы объявляем, что это акт великого самоотречения. Голодать тридцать дней — это не шуточное дело. Да, это не шуточное дело. Но это, безусловно, было бы шуточным делом, если бы эго было удовлетворено. Если бы эго эго получало удовлетворение от этого, человек голодал бы не тридцать дней, а тридцать лет. Эго убедит любой орган чувств предаться самоотречению. Мы давно знаем этот секрет, этот трюк, поэтому, если мы хотим, чтобы кто-то предался самоотречению, мы начинаем ублажать эго эго.

Человечество знакомо с этим приемом. Вот почему мы почитаем людей, предающихся самоотречению. Никто не будет готов к самоотречению, если ему не оказывать почести. Человек, который действительно предается самоотречению, не ожидает почестей и уважения за свое самоотречение. Если убрать почитание, если вы прекратите почитание, вы увидите, что из ста человек, предающихся самоотречению, девяносто девять оставят это дело. Если вы хотите узнать правду об этой практике, просто лишите таких людей вашего почитания.

Посмотрите, что происходит. Человек принимает пищу только один раз в день, поэтому люди припадают к его

ногам и кланяются ему. Они дали эго столько пищи, что эго этого достаточно. Он легко может обойтись без второго приема пищи. Его тело будет страдать, но эго эго будет жиреть. Таким образом людей можно заставлять делать что угодно ради этого поклонения эго, и почти все было опробовано для того, чтобы побудить людей к отречению ради удовлетворения своих эго. За долгую историю человечества мы нашли тысячи приемов заставлять человека делать что угодно ради удовлетворения своих эго. В средневековой Европе было великое движение святых людей, которые занимались самобичеванием. Эти люди питали свое эго пропорционально количеству ударов, которые они наносили себе плетью, ведь они подвергали свои тела таким сильным мучениям. Некоторые из них были экстраординарными людьми. Вся их заслуга заключалась в том, что они терзали свою плоть и обливались кровью. Их слава распространялась от одного города к другому. Люди сообщали: «Этот флагеллент наносит себе пятьдесят ударов плетью, а тот — сто ударов», — и так далее. Это было их единственным притязанием на славу, у них не было никакой другой заслуги. Но только благодаря этому они вызывали огромное уважение. Некоторые из них стали великими специалистами по самобичеванию. Сейчас вы удивляетесь и говорите: «Что это за безумие? На каком основании они уважали человека, у которого не было никакой другой заслуги, кроме той, что он хлестал себя плетью?» Но если вы подумаете немного о наших святых людях, вы узнаете это основание. Какой-нибудь *саду* странствует пешком, он никогда не пользуется каким-нибудь транспортным средством, и это эго отличие, эго признак, вызывающий почитание. Другой *саду* дает обет принимать пищу только раз в день. Какой-нибудь другой *саду* дает обет никогда не прикасаться к женщине. Еще один всегда остается обнаженным.

Являются ли эти отличительные признаки заслугой? В них же нет ничего особенного. Тогда в чем же секрет? Вы можете странствовать пешком сколько угодно. В конце концов, передвигаются же животные на собственных ногах. Нет, люди, почитающие *саду* за то, что тот ходит пешком, — это те люди, которые больше не способны делать нечто столь естественное. Владелец автомобиля низко склоняется перед человеком, который ходит пешком. Он чувствует себя незначительным по сравнению с этим человеком, который повсюду ходит только пешком, человеком, который полностью разбивает ваше эго владельца и

водителя автомобиля. Вы можете ездить в автомобиле, но вам приходится припадать к ногам того, кто всегда ходит пешком.

Может быть, этот странствующий пешком *саду* не в состоянии купить себе автомобиль. Ему довольно трудно стать владельцем автомобиля, но он может ходить пешком. Перед ним открыты два пути для того, чтобы нанести удар вашему эго. Он может либо купить автомобиль, более дорогой, чем ваш, что для него исключено, либо он может ходить пешком, что так легко. Поэтому он подрывает ваше эго своей ходьбой. Таким образом он поддерживает свое эго. Но какая заслуга в ходьбе? Какая трансформация случилась с этим человеком, предпочитающим ходить пешком? Тем не менее мы превозносим его. Мы почитаем его потому, что чувствуем, что он делает то, что нам кажется слишком трудным. Поэтому мы думаем, что он совершает великий акт самоотречения, и почитаем его.

В погоне за почестями человек готов обойти пешком вокруг света. А почему пешком? Ведь можно совершить кругосветное путешествие, перекатываясь по земле, и заслужить почет и уважение. И есть люди, которые делают это. Они катятся по земле, совершая паломничество в Кашми, и сотни людей следуют за ними пешком, ведь те стали достаточно знамениты благодаря такому способу передвижения. Нет никакой нужды спрашивать, есть ли в этом какая-нибудь ценность, кроме этого почитания. Обычно люди, практикующие самоотречение, продолжают усиливать свой эго, принося в жертву физический комфорт своих органов чувств.

Отрекшись от себя я называю человека, который освобождается от привязанности к своим органам чувств и не заинтересован в удовлетворении своего эго. Это настоящее отречение, в противном случае во всей этой экзгибиционистской деятельности нет никакого смысла. Упанишады говорят о людях, которые отрекаются от того и от другого. Такие люди не погружены ни в поклонение проявленной природе, ни в поклонение эго. Упанишады говорят о людях, которые не заинтересованы ни в том, ни в другом.

Запомните, поклонение органам чувств вполне очевидно, а поклонение эго очень изощренно. Поэтому часто бывает трудно обнаружить поклонение эго. Когда человек проявляет большой интерес к еде, тут все ясно. А в чем интерес человека, который надевает красивую одежду и идет на прогулку по городу? Разве не желает, чтобы люди в городе увидели его красивую одежду, узнали, что у него

есть такая одежда, и считали его кем-то? Каково желание женщины, появляющейся на людях в норковом жакете, стоящем пару тысяч долларов? Оно не связано с той пользой, которой должен обладать жакет. Сумма в две тысячи долларов не имеет ни малейшего отношения к жакету. Все было бы в порядке и с жакетом стоимостью сорок или пятьдесят долларов. Так какой же смысл в обладании жакетом стоимостью две тысячи долларов?

Вполне очевидно, что в этом нет никакого другого смысла, кроме разжигания огня зависти в глазах других женщин. Перед таким жакетом становятся очевидными беспомощность и неполноценность других женщин. Вот в чем настоящая заинтересованность, и ее можно обнаружить без особого труда. Мы сразу же понимаем, в чем тут дело, когда женщина надевает жакет стоимостью две тысячи долларов. Но какова цель человека, стоящего голым на рыночной площади? Разве его интерес тоже не в том, чтобы люди увидели его, что он кто-то? Тогда нет никакой разницы между норковым жакетом и обнаженностью. Или, мы можем сказать, что для покупки норкового жакета надо долго и упорно трудиться, чтобы заработать две тысячи долларов, тогда как пребывание голым на рынке доставляет то же удовольствие эго, которое получают от норкового жакета, причем, это гораздо легче. Нет нужды зарабатывать две тысячи долларов.

Поклонение органам чувств — дело простое, не изощренное, поэтому оно зримо и очевидно. Тогда как поклонение эго продолжает становиться все более и более изощренным. Но будьте бдительны к самому себе. Не беспокойтесь о том, что делает другой человек и почему он так поступает. Если человек стоит голым на рынке, вы не сможете узнать, почему он так поступает. Все это дело настолько тонкое, что следует считать, что тут все в порядке, если человек сам понимает свой поступок. Вполне возможно, что его обнаженность — истинная невинность. Если Махавира ходит голым, то он, безусловно, не использует норковый жакет, ибо у него было много таких одежд. Махавира владел многими дорогими одеждами. У него были материальные средства для того, чтобы быть кем-то. Поэтому для человека, подобного Махавиру, почти невозможно приносить дань своему эго посредством пребывания голым, но мы не можем судить даже об этом действии Махавиры по внешним признакам, лучше всего оставить решение за Махавирой. Если ваш сосед ходит голым, вы не можете узнать, почему он ходит голым. Пусть он сам вы-

яснит это. Пусть он сам ищет причину, ибо это очень тонкий и глубокий феномен.

Мы должны двигаться наружу, если мы хотим удовлетворить потребности органов чувств. Нам не обязательно двигаться наружу, если мы хотим удовлетворить наше эго. Его можно удовлетворять изнутри тоже. Я слышал, что в одном, очень отдаленном лесу жил в одиночестве некий *саду*. Он никого не принимал себе в ученики. Один странствующий монах, проходя мимо его жилища, сказал: «Ты очень скромн и неприязнителен. Ты никого не принял себе в ученики, хотя ты такой великий и мудрый человек. Ты не был ничьим гуру. Я же иду к другому *саду*, у которого есть тысяча учеников». Святой человек улыбнулся и сказал: «Как ты можешь сравнитъ его со мной? Я полностью уединился. У меня нет никаких привязанностей. У меня нет даже желания сделать кого-нибудь моим учеником. Я не желаю вынашивать никакого эго в себе, поэтому я не вынашиваю эго становления гуру. Я абсолютно лишен эго».

Странствующий монах сказал ему: «Мне уже доводилось видеть одного *саду*, настолько же лишенного эго, как ты». Услышав это, *саду* изменился в лице, и его улыбка исчезла. Он увидел соперника перед собой, и его эго начало его тревожить. В начале он был доволен: ведь его эго не был брошен вызов тем *саду*, о котором говорил странствующий монах. Наоборот, его эго раздулось от удовлетворения. Но заявление монаха: «Мне уже доводилось видеть одного *саду*, настолько же лишенного эго, как ты», — встревожило его, он был расстроен. Ум становится очень несчастным, услышав: «Существует еще некто, подобный тебе». Тот уединенный *саду* вынашивал свое эго даже в том безлюдном месте, питая его чувством: «Я живу уединенной жизнью и никого не принял себе в ученики».

Один питает свое эго чувством: «У меня много учеников», — тогда как другой кормит свое эго гордостью, что у него нет ни одного ученика. Один говорит: «Нет никого, более великого, чем я», — а другой говорит: «Я бедный, скромный человек — прах под вашими ногами». Вот что он имеет в виду: «Нет более великого праха, чем я. Не говорите о прахе, превосходящем меня. Я — последний и наилучший».

Нет никакой разницы в том, какой способ вы выбираете для питания эго. Но чтобы понять эту работу ума, вам придется войти глубоко внутрь себя. Итак, заявляет мудрец, только тот входит в свет, кто освобождается от обоих видов

поклонения — поклонения органам чувств и поклонения эго. Он должен освободиться и от поклонения тонкому эго.

Упанишады высказываются по очень глубокому вопросу, когда они заявляют, что поклонение органам чувств не ведет нас в глубокую тьму. Ибо абсолютным фактом является то, что органы чувств даны вам. Они — природа, вы их не создали, а вот эго — ваше изобретение, эго есть нечто выработанное. А органы чувств вы принесли с собой, когда появились на свет.

В один прекрасный день вы можете потерять интерес ко вкусу и запаху пищи, но вы никогда не будете свободны от голода. Это будет оставаться, пока вы не умрете. Вы пришли в этот мир с органами чувств и насколько бы вы ни освободились от ощущений, вы не можете быть свободным от их нужд. Вы можете стать свободным от безумия органов чувств, но не от их нужд. Ни Махавира, ни Будда, ни кто-либо другой не может быть свободным от них. Вы должны принимать пищу, это неизбежная часть жизни.

Вот что возможно для того, кто свободен от поклонения органам чувств, — он прекращает быть сдерживаемым ими. Вот что случается: он не увеличивает свои желания, он сохраняет их на минимуме, то есть он останавливается, когда нужда удовлетворена; если его тело нуждается в двух кусках хлеба, он съедает только два куска. Он не увеличивает свои требования. Если его тело может быть укрыто одним предметом одежды, он удовлетворится только одним предметом одежды. У него нет желания украшать себя. Если коттедж обеспечивает нужный ему отдых и защиту, ему будет достаточно коттеджа, он не потребует себе дворец.

Каждый должен решить для себя характер своих основных нужд. Они бывают разными у разных людей; одному человеку нужно два куска хлеба, другому нужно пять. Для первого пятый кусок хлеба будет потворством. Поэтому не стремитесь следовать примеру других. Каждый должен искать внутри себя самого. И просто указание, которому надо следовать, заключается в том, что удовлетворение основных нужд органов чувств никогда не создает в человеке беспокойства. Но как только человек выходит за пределы основных нужд своего тела и выдвигает непомерные требования, так его начинают одолевать беспокойства.

Итак, рассматривайте беспокойства как индикатор. Как только у вас появляется беспокойство, сразу же примите к сведению, что вы требуете больше, чем нужно, ибо именно желание несущественного создает беспокойство. Нужды вообще не создают беспокойства. Все несущественное, без

чего мы можем обойтись, но не хотим, является причиной наших забот и беспокойств. Поэтому, когда ум становится обеспокоенным, замечайте, как вы были заняты удовлетворением требований, которые выходят за пределы нужд органов чувств.

Беспокойство симптоматично, оно является осведомителем. Например, вы голодны и начинаете есть. Когда вы узнаете, что едите лишнее? Как только вы почувствуете, что желудок становится тяжелым, не доставляя чувство удовлетворения, а, наоборот, причиняя беспокойство, тогда вы должны осознать, что вы вышли за пределы нужды вашего тела. Желудок забеспокоился.

Я привел это в качестве примера. Подобным же образом каждый орган расстраивается, когда он получает больше, чем необходимо. Он остается невозмутимым, спокойным и удовлетворенным, если он получает согласно его нужде. Как только он получает больше, чем необходимо, он становится возбужденным, более раздраженным и растревоженным. Мы становимся очень довольными, когда наш голод удовлетворен, но есть больше, чем нужно, — значит приглашать болезнь. Как сказал кто-то, половина того, что мы съедаем, заполняет наш желудок, а другая половина провоцирует заболевание. Оставаясь немного голодным, человек сохраняет бдительность и активность, а переедание вызывает оупление. На едока нисходит своего рода помрачение.

Каждый должен решить для себя, что необходимо, согласно своей собственной органической структуре. Органы чувств очень быстры в подаче предупреждения о надвигающихся бедах и заболеваниях. Органы чувств очень чутко реагируют и быстро предупреждают вас о том, что вы выходите за пределы ваших нужд. Отвергайте излишнее. Отвергайте то, без чего можно обойтись.

Тогда органы чувств сопровождают вас до конца вашей жизни. Ваша жизнь катится на колесах органов чувств. А это не есть нечто неотъемлемое. Оно есть ваше творение, и мы, без сомнения, можем жить без него — свободными от эго. Эго ведет нас в еще большую тьму, ибо оно создается человеком. Оно абсолютно несущественно. В органах чувств есть нечто необходимое, к которому мы добавляем нечто несущественное, и в этом ваша беда. Эго совершенно несущественно, поэтому оно ведет нас в великую тьму, тогда как органы чувств ведут нас во тьму под воздействием сущностного. Дело в том, что человек живет глубоко, только если он не занят необходимостью покорять эго. Тот, кто

живет в эго, живет никчемной, поверхностной жизнью, ибо наше эго не позволяет человеку идти глубоко внутрь. Оно удерживает вас на поверхности. Почему? Это тоже должно быть правильно понято.

Эго никогда нельзя создать без присутствия другого, оно зависит от другого. Мы всегда пребываем в страхе перед другим, потому что удовлетворение нашего эго находится в руках другого, и он в любое время может убрать свои руки.

Предположим, А приветствует Б сегодня утром, а на следующее утро не делает этого. Стена эго Б обрушивается, эго эго задето, эго ум становится взволнованным, и он озабочен тем, что же ему теперь делать. Предположим, знакомые решают забыть о нем. Он выходит на прогулку, а они не признают его, они не обращают внимания на его присутствие. Тогда Б все равно, что мертв. Эго находит свой интерес и удовольствие в глазах других, а глаза других отвращаются от него.

Тот, кто находит удовольствие в глазах других, не может идти глубоко внутрь самого себя. Он не может жить на более глубоком уровне. Он живет лишь во внешних оболочках и покровах. Только тот может войти в глубину жизни, кто входит в душу, и только тот может войти в душу, кто забывает об эго. Он должен забыть о глазах других и начать двигаться внутрь своих собственных глаз. Пусть он увидит самого себя. Он должен прекратить беспокоиться о том, как другие смотрят на него. Пусть он прекратит думать о том, какое мнение другие имеют о нем и что они говорят о нем. В его уме должен быть только один вопрос: «Кто я?» А вопрос: «Что другие говорят обо мне?» — абсолютно бессмыслен. Какое вам дело до других? Одобрение вас другими ничего не даст. В жизни бесполезно добиваться одобрения себя другими.

Вот что я слышал: иудейский святой по имени Иосия был на смертном одре, и городской раввин пришел к нему, чтобы в последний раз помолиться за него. Он попросил святого вспомнить пророка Моисея, поскольку он должен был предстать перед Богом.

Умиравший святой открыл глаза и сказал: «Не проси меня вспоминать Моисея, ведь когда я предстану перед Богом, Он не спросит меня, почему я не стал подобным Моисею. Он спросит меня, почему я стал Иосией. Он, несомненно, не спросит меня о Моисее. Он спросит: «Почему ты не стал тем, для чего Я послал тебя в мир?» Он спросит меня: «Почему ты не стал цветком того потенциального семени, с которым Я послал тебя в мир?» Поэтому,

пожалуйста, не проси меня помнить о Моисее сейчас. Сейчас вопрос стоит обо мне».

Услышав это, раввин сказал: «Не порть свою репутацию на смертной одре. Вокруг стоят люди и они могут услышать то, что ты говоришь о Моисее». Святой снова открыл глаза и сказал: «Я прожил с этим безумцем всю мою жизнь, позвольте мне быть свободным от него при моем последнем издыхании. Не беспокойтесь о тех, кто стоит вокруг меня. Через мгновение я буду свободен от них. Они не будут моими свидетелями. Бог не спросит их мнения обо мне. Бог увидит меня таким, какой я есть, поэтому позволь мне поспокоиться о себе самом».

На самом деле это всегда беспокоится: «Что обо мне говорят другие?» Оно так беспокоится о том, какие оценки дадут ему другие. А душа — это мое переживание того, *что я такое*. Ей нет дела до того, что говорят другие. Другие могут ошибаться, но они могут быть и правы — они знают, что говорят.

Отбросить поклонение органам чувств — значит остановиться на точке необходимости, а отбросить поклонение это — значит дойти до нулевой точки. Если оба эти условия выполнены, тогда человек не сидит ни рядом с органами чувств, ни рядом с эго. Он сидит рядом с душой — *атманом*. Тогда начинается вопрос сидения рядом — сидения рядом с Богом. На самом деле неправильно говорить о бытии рядом с Богом, ибо быть рядом с Богом — значит быть единым с Богом. Тогда мы теряем нашу личность. С Богом мы не можем быть другим. Пока мы погружены в поклонение органам чувств и эго, мы очень далеки от Бога. Чтобы быть рядом с Ним, чтобы быть единым с Ним, надо только одно: как только вы отбросите эти две религии, вы будете едины с Ним.

Вот с чем это можно сравнить: если человек прежде, чем совершить прыжок с крыши, спрашивает: «Я собираюсь спрыгнуть на землю, но что я должен делать, чтобы достичь земли?» — мы говорим ему: «Ты просто прыгай. Остальное сделает земля, тебе больше ничего не надо делать». Будет достаточно, если человек совершит прыжок с крыши органов чувств и эго, остальное будет сделано Богом. Тогда вы не подходите к Богу, вы идете в Него. Его притягательная сила огромна.

В нашей стране мы называли Кришной совершенное воплощение Бога. Слово «Кришна» означает «притяжение» — тот, кто притягивает, привлекает к себе других. Сила притяжения земли очень велика. Но вы можете удерживать

себя от притяжения к земле. Даже маленькая травинка может противостоять этому мощному притяжению земли. Она может сопротивляться ему.

Если вы крепко держитесь за что-то, тогда гравитация земли не сможет притянуть вас. Если вы прекращаете цепляться, если ваши руки свободны, ни за что не хватаются, тогда земля сразу же притянет вас к себе. Как бы далеко вы ни были, она притянет вас. Но когда вы уцепитесь за что-то, она не притянет вас к себе, даже если вы находитесь очень близко к ней.

Бог притягивает к Себе того человека, который перестал цепляться за органы чувств и эго. Такой человек входит в Свет.

Было указано, что плоды,
 получаемые благодаря поклонению
 проявленному Брахме,
 отличны от плодов,
 получаемых благодаря поклонению
 непроявленному Брахме.
 Мы слышали это от тех
 мудрых людей,
 которые познали и объяснили
 нам это.

СЕМЯ И ДЕРЕВО

Упанишады говорят о двух формах *Брахмы*, верховного элемента. Формы две, элемент один. Но было бы лучше сказать, есть два вида знающих людей, тогда как элемент один. Одна форма — это непроявленная, первоначальная форма *Брахмы*, другая — проявленная форма *Брахмы*. Семя есть причина, дерево есть действие, следствие. Все скрыто в семени, все проявлено в дереве. Итак, есть *Брахма-семя*, которое мы нигде невидимо. То, что видимо, есть *Брахма-дерево*, не *Брахма-семя*. Мы видим то, что стало проявленным, а то, что скрыто, не проявлено, для нас невидимо. Поклоняться можно как непроявленному, так и проявленному *Брахме*, и самыми разными и многочисленными формами и способами. Результаты этих двух видов поклонения совершенно различны.

Поклонение богам было весьма популярно, когда пелись Упанишады. Необходимо хорошо уяснить, что такое *боги*. В богах есть чистейшее проявление следствий Бога, непроявленного *Брахмы*. Даже камень есть, таким образом, проявление. Мы называем Богом того, в ком сияет непроявленное, хотя сам он проявлен. Мы называем таких людей воплощениями Бога, или *тиртханкарами*, или сынами Божьими, например, Иисус, Мухаммед, Махавира, Кришна и Рама. Такие личности стоят в дверях. Они проявлены и видны как с наружной стороны двери, так и изнутри. Так и изнутри. Спереди их лица ясно видны. Их лица очень похожи на наши, и все же не такие, как наши. В них видна некая искра непроявленного элемента, некое сияние скрытого *Брахмы-семени*. Из всей их мирской деятельности в жизни до нас доходит отблеск непроявленного. Все такие личности божественны. Слово «божественное» означает то, что видимо, и вместе с тем отбрасывает отблеск непроявленного.

Упанишады утверждают, что поклонение и почитание таких божественных личностей, молитвы, возносимые им, приносят плоды, ибо в этих личностях есть нечто, выходящее за пределы видимого. Для человека, созерцающего их в великой медитации, видимая форма исчезает, а невидимая форма остается. В результате этого возникает трудность. Предположим, Рама стоит перед своим учеником, ученик будет видеть его не как человеческое существо, ибо Рама становится настолько единым с

непроявленным, что видимая форма исчезает. Черты Рамы исчезают, и только *Брахма* — верховное — остается. Поэтому, когда ученик Рамы повторяет его имя, «Рама-Джана», ему совершенно нет дела до того человека, который был сыном Царя Дашаратхи. Тогда ученик созерцает только *Брахму-семя*.

Но тот, кто не является учеником Рамы, не видит ту часть Рамы, которая непроявлена. *Брахма-семя* невидим, он видит только ту часть, которая приняла физическое тело. Видим лишь сын Дашаратхи, или супруг Ситы, или враг кого-то. Видима лишь проявленная часть. Поэтому, когда истинный ученик говорит о Раме, и другой, так называемый ученик говорит о Раме, они говорят о двух разных существах. В их разговоре нет никакого ритма или гармонии. Между ними не может быть никакого общения. Они не понимают друг друга, ибо они говорят о двух отдельных частях одной и той же личности.

Эта сутра Упанишады говорит, что поклонение, сидение рядом с проявленной формой *Брахмы*, в которой также виден некий отблеск непроявленной формы, приносит свои плоды. Они будут приятны и будут доставлять наслаждение. Было бы лучше сказать, что они будут подобны райским плодам. Они дадут утешение и удовольствие, но они не дадут просветление. Вот почему для описания плодов мы используем три слова: одно из них — «рай», другое — «ад», а третье — «просветление». *Сидя рядом*, то есть поклоняться богам, человек может достичь рая. Человек может испытывать райское удовольствие и счастье, но не может возвыситься до просветления, не может возвыситься до блаженства.

В чем разница между счастьем и блаженством? Каким бы глубоким и большим ни было счастье, оно, безусловно, уйдет. Каким бы продолжительным оно ни было, оно, безусловно, придет к концу. Итак, полностью уясните себе это различие. Просветление — блаженство начинается, но не имеет конца. Рай — счастье начинается, но кончается тоже. Ад не имеет начала, он имеет лишь конец. Позвольте мне повторить, чтобы вы полностью уловили это. У ада нет начала — у страдания нет начала. Счастья может не быть, но оно может начаться. У ада нет начала, но он может быть прекращен. У рая есть начало и конец тоже есть. Он начнется и он закончится тоже. У просветления есть только начало и никакого конца. Раз начавшись, оно бесконечно.

Где бы в видимом, проявленном *Брахме* ни появилось божественное пламя, поклонение и молитвы ему могут привести человека в рай, к счастью. Поэтому те, кто желают

счастья, погружаются в поклонение богам, жаждущие просветления не столь поглощены поклонением богам. Они отворачиваются от богов. Они не молят о счастье, ибо счастье никогда не может занять место просветления. Счастье, хотя и доставляет наслаждение, всегда будет рабством, а жаждущие просветления хотят достичь высшей формы освобождения. Они стремятся к высшему блаженству, у которого нет пределов. Они жаждут того нектара, который неистощим. Они хотят достичь той точки, за которой нет возврата, того места, где уже ничего не надо искать.

Те, кто стремятся к той точке, за которой нет никакого дальнейшего путешествия, должны будут отправиться на поиски *Брахмы-семени*. Они должны будут отправиться на поиски непроявленного *Брахмы*, а не проявленного *Брахмы*. Они будут просветлены благодаря своей преданности, достигнув *Брахмы*; они достигнут высшего освобождения.

Результаты этих двух видов поклонения четко различаются, и великая красота Упанишад заключается в том, что они не отвергают ни один из них. Результаты, плоды двух видов поклонения четко обусловлены. Упанишады не отвергают ни один из них, не говорят, что те, кто хотят поклоняться богам, должны делать это с пониманием, что это путешествие к счастью и не дальше.

В последней части сутры заявляется: «Мы получили это от тех, которые познали». Здесь есть нечто важное, что нужно запомнить. Знание бесконечно. Сколько бы знания я ни накапливал, оно всегда будет неполным. Вот с чем это можно сравнить. С берега я опускаюсь глубоко в океан. Но даже если я измерю его глубину, я никогда не смогу узнать весь океан. Может быть, океан и познал меня полностью, но я не могу познать океан. Есть и другие берега, а на них бессмысленные странники. Бесчисленные пилигримы входили в океан из множества мест, и было бы хорошо, если бы мое знание и их знания были собраны и слиты воедино, насколько это возможно.

Вот почему мудрецы Упанишад всегда заявляют, что то, что они говорят, они собрали у тех, которые познали. Они сливают свое знание с тем безграничным запасом знания. Они говорят: «Мы слышали это от тех, которые познали. Зачем же нам говорить о нашем маленьком знании? Мы бросим наше маленькое знание в тот огромный безграничный запас знания, собранный от бесчисленных людей». Зачем им говорить о своем знании отдельно? Им было бы стыдно говорить о нем. Они даже не упоминали о нем. Они говорят о знании, как будто сами они не приобрели его. За-

няв скромную позицию, они говорят: «*Мы слышали от тех, кто познали*».

Есть бесчисленные люди, бесчисленные Божьи души, и они приходят с бесчисленных берегов. *Тиртха* значит берег. Поэтому джайны называют таких людей *тиртханкарами*. Слово *тиртханкар* означает того, кто работает на берегу, помогая мореплавателям отчалить и выйти в море. Но поскольку океан безграничен, его береговая линия бесконечна. Поскольку океан безграничен, есть бесчисленные *тиртханкары*. Мы не знаем их всех. Если оглянуться в прошлое, то мы ничего не знаем о тех мудрецах, которые были до Вед. Ссылки делаются только на ведических, постведических мудрецов.

Дело не в том, что истина не была известна тем, кто жили до ведических мудрецов, ибо ведические мудрецы сами часто говорят: «Мы слышали это от тех, которые познали». Упанишады — это наши самые древние писания, записанные и составленные теми, которые познали. Но Упанишады постоянно заявляют: «Мы слышали это от тех, которые познали». Суть этого заявления в том, что истина была известна всегда, с незапамятных времен. И она была познана столь многими, в таком количестве и столь бесконечно разнообразными способами, что я не могу говорить о моем маленьком знании. Я добавляю нечто к огромному запасу. Поэтому мудрец говорит: «Я говорю то, что было сказано теми, которые познали это».

В этом вопросе надо запомнить еще одну вещь: те древние мудрецы, которые познали, никогда не стремились к оригинальности. Они не жаждали быть оригинальными. Никто никогда не говорил: «То, что я говорю, есть оригинальная истина, лишь я впервые провозглашаю это, и никто до меня никогда не говорил этого». В наш век есть огромное различие в отношении к этому. Сегодня каждый хочет претендовать на то, что то, что он говорит, никогда не высказывалось до него, на то, что он оригинален. Что же это значит? Значит ли это, что древние мудрецы были оригинальны? Оригинальны ли современные люди? Нет, на самом деле все как раз наоборот. Древние люди были столь несомневающимися, столь уверенными в себе, что им не было никакой нужды заявлять о своей оригинальности. Тогда как сегодня люди столь сомневаются в своей оригинальности, так беспокоятся о ней, что им остается только заявлять о своей оригинальности. Современный человек всегда боится, что кто-нибудь может сказать: «Ты думаешь, что говоришь что-то новое? В том, что ты говоришь,

для людей нет ничего нового». Это просто показывает, что современный человек не понимает истинного значения слова «оригинальный». Правильное значение слова «оригинальный» — не «новый», а «из источника». «Оригинальный» не значит «беспрецедентный». Это слово значит «из источника». Оригинальный тот, кто знает корень, и его знали многие люди. Поэтому это слово не относится к чему-то новому. Но нынешние люди во всем мире ищут чего-то нового. Каждый настаивает на том, что он говорит нечто новое, если есть страх, что в его знании нет ничего особенного, если оно уже известно другим. И интересно то, что в этом мире есть только одна особенная характеристика. В этой связи я вспоминаю строку из молитвенной песни мистика Якоба Беме: «Единственная необыкновенная вещь — это быть обыкновенным».

Эти мудрецы, которые вместо притязания на знание заявляют, что они услышали это от тех, которые познали, они необыкновенны. Они, должно быть, были очень необычными людьми, ибо они готовы быть обычными. На самом же деле обычным человеком является тот, кто вынашивает даже малейшее представление о своей необычности. У всех обычных людей есть такое представление. Даже самый обычный человек верит, что он необыкновенный. Это очень широко распространенное мнение. Так кого же мы называем необыкновенным? Необыкновенным человеком мы называем того, кто даже не знает, что он необыкновенный. Тот, кто настолько скромен, является необыкновенным.

Это заявление мудрецов, безусловно, необыкновенно. Когда люди, которые знают так много и так глубоко, говорят: «*Мы это слышали...*» — тогда такие люди должны быть выдающимися, необыкновенными. Они, должно быть, были подобны нулю — ничто. Они, должно быть, были крайне скромны, они не выдвигают никаких притязаний — ни на истину, ни на путь к ней, и в заявлениях тех, кто ни на что не претендует, есть вескость. Вот почему они часто повторяют, из сутры в сутру, что слышали это от тех, которые познали. Такая установка на устранение себя самого, на полное уничтожение себя самого, на стирание своего присутствия, на представление себя самого, как бы несуществующим, связана с глубочайшим корневым истоком жизни, с чистым существованием — оно за пределами ума, за пределами воображения и чувств. Оно трансцендентально.

На сегодня достаточно. Мы снова встретимся завтра. Теперь давайте отправимся к корню, давайте отправимся к

трансцендентальному. Я сообщу вам несколько вещей о медитации, о которых я только что вспомнил. Около девяноста процентов из вас работают так хорошо и так сильно прогрессируют, что я безмерно доволен ими, но мне жаль остальные десять процентов. Не оставайтесь в вашем жалком положении, не будьте одним из этой десятипроцентной группы. Не растрчивайте попусту ваши ценные дары.

Еще одно указание в отношении послеполуденной медитации. Некоторые из вас сидят здесь без повязки на глазах. Вы не извлечете из этого никакой пользы. Никто не должен сидеть здесь без повязки на глазах. И вот что еще надо помнить: будьте внимательны к себе самому, не беспокойтесь о других. Те, кто ничего не делают, начнут беспокоиться о других, ибо они не заняты. Поэтому не сидите без дела. Будьте радостны, танцуйте и смейтесь.

Вчера я был очень рад. Вчера была великая беспечность, вы были совсем, как дети. Один пожилой человек кричал, как ребенок. Он был очень невинен. Он кричал: «На, на, на». Будьте беспечны, как дети. Вчера было великое празднование. Оно должно все время возрастать. Оно будет продолжать возрастать по мере того, как медитация будет становиться все глубже и глубже. Если пожилой человек становится подобным ребенку, это значит, что он достиг медитации. Это все, что я хотел сказать о послеполуденной медитации. Я полностью доволен утренней медитацией. Она идет хорошо.

Теперь я должен дать одно указание относительно вечерней медитации. Для организации этого дела были выделены двое—трое друзей. Но остальные, которые вмешались в организационные дела, создали большую путаницу. Здесь не нужны самозванные организаторы. Вы здесь для того, чтобы медитировать, а не организовывать что-то. На самом деле в организационные хлопоты вмешались именно те, кто сидят без дела. Они подумали: «Давайте займемся администрированием». Те два или три человека, которым поручена административная сторона дела, выполняют свою работу. Остальные не должны беспокоиться об этом. Мне было очень жаль сидевших за помостом, поскольку они не могли медитировать должным образом. Они тревожились из-за наседавших людей. Какая разница, если кто-то налетит на меня? Никакой разницы нет. Те, кто пребывают в медитации, не потеряли свое сознание, они полностью бдительны. Не начинайте думать о том, что кто-то может налететь на меня или атаковать меня. Они все в полном сознании. Они любят меня так же сильно, как любят

меня организаторы. Поэтому не беспокойтесь обо всем этом. Они сильно волновались, когда не могли больше меня видеть. Именно тогда и началось волнение, ведь эта медитация полностью зависит от того, чтобы меня было видно. Итак, мое указание относительно сегодняшней вечерней медитации таково: все, кто будет стоять, должны находиться в зале, а те, кто практикуют медитацию в сидящем положении, должны сидеть перед ними. Это единственная требуемая мера.

Вчера случился еще один нежелательный инцидент. Много людей со стороны силой вторглись на место нашей встречи. Это создает большую помеху. Полный настрой, который можно создать на такой встрече, не может быть создан, когда появляются люди со стороны. Даже если в зале есть один не тот человек, он будет создавать другой вид вибраций. Поэтому не должен быть допущен ни один такой человек. Те из пребывающих в лагере, кто хотят только слушать и не желают участвовать в медитации, должен уходить из зала сразу же после окончания беседы. Тем самым они сделают нам большое одолжение.

Нам надо, чтобы в зале не было ни одного человека, который был бы простым наблюдателем. Он создает помеху, разрыв. Когда столько много сознаний сливаются в одно переживание, вся атмосфера становится заряженной. И тогда, если среди собравшихся есть один незаряженный человек, он создает разрыв непрерывности в атмосфере. Он вырывает определенную часть. Из-за этого вибрация не может проходить насквозь из одного угла в другой, как они могли бы. Вот почему я сейчас недоволен нашей вечерней медитацией.

Вечерняя медитация самая важная и ценная, а утренняя и послеполуденная медитация предназначены для подготовки вас к вечерней медитации. Когда после этих двух медитаций вы подготовлены, в вечерней медитации может быть взрыв, но в нашей программе возникают кое-какие помехи. Она еще не стала такой, какой должна быть. Позавчера сюда проникли посторонние, и поэтому она не могла осуществляться правильно. До этого дело шло лучше. Вчера мы могли бы достичь хороших результатов, но несколько неуполномоченных человек поднялись на помост и начали самовольно вмешиваться в управление. Вы пришли сюда не руководить. И не беспокойтесь обо мне, не беспокойтесь-ка лучше о себе. Я удовлетворен, даже если умру, помогая кому-то, даже всего лишь одному человеку быть успешным в медитации.

15

*Тот, кто знает непроявленного
Брахму и одновременно
проявленного Брахму,
победив смерть благодаря
поклонению проявленному Брахме,
достигает бессмертия благодаря
поклонению непроявленному Брахме.*

ДАВАЙТЕ УМРЕМ

Мы не можем начертить круг без центра. Окружность проводится вокруг центра. По мере удаления окружности от центра она становится все больше и больше. Если мы отметим две точки на окружности, между ними будет некое расстояние, и если мы проведем от этих двух точек на окружности две прямые к центру, то расстояние между прямыми будет уменьшаться по мере приближения к центру. Расстояние между прямыми исчезает, как только они достигают центра. На окружности между двумя радиусами может быть любое расстояние, но по мере приближения к центру радиусы продолжают сближаться друг с другом, а при достижении центра расстояние совсем исчезает. В центре они суть одно. Если мы продолжим эти линии за пределы окружности, расстояние между ними будет увеличиваться.

Приводя этот геометрический пример, я хочу сообщить вам две или три вещи, чтобы объяснить эту сутру. Первое вот что: элемент, который называют непрявленным *Брахмой*, есть центральный *Брахма*. Все пространством существования выходит из него, и жизнь — окружность — распространяется все дальше и дальше от этого центра.

После глубоких исследований на протяжении нескольких последних лет наука пришла к новой теории — теории расширяющейся Вселенной. Всегда полагалось, что Вселенная такова, какова она есть, ничего не прибывает, ничего не убывает. Но современная наука говорит, что Вселенная не есть просто то, чем она является сейчас, а продолжает расширяться каждый день, совсем, как расширяется воздушный шарик, когда в него вдувают воздух. Эта Вселенная так огромна, но она не такая же, какой была вчера. За каждые двадцать четыре часа она расширяется на миллионы миль. Она расширяется непрерывно. Звезды, которые мы видим ночью, каждое мгновение удаляются друг от друга.

Вот что интересно: должен был быть момент, когда эта Вселенная была так сжата внутри себя самой, что она должна была быть в нулевом центре. Если идти во времени все дальше и дальше назад, Вселенная должна становиться все меньше и меньше, все более и более сжатой. И обязательно должен наступить такой момент, когда вся эта Вселенная была сжата в самом центре своем. Тогда-то и началось расширение, и этот процесс с тех пор непрерывно

продолжается. Объем Вселенной с каждым днем становится все больше и больше. Ученые говорят, что мы не в состоянии предсказать, как долго она будет продолжать расширяться. Это бесконечное расширение. Вселенная будет продолжать расти все больше и больше.

И вот еще что надо запомнить. Наука стала пользоваться термином «расширяющаяся Вселенная» совсем недавно, но то, что Упанишады называют *Брахмой*, означает *расширяющееся*. Таково значение слова *Брахма*. Его значение не «Бог», а «тот элемент, который постоянно расширяется». Слова *Брахма* и *Виштала* — пространство — происходят от одного корня. Они производные от одного и того же слова. Итак, значение слова *Брахма* — то, что продолжает и продолжает расширяться. Это не нечто, что расширилось или распространилось, не нечто в своем статичном состоянии, это то, что постоянно расширяется. Активность продолжается. Происходит постоянное расширение. Даже с научной точки зрения *Брахма* имеет две формы — одна есть проявленное, называемое мудрецами Упанишады *Асамбхути*. Непроявленный *Брахма* значит *Брахма-ноль*, *Брахма-семя*. Давайте представим себе то время, когда он еще не начал расширяться, когда семя еще не лопнуло. Затем представьте себе самый первый момент расширения и после этого прорастание, непрерывное прорастание, рост дерева. Из такого крошечного семени вырастает такое огромное дерево, что в его тени могут укрыться тысячи повозок, запряженный волами. И с этого дерева на землю упадут бесчисленные семена, и из каждого семени снова вырастет огромное дерево. И снова каждое дерево распространит бесчисленные семена и из каждого семени — дерево. Семена и деревья, семена и деревья бесконечно. Непроявленный *Брахма* есть *Брахма-семя*, *Брахма-ноль*, центральная точка. Мы можем только вообразить это, поскольку центральную точку можно только вообразить.

Если мы спросим Евклида, величайшего геометра, он скажет, что центральная точка есть то, что не имеет ни длины, ни ширины. Вы не могли бы увидеть такую точку. Вот ее определение: она не имеет ни длины, ни ширины. А то, что имеет и длину и ширину, не может быть точкой, ибо оно тогда становится некой фигурой, и там должно быть расширение. Где есть длина и ширина, есть распространение. Точка есть то, что еще не распространилось, но то, что собирается распространиться. Поэтому, говорит Евклид, точку можно только определить, ее нельзя изобразить.

Когда вы наносите мельчайшую точку на лист бумаги

остро заточенным карандашом, там сразу же есть длина и ширина. Точка никогда не может быть изображена на бумаге. Поэтому точка, которая видна, уже есть нечто пространное. Та точка, которая не видна, а только определена, есть истинная точка. То, что Евклид называет точкой, невидимо, оно еще не начало быть, его воплощение еще не проявилось. Оно не проявлено. Из него еще не возникла жизнь, но у него есть потенциальная возможность жизни, жизнь еще скрыта. Поэтому непроявленный *Брахма* подобен точке в определении.

Это одна форма *Брахмы*. Но мы не знаем ее. Мы знаем только проявленного *Брахму* — то, что является внешним. Мы знаем проросшее *Брахму-дерево*. Проявленное еще не завершено, оно продолжает развиваться, оно находится в процессе становления, оно постоянно распространяется. Наша Вселенная каждое мгновение становится все больше и больше. Описать ее увеличение за каждый день не в силах наших — это непостижимо. Поэтому я говорю, что она расширяется за каждую секунду. Звезды удаляются от центра Вселенной со скоростью света. Скорость света равна ста восьмидесяти шести тысячам миль в секунду. Итак, за одну минуту свет проходит расстояние в шестьдесят раз больше, за один час это расстояние увеличивается еще в шестьдесят раз. Умножьте этот результат на двадцать четыре и вы узнаете, какое расстояние он пройдет к концу дня.

Окружность удаляется от центра с такой вот огромной скоростью, и это происходит испокон веков. Кроме того, ученые не могут определить тот момент времени, когда должно было начаться это путешествие, когда семя должно было выпустить свой первый росток в процессе становления деревом. Ничего мы не можем сказать и о конце этого путешествия. Сегодня стоим перед великой дилеммой, ибо непостижимо, где и почему феномен расширения Вселенной должен завершиться. Нет никакой возможности для его остановки, поскольку для этого потребовалось бы некое препятствие продвижению Вселенной.

Предположим, я бросаю камень. Если он не встретит никакой преграды, он нигде не остановится. Но возникает некое препятствие. Он может натолкнуться на дерево. Если он не наталкивается на дерево, он наталкивается на воздух, и гравитация земли все время воздействует на его. По мере ослабления импульса, приданного ему моей рукой, гравитационная сила тянет его вниз. Но если нет никакой гравитационной силы и никакого препятствия на пути, камень, брошенный моей рукой или даже маленьким

ребенком, нигде не остановится, ибо нет ничего, что остановило бы его.

Где же остановится эта наша постоянно расширяющаяся Вселенная — этот проявленный *Брахма*? Чтобы она остановилась, должна быть некая преграда, некое препятствие. Но откуда возьмется такое препятствие? Все пребывает внутри Вселенной, вне ее ничего нет. Поэтому не может быть никакого препятствия. Где же она может остановиться? Как же она может остановиться? Будет ли она продолжать расширяться? Эйнштейн и Планк, проделавшие огромную исследовательскую работу вокруг этой теории, оба были озадачены этим. Зайдя в тупик, они в конце концов были вынуждены оставить это тайной. Невозможно представить себе никакой причины, никакого препятствия, которое остановило бы ее, и вместе с тем ее безостановочность кажется непостижимой. Если она будет продолжать расширяться подобным образом, то может наступить время, когда звезды окажутся столь далеко друг от друга, что с одной звезды невозможно будет увидеть другую.

Но Упанишады рассматривают этот феномен в совершенно иной и странной перспективе, она должна быть правильно понята. Если не сегодня, то в будущем ученым придется работать, исходя из этой перспективы. Но до сих пор ход рассуждений на Западе был иным и тому есть своя причина: вся западная наука развилась из греческой философии. Она стоит на фундаменте греческой философии, а одно из основных представлений греческой философии заключается в том, что время движется по прямой линии. Это представление завело западную науку в очень трудное положение. Индийская философия рассматривает это совершенно по-иному.

Индийская философия говорит, что все движения круговые. Никакое движение не может быть прямолинейным. Поймите это на примере. Ребенок рождается, растет и затем старится. Если бы мы попросили объяснить это греческого философа, он ответил бы, что для объяснения происходящего между ребенком и стариком можно провести прямую линию. Индийский философ отверг бы это и сказал, что между ребенком и стариком следует провести круг, ибо в свои последние дни старик достигает состояния, в котором он становится подобным ребенку. Это круг. Поэтому-то и не очень удивительно, когда оказывается, что старики ведут себя, как дети. Не прямая линия, а круг соединяет детство и старость. Молодость — это средняя точка этого круга, это зенит. Когда молодость прошла, жизненное путешествие

начинает возвращаться к исходной точке. Это подобно смене времен года, это круг подобно смене времен года. Лето, сезон дождей и зима следуют друг за другом по кругу. Таким же образом утро следует за вечером, а вечер следует за утром. Это круг. Мудрые люди Востока полагают, что все движения круговые. Вращается Земля, времена года идут друг за другом по кругу, Солнце, Луна и звезды движутся по кругу снова и снова. Любое движение происходит по кругу, ни одно движение не прямолинейно. Жизнь движется по кругу. И расширяющаяся вселенная тоже движется по кругу. Предположим, ребенок остается молодым — тогда возникнет трудность. Где закончится его молодость? Где остановится жизнь, если она продолжает распространяться и не возвращается к точке смерти?

Поэтому индийское мышление говорит, что этот проявленный *Брахма* в процессе своего распространения будет проходить через детство, молодость и старость и снова вернется к впадению в не проявленного *Брахму*. Он снова будет нулем, пустотой. Он снова вернется к первоначальному истоку, откуда он начал свое путешествие. Его круг будет огромным. Наш жизненный круг охватывает семьдесят лет. Есть жизни, которые совершают обороты по малым кругам. Бабочка рождается утром, а вечером ее жизненный круг уже завершён. Есть круги и меньше этого. Есть живые существа, живущие всего лишь несколько мгновений. В начале мгновения они рождаются, а к концу этого мгновения умирают. Но не полагайте, что живое существо, жизнь которого длится одно мгновение, проживает менее значительную жизнь, поскольку оно завершает свой круг за одно мгновение, тогда как ваша жизнь длится семьдесят лет. У такого существа есть свое детство, своя юность, оно занимается любовью, рождаются дети, у него есть своя старость, и оно умирает. За круг, длящийся одно мгновение, оно проживает ваши семьдесят лет интенсивно. Но и круг в семьдесят лет не может быть назван большим кругом. Ученые говорят, что наша Земля родилась около четырех миллиардов лет назад. У нас нет способа выяснить, на какой стадии жизни находится Земля сейчас. Но учитывая определенные соображения, представляется, что она переживает старость. производство пищи уменьшается, а население увеличивается. Смерть кажется близкой. Есть недостаток всего, что необходимо для жизни. Запасы угля, нефти, пищи истощаются. Все полезные ископаемые Земли истощаются. Земля стареет. Так что она может скоро умереть.

Но что значит «скоро»? Слово «скоро» не надо понимать с нашей личной точки зрения. Если Земле потребовалось 4 миллиарда лет, чтобы постареть, что такое еще четыре миллиарда лет? Но мы не можем дать какую-либо оценку Земле. В каждом человеческом теле есть около семи миллионов бактерий. Эти бактерии не имеют ни малейшего представления, что вы тоже есть. И хотя эти семь миллионов микроскопических клеток живут в вашем теле, вы совершенно ничего не знаете о них. Внутри вашего тела они рождаются, растут, стареют, оставляют после себя детей и умирают, находя свою могилу в вашем теле, и при этом вы ничего не будете знать о них. За семьдесят лет вашей жизни родятся и умрут миллионы этих организмов. Таким же образом Земля ничего не знает о нас, и мы ничего не знаем о жизни Земли. Ее жизнь миллионы лет идет по кругу.

Трудно определить возраст всей Вселенной, всего проявленного *Брахмы*, но одно несомненно: в этом мире нет нарушения закона. Рано или поздно закон претворится. Поэтому мудрец говорит в этой сутре, что есть две фазы *Брахмы* — проявленная, которая есть, и непроявленная, на которой была создана вся эта вселенная и в которую она снова будет поглощена, — центральный *Брахма* и пространенный *Брахма*.

Тот, кто знает распространенного *Брахму*, покоряет смерть — он идет за ее пределы. А тот, кто знает центрального *Брахму*, достигает бессмертия. Но распространенный *Брахма* — это ограда, заключающая в себе смерть. Смерть обязательно должна случиться в нем. Круг должен будет завершить себя. Если есть рождение, за ним, безусловно, последует смерть. Тогда почему же мудрец говорит, что такой человек побеждает смерть?

Что значит победа над смертью? Разве мудрецы не умирают? Все мудрецы умирают. Все просветленные люди умирают. Несомненно, победить смерть не значит не умереть. Того мудреца, который пел, что тот, кто познал проявленного *Брахму*, победившего смерть, больше нет. Итак, либо мудрец сказал это, не познав сам, либо сказанное ложно. Если его утверждение верно, он не должен был умереть.

Нет, победа над смертью означает нечто иное. Человек, который знает и глубоко переживает на опыте, что смерть уже связана с рождением и неизбежна, становится свободным от страха смерти. Он знает, что рождение есть начало круга, а смерть — его конец. Итак, тот, кто знает так глубоко, так полно, что смерть — это неизбежная участь, становится свободным от страха смерти. К чему бояться

неизбежного? К чему беспокоиться из-за того, что обязательно случится? Беспокоиться надо только о том, что можно изменить.

Поэтому интересно отметить, что на Востоке никогда не было столько беспокойства по поводу смерти, как на Западе, и тому есть веские причины. Запад полагает, что у него есть средство победить смерть. Восток же никогда не полагал, что у него есть средство победить смерть. Если полагается, что со смертью можно что-то сделать, обязательно появится тревога. То, что может быть изменено, всегда будет связано с заботами и тревогой. Когда же ничто не может быть изменено, нет никакой причины для беспокойства. Зачем беспокоиться? Если смерть предопределена, если она связана с рождением, тогда нет абсолютно никаких причин беспокоиться из-за нее.

Когда солдаты направляются к полю боя, то пока они не достигли его, они пребывают в страхе и тревоге, но на поле боя все их тревоги через день или два исчезают. Оказавшись на поле боя, даже самый робкий солдат становится храбрым человеком. Какова причина этого? Психологи размышляют над этим феноменом. Человек был так напуган, что не мог спать ночью из-за мысли, что утром ему надо в бой. Он дрожал и вел себя, как помешанный. Кажется, что он сбежит с поля боя. Но, побывав в бою, этот же самый человек спит крепко.

Какова причина? Пока он не попал на поле боя, он думал, что есть возможность для бегства, он может спасти себя, может быть, найдет какой-нибудь способ, что-то может измениться: «Может быть, вместо меня пошлют кого-то другого». Но когда он оказался на поле боя и увидел, как вокруг падают снаряды, все тревоги пропали. Теперь выхода не было. А когда нет выхода, тревога исчезает. Когда больше нет возможности перемен, надежда на перемены тоже исчезает. А именно желание перемен создает беспокойство и тревогу. Когда Мудрец говорит: «Познав проявленного *Брахму*, мудрый человек побеждает смерть», — это означает, что он не боится смерти. Если к нему приближается смерть, ему не страшно.

Есть небольшая интересная история о Панини. Он — один из мудрецов, составивших эти сутры. Однажды он обучал своих учеников грамматике в своем лесном ашраме, когда из лесу выскочил рычащий лев. Панини сказал своим ученикам, чтобы они прислушались к рычанию льва и попытались разобраться в его грамматической форме. Лев замер, готовый прыгнуть на кого-нибудь из людей,

ученики дрожат, а Панини объясняет грамматическую форму львиного рычания. Рассказывают, что даже когда лев набросился на него, он продолжал объяснять грамматическую форму его рычания. И когда лев пожирал его, он разъяснял грамматическую форму фразы: «Лев убивает человека».

Наша первая мысль — это то, что Панини мог бы броситься бежать и спасти себя. Что-то могло быть сделано, но люди, подобные Панини, думают следующим образом: «Смерть неизбежна, тогда какая разница, придет ли она сегодня или завтра?» Такие люди принимают смерть стойко, поскольку она — несомненный факт, придет ли она сегодня, или завтра или послезавтра.

Вот где победа. В этом приятии мы принимаем смерть вместе с рождением. Мы приняли увядание с цветением, распространением. Во время нашего цветения мы знали, что в один прекрасный день мы увянем. В день нашего распускания, нашего рождения мы знали, что в один прекрасный день мы снова будем скрыты. Круг обязан быть завершенным. В таком приятии лежит свобода от смерти. Где тогда смерть? Такой человек преодолел смерть. Он свободен от привлекательности рождения и от страха смерти. Он за пределами того и другого.

Помните, для остальных из вас смерть и рождение являются двумя краями нашей жизни, и они вне жизни. Рождение вне вашей жизни, поскольку до рождения вас не было. Смерть вне вашей жизни, ибо после смерти вас не будет. Смерть — это граница. Но она не является границей для того, кто познал. Для него смерть и рождение — это два события, происходящие посреди, в ходе жизни. Он спросит: «Чье рождение? Я был раньше, поэтому я мог быть рожден, в противном случае как бы рождение могло иметь место? Я был не проявлен, поэтому и мог быть проявлен, в противном случае как бы я мог быть проявлен? Если я должен умереть, то сперва я должен жить, в противном случае чья это будет смерть? Мое рождение могло иметь место потому, что я был до рождения. Я буду также и после смерти, тогда и только тогда, смерть может иметь место, в противном случае чья это будет смерть?»

Смерть не конец для того, кто знает. Это только событие, происходящее в его жизни. Рождение — это тоже событие, происходящее в жизни человека, это не начало. Жизнь вне этого круга есть не проявленное. Она скрыта, невыражена. Эта не проявленная жизнь — существование — становится проявленной в рождении и снова стано-

вится не проявленной в смерти. Поэтому тот, кто знает этот цикл проявленного мира, пребывает непоколебленным им. Эта схема не причиняет ему никакого несчастья.

Предположим, вы находитесь в доме. Вы знаете, что это стена, а это — дверь. Станете ли вы тогда биться головой о стену, пытаясь пройти сквозь нее? Вы не будете пытаться выйти из дома сквозь стену. Если вам захочется выйти, вы воспользуетесь дверью. Вы не усядетесь и не станете спрашивать, почему стена не дверь. Если вы знаете дверь, тогда для вас стена — это стена, а дверь — это дверь. Итак, тот, кто полностью знает схему, становится свободным от этой схемы. Он знает, что там, где есть рождение, будет и смерть. Но тот, кто знает схему не полностью, не в ее полном значении, попадает в конфликт и затруднение.

Это знание столь определено, столь абсолютно, что не может быть и речи о каком-либо изменении в нем. Это называется *судьбой* — судьбой проявленного. На самом деле из-за того, что мы неясны внутри себя, мы интерпретируем все вещи неправильно. Человек, который ясен внутри себя, интерпретирует правильно, а тот, кто неясен внутри себя, интерпретирует неправильно.

Вы не поняли настоящий смысл судьбы, если вы воспринимаете ее как безвыходность. Если человек сидит со сложенными руками, предаваясь отчаянию и чувству безысходности и плачет: «Это рок», — тогда такой человек не понял истинный смысл судьбы. Судьба подразумевает великий оптимизм, великую надежду. Вам очень трудно уяснить себе такую интерпретацию. Истинный смысл судьбы заключается в том, что теперь нет никакой причины для несчастья. Теперь нет места отчаянию. Смерть есть, она неизбежна. Где же тогда в ней может быть какое-то несчастье? Где же в этом скорбь? Несчастье и скорбь есть только до тех пор, пока нет признания смерти.

Будда часто говорит: «То, что создано, будет разрушено. То, что приобретено, будет утрачено. Будьте бдительны в момент встречи с нашими близкими, мы создаем разлуку с ними, ибо она обязательно последует». Мы слышать не хотим о разлуке. Когда во время встречи с нашими близкими нам напоминают о разлуке, мы становимся несчастными. Когда мы думаем о разлуке, которая должна последовать очень скоро, радость встречи пропадает. Иллюзия, что во встрече с дорогим человеком есть радость, сразу же пропадает при мысли о разлуке.

Рождается ребенок — в доме радость, и если кто-то говорит: «С этим рождением вошла смерть», — мы глубоко

потрясены и говорим ему не вести такие зловещие разговоры в этот момент радости. Но когда Будда говорит, что во встрече с близкими уже есть момент разлуки, он не уничтожает радость встречи, он только уничтожает боль разлуки.

Попытайтесь понять разницу между этими двумя ситуациями. Глупец разрушит счастье встречи, а мудрый отсечет боль разлуки. Мудрый подумает, как может быть какая-то боль при разлуке, когда разлука уже присутствует в самой встрече. Когда вы стремились к встрече, тогда вы также желали и разлуки. Когда смерть присутствует в рождении, тогда как можно печалиться о смерти? Когда вы желали рождения ребенка, в это желание включалась и смерть. Глупец разрушит счастье рождения, мудрый разрушит муку смерти.

Поняв проявленного *Брахму*, расширяющегося *Брахму*, человек побеждает смерть. Он остается незатронутым несчастьями, мукой и скорбью, причиняемыми смертью. Запомните, несчастье, муки и тревога — это тени смерти. Человек, который таким образом освободился от смерти, не испытывает ни несчастий, ни мучений, ни тревог.

Вы, быть может, не задумывались вот над чем: когда вы встревожены, тогда смерть стоит где-то рядом с вами. Предположим, у человека загорелся дом, он сразу же окажется в тревоге и несчастье. Как только человек узнает, что он разорился, он становится обеспокоенным и встревоженным. Почему? Потому что теперь, когда он разорен, его жизнь становится полной трудностей, и смерть немного приблизилась. Когда дом уничтожен пожаром, его жизнь становится ненадежной и незащищенной, и смерть подходит ближе. Вот так человек рассуждает в подобных обстоятельствах, и поэтому-то он становится несчастным и встревоженным. Человек, стоящий в одиночестве во тьме, напуган и встревожен, так как в этой тьме ничего не видно и, если на него надвигается смерть, он не сможет увидеть ее. Поэтому, когда бы у вас ни возникла тревога, сразу же будьте бдительны. Вы обнаружите, что где-то рядом с вами стоит смерть. Тревога, беспокойство — это тень смерти.

Где бы и когда бы вашим умом ни завладели страдание и мука, сразу же признавайте, что в интерпретации проявленного *Брахмы* вами допущена какая-то глупость. Вы верите, что неизбежное можно избежать. Ваши страдания начинаются как раз с этого убеждения. Вы надеетесь, что то, чему предназначено судьбой случиться, может не случиться, и вот с этого-то и начинаются ваши тревоги, воз-

никают мучение и беспокойство. Нет, то, что должно случиться, случится. Этого не избежать, ничто не может случиться. Когда вы принимаете эту мантру, когда вы полностью принимаете этот порядок проявленного *Брахмы*, все внутри вас становится тихим и спокойным. Нет ничего, что тревожило бы вас.

Поэтому мудрец сказал, что после познания проявленного *Брахмы* есть освобождение от смерти. Но это только половина послания. Сутра еще не завершена, это только половина ее. Есть еще нечто, что мы должны узнать и что не было сказано в первой половине, нечто очень тонкое и глубокое. И пока мы не в состоянии увидеть это, мы остаемся сбитыми с толку и встревоженными, и в нашем невежестве мы тычемся туда и сюда, ударяясь головой о стену и пытаюсь пройти там, где нет дверей. Мы продолжаем строить карточные домики и чертить знаки на воде и мы продолжаем рыдать, видя, как карточные домики рушатся, и знаки на воде исчезают.

Вы знаете, что не успеете провести линию на воде, как она начинает исчезать. Когда вы проводите линию на воде и пытаетесь сделать ее долговечной, виновата ли вода или эта ваша линия в том, что ваша попытка оказывается неудачной? Кого бы вы обивинили? Воду или линию? Человек, который обвиняет воду или линию, будет несчастным, а человек, который понимает свою собственную глупость, засмеется. Он будет знать, что линия, проведенная на воде, обречена на исчезновение. Она должна исчезнуть. Вот если линия останется, тогда мы действительно окажемся в трудном положении.

Как мы можем понять непроявленного *Брахму*, когда мы даже не способны понять этого проявленного *Брахму*? Он полностью развернулся перед нами: есть ли что-либо более проявленное, чем смерть? И все же мы постоянно обманываем себя. Когда кто-нибудь умирает, мы сочувственно говорим: «Бедняга умер». Нам не приходит в голову рассматривать его смерть как напоминание о нашей собственной смерти. Я вспоминаю строку из стихотворения одного английского поэта. Когда кто-то умирает, звонит церковный колокол. Поэт сказал: «Не спрашивай, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе». То есть, не спрашивай, знай, что это по тебе.

Скрывая такой великий феномен, как смерть, мы ведем себя таким образом, что если бы к нам прилетел какой-нибудь марсианин и погостил у нас два-три дня, он не узнал бы о нас две вещи, и эти две вещи связаны между

собой. Этот марсианин не узнал бы, что на этой планете есть смерть и секс, ибо мы скрываем их. Запомните: секс — это создатель рождения, это первый шаг, а смерть — это последний шаг проявленного *Брахмы*.

Подавление секса, первого шага, начинается со страха перед смертью — последним шагом. Если мы хотим подавить смерть, нам надо будет заставить себя забыть и о процессе рождения, ибо смерть связана с рождением. Поэтому мы скрываем процесс зарождения в темноте. Процесс зарождения осуществляется за занавесом. А смерть мы изгоняем за пределы наших деревень. Там мы отводим место для кладбища, поскольку мы очень боимся смерти. Мы заваливаем могилы цветами, чтобы люди, случайно проходящие мимо этих могил, не могли увидеть их. Когда мертвое тело относится на кладбище, мы покрываем его цветами, чтобы тело выглядело не мертвым, а цветущим.

Вы можете покрывать тело цветами, сколько хотите, вы можете возводить самые прекрасные гробницы и высекать имена на могильных камнях, но человек, который умер, мертв навсегда. Раз человек, лежащий в могиле, не мог быть сохранен, как долго сохраняются эти имена, вырезанные на камнях? И как бы далеко от города мы ни располагали могилы, смерти будут случаться в городах, а не на кладбищах.

Мы подавляем секс и скрываем его, ибо он — источник рождения. Бессознательная причина, по которой мы подавляем и скрываем секс, заключается в том, что секс — это первый шаг. Если он будет раскрыт и выставлен напоказ, тогда смерть тоже будет раскрыта, невозможно будет скрывать смерть. Поэтому интересно отметить, что те общества, в которых секс не подавляется, становятся в большей степени озабочены и обеспокоены смертью, а те общества, которые полностью подавляли секс, игнорируя его, как будто он не существует, подавили также и страх смерти.

Вот какую историю я слышал. Однажды один еврейский мальчик вернулся домой из школы, где узнал, как рождаются дети. Он очень гордился полученной информацией и ему очень хотелось продемонстрировать свои знания. Как только он оказался дома, он спросил свою мать, как он появился на свет. Мать сказала: «Тебя ниспослал Бог». Тогда он спросил: «Как появился на свет мой отец?» Мать сказала: «Его тоже ниспослал Бог». Мальчик спросил: «А как появился на свет дедушка?» Его мать была слегка озадачена, но сказала, что дед тоже был ниспослан Богом. Мальчик продолжал спрашивать, пока не добрался до седьмого поколения, тогда выведенная из себя мать сказала:

«Послушай, разве ты не видишь, что есть только один ответ на твой вопрос?» Тогда мальчик воскликнул: «Что ты хочешь сказать, что за последние семь поколений в нашей семье не было никакого секса?»

Нет, есть огромная бессознательная потребность подавлять секс. Секс — это первый шаг рождения. Если туда открыт и сделан явным, тогда смерть тоже будет явной. Пока дети не знают, как рождается человек, они продолжают задавать этот вопрос. Но когда они получают эту информацию, они непременно спросят, как человек умирает. Поэтому вы скрываете от детей этот первый шаг к рождению, а они все время задают этот вопрос. Они никогда не получают возможность спросить о том, как человек умирает.

Запомните, если вопрос рождения ясно понят, тогда следующим вопросом не может быть никакой другой, кроме вопроса о смерти. Поэтому, с одной стороны, утаивается секс, а с другой стороны, — смерть: ищите могилы за пределами деревни. Таким образом, мы живем во тьме между этими двумя краями; и мы живем в великом страхе. Страх должен быть, ибо мы не знаем, ни что такое рождение, ни что такое смерть. Если мы пытаемся фальсифицировать даже проявленного *Брахму*, который так открыт и ясен, то что же тогда говорить о непроявленном *Брахме*, который скрыт? Как же мы можем вникнуть в это?

Правильно поймите эти два события — рождение и смерть. Они — два конца одного феномена. Рождение есть начало, а смерть есть конец одного и того же круга. Смерть случается в том же месте, где случается рождение. Происшествие смерти и происшествие рождения — это части одного происшествия.

Что происходит в рождении? Создается тело. Мужские клетки и женские клетки соединяются и дают рождение новому сложному телу. И те, и другие имеют в себе по половине нужных материалов, отсюда и их сильное притяжение друг к другу. Эти половины все время притягивают друг друга. Они хотят быть целым, поэтому между ними есть огромное притяжение. Вот почему все время рождаются дети, несмотря на все религиозные предписания, принципы и воспитание, направленное против секса.

Проповедники celibата приходят и уходят, они всегда проповедуют впустую. Притяжение настолько сильно, что все проповеди и поучения ничего не могут с ним поделать. Это притяжение двух половин одного и того же элемента. Это подобно тому, как нечто разделено на две части, и

эти части хотят соединиться друг с другом снова. Когда они соединяются, создается новое тело. Одна половина клеток дается женщиной, а другая половина — мужчиной. Итак, рождение означает создание тела в результате соединения половинных клеток мужчины и женщины. Как только создается тело, в это тело входит душа — душа, чьи желания будут осуществляться телом. И вход души в тело так же естествен и самоуправляем, как заполнение низин дождевой водой.

Что происходит в смерти? Эти две слившиеся части элемента начинают расходиться и разрываться. Ничего, кроме этого, не происходит. Внутренняя связь начинает ослабевать. Старость означает ослабление связи. Это сложное тело начинает распадаться, а формула, по которой разрывается связь, была заложена в момент зачатия. Это было определено не астрологически, а научно. Фактически, все это определяется, когда соединяются клетки мужчины и женщины.

В настоящее время наши научные знания в этих вопросах не адекватны, хотя они изо дня в день растут. Если не сегодня, то непременно в будущем мы сможем предсказывать, как долго будет длиться этот внутренний процесс изменения тела ребенка — семьдесят, восемьдесят или сто лет. Это подобно часам десяти—летней гарантией, поскольку испытание различных частей их механизма показало нам, что эти часы будут в состоянии сопротивляться износу вследствие воздействия воздуха, тряски, ударов, движения и так далее на протяжении десяти лет. Затем их способность выдерживать износ уменьшается.

В день зачатия ребенка клетки мужчины и женщины сливаются воедино и предопределяют, как долго ребенок будет в состоянии выносить нагрузку воздуха, воды, тепла, дождей, несчастий, страданий, конфликтов, встреч, разлук, дружбы, вражды, надежд и разочарований, дней и ночей и всего прочего. Таким образом, определяется, когда в процессе сопротивления этой нагрузке нарушится связь и когда эти объединенные клетки распадутся. При их распадении душе придется покинуть тело. Смерть и секс — это два конца одной и той же вещи. Вещи соединяются сексом и разделяются смертью. Секс синтетичен, смерть аналитична. Секс соединяет, смерть разделяет. Происходит одно и то же, никакого различия в происходящем нет.

Тот, кто полностью знает этого проявленного *Брахму*, тот преуспевает в приятии его. Когда вы принимаете нечто, вы становитесь его хозяином. Даже если вы при-

маете рабство, вы становитесь хозяином и перестаете быть рабом. Вы не сможете сделать из меня раба, если я буду оставаться счастливым, даже будучи закованным в цепи, ибо я буду танцевать, даже находясь за решеткой. Когда даже на мгновение не проскальзывает мысль: «Я мог бы остаться свободным, если бы...», — а есть простое приятие того, что случилось, тогда вы проиграли. Вам не удалось сделать из меня пленника. Я по-прежнему хозяин сам себе. Наоборот, вы будете моим рабом, поскольку вам придется меня запереть и сторожить у двери. Если я принимаю это состояние с радостью, если я могу петь в тюрьме, тогда как вам придется стоять на страже с винтовкой в руках, кто тогда будет лишен свободы? Полностью принимая, вы останетесь хозяином даже в рабстве, и вы в рабстве, если вы не полный хозяин самому себе. Полное приятие — это освобождение. Полное приятие любого факта — это свобода. Когда человек истинно знает проявленного *Брахму*, он достигает полного приятия и тем самым освобождается от смерти.

Теперь давайте рассмотрим второй пункт, хотя он труден для понимания. Достаточно, если правильно понять первый пункт. Познать непроявленного *Брахму* — это вопрос еще более глубокого и тонкого опыта. Чтобы познать его, надо идти либо за границу рождения, либо за границу смерти. Другого пути, кроме этого, нет. Вот почему в Японии дзенский Мастер говорит искателю, пришедшему к нему, медитировать и выяснить, какое было его лицо до его рождения, — найти свое первоначальное лицо.

То лицо, которое у вас есть сейчас, не в большой степени ваше первоначальное лицо, чем то лицо, которое вы носили вчера. То лицо, которое видно сейчас, не ваше, оно было получено от ваших родителей. Этот нос и другие черты лица, этот цвет лица получены от ваших родителей. Если ваши родители были негры, вы наследуете черный цвет, если они были англичанами, ваш цвет будет сероватым.

Эти пигменты вашего тела — от ваших родителей, а не ваши. Поэтому идите и найдите ваш собственный цвет. Это лицо дано вам вашими родителями, поэтому пытайтесь найти ваше первоначальное лицо. Заимствованные лица будут сорваны. Они — не что иное, как маски — фальшивые лица. Но они носятся по семьдесят лет, мы думаем, что они — наши настоящие лица.

Если на человека надевают маску и закрепляют ее так надежно, что ее нельзя снять, то через несколько дней он начнет принимать ее за свое собственное лицо, ибо каждый

раз, когда он окажется перед зеркалом, он будет видеть эту маску.

Недавно в Америке один белый американец провел весьма странный эксперимент. Он решил стать негром, изменив свой цвет кожи на черный. Живя в Америке, он захотел сам увидеть, по-настоящему испытать, в каких трудных условиях приходится неграм жить в его стране. У белого человека нет никакого представления о том, какие невзгоды приходится претерпевать неграм. Как их можно осознать, не будучи негром на самом деле? И все, что познается иным способом, будет знанием белокожего человека.

Это был эксперимент, требующий большого мужества. Вначале ученые отказывались помочь этому человеку, поскольку это было опасным предприятием. Но он был настойчив и постепенно убедил троих ученых помочь ему провести этот эксперимент. После длительной шестимесячной обработки ему делали инъекции новых пигментов, цвет кожи изменился и стал таким, как у негров. Его кожа была теперь черной, и ему также были имплантированы искусственные курчавые волосы.

Этот человек написал в своем дневнике: «Когда ученые впервые сказали, что операция оказалась успешной и теперь я могу начать мой эксперимент, я подумал, что надо пойти в ванную, чтобы увидеть в зеркале мое лицо. Но у меня не хватило духу включить свет. Я не знал, что я увижу. Дрожащей рукой я включил свет. Я ожидал, что я останусь тем, кем я был, то есть черты лица не изменятся, только цвет кожи будет другим. Но когда я посмотрел в зеркало, я увиел, что изменился не только цвет кожи, я тоже изменился. Я не мог понять, что же случилось, я не мог понять, кто это стоит перед зеркалом. Все изменилось.

Раньше я думал, что подобно неграм, я проживу среди негров около шести месяцев, чтобы на личном опыте испытать то, что им приходится переносить. Я знал, что не останусь негром навсегда, я буду оставаться тем, кто я на самом деле есть, — писал он в своем дневнике. — Но прожив среди негров четыре или пять дней, я начал забывать, что я — американец, я начал забывать, что я — белый человек. Каждый день я видел мое новое лицо в зеркале. Я видел фотографии, на которых я был негром. Другие люди стали вести себя со мной, как будто я — негр. На улице белые американцы, которые раньше приветствовали меня, проходили мимо, не обращая на меня внимания. Однажды я подошел к дому моей жены и остановился у двора. Моя жена посмотрела на меня и не обратила на меня внимания».

Кто обращает внимание на негра? Обращаете ли вы внимание на слугу, мусорщика, стоящего у вашей двери? Кто до них дело? Кто смотрит на них внимательно? Их просто не видят. Никто не смотрит на них внимательно. Однажды этот человек подошел к белому уличному сапожнику, который раньше и чистил ему обувь. Он хотел почистить свои туфли и поставил ногу на подставку. Сапожник поднял на него глаза и сказал: «Ты что, спятил? Убери свою ногу с моей подставки».

Он написал в своем дневнике: «Тогда я не почувствовал, что, поскольку я на самом деле белый человек, мне следовало бы про себя посмеяться над его поведением — ведь это просто то, как он обращается с неграми. Нет, я почувствовал, что таким образом обращались со мной — белым человеком. И я почувствовал себя оскорбленным».

Когда через шесть месяцев действие введенных ему препаратов стало ослабевать и его кожа начала снова становиться белой, он записал в своем дневнике: «Теперь, когда я вспоминаю эти шесть месяцев, я не чувствую, что я действительно прошел через такую жизнь. Я чувствую, что это был какой-то сон. Тот негр был каким-то другим человеком, иной личностью. Я совсем другой человек. Столь многое ассоциируется у нас с нашими лицами».

То лицо не было его лицом. Оно было у него на протяжении шести месяцев. Но вот что интересно: он считает, что то лицо, которое было у него на протяжении шести месяцев, не его лицо, но то лицо, которое было у него до и после этих шести месяцев, и есть его лицо. Но это лицо тоже не его. Его шестимесячное лицо было дано ему учеными, а это «подлинное» лицо он получил от своих родителей. Оно тоже не его. Оно не его собственное.

Свое собственное лицо можно встретить либо до рождения, либо после смерти. Искать до рождения очень трудно. До рождения очень трудно познать непроявленного *Брахму*. Я говорил вам раньше, что по сравнению с проявленным *Брахмой* познать непроявленного *Брахму* очень трудно. Сейчас я говорю вам снова, что есть два пути. Двигайтесь назад за границу рождения. Настолько глубоко погружитесь в медитацию, что вы сможете пересечь границу рождения, тогда вы будете в состоянии познать непроявленного *Брахму*. Другой путь — это идти в медитации все дальше и дальше, чтобы вы могли умереть и перейти границу смерти, тогда вы испытаете непроявленного *Брахму*.

Из этих двух путей эксперимент с умиранием легче, поскольку он связан с будущим происшествием. Двигаться

назад очень трудно, идти вперед легко. Вы можете сделать прыжок вперед. Идти назад очень трудно. Снова надеть одежды детства очень трудно, вернуться в матку чрезвычайно трудно, ибо тропа становится все уже и уже. Но надеть свободные одежды смерти легко. Тропа становится все шире и шире. Запомните, дверь к рождению очень мала, а дверь к смерти очень велика. Перейти границу смерти легко.

Можно перейти и границу рождения. Есть способы и средства для того, чтобы сделать это, но их очень трудно практиковать. Медитация, о которой я говорю, — это эксперимент со смертью. Это прыжок в смерть. Это управление в видении через вхождение в смерть добровольно. Это как бы умирание по собственной воле. Если это случается, и вы входите в смерть сознательно и становитесь таким, как будто вас нет, тогда будет видимо лицо непроявленного *Брахмы*. Будет видимо то лицо, которое было до рождения и будет после смерти.

Процессов может быть два, но тот центр один. Вы можете увидеть тот центр, либо двигаясь назад, либо идя вперед. Но путь вперед легок, поэтому я настаиваю на пути смерти. Я не советую вам двигаться назад, за границу рождения, чтобы увидеть то лицо, я советую вам идти вперед за границу смерти. Такая добровольно принимаемая смерть становится медитацией. И если человек хочет жить в такой смерти не всего лишь несколько секунд, а всю свою жизнь, он становится *саньясином*. *Саньяса* — это жить так, как будто вы мертвы.

Был один дзенский монах по имени Бакодзю. Он принял *саньясу*. Однажды, когда он проходил через одну деревню, кто-то стал поносить его. А он просто стоял там, слушая оскорбления. Некий лавочник, видя это, сказал: «Почему ты воспринимаешь это спокойно? Он же оскорбляет тебя». Бакодзю ответил: «Я мертв. Как же я могу ответить на оскорбление?» Лавочник был удивлен и сказал: «Разве ты покойник? Ты выглядишь абсолютно живым».

Тогда Бакодзю сказал: «Какая ценность будет в моей физической смерти? Когда я умру, я умру, как умирают все. Но сейчас я умираю, когда жив,—это имеет некую ценность».

Рождение происходит бессознательно, и теперь нет пути войти в него. Но смерть все еще впереди, в будущем, и вы можете пройти через нее сознательно. Возможность узнать наше первоначальное лицо через рождение теперь утеряна, но существует возможность узнать его через

смерть. Но запомните, что вы можете упустить и эту возможность тоже. Если смерть придет к вам случайно, как пришло рождение, тогда вы упустите возможность узнать его. Но если вы готовите себя приветствовать смерть, если вы продолжаете часто умирать, тогда вы узнаете его.

Вот смысл слова *саньяса* — добровольная смерть. Продолжать умирать, продолжать становиться как бы мертвым. Если кто-то оскорбляет вас, думайте, что вы мертвы. Когда вы физически мертвы, что вы будете делать, если кто-нибудь станет на вашу могилу и будет оскорблять вас? Начинайте прямо сейчас. Начинайте делать то, что вы будете делать, когда ваш череп будет валяться где-то и кто-нибудь пнет его ногой.

Это и есть истинное значение слова *саньяса*. Таким образом, мы будем в состоянии войти в непроявленного *Брахму*. В противном случае вы упустите возможность, предоставляемую смертью. И вы не впервые упускаете ее, вы уже упускали ее много раз. Также вы упускали много раз и возможность, предоставляемую рождением. Сейчас эта возможность для вас утеряна, а до нее — многие другие благоприятные возможности, связанные с рождением и смертью.

Вы так привыкли к этому процессу, что это стало своего рода наркоманией. Через этот процесс вы проходили много и много раз. Теперь вам нужно принять решение, будете ли вы и дальше придерживаться этого процесса или нет, поскольку мы все имеем благоприятную возможность воспользоваться смертью еще раз. Почему бы не воспользоваться этой возможностью, чтобы войти в непроявленное.

Мудрец заявляет, что тот, кто входит в непроявленное, достигает бессмертия. «Тот, кто знает непроявленное, побеждает смерть, а тот, кто входит в непроявленное, достигает бессмертного».

Запомните, бессмертное может быть познано только благодаря вхождению в смерть, ибо когда мы полностью входим в смерть, когда мы умираем всеми способами и все обнаруживаем, что мы не умерли, тогда бессмертие достигнуто. Итак, когда кто-то оскорбляет вас, а вы ведете себя, как труп, и все же осознаете себя, остаетесь осознающим себя, тогда вы не будете реагировать на оскорбление. Если кто-то оскорбляет вас, если кто-то отсекает вам руку или даже перерезает вам горло, а вы в это время остаетесь осознающим себя тогда дверь бессмертия открыта для вас. Тот, кто пытается спасти себя от смерти, не достигнет бессмертия, а тот, кто входит в смерть, вкусит нектар бессмертия.

Познать непроявленного *Брахму* — значит обрести бессмертие, ибо непроявленное и есть бессмертное. Существовая до рождения и после смерти, оно бессмертно. Оно никогда не рождается и никогда не умирает. Мы тоже таковы. Рождается только тело. Оно есть нечто составное, полученное от родителей. Мы же происходим из очень-очень древних времен. Мы были, когда тела не было. После вхождения в тело происходит отождествление с ним. А когда тело умирает, то кажется, что «Я умираю».

Когда смерть приходит неожиданно — а обычно она приходит неожиданно, без предварительного уведомления—она оказывает вам милость. Если бы она уведомляла о своем прибытии, вы бы оказались в большой беде. Это акт милосердия со стороны смерти, что она не информирует вас заранее. Предложим, что смерть известила бы вас о своем приходе за двадцать четыре часа, что бы случилось? Все, что должно случиться через двадцать четыре часа, непременно случится, но трудно вообразить, в каком мучении вы бы пребывали все это время. Вы бы мучались и страдали в ожидании назначенного времени, хотя на самом деле у вас был бы удобный случай пройти через смерть сознательно. Проживать время секунда за секундой оказалось бы очень трудно. Может быть, вы бы потеряли сознание, может быть вы бы сошли с ума. Но могло бы случиться и так — такая возможность есть, что вы бы прожили это время, не теряя сознания. Но более вероятно, что мы бы провели это время в состоянии комы и в конце концов умерли бы в этом состоянии. Поэтому получение уведомления о времени вашей смерти оказалось бы скорее всего бесполезным.

Саньяса — это значит понимать и говорить себе: «Церковный колокол звонит по мне. Тело, которое несут на кладбище, — мое тело. Тело, сжигаемое в крематории — мое тело». Вот почему раньше *саньясину* сбивали голову, как это делалось с головами покойников. Раньше соблюдались определенные ритуалы и религиозные обряды, предписание для посвящения человека в *саньясины*. Ему сбивали голову, его родственники совершали последнее омовение и плакали над ним, как это делалось над другими людьми после их смерти.

Некоторые из этих ритуалов соблюдаются даже сейчас, ибо человек, принимающий *саньясу*, умирает для своих мирских отношений и связей. Плач родственников через день или два прекратится, поскольку они видят, что хотя этот человек решил умереть для мировых отношений, он

по-прежнему жив. В определенном смысле это хорошо.

Саньясин дает своим родственникам возможность пройти через боль и горе, причиняемые его смертью, в его присутствии. Когда он умрет на самом деле, он не будет с ними, чтобы утешить их в горе.

В те былые дни посвящаемого укладывали на погребальный костер. То были очень невинные дни. Когда он оказывался на костре, костер поджигали. Тогда гуру кричал: «Ты мертв. Помни, ты мертв». Затем человека снимали с горящего костра и давали ему новое имя, заявляя этим ритуалом, что прежний человек со своим старым именем исчезал навсегда. То были очень невинные дни, поэтому человек, прошедший через эту небольшую церемонию, верил, что его старое «я» умерло и он теперь новый человек.

Сегодня такой невинности нет. Если вас поместить на погребальный костер, вы немедленно с него слезете. Если вам обрить голову, вы сфотографируетесь и будете хранить эту фотографию в альбоме вместе с другими вашими фотографиями. Вы будете сохранять непрерывность. Сегодня человек стал очень умным и хитрым, поэтому настоящее отречение стало редкостью. Кроме *саньясы* нет другого пути к познанию непроявленного *Брахмы*. Даже мирской человек может познать проявленного *Брахму*, но только *саньясин* может познать непроявленного *Брахму*.

На сегодня достаточно. Мы снова встретимся вечером. Теперь давайте начнем наше путешествие к непроявленному *Брахме*. Давайте умрем.

*Лицо того Брахмы, сидящего
посреди изобилия света,
закрывается золотой завесой.
О Владыка, устрани завесу,
чтобы я, искатель истины,
мог достичь верховного.*

ЛИШЬ ПОЗНАНИЕ ОСТАЕТСЯ

Эту сутру довольно трудно понять, но она чрезвычайно важна со многих точек зрения. Прежде всего, мы обычно полагаем, что если истина скрыта, то она должна быть покрыта тьмой, но сутра говорит, что она покрыта светом. Отсюда и молитва о том, чтобы Бог устранил завесу света.

Это опыт того, кто совершил глубокий поиск истины. Те, кто только размышлял, всегда будут говорить, что истина скрыта во тьме, но те, кто познал через глубокое переживание, скажут, что она скрыта в свете, и если она выглядит темной, то это из-за сияния света. Мы бываем ослеплены, когда свет слишком интенсивен, тогда свет выглядит, как тьма, из-за слабости наших глаз. Они не в состоянии вынести столь много света.

Посмотрите на солнце широко раскрытыми глазами, и через несколько секунд вы будете во тьме. Солнце так ярко, что глаза не могут выдержать его. Поэтому те, кто узнавали на расстоянии, а не непосредственно — кто только размышляли об этом — скажут, что храм Бога скрыт во тьме. Но те, кто познал это на личном опыте, скажут, что он скрыт в свете, и они молят Бога устранить эту завесу. Иллюзия создается потому, что наши глаза слишком слабы, чтобы выдержать изобилие света. Наше существо не готово воспринять его.

По мере продвижения к истине свет начинает усиливаться, становясь все ярче и ярче. Те, кто движутся дальше в медитацию, постепенно узнают нарастающее сияние по мере углубления их медитации. Бит Сандек, саньясинка из Италии, сказала мне сегодня, что изнутри нее столько света, что она чувствует, что из нее исходят лучи и все ее тело жжет, как будто внутри нее пылает солнце. Жар приходит не извне, а изнутри, и свет так ярок, что ей трудно спать по ночам. «Когда я засыпаю, — говорит она, — вокруг свет и свет».

По мере того, как человек погружается все глубже и глубже в медитацию, этот свет становится все более интенсивным, концентрированным и проникающим и приходит момент, когда интенсивность света столь велика, что он испытывает глубокую тьму. Только христианские святые называли этот момент правильно. Они называли его

«темная ночь души». Но эта ночь крошечной тьмы вызывается избытком, избытком света. Именно в этот момент человек молит Бога устранить эту завесу света, «чтобы я мог увидеть лицо истины, скрытой за ней».

Мы и должны ожидать, что вокруг истины будет столько света, что он ослепит наши глаза. Так и надлежит, чтобы истина была скрыта в круге света. Это всего лишь наша иллюзия, что истина скрыта во тьме. Как вокруг истины может быть тьма? Если истину окружает тьма, тогда где же мы найдем свет в этом мире? Нет никакой возможности для того, чтобы тьма оставалась рядом со светом. Там, где есть истина, непременно будет свет, только нам он кажется тьмой. Если мы спросим суфийских мистиков, они скажут нам, что, когда мы погружаемся глубоко в медитацию, там есть не одно солнце, а тысячи. Свет так изобилует, что кажется, будто внутри одновременно сияют бесчисленные солнца. Естественно, мы будем ослеплены.

Истина скрыта в свете. И замечали ли вы, что нам очень легко открывать глаза в темноте, но очень трудно открыть их при избытке света. Разве трудно открыть глаза и держать их в безлунную ночь? Но если вам в глаза светит солнце, то открыть их очень трудно. Последний конфликт тех, кто приближается к истине — это конфликт со светом, а не со тьмой.

Эта сутра говорит о периоде этого конфликта. В такой момент искатель говорит: «О Бог, устрани эту завесу, чтобы я мог увидеть твое истинное, первоначальное лицо». Выглядит вполне естественным, если кто-то молится: «Исторгни из тьмы, выведи нас из тюрьмы»; но молитва об устранении света? Это выглядит странно. И еще интерес представляет слово «золотой», использованное для описания света — это очень привлекательное слово. Этот свет подобен золоту. Это такой свет, что нам не захочется устранить его. Очень трудно попросить, чтобы он был устранен, но истину нельзя увидеть, пока этот свет не будет устранен. Поэтому давайте разберемся в этом вопросе.

Очень легко отказаться от того, что плохо, но настоящая трудность возникает, когда приходит время отказаться от хорошего. Разве трудно отказаться от железных цепей? Трудность возникает, когда отказаться надо от золотых цепей, поскольку трудно считать золотые цепи цепями. Они выглядят, как украшения. Очень легко отвергнуть неправедность, но даже праведность становится рабством на последней стадии. Когда от нее тоже надо отречься, возникает огромная трудность. На этой последней стадии

от хорошего тоже надо отречься, ибо даже такая привязанность становится рабством, и даже такое рабство — препятствие в истине истин. Только абсолютная непривязанность, абсолютная свобода будет достаточной. Поэтому тот искатель, который боролся с тьмой и победил ее, теперь молит Бога устранить золотую завесу. Борьба с тьмой не так трудно, но будет очень трудно, когда придет время бороться со светом.

Свет. И бороться с ним? Это поразительно. Свет так привлекателен, так восхитителен, так умиротворяющ, так бодрящ, так полон нектара жизни, что становится мучением говорить о его устранении. И поэтому мудрец молит Бога устранить его: «Я не могу сделать это сам. Мой ум будет убеждать меня, что лучше слиться с ним».

Запомните, нам придется спастись даже от света, когда наша медитация приведет вас к его предельному сиянию. Ваше путешествие должно идти еще дальше этого. Вы должны преодолеть свет, вы должны превзойти его. Вы должны быть вне тьмы и вне света тоже. Когда сознание выходит за пределы тьмы и света, заканчивается дуальность и начинается недуальность. Тогда открывается тот, кто ни свет, ни тьма, ни день, ни ночь, ни жизнь, ни смерть, кто всегда есть и пребывает вне всех дуальностей.

Прежде чем достигается эта недуальность, вы оказываетесь перед последним конфликтом со светом. Вот еще один подход к пониманию этого: всегда бывает легко отбросить несчастье, с которым мы можем бороться. Но если на нашем пути появляется счастье, бороться с ним очень трудно — почти невозможно. Как мы можем бороться с ним? Но освобождение невозможно, если мы захвачены счастьем и привязались к нему. Как я говорил вам сегодня утром, счастье создаст для вас рай, и в этом раю вы снова окажетесь в рабстве, вовлеченным в наслаждение и любовь. Здесь нет освобождения.

Эта молитва, это желание мудреца устранить завесу света и увидеть лицо *Брахмы*, закрытое таким ослепительным светом, раскрывает конечную беспомощность человеческого ума. У человеческого ума нет никакого желания быть свободным от света, или счастья, или рая. Но от них надо быть свободным. Мудрец стоит на пороге. С одной стороны, есть его человеческая природа, побуждающая его к наслаждению танцевать в свете, отождествить себя со светом и быть поглощенным им. А с другой стороны есть его глубокое внутреннее стремление к истине, побуждающее его идти за пределы. И именно в этот трудный и ре-

шающий момент он произносит эту сутру, эту молитву: «Бог, устрани Твою завесу чрезмерного света». Он умоляет: «Пожалуйста, устрани эту восхитительную небесную форму, чтобы я мог увидеть ту абсолютную, голую истину, которая есть Ты».

Живущие в несчастье не знают, что счастье имеет свои несчастья. Живущие среди врагов не знают, что у друзей бывают свои конфликты. Живущие в аду не знают, что на небесах есть свои заботы. Как могут живущие во тьме вообразить, что свет становится тюрьмой? Пока есть дуальность, есть несвобода, есть рабство. Тогда что же останется, когда будет устранен свет, когда будет устранена тьма? Каково лицо истины? Что мы увидим? Сейчас, насколько это доступно нашему уму, самое большее, что мы можем вообразить, — это то, что, если у истины есть лицо, оно будет из света, яркого света. Почему мы так думаем?

Поймите две или три вещи. Мы еще не видели света. Вы имеете полное право сказать: «Что вы имеете в виду? Мы же видим свет. Мы видим свет, когда утром встает солнце, когда светит луна и повсюду разлит лунный свет». Нет, я повторяю, вы еще не видели света. Вы видели только освещенные вещи. Когда восходит солнце, вы видите освещенные вещи—горы, реки, ручьи, деревья, людей. Сейчас вам дают свет электрические лампочки. Вы скажете: «Мы видим свет». Но нет, вы не видите свет. Вы видите горящую электрическую лампочку. Вы видите людей, стоящих в ее свете. Вы видите объекты, а не свет. Во внешнем мире невозможно воспринимать свет на личном опыте. Видны только освещенные объекты, а когда мы их не видим, мы говорим: «Темно». Когда в этом зале бывает тьма? Когда в зале ничего нельзя увидеть, мы говорим, что в зале тьма, а когда видны объекты, мы говорим, что в зале— свет.

Мы не видим свет непосредственно. Если бы в этом зале не было ни единого объекта, вы бы были не в состоянии увидеть свет. Свет падает на объект, видна форма объекта, и вы думаете, что видите свет. Если объект виден очень ясно, вы говорите, что света много. Если объект виден не очень ясно, вы говорите, что света недостаточно. Если объект не виден совсем, вы говорите, что царит тьма. Если вы не можете различить никаких форм и объектов, вы говорите, что царит крошечная тьма. Но вы не видели ни света, ни тьмы. Это всего лишь наше предположение, что всякий раз, когда мы видим объекты, есть свет. На самом же деле сам свет — это такая тонкая энергия, что его нельзя видеть во внешнем мире.

Свет виден внутри, поскольку внутри нет никакого объекта, который может быть освещен. Нет никаких внутренних объектов, которые могут быть освещены и увиденны нами. Поэтому, когда мы испытываем свет внутри, он непосредственный. Во внешнем мире мы видим две вещи — освещенный объект и источник света, а свет, который есть между ними, мы никогда не видим. Видно солнце или видна электрическая лампочка, и видны объекты, освещенные здесь, но свет между источником света и освещенными объектами невидим.

Когда свет виден внутри, там нет никаких объектов, нет и никакого источника света — это свет, не имеющий источника. Нет никакого солнца, из которого исходит свет. Нет никакой лампы, испускающей свет. Есть только свет, не имеющий источника. Когда в том мире без объектов впервые узревает свет, тогда Кабир, Мухаммед, суфийские мистики, джайнские мистики, мистики традиции Баул начинают танцевать, заявляя, что то, что мы называем светом, есть всего лишь тьма.

Ауробиндо написал: «Как только я прозрел внутри, стало ясно, что то, что я понимал как свет, было тьмой. Когда я заглянул внутрь, я увидел, что то, что я считал жизнью, было на самом деле смертью». Действительно, очень трудно воспринимать и выдерживать свет, который — не имел источника, объекта и формы, который рождается внутри. Величайшая трудность заключается в том, что наш ум склонен думать: «Я достиг цели моего путешествия, я пришел к месту назначения».

Органы чувств не являются великими препятствиями на пути искателя истины, он преодолевает их. Мысли тоже не являются серьезными помехами, он выходит за их пределы. Но наши ноги отказываются идти дальше, когда внутри начинают распускаться цветы восторга и радости достижения. Нам совсем не хочется отказываться от них. У нас оказывается недостаточно отваги и дерзновенности выйти за пределы их, и мы думаем, что достигли цели... И именно в такой момент святой вознес молитву: «О Бог, устрани и этот яркий свет тоже. Я хочу познать и то, что пребывает за ветом. Я прошел через тьму, теперь поведи меня за пределы света».

Запомните это. Воля и решимость могут помочь вам выйти за пределы тьмы, но только покорность помогает нам в выходе за пределы света. Чтобы выйти за пределы тьмы, мы должны войти в конфликт. Мы должны упорно бороться и сражаться. И человек находит в себе достаточно

сил для борьбы с тьмой, но он абсолютно бессилен, когда возникает возможность бороться о светом. Его почти как бы и нет. Решимость и воля здесь не сработают, они не эффективны. Только покорность эффективна.

Эта сутра говорит нам о покорности. Мудрец достиг того места, где рождается свет. Теперь он потерпел поражение. До сих пор он не молил о помощи. До сих пор он не просил Бога сделать что-либо для него. С уверенностью в себе он проделал путь к этой точке. Человек может дойти до точки этой, но те, — кто полагаются на решимость, никогда не смогут пойти дальше. Только те, кто полагаются на полную покорность, могут пересечь эту границу.

Это можно будет легко понять, если мы представим это следующим образом: медитация подводит вас к великому восприятию света. После этого медитация бесполезна. Поэтому те, кто никогда не практиковал медитацию, но возносил молитвы, глупы — на той стадии, где они находятся, молитва не нужна. Глупы и те, кто практиковали медитацию и считают молитву не нужной. И вот почему: медитация приведет вас к двери света, но там может помочь только искренний крик молитвы.

В конце вам придется возносить молитву: «Я в Твоих руках, веди меня. Я пришел к этой точке, теперь веди меня дальше». И запомните, человек, дошедший до пределов медитации, заслуживает права просить Бога вести его за эти пределы. Теперь, когда милость Бога начинает нисходить на него, он готов. Он зашел настолько далеко, насколько это возможно для человека, и даже Бог не может ожидать от него большего. Это последний предел возможностей человека. Если теперь Бог потребует от человека большего, это тирания, это эксцесс.

Не возникает никакого вопроса о чем-то большем, чем это. Теперь может помочь только молитва, и эта молитва такова: «Я отдаю себя в Твои руки. О Бог, устрани эту завесу». Молитва — это тот шаг, который приводит медитацию к ее завершению, а полная покорность — это последний шаг воли и решимости. Вы должны прилагать все ваши усилия, но как только вы почувствуете: «Я не могу продвинуться дальше этого», — обращайтесь к молитве. В такой момент громко взывайте к милости Бога, говорите Ему: «Я зашел настолько далеко, насколько это было возможно для моих слабых ног, но идти дальше мне не под силу. Теперь Ты позаботься обо мне». Это как раз тот момент, когда мудрец возносит молитву о том, чтобы была устранена завеса и открылось лицо истины.

На что будет похожа истина? На что она будет похожа, когда свет тоже будет устранен? Необходимо уловить это. Это очень трудно. Это очень тонко и глубоко, но должно быть понято, чтобы мы могли воспользоваться этим. Я сказал вам, что во внешнем мире есть освещенные объекты и источник света. Во внешнем мире нет восприятия самого света. Он воспринимается только внутри, где нет ни объектов, ни источника. И тогда, наконец, свет тоже исчезает.

Мы думаем, что, когда свет исчезнет, будет тьма, таков наш опыт, и молитва мудреца может показаться нам глупостью, ибо как же он увидит лицо Бога во тьме, которая воцарится, когда будет устранена завеса света. Запомните, он уже покори тьму, теперь, когда свет исчезает, тьмы не будет. Тьма уже давно исчезла. Перед ним теперь завеса света. Что же останется, когда исчезнет свет?

Когда солнце садится, это — вечер, ночь еще не пришла. Это период, когда источник света исчез, а тьма еще не спустилась. Тот момент, который мы пытаемся описать, — это сумерки, это нахождение между днем и ночью. Вот почему «молитва» и «сумерки» на языке хинди передаются одним и тем же словом — *сацхья* — они синонимичны. Люди начали называть молитву *сандхья* и смотреть на закат, как на время для молитвы. Есть две *сандхьи* — одна перед восходом солнца, а другая после его захода. Это промежуточные точки, день завершен, но ночь еще не наступила, или ночь закончилась, а день еще должен наступить. Этот небольшой промежуток между ними известен как *сандхья*, и мы сделали этот период временем поклонения и молитвы. Но на самом деле это не так.

Эта *сандхья* — всего лишь символ того момента внутренней *садхьи*, когда исчезли тьма и свет. *Садхья* наступает, когда нет ни тьмы, ни света, есть только особый вид света, известный как *алек*. В словаре это слово означает «свет». Это неправильно. *Алек* означает тот момент, когда нет ни тьмы, ни света. На рассвете солнце еще не взошло, но ночь уже миновала. Этот момент *Алека* есть в рассвете. Я использую это в качестве примера, чтобы вы могли уловить эту идею, поскольку нет никакого другого способа дать вам представление о том, что случается внутри. Нет ни тьмы, ни света, есть только *алек*.

Как я уже говорил вам, как объекты, так и источник света исчезают, когда вы обращаетесь внутрь, и остается только свет. Как только этот свет и тьма тоже уходят и остается только *алек*, тогда познающий и познаваемое исчезают. Нет больше видящего и видимого. Тогда мудрец

не стоит, глядя на истину. Нет, тогда мудрец сам становится истиной. Тогда истина становится мудрецом. Тогда нет ни познающего, ни познаваемого — и то и другое исчезают. В *алеке* нет больше тьмы и света, познающего и познаваемого. Нет ни воспринимающего, ни опыта восприятия, есть только восприятие, ибо там, где есть опыт восприятия, есть воспринимающий и то, что воспринимается. Нет, там нет ни воспринимающего, ни того, что воспринимается. Остается только восприятие. Нет больше воспринимающего мудреца, нет больше Бога. Различия — разграничения — исчезают. Нет больше любящего и объекта любви. Это момент наивысшего освобождения.

Дело не в том, что в этот момент мы познаем нечто. Наоборот, мы познаем, что нас — нет. И мы также узнаем, что уже нечего больше познавать. Только познание остается. Поэтому прекрасен термин, которым пользовался Махавира. Он называл это «только познанием». Нет познающего, нет познаваемого, только познание. Оба конца исчезли. Вот с чем это можно сравнить: солнце — первоначальный источник — исчезло, исчезли также и объекты, воспринимающие свет. Подобным же образом познающий — источник — пропал, пропали также и познаваемые объекты, только познание остается.

В путешествии к этому познанию, как я уже говорил вам, первый шаг — это решимость, сильная воля, а второй шаг — покорность. Первый шаг — медитация, а второй — молитва. Для того, кто сделал оба шага, не остается ничего для познания, достижения или переживания.

О солнце, кормилец и создатель мира,
 О одинокий странник в небе,
 О Яма, о Солнце, о Солнце Брахмы,
 Я умоляю тебя обратить
 свои лучи,
 Я вижу твою форму, полную милости
 и добра.
 Я, тот кто сидит в кругу
 солнц.

ПОСЛЕДНИЙ ПРЫЖОК

Нам знакомо одно солнце, которое мы видим в небе, но существуют бесчисленные солнца, подобные нашему солнцу. Когда наступает ночь, небо полно звезд. Хотя мы называем их звездами, все они — солнца, но, находясь очень далеко, они выглядят маленькими. Наше солнце не очень велико. Среди бесчисленных солнц оно — среднего размера. Во Вселенной есть гораздо более крупные солнца. По расчетам ученых существует около сорока миллионов солнц. Личный опыт мудрецов говорит, что есть бесчисленные солнца, но солнце, о котором говорится в этой сутре, есть верховное солнце, от которого все другие солнца получают свет. Имеется в виду верховное солнце, которое есть корень и первоначальный источник света — и из которого расходятся все лучи, переплетающиеся во Вселенной. Все существование — это проявление этого солнца.

Запомните: жизнь, существование — неизбежно связаны с лучами солнца. В настоящее время ученые весьма обеспокоены, поскольку они опасаются, что наше солнце остынет за следующие три или четыре тысячи лет. Оно посылало свои лучи достаточно долго и теряет свое излучение. Сейчас оно — затухающая звезда, лучи которой ослабевают с каждым днем. Самое большое, говорят они, оно будет излучать свет еще четыре тысячи лет и в один прекрасный день оно полностью остынет, и жизнь на земле прекратится, поскольку все существование зависит от лучей солнца. Все существование — распускающиеся цветы, поющие птицы, пульсация жизни в человеке — зависит от лучей солнца.

В этой сутре описывается то великое солнце, с которым связано существование всех солнц. В нашем путешествии во внешнем мире мы никогда не сможем достичь этого великого солнца. Как я говорил вам сегодня утром, наше солнце — это проявленный *Брахма*. Великое солнце, описываемое здесь, — это непроявленный *Брахма*. Это *Брахма*-семя. Все это существование есть распространение того непроявленного истока. Из него возникает и распространяется вся эта Вселенная качеств и форм.

Мудрец здесь возносит молитву: «О солнце, убери переплетение твоих лучей». Много подразумевается под втягиванием лучей солнца, ибо вся бескрайность существования связана с ними. Здесь мудрец говорит: «Я преодолел смерть,

о солнце, теперь убери само распространение твоего существования». Это совсем как то, что я уже говорил вам: «Я преодолел тьму. Теперь убери свет тоже». В этой сутре мудрец молит то великое солнце втянуть в себя всю бескрайность жизни. «Я переправился через смерть, теперь я хочу переправиться и через жизнь тоже».

Это действительно стремление превзойти все дуальности, ибо пока остается дуальность, всегда присутствует *другое*, чего бы нам ни удалось достичь. Сколько бы мы ни обрели жизни, смерть всегда будет сопровождать ее. Это дуальность, это другая сторона того же момента. Невозможно оставить себе одну сторону монеты и выбросить другую. Все, что мы можем сделать, — это держать монету одной стороной вниз, а другой напоказ. Но скрытая сторона поджидает случая обнаружить себя просто потому, что она есть, она не пропала.

Никто не может выбросить одну сторону монеты и в то же время сохранить у себя другую, но на протяжении всей своей жизни человек ведет себя глупо, считая, что это возможно. Он молится: «О Бог, спаси меня от несчастий и дай мне счастье». Счастье и несчастье — две стороны одной монеты. Человек хочет удержать счастье, но не понимает, что за счастьем непременно будет следовать несчастье. Он молится о почете и уважении, не видя, что за ними следует бесчестие. Он молится: «Я не хочу смерти, я хочу жизни», и, вымалывая жизнь, он забывает, что за ней непременно следует смерть. В этом мире, когда человек просит одно, он получает другое, не прося о нем.

Вы должны быть готовы либо принимать и то, и другое, либо не принимать ни того, ни другого. Всякий, кто готов принимать и то, и другое, становится свободным и от того, и от другого. И всякий, кто готов оставить и то, и другое, тоже становится свободным и от того и от другого. С готовностью принимать и жизнь и смерть — значит не отдавать предпочтения жизни и не испытывать отвращения к смерти. Не отдавая никакого предпочтения жизни, человек освобождается. Какое счастье в счастье и какое несчастье в несчастье для того, кто принимает как счастье, так и несчастье? Когда счастье и несчастье с готовностью принимаются, они отрицают друг друга и возникает пустота.

Тот, кто говорит: «Я готов отбросить как счастье, так и несчастье», — тоже выходит за их пределы. Но ум убеждает нас оставить несчастье и держаться за счастье. Есть способы разрушить эту схему ума: либо быть готовым принимать и то, и другое, либо стать безразличным к тому и

другому. Их полярность, их противоположность друг другу одновременна. Они суть аспекты одного и того же существования. Поэтому мудрец говорит: «Убери свои лучи, о солнце, чтобы вся жизнь была стянута воедино и втянута внутрь».

Все выходит из этого великого солнца. Итак, если мы понимаем стремление мудреца правильно, оно таково: «Я стремлюсь увидеть то, из чего выходит все и к чему все притягивается. Я желаю увидеть корень, первоначальное. Я стремлюсь увидеть то, из чего возникает вся Вселенная и во что поглощается Вселенная при ее конечном уничтожении, то, из чего распространяется эта бескрайность существования и во что великое разрушение втягивает всю ее назад».

Именно по этой причине солнце известно также как Яма—Бог смерти. Запомните, Яма — это Бог смерти, а солнце — это Бог жизни. Смерть не приходит из какого-то другого места, — ибо смерть и жизнь не могут быть разделены. Дело обстоит не так, что жизнь приходит из одного места, а смерть — из другого. Если бы это было так, то мы бы держались жизни и оставили смерть. Поэтому солнце называют также Ямой.

Слово «Яма» полезно и в других значениях. Те, кто называл смерть Ямой, были выдающимися людьми. Слово «Яма» значит «контролер». Они назвали смерть контролером жизни. Если бы смерть не контролировала жизнь, была бы великая анархия и беспорядок. Смерть приходит и успокаивает все проявленное. Смерть — это покой. Подобно тому, как человек спит и отдыхает ночью после тяжелого дневного труда, так и смерть дает нам покой.

Если бы вы не спали пять или десять дней, в вашей жизни был бы большой беспорядок. Ваш ум стал бы сбитым с толку, возбужденным, расстроенным. Ночной сон спасает вас от этого растрояства и возбуждения. Он приводит вас в порядок и освежает вас для утра. Вглядываясь глубже в смерть, человек видит, что она подобна ночному отдыху в конце целой жизни, полной суматохи и беспокойства — передышке от тяжелого труда в жизни, освежающей вас для рассвета новой жизни.

Поэтому Бог смерти называется Яма. Он контролирует жизнь и привносит в нее порядок. Если бы его не было, жизнь была бы часто запутанной и беспорядочной. Смерть не враг жизни. Слово «Яма» объявляет, что смерть — друг жизни. Если бы смерти не было, наша жизнь была бы безумной и хаотичной.

Вы будете очень удивлены, если вы посмотрите на этот феномен с других точек зрения, ибо из его более широких значений могут распусться многие цветы — многие ценные намеки. Если человек обретет изобилие счастья и совершенно никаких несчастий, он сойдет с ума. Это утверждение выглядит странным, его трудно понять. Если вы будете обладать счастьем, не смешанным с несчастьем, тогда счастье сведет вас с ума. Интересно отметить, что в бедных и несчастных обществах мало сумасшедших. В счастливых и обильных обществах гораздо больше сумасшедших. В настоящее время в Америке самое большое число сумасшедших на Земле. Что же случилось?

Несчастье — это уравновешивающий фактор, регулятор. Мы воспринимаем шипы на розовом кусте, как врагов, но они служат для защиты роз, они представляют собой своего рода регулятор. Жизнь контролирует — регулирует — самое себя посредством полярностей: благодаря противоположностям поддерживается равновесие. Если вы наблюдаете за акробатом, идущим по натянутому канату, вы можете увидеть в его трюке некий метафизический факт. Мы наблюдаем, но нам не удастся увидеть. Когда он идет по канату, вы увидите, как он придает себе равновесие с помощью длинного бамбукового шеста, который он держит в руках. Когда он наклоняется влево, он делает это, чтобы избежать падения вправо. А когда он вот-вот упадет вправо, он наклоняется влево. Так он балансирует, удерживая себя от падения благодаря колебанию между противоположностями. Для сохранения равновесия ему приходится наклоняться в противоположную сторону.

Смерть — это уравновешивающий фактор жизни. Несчастье — это уравновешивающий фактор счастья. Тьма — это уравновешивающий фактор света. Материальные объекты — это уравновешивающий фактор сознания. Вот что делает необычными людей, назвавших смерть Ямой. Несомненно, что у них не было никакой вражды к смерти. Они знали сущность — истину смерти. Они сказали: «Мы знаем, что ты, Смерть, являешься контролером жизни. Если бы тебя не существовало, была бы великая анархия». Подумайте немного. Предположим, что в некоем доме несколько лет никто не умирал. Тогда не нужно было бы отправлять кого-то в сумасшедший дом, ибо сам дом стал бы бедламом. С одной стороны, умирают старики, а с другой — рождаются дети. Происходит балансирование, подобное балансированию акробата, и оно будет продолжаться все время.

Поэтому мудрец говорит: «О великое солнце, Яма, ты — дающий жизнь, ты — уравновешивающий контролер жизни и смерти. Втяни назад все свои лучи. Втяни назад твою жизнь. Втяни назад и твою смерть тоже. Я хочу познать тот элемент, который находится за пределами жизни и смерти, который никогда не рождается и никогда не умирает. Я жажду познать тот персональный источник. Я жажду познать то первое мгновение, когда ничего не было — когда была полная пустота, из ничего которой возникло все. Я жажду познать то последнее мгновение, когда все снова будет поглощено и останется ничто. Я жажду познать ту пустоту, из которой рождается все. Я жажду познать ту пустоту, в которую все поглощается. Я умоляю тебя, втяни назад все изобилие твоих лучей».

Несомненно, это не молитва, обращенная к какому-то солнцу, видимому во внешнем мире. Это молитва, возносимая после достижения того места внутри, за границей которого лежит конечная цель и из которого совершается прыжок и безначальное и бесконечное. Эта молитва — «О солнце, втяни все лучи назад» — относится к такому моменту. Чтобы вознести такую молитву, требуется огромная отвага, последнее дерзание, насколько человек может подумать: «Могу ли я спасти там, где жизнь и смерть сжимаются в ничто и все лучи того великого солнца втягиваются назад? Я тоже погибну». Но стремление мудреца таково: «Я могу спасти или я могу погибнуть, дело больше не в этом. Дело только в моем стремлении познать того, кто есть всегда. Я жажду познать того, кто есть, даже когда все разрушается и исчезает. Я тоже исчезну, но я хочу познать то, что не исчезает».

На протяжении бесчисленных веков бесчисленное количество людей искали истину в этом мире, но нигде в этом мире не был проделан такой поиск, как тот, который был проделан во внутреннем мире. Нигде в этом мире нет ничего сравнимого с тем конечным поиском и тем последним испытанием мужества, на которые отважились некоторые из исследователей этого внутреннего мира.

Даже после должных исследований я не мог найти людей, которые были готовы быть уничтожены в своем стремлении к истине. В этом мире было много искателей истины, которые ставили только одно условие: «Я хочу познать истину, сохраняя себя». Но пока сохраняется «я», вы будете знать только мир — *сансару* — ибо «я» есть неотъемлемая часть мира. Если кто-нибудь скажет таким искателям, как Аристотель, Гегель и Кант: «Вы сможете познать истину,

если будете искать внутри самих себя», — такие люди ответят: «Какой смысл в познании такой истины? Что за польза в познании истины, которая уничтожает нас?» У их поиска есть одно условие: «Мы хотим сохранить себя и познать истину».

Те, кто, стремясь к истине, стремились также сохранить себя, никогда не познавали истину. Вместо этого они фабриковали ее, они вырабатывали истину. Вот почему Гегель писал толстые книги, Кант выдвигал глубокие и тонкие теории и приципы в отношении истины. Но в писаниях и принципах тех, кто не готовы искать свою сущность, нет абсолютно никакой ценности — ничего важного. Если вы спросите у Канта или Гегеля их мнение об этом мудреце Упанишады, они скажут: «Он — сумасшедший. Что прикажете делать, если при достижении истины вы теряете себя самого?»

Но понимание мудреца глубоко и абсолютно. Он говорит: «Я является неотъемлемой частью неистины, мира, *сансары*. Если я желаю, чтобы это мирское существование ушло, чтобы ко мне пришла истина и чтобы мое «я» внутри осталось нетронутым, тогда я пытаюсь добиться невозможного. Если это мирское существование должно прекратиться, оно должно прекратиться полностью—как вовне, так и внутри. С одной стороны, должны исчезнуть объекты вовне, а с другой стороны, должно исчезнуть «я» внутри. Форма вовне и форма внутри должны исчезнуть, оставляя пустоту вовне и внутри.

Поэтому неизбежным условием обретения истины является потеря самого себя. Я молю тебя, о великое солнце, поглотить все твое без каких-либо условий. Втяни назад всю твою бескрайность. Вернись к твоему первоначальному семени. Вернись в то место, где не было ничего, чтобы я смог познать то, из чего все исходит».

Это последний прыжок. Когда человек набирается мужества для этого прыжка, он становится одним целым с верховной истиной. Невозможно быть одним целым с верховной истиной, не потеряв себя самого. Поэтому западные философы в своей попытке найти истину оказались неспособными выйти за пределы человеческой, мирской истины. Их поиск — поиск человека, но не экзистенциален, он относится лишь к человеческим существам. Поиск же восточного мудреца направлен не на мирские, человеческие истины, а на экзистенциальные истины. Он говорит: «Что вы узнаете об океане, стоя на его берегу? Я узнаю его, погрузившись в него». Но даже погрузившись в него,

мы не сливаемся с океаном полностью, — мы и океан по-прежнему пребываем раздельно.

Поэтому мудрец говорит: «Раз уж так обстоят дела, я стану статуей, сделанной из соли, чтобы я мог раствориться в нем. Я познаю океан, растворившись в нем — и став самым океаном, я буду одним целым с океаном. Я буду соленым, как он солен. Я буду соленым, как он солен. Я буду водой, как он есть вода. Я буду волной в его волнах. Я буду бездонной глубиной в его бездонных глубинах. Тогда и только тогда я смогу познать его».

Прежде всего этого познать океан невозможно. До этого мы можем иметь представление о нем, но никакого экзистенциального знания. Стоя на берегу, мы можем составить себе представление об океане, чтобы познать его, мы должны раствориться в нем. На сегодня достаточно. Теперь давайте готовиться к растворению.

*Теперь пусть мой дух встретит
Абсолют, проникающий всюду в
жизненный воздух,*

*И пусть моё тело обратится
в прах.*

*О мой ум, полный эго и желаний,
вспомни свои прошлые действия,
вспомни свои прошлые деяния.*

У ДВЕРИ САМАДХИ

Пусть жизнь вольется в то, из чего она была рождена. Пусть форма исчезнет в том бесформенном, из которого она возникла. Пусть они будут одним в том чистом осознании бытия. Пусть тело смешается с прахом, пусть его поглотит земля. В такой момент — и есть два таких момента — мудрец обращается к своему эгоистическому уму, полному желаний:

*О мой ум, полный
эго и желаний, вспомни сейчас
свои прошлые
действия, вспомни свои прошлые
деяния.*

Есть два момента, когда эта молитва может быть вознесена искренне. Один — это момент смерти, а другой — это момент *самадхи*, глубоко в медитации. Один — это момент, когда человек находится на пороге смерти, а другой — это момент, когда он находится на пороге величайшей смерти — *самадхи* — готовый влиться подобно капле в океан. Большинство людей, объяснявших эту сутру, интерпретировали ее, имея в виду первый момент — момент физической смерти. Они предполагали, что мудрец говорит это в момент смерти, когда все его существование вот-вот вольется в то, откуда он возник. Но, как я вижу это, это напоминание делается отнюдь не в момент смерти, а в момент *самадхи*. Оно не свойственно моменту смерти, ибо нет предвиденья смерти. Вы никогда не знаете, в какой момент придет смерть. Вы узнаете об этом, когда смерть приходит, но к этому времени вы уже мертвы.

Пока смерть еще не пришла, о ней ничего не известно, а когда она приходит, человек, который должен был узнать, уже скончался. Когда Сократ собирался умереть, его друзья спросили его, почему он не выглядит испуганным, несчастным или встревоженным? Тогда Сократ сказал: «Я рассуждаю так: пока смерть не пришла, я жив, к чему мне тревожиться о смерти? И кто будет тревожиться о смерти, когда она действительно придет и меня больше не будет? Я полностью исчезну в смерти, не останется ничего. И если ничего от меня не останется вне смерти, тогда нет никакой

причины чего-то бояться. С другой стороны, если, как говорят некоторые люди, я не умру даже после смерти, тогда вообще нет причин тревожиться о смерти».

Как я уже сказал, эта сутра имеет смысл в двух моментах: либо в момент смерти, либо в момент *самадхи*. Но у нас нет ни малейшего представления о моменте смерти — она непредсказуема, ее нельзя предвидеть. Она приходит совершенно внезапно, в любой момент, и эта молитва может быть сотворена только тогда, когда есть предвидение, то есть когда мудрец знает: «Я сейчас умру, я — на пороге смерти».

Нет, это не молитва, творимая в момент смерти. Она творится во время великой смерти — «самадхи» значит «великая смерть». Я считаю физическую смерть обычной смертью, поскольку тогда умирает только тело, ум не умирает. Я считаю медитацию, *самадхи*, великой смертью, поскольку в этом состоянии нет никакого представления, никакого воспоминания о теле, ум тоже умирает. Поэтому я говорю, что эта молитва творится во время *самадхи*, ибо мудрец просит свой эгоистический и желающий ум вспомнить свои прошлые деяния.

В отношении второй части этой сутры допускалась большая ошибка. Дело в том, что вещи, подобные этим, обычно истолковываются для нас *пандитами* — нашими самозванными мудрецами. Какими бы разумными ни были их толкования и объяснения, они совершают одну фундаментальную ошибку. Они понимают слова и принципы священных писаний правильно, но они совершенно не понимают то невысказанное, что скрыто за словами и принципами. Скрытая суть никогда не содержится в фактических словах религий. Она должна быть понята из промежутков между словами. Смысл не в строках, а в пространстве между строк. Поэтому те, кто не способны понять эти промежутки, кто читают только напечатанные слова, не могут правильно толковать эти великие сутры.

На Западе есть движение, называемое «Общество Сознания Кришны». Я недавно просмотрел книгу об «Ишавасья-упанишаде», написанную Свами Бхактиведанта Прабхупадой — лидером этого движения. Я был очень удивлен, прочитав его интерпретацию этой сутры. Вот как он объясняет ее: «Я вот-вот умру. Я стою у дверей смерти. Поэтому, о Бог, пожалуйста, прими жертвы и отречения, которые я совершил для Тебя, вспомни о деяниях, которые я совершил для Тебя».

Он не только не способен прочесть промежутки между

словами, но, кажется, он не способен прочесть даже сами слова, находя взамен другие слова. Мудрец обращается к своему эгоистическому и желающему уму — не может быть и речи о привлечении сюда Бога. Не говорит мудрец этого: «Вспомни о деяниях, которые я совершил для Тебя. Вспомни о жертвах, которые я принес для Тебя». Но наш деловой ум любит интерпретировать это подобным образом. В момент смерти он скажет: «О Бог, вспомни, я раздал много денег на благотворительные цели, я построил храм для Тебя, я построил плотину для деревни и так далее. О Бог, мое время подошло к концу, Теперь дай мне соответствующую награду за все деяния и жертвы, которые я совершил ради Тебя».

«Мой эгоистический и желающий ум...» Воля — это русло наших желаний, стремлений ума. Необходимо понять, что такое воля, чтобы можно было легко следить за этим обсуждением. Желания возникают у всех нас. Но желание не становится волей, пока оно не связано с эго. Эгоистическое желание становится волей. У всех людей есть желания, но эти желания остаются простыми мечтами, пока они не связаны с эго, пока они не становятся деяниями. Для претворения в деяние желание должно быть связано с эго. Тогда оно становится волей. Тщеславие эго рождается, чтобы пополнять, быть. Возникает желание быть деятелем. Вы становитесь деятелем, как только Эго объединяется с желанием.

Мудрец говорит: «О мой ум, полный эго и желаний, вспомни деяния, совершенные тобою». Почему он говорит это, и причем не один, а два раза? Зачем? Какая нужда вспоминать об этом в момент *самадхи* или в момент смерти? Мудрец просто шутит. Он просто смеется над собой. У врат *самадхи* все исчезает: ум испаряется, тело пропадает, дух исчезает — все поглощается. «О мой ум, что случилось со всем тем, о чем ты думал? Я делал это, я делал то. Где все те идеи, над которыми ты размышлял, все те знаки, которые ты чертил на воде? Пропали».

Запомните, все, что вы совершили, исчезает — даже вы исчезаете. Оглянитесь в прошлое и вспомните, с какой гордостью и тщеславием вы думали: «Я сделал это». С каким желанием вы планировали сделать это. Вспомните все отпечатки ваших бесчисленных рождений и путешествий. Сегодня и следа их не видно. И сегодня вы тоже вот-вот станете ничем. Теперь от вас не останется и следа. Сегодня все элементы будут поглощены в самих себя. Сегодня все наше путешествие будет завершено.

Итак, бросьте ретроспективный взгляд всего лишь раз и поймите, в какой великой иллюзии вы жили, какие видения вам грезятся в вашем помешательстве, какие невзгоды вы претерпевали из-за них и в каком беспокоействе вы жили ради этих грез. Подумайте о том, через какие страдания и разочарования вы проходили, когда какие-то из ваших мечтаний не осуществлялись. И вспомните, как вы переполнялись радостью, когда какая-то ваша мечта осуществлялась. Сегодня все грезы и все достижения исчезли, и вы тоже вот-вот исчезнете. Оглядываясь назад, вспомните все это еще один раз. Таким образом, мудрец обращается к своей эгоистической воле, к своему тщеславному уму с великой насмешкой.

Вот почему я говорю вам, что это говорится не во время смерти, а во время *самадхи*. Ибо во время смерти погибает только тело, но не эгоистический ум. Вы путешествуете с вашим умом даже после смерти. Этот ум есть поток ваших бесчисленных рождений. Тело здесь гибнет, а ум путешествует с вами дальше.

Желания сопровождают вас. Это путешествует с вами. Память о прошлых деяниях идет с вами. Желание выполнить то, что вы не смогли сделать раньше, идет с вами. Весь ваш ум идет с вами. Умирает только физическое тело. Ум оставляет тело и хватается за новое тело — этот ум, который уже овладевал бесчисленными телами и будет продолжать делать это.

Вот почему те, кто знают, не считают смерть настоящей смертью, поскольку в ней ничего не погибает, мы просто меняем наши одежды. Поймите это хорошо — тело не что иное, как одежды, всего лишь внешняя оболочка. Обычно мы думаем, что первым рождается тело, а затем в нем рождается сознание. Это неправильно.

За последние два столетия западное мышление распространило иллюзию того, что сперва возникает тело, а затем в нем рождается сознание — как побочный продукт, как эпифеномен, просто как одно качество, один атрибут тела.

Это похоже на то, что в древности говорили Чарваки: если вы разделите ингредиенты, которые вместе образуют лицо, и примите их по отдельности, опьянения не будет. Интоксикант является побочным продуктом смешиваемых веществ. Он не появляется откуда-то сам по себе. Он не обладает отдельным существованием. Он вырабатывается при смешивании целого ряда веществ. Если ингредиенты разделить, он исчезает. Поэтому в древности Чарваки утверждали, что тело состоит из пяти элементов, а ум пол-

учается в результате соединения этих пяти элементов. Ум — это побочный продукт.

В настоящее время западная наука тоже находится в состоянии невежества по этому вопросу, полагая, что сознание появляется после тела, как тень. Давайте попробуем понять это следующим образом: что появляется первым в вашей жизни, действие или желание? Первым появляется желание в уме, а затем оно превращается в действие — действие идет следом. Но если кто-то смотрит со стороны, он сперва увидит действие, а потом уже ему придется гадать о желании, стоящем за этим действием. Предположим, во мне возник гнев, и я ударил вас. Сперва появился гнев, сперва появился ум, а затем поднялась рука и тело совершило действие, но вы сперва увидите мою руку и акт нанесения удара. Но даже при этом вы не усомнитесь в том, что сперва я должен был разгневаться. Сперва вы видите действие тела и в результате вы начинаете гадать о том, что же происходит в моем уме? Но все же сперва возникла работа моего ума, а действие тела следует.

Когда рождается ребенок, мы тоже сперва видим тело, но те, кто познали глубоко, говорят, что первым появляется сознание. Именно сознание есть причина зачатия и рождения тела. Сознание создает контур — форму этого тела. Это своего рода светокопия. Это заложенная программа. Когда человек умирает, его ум продолжает путешествовать вместе со светокопией, и эта светокопия переносится в новую матку. И вы удивитесь, узнав это. Мы обычно полагаем, что тело создается, когда мужчина и женщина занимаются любовью, а затем в тело входит душа. Но при глубоком всматривании в этот феномен становится очевидным, что когда душа желает войти в матку, тогда мужчина и женщина становятся жаждущими сексуальной активности. И опять мы сперва видим именно тело, и нам остается гадать о сознании. Однако те, кто глубоко исследовал это дело, говорят, что когда душа, желающая войти в матку, начинает блуждать вокруг вас, тогда возникает стремление к сексуальному наслаждению. Ум занят подготовкой тела для себя.

Вы могли не думать о том, как это случается. Когда ночью вы ложитесь спать, когда сон начинает нисходить на вас и почти овладеть вами, привнесите ваше сознание в последнюю мысль в вашем уме, а затем засните. И когда вы проснетесь утром и будете готовы встать с постели, посмотрите назад и найдите первую мысль, появившуюся у вас по пробуждении, вы будете весьма удивлены резуль-

татом. Последняя мысль ночью становится первой мыслью утром. Таким же образом последнее желание во время смерти становится первым желанием во время рождения.

В смерти тело распадается, но ум продолжает свое путешествие. Вашему телу может быть пятьдесят лет, но вашему сознанию может быть пять миллионов лет. Даже сегодня в вас есть сумма всех сознаний, появляющихся при всех ваших рождениях. Будда дал этому очень значительное название. Он был первым, кто сделал это. Он назвал это «кладовой сознания». Подобно кладовой ваше сознание хранит память ваших прошлых рождений. Итак, ваше сознание очень старо и ваша кладовая — это кладовая не только человеческих рождений. Если вы родились животными или деревьями, что, несомненно, так и было, память всех тех рождений тоже присутствует внутри вас.

Люди, которые провели глубокие исследования процесса действия кладовой сознания, говорят, что если при виде розы в уме какого-нибудь человека появляется чувство любви, то причина в том, что глубоко внутри него есть память о том, что он сам был розой в прошлом, и эта память вспыхивает снова при ощущении своего резонанса в розе. И вовсе не случайно, если какой-то человек очень сильно любит собак. В его кладовой сознания есть память, которая заставляет его чувствовать свое большое родство с собаками. Все, что происходит в наших жизнях, не случайно. За всем происходящим работает тонкий процесс причин и следствий. Хотя тело погибает в смерти, сознание продолжает свое путешествие и продолжает накапливать память. Вот почему вы иногда видите в своем уме некие формы, о которых вы говорите: «Они не мои». Иногда вы совершаете определенные поступки, которые вызывают в вас странное чувство, и вы говорите: «Это произошло вопреки моей воле». Предположим, некий человек поссорился с другим человеком и укусил его. После он думает: «Как странно то, что я смог укусить его. Разве я дикое животное?» Да, сегодня он не животное, но он был им когда-то. И может возникнуть момент, когда его скрытая память становится столь активной, что он ведет себя точно, как животное. Все мы ведем себя, как животные во многих случаях. Такое неведение не нисходит на нас с небес, оно приходит из кладовой внутри вашего ума.

Наша смерть — это смерть только нашего тела. Наш ум, полный эго и желаний, тогда не умирает, поэтому, если бы мудрец просто находился перед лицом физической смерти, у него бы не было удобного случая пошутить по-

добным образом. Эта сутра произносится во время *самадхи*. У *самадхи* есть одна отличительная особенность — его приход может быть объявлен заранее. Смерть захватывает врасплох. *Самадхи* же приглашают. Смерть случается, *самадхи* же планируется. Продвигаясь шаг за шагом в медитации, человек достигает состояния *самадхи*.

Поймите великий смысл слова *самадхи*. Иногда смысл слова *самадхи* используется также в значении «могила». Могила *саду* называется *самадхи*. И это правильно. *Самадхи* — это своего рода смерть, но глубокая и необыкновенная. После этой смерти тело остается здесь, а ум внутри разрушается. В этот момент разрушения ума мудрец говорит: «О мой ум, полный эго и желаний, вспомни деяния, совершенные тобой в прошлом». Он говорит это потому, что в прошлом ум обманывал его бесчисленное количество раз, но сегодня этот ум разрушается.

«Я прожил мою жизнь, полагаясь на мой ум. В победе и поражении, счастье и несчастье, успехе и неудаче, надеждах и разочарованиях я верил, что он всегда будет со мной, но теперь я вижу, что он обманывал меня. Опираясь на него, я проделал такое долгое путешествие, но сегодня я вижу, что моя опора исчезает, распадается навсегда. Я думал, что он является надежной лодкой, но сегодня я обнаруживаю, что он сам — вода, вливающаяся в реку».

В этот момент мудрец обращается к своему уму: «О мой эгоистический ум, вспомни деяния, совершенные тобой, и деяния, которых ты желал и которые намеревался совершить. Вспомни обещания, которые ты давал, и утешения, которые ты предлагал. Вспомни, как сильно я доверял тебе. Вспомни, что ты склонял меня делать. Вспомни иллюзии, которые ты создавал во мне. Вспомни грезы, которые ты посылал мне. Вспомни безрассудства, в которые ты меня заводил. Теперь ты сам исчезаешь, а я вхожу в ту область, где тебя не будет. До сих пор ты меня убеждал в том, что там, где нет эго — где нет воли — нет никакого бытия. Но сегодня я вижу, что ты исчезаешь, и все же мое бытие остается».

Ум всегда говорит: «Если не будет воли, ты погибнешь. Ты не сможешь противостоять конфликтам жизни. Если в тебе не будет эго, ты погибнешь, ты не выживешь». Ум всегда подстрекает на действие, решимость и борьбу: «Если ты не будешь бороться, тебя уничтожат». Поэтому в такой день для мудреца вполне естественно посмеяться над умом и сказать ему: «Сегодня ты сам погибаешь, а я невредим. Ты исчезаешь, а я нет. До сих пор ты обманывал меня,

говоря мне, что я без тебя не спасусь. Но сегодня ты уходишь, а я остаюсь».

Мудрец использует этот момент для шутки и насмешки по двум соображениям — он говорит это, во-первых, себе самому, во-вторых, вам, кто еще не достиг дверей *самадхи* и энергично занимается тысячью и одним видом деятельности, чьи умы склоняют их делать то и делать это, чьи умы все еще говорят им: «Твоя жизнь будет растрчена попусту, если ты не сможешь совершить это, если ты не сможешь построить этот дворец. Ты ничего не стоишь, если ты не сможешь осуществить эту миссию. Это предприятие».

Вот к таким людям мудрец и адресует свою шутку. Он предостерегает их, ибо ум — великий обманщик. Все наши заблуждения создаются умом. Мы все не лучше Шехчалли (известный вымышленный персонаж, который жил в мире грез), и ум так хитер, что он не позволяет нам всматриваться достаточно глубоко, чтобы раскрыть его обман. У ума уже наготове новый обман еще до того, как мы успеваем рассмотреть предыдущий. Еще не успел рухнуть прежний обман, как ум уже изготавливает еще одно обманчивое строение и заманивает нас, говоря: «Зайдите, отдохните здесь».

Если бы было осуществлено некое желание и ум дал бы вам передышку хоть на одно мгновение, вы бы сразу смогли увидеть, что на самом деле ничего не было достигнуто через осуществление вашего первого желания, ради которого вы перенесли столько тревоги и беспокойства. Что вы на самом деле получили? Какой-то хлам. Но ум начинает сажать семена вашего следующего желания еще до того, как осуществлено предыдущее желание. Когда желание осуществлено, оно оказывается бесполезным, и интерес утерян, но ум сразу же порождает новое желание. Гонка начинается снова: ум никогда не дает вам возможности отдохнуть, остановиться, чтобы увидеть, в каком заблуждении вы пребываете. Когда у вас из под ног исчезает основа, ум не позволяет вам увидеть дыру на ее месте, но вместо этого предлагает вам новую основу, на которую вы могли бы встать.

Я расскажу вам одну короткую, но интересную историю, которую часто рассказывал Будда. Может быть, вы слышали ее, но, возможно, вы не интерпретировали ее подобным образом. Один человек бежал через лес. Вообще-то человек бежит по одной из двух причин. Либо нечто впереди привлекает его, либо нечто позади подгоняет его.

Этот же человек бежал по обшим причинам. Он бежал в поисках алмазов, поскольку кто-то рассказал ему, что в лесу есть алмазная шахта. Но в тот момент он бежал очень быстро, так как за ним гнался лев. На время он забыл об алмазах и думал о том, как спастись от льва. Он бежал, не теряя надежды, но в конце концов попал в тупик. Впереди не было дороги, только глубокая и опасная яма, и пути назад тоже не было. Нельзя было повернуть назад ни через лес, ни по дороге — вот и вы так бежите в погоне за алмазами или спасая свою жизнь, и нет пути назад. Все прошлое ушло навсегда. Вы не можете даже на дюйм отступить назад в прошлое.

Этот человек, преследуемый львом, тоже не мог повернуть назад, а впереди был тупик. Сильно перепуганный, не видя никакого выхода, он поступил так, как поступил бы любой отчаявшийся человек. Ухватившись за корни дерева, он повис на краю ямы, думая выбраться оттуда, когда лев уйдет прочь. Но лев, став на краю ямы, стал поджидать его. У льва тоже есть свои желания. Лев думал: «В конце концов человеку придется вылезти». Когда человек увидел, что лев поджидает его, он посмотрел вниз в поиске пути спасения, и там внизу, в яме, ревел бешеный слон.

Мы можем представить, каким ужасным было положение этого человека. Но это было еще не все. Злоключениям и бедам жизни нет числа. Потенциал жизни творить беды и несчастья неистощим. Внезапно человек осознал, что корень, за который он держался, медленно поддается. Он взглянул вверх и увидел двух крыс, энергично перегрызавших корни. Одна была белая, а другая черная. Будда обычно сравнивал их с днями и ночами, которые продолжают укорачивать жизнь человека. Мы можем понять, в какой опасности находилась жизнь этого человека теперь, когда не было никаких путей для спасения. Но нет, желания человека паразитительны и мошеннические трюки его ума изумительны. В тот момент человек увидел над корнем медовый сот, из которого одна за другой падали капли меда. Он подставил свой язык и на него упала капля меда. Испытывая великую радость, он закрыл глаза и сказал себе: «Как я счастлив, как сладок мед». В тот момент не было ни льва наверху, ни ревущего слона внизу, ни крыс, перегрызающих корни, ни страха смерти. В тот момент он забыл все свои страхи и мог только чувствовать: «Как сладко».

Будда говорил, что каждый человек находится в этом неприятном положении, но ум продолжает источать капли меда одну за другой. Человек закрывает глаза и говорит: «Как

сладко». Такая ситуация существует все время. Вверху смерть и внизу смерть. Там, где есть жизнь, повсюду вокруг есть смерть. Жизнь окружена смертью, и сами корни жизни каждое мгновение перегрызаются. Каждый день, каждое мгновение жизнь иссыкает, совсем, как с каждым мгновением ускользает песок в песочных часах. Итак, наша жизнь ускользает, но даже при этом, если нам достается капля меда, мы закрываем глаза и начинаем мечтать о надеждах. Ум говорит: «Смотри, как сладко». Когда с одной каплей покончено, готова упасть другая. Ум продолжает поддерживать нас с помощью обмана капля за каплей.

Поэтому мудрец говорит: «О мой эгоистический и жалающий ум, подумай об обманах, которые ты практиковал на мне. Теперь вспомни это — все твои прошлые деяния и все твои планы на будущее — ты был подстрекателем тех деяний, но сегодня тебе приходит конец, ты находишься у врат уничтожения, ты вот-вот будешь стерт». У врат *самадхи* ум становится пустотой, прекращают появляться мысли, исчезают сомнения и изменчивость ума, успокаиваются волны ума. Нет абсолютно никакого ума. Когда нет никакого ума, есть *самадхи*.

Я уже говорил вам, что одно значение слова *самадхи* — состояние отсутствия сомнений. Следует знать, что там, где есть ум, есть сомнения, сомнения, сомнения. Там никогда не может быть отсутствия сомнений. Ум — великий алхимик сомнения. Как на дереве вырастают листья, так и в уме вырастают сомнения, там никогда не вырастает состояние отсутствия сомнений. Оно есть только тогда, когда ума нет. Поэтому, когда ко мне приходит человек с просьбой освободить его ум от сомнений, я говорю ему: «Не беспокойся об этом, ты никогда не сможешь освободить свой ум от сомнений, оставь в стороне ум, и у тебя будет состояние отсутствия сомнений».

Сегодня вечером один друг спросил меня: «Как я могу освободиться от алчности?» Я сказал ему: «Ты никогда не сможешь быть свободным от нее, ибо ты сам есть алчность. Пока ты есть, ты никогда не сможешь быть без алчности. Если тебя не будет, не будет и алчности».

Состояние отсутствия сомнений в уме невозможно никогда, оно появляется только тогда, когда ума нет. Вот почему *не-ум* называется *самадхи* — нет абсолютно никаких сомнений. Пока ум есть, он будет продолжать создавать сомнения за сомнениями. Если вы разрешите одно сомнение, оно породит другое, и если кто-то даст вам решение, ум создаст из этого решения десять сомнений. Один друг

сообщил мне в письме, что он собирается посетить медитационный лагерь. Он встретился со мной два дня назад. В своем письме он писал, что его ум полон беспокойства. После трех дней пребывания в лагере его беспокойство исчезло. «После трех дней, — сказал он мне, — мое беспокойство ушло, но не является ли обманом то успокоение, которое я сейчас чувствую?» Я спросил его: «А не говорил ли тебе твой ум, что беспокойство — это обман?» Он сказал: «Мой ум никогда не говорил мне такого». Я спросил: «Как долго ты был беспокойным?» Он ответил: «Я всегда был беспокойным».

Его ум никогда не спрашивал, не является ли это беспокойство обманом. И теперь, когда за последние три дня он успокоился, ум спрашивает: «Этот покой реален? Не обман ли это?» Ум великолепен. Даже если вы встретите Бога, ваш ум породит сомнение: «Я не могу сказать с определенностью, настоящий ли это Бог или искусственный?» Пока есть ум, сомнение будет непременно возникать. Поэтому, пока вы будете сохранять ваш ум, вы будете оставаться в полной растерянности. Даже если приходит блаженство, ум становится подозрительным и начинает сомневаться в его наличии. Ум творит сомнения, порождает подозрения и вызывает заботы и тревоги. Почему же, несмотря на все это, мы так крепко держимся за ум? Если ум является корнем всех этих болезней — как говорят нам те, кто знает, — тогда в чем же причина такого цепляния за него? За ответом обратитесь к этим колким замечаниям мудреца. Причина, по которой мы так сильно цепляемся за ум, заключается в том, что мы боимся, что если ума не будет, тогда нас тоже не будет. Фактически преднамеренно или непреднамеренно мы отождествляем себя с умом. Мы стали верить в то, что «Я есть ум». Пока наше понимание будет таким, мы будем целиться за все эти болезни.

Вы не есть ум. Вы есть то, что само познает ум, что само видит ум и что само полностью осведомлено об уме. Чтобы осознать это, вам придется немного отодвинуться от него, вам придется немного отступить от него, вам придется немного подняться над ним. Вам надо будет встать на берегу, чтобы увидеть течение ума и осознать его. Как вы можете оставить ум, пока вы отождествляете себя с ним? Это было бы самоубийством. Оставить ум — значит умереть. Поэтому вы не сможете оставить его. Только тот может отбросить ум, кто знает: «Я не есть ум».

Первый шаг в *самадхи* — это переживание того, что «я

не есть ум». Это переживание становится все более и более глубоким, пока не становится столь ясным и несомненным, что ум полностью исчезает. Он исчезает, как пламя лампы, в которой кончилось масло. Даже если масло в лампе кончилось, фитиль будет продолжать гореть, пока в фитиле будет хоть немного масла — но он не будет гореть долго. Вот в таком состоянии и находится мудрец. Он осознал: «Я не есть ум» — но пламя продолжает гореть, сжигая теперь остаток масла в фитиле. Мудрец обращается к этому пламени в последние мгновения его горения: «О мой эгоистический ум, ты обещал мне всегда быть со мной и давать мне свет. Но ты вот-вот погаснешь. Я вижу сейчас, что масло кончилось, поэтому я спрашиваю тебя, на сколько тебя еще хватит? С тобой полностью покончено, а я все еще есть». Поэтому он говорит своему умирающему уму: «Я всегда был обособленным от тебя, но я всегда отождествлял себя с тобой. Это было мое заблуждение — *сансара, майя* — великое заблуждение».

Мудрец обращается к самому себе и, как я уже сказал вам, он обращается к вам тоже. Возможно, вы тоже сможете осознать это. Вернитесь к вашему детству, как страстно вы желали быть первым в классе. Как вы не спали по ночам, как вес экзаменов давил на ваш ум, как вы верили, что все зависит от них. Но сегодня нет никаких экзаменов, никаких уроков. Вернитесь и проверьте: что изменилось из-за того, что вы оказались первым, или вторым, или третьим или провалились? Сегодня вы ничего не помните о тех событиях. Вернитесь и посмотрите. Вы затеяли с кем-то ссору. Вы думали, что это — вопрос жизни и смерти. Сегодня, через десять лет, та ссора выглядит, как знаки, начерченные на воде. Кто-то оскорбил вас на улице, и вы бились над проблемой, как защитить себя от его брани. Просто посмотрите. Вы не были уничтожены. Сейчас оскорбления нет. Сегодня вы ничего не помните о нем. Вернитесь и посмотрите, какую важность вы придавали оскорблениям тогда. А сегодня оно настолько же важно? Нет, сейчас все это совершенно не важно.

Помните, то, что вы цените сегодня, не будет иметь никакой ценности завтра, поэтому не придавайте ему большой важности сегодня. Учитесь на своем вчерашнем опыте и отказывайтесь от признания ценности того, что вы делаете сейчас. На основании своего жизненного опыта мудрец говорит своему эгоистическому уму: «Я считал тебя таким важным, но в этот момент прощания с тобой, говорю тебе со всей определенностью, что ты все время занимался

обманом. И с моей стороны было глупостью не видеть, что я был и остаюсь обособленным от тебя».

Когда исчезает ум, исчезает все, ибо ум — это ядро, с которым связано все. Колесо всей нашей жизни вращается вокруг него. Поэтому мудрец заявляет, что пять элементов в теле втянутся в свои истоки и все исчезает, ибо ум — ядро, соединяющее все воедино — сегодня исчезает.

Когда Будда достиг абсолютного знания, он сказал нечто удивительное. Когда его ум был впервые разрушен и он вошел в состояние пустоты, он сказал точно так же, как сказал мудрец Упанишады. Он сказал: «О ум, сейчас я прощаюсь с тобой. До сих пор ты был нужен, ибо я хотел иметь человеческий облик. Но теперь человеческое тело мне не нужно, поэтому ты можешь уйти. До сих пор, нуждаясь в теле, я нуждался в его архитекторе, уме. Никто не может быть создан без него. Теперь у меня есть верховное жилище. Теперь я достиг места моего назначения. Теперь я достиг того нерукотворного дома, той обители в моей сущности. Теперь ты можешь уйти».

Такие сутры очень важны для искателей истины. Нет никакой пользы в заучивании их наизусть. Они благотворны, только если хранятся в сердце. Если они заучиваются и повторяются каждый день, они утрачивают свежесть. Мало-помалу их смысл утрачивается и остаются только мертвые слова. Но если этот факт — то, что ум есть не что иное, как обман, — ясно понимается вами, тогда в вашу жизнь входит новая революция. Я говорю об этих сутрах не для того, чтобы вы запомнили то, что я говорю. И стали пандитом. Нет, вы уже были пандитом еще до того, как услышали меня. Нет никакой нужды увеличивать объем ваших знаний. Я говорю об этих сутрах для того, чтобы дать вам истинную картину реальностей жизни. Если вы и будете вспоминать их, то пусть это идет через осознание того, что эти сутры приносят освещение вашего образа жизни.

Чжуан-Цзы был китайским даосским Мастером. Однажды вечером он со своими учениками проходил через место, отведенное для сжигания трупов. Его нога зацепила какой-то череп. Он поднял его и, несколько раз коснувшись его своей головой, попросил у него прощения. Его ученики спросили его: «Почему вы делаете это? Мы всегда думали, что вы — человек мудрости. Что это за безумие проявляется в вас сейчас?» Чжуан-Цзы ответил: «Вы не понимаете. Это место кремации отведено для очень важных персон. Только самые важные люди города кремируются здесь».

Ученики сказали: «Кто бы они ни были, знатные и незнатные, смерть — великий уравнитель».

Смерть является великим коммунистом — она низводит всех до одного уровня. Но Чжуан-Цзы сказал: «Нет, я должен просить у него прощения. Положим, этот человек был бы сейчас жив, каково было бы мое положение?» Ученики сказали: «Сейчас этот человек не жив, так зачем же вам беспокоиться из-за него?»

Но Чжуан-Цзы отнес этот череп домой и держал его рядом со своей постелью. Каждый, кто приходил повидать его, удивлялся, зачем он держит там этот череп. Чжуан-Цзы отвечал: «Нечаянно моя нога задела его. Поскольку этого человека больше нет, у меня нет возможности попросить у него прощения, поэтому я нахожусь в затруднительном положении. Чтобы решить эту проблему, я принес череп домой и продолжаю просить у него прощения в надежде на то, что когда-нибудь я буду услышан».

Услышав это, люди говорили ему: «Что за бред вы несете?» Тогда он говорит: «Другая причина, по которой я принес его сюда, заключается в том, чтобы он постоянно напоминал мне о том, что рано или поздно мой череп тоже будет лежать на кладбище, и люди будут задевать его ногами. Я не имею ничего против этого, но мне жаль, что я не буду в состоянии простить кого-то, кто будет просить у меня прощения. Поэтому, когда я принес этот череп домой, ко мне пришло великое понимание в отношении этого черепа. Глядя на этот череп, я буду оставаться спокойным и невзволнованным, даже если кто-то ударит ногой мой череп».

Это экзистенциальное понимание, оно не интеллектуально. Это понимание принесло плоды, человек трансформирован. Таким же самым образом, если эта сутра достигнет вашего сердца, она будет приносить плоды, когда вы будете что-то делать и ваш ум будет тем или иным способом подгонять вас. Например, эту сутру следует дать такому человеку, как Мораджи Десаи, который постоянно планирует делать то и делать это. Ум продолжает работать подобным образом до самой смерти, хотя он ничего не получает от своей деятельности. Начав свою карьеру с должности помощника сброщика налогов, он поднялся до поста заместителя министра, он ничего не достиг. Даже если он поднимется еще выше, из этого не выйдет ничего ценного.

Ум всегда удерживает вас в затруднительном положении независимо от того, выигрывает он или проигрывает. Ум подобен игроку. Если он проигрывает, он думает: «Дай-ка

я сыграю еще раз. Я могу выиграть». А если он выигрывает, он думает: «Теперь ко мне пришла удача, я должен не упустить ее. Сыграю-ка я еще раз». Если игрок выигрывает, он начинает надеяться на большее и продолжает играть. Если же он проигрывает, его ум не может примириться с перепетикой оставить игру проигравшим: «Сыграй-ка еще раз, ты можешь выиграть. Попробуй снова».

Поэтому вспоминайте эту сутру, когда ум, подобно игроку подстрекает вас продолжать, несмотря на победу или поражение. И обращайтесь к нему со следующими словами: «*О мой ум, полный эго и желаний, вспомни свои прошлые деяния*». В результате такого воспоминания ваша привязанность к данному деянию будет ослаблена. Ваша глупость, проявляющаяся в том, что вы воображаете себя деятелем, будет разбита вдребезги, и вы будете продвигаться к *самадхи*. Вы будете углублять интенсивность вашей медитации. Помните: бессознательность не годится. Если вы будете продолжать оставаться несознающим и нечувствительным по отношению к работе ума, тогда ваш ум будет продолжать то, что он делал вчера.

Возможно, вы не знаете этого, но ваш ум никогда не делает ничего нового или оригинального. Он просто продолжает повторять то, что он делал раньше. Вы гневались вчера, вы гневались позавчера. И позавчера, когда гнев прошел, вы раскаивались и клялись никогда больше не гневаться. Но вчера вы повторили то же самое. И вот сегодня вы снова повторяете это. Ваш гнев стар, и ваше раскаяние тоже старо. Изю дня в день вы повторяете одно и то же. Если вы не способны оставить гнев, то, по крайней мере, прекратите раскаиваться в нем, разружьте хоть одну из ваших старых привычек. Но вы не сделаете этого, ваш гнев и ваше раскаяние идут рука об руку. Вся жизнь человека — это повторение. Она не отличается от жизни вола, работающего на отжимном прессе для сахарного тростника. Вол может думать, что он проходит большое расстояние, так как его глаза остаются закрытыми, когда он продолжает все ходить и ходить по кругу. Он может думать, что он прошел всю землю и, должно быть, приближается к месту своего назначения. Подобно этому волу ум ходит по кругу. Если человек будет вести дневник, ему придется задуматься, а не является ли он всего лишь машиной: те же действия, тот же распорядок дня, повторяющийся снова и снова. После двадцати лет совместной жизни жена знает, что скажет ее муж, когда он придет домой поздно вечером. У нее накоплен двадцатилетний опыт. Муж тоже знает,

как отреагирует его жена на его оправдания. И все равно они оба будут проходить через те же самые вопросы и те же самые ответы.

Поглощенный таким образом в механический процесс ума человек, живущий в бессознательности, упускает все благоприятные возможности, которые ему выпадают в жизни, а таких возможностей немало. Но мы так искусны в упускании их. Каждый день появляется новая возможность быть новым, не повторяя старое. Но мы повторяем старое. Это происходит потому, что мы не помним эту сутру: «Вспомни твои прошлые деяния». Прежде чем вы разгневаетесь завтра, скажите вашему уму: «О ум, вспомни все случаи, когда ты приходил в гнев». Сперва остановитесь на пару секунд и вспомните все случаи, когда вы были в гневе раньше, и затем впадайте в гнев. И я говорю вам, тогда вы не сможете гневаться.

Всякий раз, когда ум наполняется желаниями и страстями, обращайтесь к вашему уму так: «О мой ум, полный эго и желаний, вспомни желания, которые ты лелеял в прошлом». Вспоминайте о своих старых переживаниях перед отправлением в новое путешествие, тогда вы не начнете еще одно путешествие через старое. Ваше желание остановится в изумлении и растерянности. Такого осознания достаточно для разрушения механического способа функционирования ума.

Гюрджиев написал в своих воспоминаниях, что последний совет его отца изменил весь ход его жизни. Он был тогда маленьким мальчиком, самым молодым в семье. Находясь на смертном одре, его отец призвал всех своих сыновей и сказал нечто каждому из них. Когда был призван самый младший сын, отец сказал: «Подойти и наклонись ко мне. Я хочу сказать тебе нечто, что ты должен помнить всю твою жизнь. Больше мне нечего тебе дать. Я хочу, чтобы ты дал одно обещание — что ты будешь выжидать двадцать четыре часа всякий раз, когда будет возникать возможность совершить злое дело. Разумеется, ты сможешь совершить его, но прежде чем совершить его, подожди двадцать четыре часа. Дай мне это обещание. Если ты захочешь впасть в гнев, впадай в него полностью, я не запрещаю тебе, но впадай в него через двадцать четыре часа. Если ты захочешь убить кого-то, сделай это с легким сердцем, но подожди двадцать четыре часа».

Гюрджиев спросил: «А зачем это?» Его отец сказал: «Следуя этому совету, ты будешь в состоянии совершать поступок лучшим образом. Ты сможешь хорошо планиро-

вать его, и мой жизненный опыт говорит, что в твоём плане не будет никакой ошибки. Этот опыт — мой дар тебе».

Гюрджиев написал: «Этот совет изменил весь ход моей жизни, ибо никто не сможет совершить злое дело, если он будет выжидать двадцать четыре секунды, не говоря уже о двадцати четырех часах».

Когда вы начинаете гневаться, посмотрите на часы и скажите себе: «Я буду гневаться через минуту». Когда секундная стрелка совершит один оборот, отложите часы и начинайте гневаться. Вы не сможете гневаться, так как за эти шестьдесят секунд в вашем уме промелькнут видения всех прошлых случаев вашего гнева. Перед вами снова возникнут все прошлые раскаявания, все дававшиеся вами клятвы, все ваши решения никогда больше не гневаться, и вы не сможете впасть в гнев.

Но мы не выжидаем при совершении злого дела, мы выжидаем только при совершении добрых дел. Сегодня ко мне пришел один друг и выразил свое желание быть посвященным в *саньясу* на свой день рождения, до которого еще два или три месяца. Никто не ждет дня своего рождения, если хочет впасть в гнев. Я спросил его: «Это точно? Откуда ты знаешь, где ты будешь в свой день рождения? Он может оказаться также днем твоей смерти».

Вы не можете положиться даже на следующее мгновение, что же говорить о двух или трех месяцах? Мы откладываем хороший поступок, но плохой поступок мы совершаем немедленно, чтобы не упустить возможность совершить его. Вы не можете положиться на следующее мгновение, оно может прийти, оно может и не прийти. Если вы упускаете возможность совершить добро, она может не появиться снова, и если вы отложите — хотя бы на мгновение — свершение злого дела, я говорю вам, что вы не сможете совершить его. Тот, кто достаточно силен для того, чтобы выждать хотя бы мгновение, будет не в состоянии совершить злое дело. Чтобы выждать одно мгновение, требуется великая сила. Выждать одну секунду, когда глаза начинают наливать кровью, а кулаки начинают сжиматься в гневе — это величайшая сила в этом мире.

Мудрец создал эту сутру для того, чтобы выставить себя в смешном свете — посмеяться над собой, а также и над всеми нами. На сегодня достаточно.

Прежде чем мы начнем, попытайтесь понять несколько вещей в отношении медитации. Первое: никогда не откладывайте ее, даже на секунду. Не думайте: «Я начну завтра». Ее надо практиковать сейчас. Я должен сказать

кое-что о тех, кто сидят позади меня. Я попросил их сидеть. Кажется, они подумали, что им надо просто сидеть там. Когда я оборачивался и смотрел на них, я обнаружил, что едва трое — десятеро из них участвовали в медитации, остальные сидели без дела. Сидя без дела, вы ничего не добьетесь — иногда я прихожу в недоумение, видя, как они сидят праздно, ничего не делая, когда так много людей вокруг них полностью входят в это, вдохновляются этим, танцуя и прыгая — у вас, что, камни вместо сердец, что ничего не трогает вас? Вас, что, совершенно не затрагивает то, что вы видите столько людей, находящихся в восторге, в экстазе? Вы очень разумны. Вы так контролируете свои чувства, что ничто не может воздействовать на них. Пожалуйста, дайте себе волю. Не сидите, как камни, здесь, где столько людей танцуют с открытыми сердцами и стали невинными, как дети. Оставьте свою неподвижность, расшевелитесь.

Вот что еще надо помнить. Некоторые из вас думают: «Мы будем делать это, когда это станет возможным для нас». Девяносто процентов делают это по собственной воле, а десять процентов — нет. Но им самим придется разрушить этот барьер. Поэтому я говорю вам, что те, кто думает, что они не могут делать это сами, должны начинать делать это. Им придется прикладывать усилия всего пару секунд, на третьей секунде это станет спонтанным. Раз пробившись из земли, ручей начинает литься естественным образом. Остался всего один день, поэтому я хочу, чтобы никто не оставался незатронутым. Давайте все участвовать.

*О огонь, наставь нас на
праведный путь.*

*О Бог, знающий все
знания и деяния,
уничтожь наши*

обманчивые грехи.

*Мы склоняемся перед
твоей бесчисленное
количество раз.*

ИСЧЕЗАЯ ВВЕРХ

Мы видели ручьи, стекающие с гор. Мы знаем реки, текущие к океану. Вода всегда течет ко все более и более низким уровням, в поисках самого низкого уровня и ее путешествие завершается в ямах. Ее путь — это течь вниз. Ее природа — двигаться вниз и вниз.

У огня совершенно противоположная природа. Он всегда устремляется вверх. Его путь — это подниматься вверх, все выше и выше к небу.

Вы можете зажечь огонь где угодно, вы можете держать его в любом положении, вы можете перевернуть лампу вверх дном — но ее пламя по-прежнему будет подниматься вверх. С древних времен возвышенные души — мистики ясно понимали стремящуюся вверх природу огня.

Сознание может литься по обоим путям, как вода или как огонь. Обычно мы течем, как вода, отыскивая все более низкие ямы. Если нашему сознанию предоставляется случай соскользнуть вниз, мы сразу же оставляем путь, ведущий вверх. Обычно мы ведем себя подобно воде, но нам следует вести себя подобно огню, оставляя более низкие уровни, когда нам предоставляется даже малейшая возможность подняться выше. Мы должны быть готовы использовать даже малейшую возможность, чтобы расправить наши крылья и взлететь к небу.

Для ищущих пути вверх, для надеющихся войти в более высокое измерение огонь стал идеалом — символом устремления, его считали богом. Есть еще одна причина, по которой огонь считали символом и Богом. Когда искатель начинает путешествие вверх, он одновременно начинает путешествие внутрь. Оно как раз противоположно путешествию, которое направлено одновременно вниз и вовне.

По своим смысловым значениям слова «вовне» и «вниз» синонимичны, слова «внутри» и «вверх» синонимичны тоже. Вы поднимаетесь вверх настолько, насколько вы продвигаетесь внутрь. И вы опуститесь вниз настолько, насколько вы продвинетесь вовне. И вы продвинетесь вовне настолько, насколько вы опускаетесь вниз. И вы продвигаетесь внутрь настолько, насколько вы поднимаетесь вверх. С экзистенциальной точки зрения, «вверх» и «внутри» имеют один и тот же смысл. Те, кто решили отправиться в путешествие вверх, должны были отправиться и в путешествие внутрь, и по мере их продвижения внутрь тьма стала убывать, а

свет — нарастать. Поэтому огонь стал символом путешествия внутрь.

Есть еще одна причина, по которой огонь стал символом, и ему начали поклоняться с великой преданностью. У огня есть своя невыразимая красота. Он сохраняет чистое и уничтожает нечистое. Если в огонь бросить золото, то все примеси выжигаются и уничтожаются, а золото выходит из огня еще более ярким. Это известно как испытание огнем — проверка, сохраняющая чистое и уничтожающая нечистое. Испытание огнем — это не просто бросание какой-нибудь Ситы в костер (Сита, жена Рамы, бросилась в пламя, чтобы доказать свою верность). Он стал символом того факта, что огонь уничтожит то, что нечисто, и сохранит и защитит то, что чисто. Это его естественное свойство. Он стремится защищать чистое и выжигать нечистое.

Внутри нас есть много нечистоты — столь много, что нельзя увидеть и следа золота, хотя оно может лежать скрытым где-то внутри нас. Иногда какой-нибудь мудрец говорит о золоте, но когда мы начинаем искать его, мы не находим ничего, кроме камней. Поэтому мы должны даже золото бросить в огонь. Смысл покаяния — в бросании золота в огонь. Слово *tana* (покаяние) происходит от *tana* (огонь). *Tana* не означает, что человек просто стоит под жаркими лучами солнца, практикуя покаяние. Покаяние означает, что человек внутри должен пройти через такой огонь, что все нечистое сгорает — уничтожается — а все чистое остается.

Необходимо понять еще две—три вещи об огне, чтобы было легко помнить о его божественной форме, его божественности. Будет полезно понять молитву мудреца: «О огонь, наставь меня на праведный путь», — и осознать, почему такая молитва возносилась огню. Вы видели огонь, вы видели и воду. Как бы низко вода не опускалась, она остается. Стекая вниз с горы, она попадает в яму, но она не пропадает, она не исчезает. Огонь поднимается к небу, но, поднявшись на большую высоту, исчезает.

По правде говоря, тот, кто отправляется в путешествие вверх, исчезнет. По мере того, как он поднимается все выше и выше, он исчезает с каждым мгновением. Вскоре он потеряет свое эго и его больше не будет. Он будет одним целым с небом. Огонь остается видимым, пока поднимается на небольшое расстояние, а затем исчезает, потерянный в пустоте, в ничто. Вода остается, как бы далеко вниз она ни текла. Эго будет оставаться в этом путешествии вниз и, если оно пойдет глубоко вниз, оно трансформиру-

ется. Когда эго спускается очень низко, оно становится тяжелым, подобно камню. Помните это; эго становится сильным, твердым, кристаллизованным, когда вы спускаетесь все ниже и ниже, и становится тонким, слабым и невидимым, когда вы поднимаетесь все выше и выше. Понаблюдайте за пламенем и вы увидите: миг прошел и оно исчезло. Куда оно ушло?

Когда Будда был готов войти в свое конечное освобождение, он сказал: «Через несколько секунд я прекращу быть». Его спросили: «Где ты будешь тогда, когда тебя не будет?» И Будда ответил: «Посмотри на лампу и спроси, куда ушло ее пламя, исчезнувшее в воздухе? Я так же исчезну вскоре. Наступит момент, когда мое пламя будет растворено в бездонном небе».

Есть еще один секрет, одна тайна, касающаяся огня. Он сжигает все и в конце концов разрушает и себя также. Потребив топливо, огонь не спасает себя. Пока есть топливо, есть и огонь. В конце концов все исчезает и огня не остается, он тоже исчезает. Было бы жестоким, если бы он остался после сожжения всего, но это проявление любви — его исчезновение, после того, как исчезли другие. Поэтому огонь — это не враг топлива, это его друг, любовник. Если бы это было не так, он бы, конечно, спас себя, потребив топливо.

Он не потребляет других, чтобы сохранить себя; не в этом природа огня. После того, как топливо сгорело, он сжигает себя и успокаивается.

Нужно отметить, что топливо сохраняется в форме пепла после сгорания. В то время как огонь не сохраняется ни в какой форме, он настолько чист, что не оставляет тепла. Фактически пепел состоит из нечистоты. Огонь есть лишь чистейшее существование, он не оставляет следов. Для искателя очень трудно найти идеальный символ для того, что происходит внутри. Самый лучший из найденных до сих пор символов — это огонь. Горит он постоянно, как в храмах парсов, или на религиозных церемониях *риши*, или в храмовых лампах, огонь до сих пор был наилучшим символом, ближайшим к тому, что происходит внутри. Поэтому люди считают его Богом. Что же считается Богом? Не просто то, что божественно, поскольку все и вся божественно; все божественно, поскольку все происходит из божественно.

Словарное значение слова *девата* — «тот, кто божественен», но все божественно. Некоторые знают этот факт, а другие — нет, но есть ли что-нибудь, что не было бы божественным? Камень, дерево, река, гора, небо — все божественно. Каждый атом божественен, поэтому слово *де-*

vata не означает «то, что божественно». Почему же нечто получает эпитет бога в некоем особом дополнительном смысле? Это означает следующее: оно не только божественно, но и ведет других к божественности. Тот, кто обращает других к божественности, кто указывает на божественность, кто обращает наши способности на божественное, есть Бог. Вот почему мудрецы могли говорить, что *гуру* это Бог. Не было никакой другой причины, кроме этой. Если глядя на небо, человек вспоминает о том, что пребывает без формы, тогда небо — это Бог. Но в понимании этого мы сталкиваемся с трудностями.

Для тех, кто читает Веды сегодня, бывает трудно понять их утверждения, что Небо есть Бог, Индра есть Бог, солнце есть Бог и так далее. Они думают: «Что это за безумие, что за абсурд?» Когда западные люди впервые прочли Веды, им тоже оказалось трудным их понять. Они говорили: «Это — политеизм — религия многих богов. У этих людей есть тенденция видеть бога во всех вещах». Но нет, это не так. Бог — это тот, благодаря кому вспоминают о божественном, кто толкает к божественному, кто вызывает вибрацию струн «вины» сердца, благодаря кому человек начинает путешествие к божественному.

Посмотрите на небо. Если вы будете продолжать смотреть на него некоторое время, форма исчезнет и начнется откровение бесформенного. Таким образом, небо указывает на бесформенное. И будем ли мы тогда столь неблагодарны, что не возблагодарим этот феномен, говоря: «О Бог, ты напомнил мне о бесформенном, я благодарен»?

Смотрите, не отрываясь, на огонь — именно в этом заключались цель и смысл религиозных жертвоприношений огню. Сама жертва не была столь важна в жертвоприношениях огню. Важным было, сидя рядом с огнем, быть одним целым с трансцендентальным путешествием огня. Вы видите, как огонь устремляется вверх, как его пламя исчезает в это огромное ничто, и если в этот момент вы сконцентрированным и медитативным умом становитесь одним целым с этим пламенем и теряетесь в пустоте, тогда огонь становится вашим Богом. Бог — это то, через что вы слышите божественное, благодаря чему вы вдохновляетесь внутри на продвижение к божественному, благодаря чему наше спящее семя божественности прорастает, ведя нас к божественности. Вот почему мудрец говорит: «О огонь, наставь меня на правильный путь. Я не знаю пути. Я даже не отличаю благоприятное от неблагоприятного. Я невежествен. Пожалуйста, веди меня».

Здесь есть один аспект, который должен быть глубоко понят. Тот, кто просит, чтобы его наставили на правильный путь, высказывает не обычную просьбу. Она экстраординарна, ибо сама просьба является основой для помощи, которая нужна человеку для продвижения к правильному пути. Эта просьба необычна, так как любое наше намерение, любая страсть, любое желание ведет нас к неправильному пути — о нем не надо вымаливать, не надо просить. Природа дала нам достаточные средства для этого, сама природа ведет нас туда. Если вы хотите опуститься, деградировать, вам в помощь не нужна никакая молитва.

Если вы хотите идти во тьму, природа уже помогает вам. Ваши собственные действия ведут вас на этот путь. Ваши собственные привычки и прошлые впечатления уже направляют вас к нему. Интересно отметить, что еще никто не молил Бога наставить его на несправедный путь. Здесь Бога не требуется. Человек сам достаточно силен и одарен для того, чтобы впасть в заблуждение. Для этого не нужно никакой помощи Бога. Наоборот, человек обладает способностью вообразить Бога на неправильном пути.

И все безумие в том, что именно несправедный путь полон опасностей и все же никто не просит помощи Бога для того, чтобы стать на него. Это следовало бы делать так: «О Бог, пожалуйста, помоги мне на несправедном пути, ибо он полон опасностей».

Идти по этому пути — значит подвергаться несчастьям, страданиям и безумию. Он навлекает беды на наши головы. При таких обстоятельствах следовало бы искать помощи Бога, но никто не ищет ее, ибо каждый думает, что он вполне способен справиться сам. Человек достаточно силен для того, чтобы следовать по несправедному пути, но когда речь заходит о следовании по правильному пути, он внезапно обнаруживает, что неспособен на это.

Причина его слабости заключается в том, что все его желания и страсти тянут его вниз, а природа не одарила его ни одной страстью, которая поднимала бы его наверх. Если он ничего не делает и стоит спокойно, он автоматически будет сползать вниз, скользая и наталкиваясь на что-то в своем спуске. Чтобы тянуть его вниз, достаточно будет гравитационной силы природы. И с каждым шагом он будет думать о том, как двигаться все дальше и дальше вниз. Вся жизненная сила будет направлять его все дальше и дальше вниз. Он воображает, что где-то внизу есть счастье, и если при всех своих усилиях он сталкивается с несча-

ством, он рассуждает, что это так потому, что он не зашел достаточно далеко.

Когда так называемые честные люди встречаются со мной, они говорят: «Вы видели, как счастливы в этом мире нечестные люди?» Я называю таких людей «так называемыми честными людьми», потому что они не могут оставаться честными долго, поскольку они видят счастье в нечестности. Они не могут быть честными из глубины своих сердец, и если они и представляют себя честными, то это из страха. Чтобы быть нечестными, требуются отвага и дерзновенность. Они же слабы и трусливы, они не отваживаются практиковать нечестность или вероломство. Но их убеждение, что вероломные люди становятся счастливыми и процветающими, раскрывает правду — голос их желаний предупреждает их о том, что они совершают ошибку, оставаясь честными.

И изнутри та же природа побуждает вас двигаться все дальше и дальше вниз. Почему? Потому что опускаясь, вы все больше и больше становитесь частью природы. А когда вы поднимаетесь все выше и выше, вы выходите за пределы природы. Природе легко убедить вас опуститься еще ниже, ибо там — больше покоя, а если вы станете подобным камню, покой будет полным. «Иди вниз, оставь в стороне твое сознание, — говорят ваши желания и страсти. — Отбрось сознание, оно — причина твоего несчастья, поэтому оставайся в трансе — в бессознательном состоянии». Вот почему человек начинает пить спиртные напитки, принимать наркотики и заниматься тысячей другими подобными трюками — чтобы можно было легко опускаться и пребывать в трансе. Есть целая система средств, помогающих вам опуститься, но нет ни одного, помогающего вам подняться. А без подъема вверх нет никакого блаженства, никакого умиротворения.

В этом человеческая дилемма. В этом — смятение человека — поединок, который ему приходится вести, имея в своем распоряжении все средства и способы для движения вниз, но ни одного указанного способа, который помог бы ему двигаться вверх. А без движения вверх ничто не удовлетворяет. Без движения вверх ничего не достигается, кроме блужданий. В таком беспомощном состоянии изнутри появляется молитва. Когда человек осознает беспомощность своего положения, он обращается с молитвой к Богу. Поэтому мудрец возносит молитву: «О Бог, наставь меня на праведный путь». Это не означает, что какой-то Бог направит вас на этот путь. Такого рода толкование поро-

дило много ложных верований. Никакой Бог не будет вам помогать. Вам самому придется идти к этому пути. Но эта молитва придает вам силы — воодушевит вас — продолжать двигаться дальше. Если эта молитва становится твердой и сконцентрированной в вас, если она станет жадной, криком из каждой частички вашего тела, если она станет самим вашим дыханием, выкрикивающим: «О Бог, о огонь, отведи меня туда, где все исчезает и остается только то, что не есть я, что было без меня и что будет без меня», — тогда молитва откроет дверь внутри вас. Она будет средством, направляющим вас на праведный путь, ибо мы идем туда, куда мы в глубине души стремимся. Сами наши мысли становятся нашими действиями.

Эддингтон написал одну поразительную сентенцию, тем более поразительную, что она написана таким человеком, как Эддингтон. Он был лауреатом Нобелевской премии и одним из величайших ученых за последние пятьдесят лет. В последние дни своей жизни он написал в своих воспоминаниях: «Я занялся научным исследованием в юности. Тогда мир, Вселенная, представлялся мне скопищем вещей. Но погружаясь все глубже и глубже в исследовательскую работу и сталкиваясь с тайнами природы, я стал осознавать, что Вселенная напоминает больше мысль, чем вещь. Это — мое завещание миру».

Это же самое утверждение заключено в первом изречении Будды в «Дхаммападе». «Ты будешь тем, о чем ты думаешь, поэтому уделяй должное внимание своим мыслям, ибо ты не можешь переложить ответственность за свои деяния на кого-то другого. То, что ты делаешь сегодня, есть результат того, что ты думал вчера».

Наши собственные безрассудства и ошибочные понятия обретают плоть и превращаются в действия. Наши собственные мысли уплотняются и диктуют нам жизнь. Незначительная волна мысли, возникнув, начинает свое путешествие и, если не сегодня, то завтра становится трехмерной вещью.

Все на самом деле является сконцентрированными мыслями. То, чем мы являемся, есть результат наших мыслей. Поэтому, если какая-нибудь молитва становится настолько сконцентрированной, что возбуждает каждую частицу вашей жизни, заставляет сильнее биться ваше сердце, воздействует на ваши ночные сновидения, охватывает ваши дневные грезы, проникает в ваш сон и становится наваждениями вашей жизни, тогда ваша молитва удовлетворена. Никакой Бог не придет вам на помощь, но молитва, воз-

носимая божественному, где бы мы его ни видели, создает в нас это возбуждение.

Это различие должно быть правильно понято. Если вы думаете: «Теперь моя жизнь будет беззаботной. Я помолился Богу, теперь он позаботится обо мне», — тогда вы ошибаетесь. Так думают многие люди. Они думают: «Мы достаточно возблагодарили Бога вознесением наших молитв, мы достаточно ублажили Его, теперь Его долг — позаботиться о том, чтобы наши молитвы были удовлетворены». И если Бог не реагирует, они жалуются на него и заявляют: «Бога нет, это все надувательство».

Нет, молитва не означает перенесение нашей ответственности на другого. Молитва — это своего рода механизм, при помощи которого мы привносим возбуждение во всю нашу жизнь. Мы возбуждаем каждую частицу нашего тела — и запомните, это механизм, который может глубже всего проникнуть в ваше сердце и тело. Если кто-то полностью поглощен молитвой, всем сердцем, тогда каждая частица его тела становится активной.

Никакая мысль не проникает так глубоко, как молитва. Никакое желание не проникает так глубоко, как молитва, при условии, что человек обладает способностью по-настоящему молиться. Нет ни одного желания, от которого бы вы не могли освободиться. Вы можете быть свободны от секса, который считается самым стойким из желаний. Вы не поглощаетесь полностью даже сексом. Вы обособлены даже от него. Некая скрытая часть сознания остается вне его. Самое большее, сексуальной деятельностью поглощается тело, и лишь очень небольшая часть ума сексуально возбужденного человека вступает в действие. Но сознание и душа остаются вне его абсолютно. Вы не можете быть тотальны в сексе, и это является причиной беспокойства и разочарования в сексуальном желании. Вожделеющий ум говорит: «Я погружусь в него полностью и извлеку из него полное наслаждение», — но он никогда не может погрузиться полностью. Он всегда оказывается как будто полностью погруженным, но на самом деле неспособным на это. Он доходит до определенного предела, а затем возвращается. Как только он достигает момента погружения, так момент разрядки выносит его назад.

Молитва — это то единственное, во что человек погружается полностью, ничто не остается снаружи. Молитва становится тотальной, когда снаружи не остается ничего от человека, возносящего ее. Если возносы молитву вы в ней не полностью, тогда она становится поверхностным ак-

том. Она не будет воздействовать на вас, вы будете оставаться незатронутым. Но молитва может быть настолько глубокой — иногда она становится такой — что человек, возносящий ее, пропадает и остается только молитва. Тогда, когда человек пропал в потоке тотальной молитвы, случается то самое и начинается путешествие к праведному пути. Человек совершает поворот на сто восемьдесят градусов от путешествия вниз к путешествию вверх.

Вот почему мудрец возносит молитвы огню: огонь — это устремляющийся ввысь феномен, он сжигает нечистоты, у него нет эго и он весьма скоро поглощается небом. Когда кто-то погружается полностью в молитву — становится одним целым с ней — он становится пламенем, в котором нет никакого дыма. Дым есть до того, как человек начинает молиться по-настоящему. Нет никакого непосредственного огня. В начале бывает много дыма, поскольку наше топливо очень сырое. На самом деле топливо настолько сырое, насколько многочисленны наши желания. Это подобно клубам дыма, которые поднимаются, когда мы разводим костер из сырых дров. Не бойтесь этого. Человек, отправляющийся в путешествие молитвы, сперва не видит огня, вначале он видит только густой дым, поскольку у нас много сырого топлива. Вот почему мудрец просил огонь сжечь и его прошлые деяния тоже, ибо эти деяния и являются топливом, которое так сыро.

Когда деяние бывает сухим и когда сырым? Какое деяние можно считать сухим и какое деяние можно считать сырым? Если деяние сухое, путешествие вверх легко, поскольку сухое деяние является хорошим топливом. А если оно сырое, тогда путешествие вверх становится трудным, ибо топливо не горит, а лишь дает много дыма. Когда вы остаетесь полностью обособленным от деяния, когда совершаете его, тогда деяние является сухим. Сырым же деянием является то, с которым вы остаетесь связанным при его совершении и даже после его совершения.

Если вы можете быть свидетелем, когда совершаете деяние, тогда деяние становится сухим. Если же вы неспособны быть свидетелем деяния, когда совершаете его, а становитесь деятелем, тогда деяние будет сырым. Если при совершении деяния вы полны Эго и говорите: «Я совершаю его», — тогда это деяние становится сырым. Если же вы говорите: «Бог побуждает меня совершить это, природа совершает это через меня, я же просто свидетель», — и, разумеется, вы не только говорите, но осознаете это и живете в этом духе тоже, тогда это деяние становится сухим.

И пламя жизни тех, кто обладает топливом сухих деяний, сразу же устремляется в *Брахму* — в вечный дух, а те, кто обладает топливом сырых деяний, оказываются в трудном положении.

Мудрец знает, что у всех нас большинство наших деяний сырое. Поэтому попытайтесь сделать ваши деяния сухими, ибо одна молитва без сухих деяний не достигнет ничего. Отрывайте ваше эго от ваших прошлых деяний и не позволяйте вашим настоящим и будущим деяниям быть связанными с эго. И всегда помните, что никто не придет осуществить вашу молитву. Вы будете трансформированы только благодаря вашей собственной молитве. Молитва — это трансформация. Трансформация не следует за молитвой, она случается в самой молитве. Поэтому не ожидайте появления плодов молитвы в будущем, ибо молитва сама есть плод. И спокойно забывайте о молитве после ее вознесения, ибо сама она есть плод. Возносить молитву в правильном духе — это великое достижение. Но мы придерживаемся ошибочных понятий, ожидая, что кто-то другой осуществит молитву нашу, думая, что раз мы вознесли молитву, то теперь мы должны ожидать плодов.

Подобно огню молитва — интенсивно живущий феномен. У молитвы есть три аспекта, которые я объясню вам, чтобы вы могли правильно понять ее смысл. Во-первых, когда вы возносите молитву, вы говорите «прощай» вашему эго. И если эго остается, не может быть никакой молитвы. Когда мудрец говорит: «О огонь, о Бог, покажи мне правильный путь, я ничего не знаю», — он распрощался со своим эго. Молитва — это полное приятие вашей ничтожности. Вы не можете вознести молитву, пока не превратитесь в ничто. Итак, первый аспект: возносить молитву — значит демонстрировать признание вашей ничтожности, вашей полной беспомощности. Я заявляю, что я не в состоянии сделать что-либо. Я признаю, что все, что я делал, тянуло меня вниз и лишь еще больше запутывало и сбивало меня с толку. Мои деяния стали моим адом. Переплетение моих деяний стало бременем, камнем, давящим на мою грудь. Я больше ничего не могу делать. Теперь я возношу молитву: «О Бог, теперь деятель — Ты, теперь веди меня дальше». Позвольте мне повторить, это не означает, что Бог будет вести вас. Сама эта молитва будет вести вас. Если она совершается всем сердцем, с предельной искренностью и если эго полностью отсутствует, тогда молитва непременно поведет вас. Итак, первая сутра такова: никакого эго.

Вторая сутра: мы слишком много полагаемся на самих себя. Однажды некий человек подошел к святому Экхарту и сказал: «Я — человек, обязанный всем самому себе». Услышав его, Экхарт со сложенными руками посмотрел на небо и сказал: «О Боже, с Тебя снята такая ответственность. Это хорошо, что этот человек обязан всем самому себе, ибо я дивился тому, как Тебе удастся присматривать за всеми различными типами людей, которых Ты сотворил». Затем, снова взглянув на того человека, он сказал: «Поскольку ты всем обязан самому себе, ты оказал Богу великую услугу. Наконец, Бог избавлен от обвинения в ответственности за тебя».

Мы очень верим в самих себя. Большинство из нас думает, что мы обязаны всем самому себе. Это похоже на веру в то, что мы являемся нашими собственными отцами. Каждый думает подобным образом. Все наше поведение претендует на доказательство того, что мы являемся нашими собственными отцами. Человек, который думает, что является своим собственным отцом, пытается поднять себя за шнурки своих ботинок. Мы все ведем себя подобным образом, и, поступая так, мы только изнуряем себя, рвем наши шнурки и причиняем себе боль.

Никто не способен поднять самого себя. Прекратить полагаться на самого себя — вот что такое молитва. Поэтому отбросьте это тщеславное убеждение: «Я все-таки подниму сам себя». Отбросьте эту уверенность: «Я проложу мой собственный путь и достигну места назначения моего путешествия сам». Я повторяю, это путешествие должны будете совершить вы, никто другой не совершит его за вас. Но путешествие начинается только тогда, когда отброшена уверенность в себе. Эта уверенность в себе — препятствие. Как только вы ее отбрасываете, ваша энергия высвобождается и становится сконцентрированной на Боге. Вы сами становитесь Богом. Нет никакого другого огня, который будет вести вас: только огонь внутри вас может сделать это.

У вас внутри есть достаточно божественности, чтобы начать путешествие, но эта божественность будет суживаться в той мере, в какой вы обладаете эго. Эго не сможет найти дорогу, оно обнаружит закрытые двери. Несмотря на огромные усилия, эта божественность не сможет вознестись, поскольку эго подобно камню у вас на шее, который утопит вас в реке. Но отбросьте вашу уверенность в себе, и вы сможете переправиться через реку.

Наблюдали ли вы когда-нибудь одно поразительное явление, происходящее в реках? Но мы не наблюдаем, мы

слепы. Живые тонут, а мертвые тела знают некий секрет всплывания, удерживания на поверхности, который не известен живым. Никакая река и даже великий океан не может утопить мертвое тело. Оно сразу же появляется на волнах. Тогда в чем же секрет? Мертвое тело ничего не знает. Просто секрет заключается в самом мертвом теле. Если живой человек ведет себя, как мертвое тело, тогда погружение невозможно. Вы не тонете. Никакой Бог не поможет вам держаться на поверхности. Вы просто становитесь невесомым — вы становитесь легким, как только устраняется камень эго. Тогда, даже если кто-то попытается утопить вас, как он сможет это сделать? Мы топим самих себя. Нас топит уверенность в себе. Нас топит цепляние за наше эго. Мысль: «Я буду делать все», — отправляет нас в путешествие в ад.

Вот почему эти молитвы так чудесны. Запомните, я сталквиваюсь с определенными затруднениями, когда говорю, что молитва мудреца чудесна, ибо я не считаю чудесными те молитвы, которые вы совершаете у себя дома, и даже те, которые вы начинаете совершать, прочитав Ишавасью. Они абсолютно фальшивы. Сидеть перед жертвенным огнем, бросая в него приношения и распевая религиозные гимны, — все это абсурд, если в вас нет никакой трансформации. Трансформация — вот настоящий критерий. Если человек совершает религиозные жертвоприношения на протяжении сорока лет — всю свою жизнь — и в нем нет никакой трансформации, тогда фактически не было осуществлено никакого жертвоприношения. Если человек каждый день посещает храм или мечеть и все же в нем нет никакой трансформации — он остается там же, где и был — тогда он никогда понастоящему не входил в храм или мечеть. Может быть, храм и был немного поврежден в результате его посещений, но ему самому не было нанесено никаких повреждений — в нем не произошло никакой трансформации. Он там, где и был. Может быть, мечеть боится его, думая: «Этот господин тревожит меня на протяжении сорока лет, а сам он отнюдь не встревожен».

Нет, — это вовсе не молитва. Такое посещение храма — просто жест.

Я нахожу молитву мудреца полной смысла. Она очень скромна, очень невинна, очень естественна. «О огонь, наставь меня на правильный путь, ибо я ничего не знаю о нем, я невежественный». Если же вы со всей искренностью можете сказать: «О небо, отведи меня к бесформенному, ибо я ничего не знаю», — вы внезапно обнаружите, что

перед вами открыта дорога. Путь знания открывается перед тем, кто говорит: «Я не знаю». Такой человек сделал первый шаг к истинному знанию. А тот, кто говорит: «Я знаю, я — ученый человек», — замуровывает даже те немногие отверстия, которые могли бы позволить ему проникнуть во внутренний храм.

Молитва — это признание не только в невежестве, но и в беспомощности. Не видно ни цветка, ни берега, ни лодки, виден лишь безграничный океан с его бездонными глубинами. Наше мужество оставляет нас. Мы закрываем глаза и, воображая, что мы находимся в лодке, — а это на самом деле так — мы продолжаем наше путешествие. Таково наше положение — абсолютно беспомощное. В истинной молитве есть признание как невежества, так и беспомощности. И тот, кто заявляет: «Я беспомощен», — находит средство, решение. Само заявление о беспомощности и есть решение. Это полное признание беспомощности само по себе является величайшей и единственной помощью нам. Человек, который покоряется, встречает Бога. Человек, который говорит: «Отныне я буду идти, если Ты прикажешь мне идти, я буду подниматься, если Ты будешь поднимать меня, я буду следовать за Тобой туда, куда Ты пойдешь», — видит, как внутри него открывается дверь, ибо он установил связь с бесконечным так невинно и с такой безусловной покорностью, что он видит себя перед Богом.

Эти молитвы — ключи для открытия двери. Эти короткие молитвы очень глубоки по смыслу и уводят нас очень далеко. Помните об этой молитве, когда вы занимаетесь вашими повседневными делами, и при всяком удобном случае напоминайте себе: «Я ничего не знаю, я беспомощен. О Бог, веди меня». Я снова подчеркиваю тот факт, что никто другой не придет наставить вас на праведный путь. Сама эта молитва поведет вас. Молясь таким образом, вы сможете вести самого себя. Молитва — это сила, очень большая сила. В маленьком атоме скрыта огромная энергия, но энергия, скрытая в небольших молитвах, во много раз мощнее, чем энергия, скрытая в атомах. Молитесь и смотрите, испытайте это. Результат не заставит ждать. Вы сразу же станете легким. У вас вырастут крылья и вы будете готовы взлететь ввысь.

Время исчезает, когда отпадает наше перегруженное эго. Но мы так хитры, что мы даже молитву наполняем нашим эго. Посмотрите на человека, выходящего из храма после вознесения молитвы. Он гордо смотрит по сторонам, как бы оповещая грешников вокруг себя о своем собствен-

ном благочестии. Однажды Мухаммед пригласил одного юношу отправиться с ним на молитву. Юноша не мог уклониться от этого, ведь его попросил Мухаммед, как и вы не можете уклониться от чего-то, если я прошу вас сделать это. Мухаммед стоял и молился, а юноша тоже стоял там и начал бормотать что-то. Он мог лишь бормотать. Мухаммед почувствовал себя очень неловко и подумал: «Я совершил ошибку, приведя сюда этого человека». Но теперь выхода не было. Помолвившись, они оставили мечеть. Было утро, и люди еще находились в своих постелях. Юноша сказал Мухаммеду: «Господин, что случится с этими людьми? Хотя сейчас время молитвы, они все еще находятся в своих постелях. Что ты думаешь о них? Попадут ли они в ад?»

Мухаммед ответил: «Я не знаю, куда они попадут, но мне придется вернуться в мечеть». Юноша спросил: «Что случилось с тобой?» Мухаммед сказал: «Моя первая молитва стала бесполезной. Я причинил тебе вред. До сегодняшней утренней молитвы ты, по крайней мере, был скромнен. Ты не считал этих людей грешными. Это еще одно причиненное зло. Пожалуйста, прости меня, и не ходи больше в мечеть. А сейчас я должен вернуться, чтобы помолиться снова, ибо моя первая молитва теперь бесполезна. Я причинил тебе большой вред, взял тебя с собой в мечеть, ибо ты стал более эгоистичным и тщеславным. Эго должно разбиваться молитвами, а твое эго стало сильнее».

Видели ли вы, как гордо вышагивает человек с шафрановым знаком и сандаловой пастой на лбу? Он ведет себя так, будто Бог выдал ему особую лицензию. Такие люди думают, что они родственники Бога, семья Бога, избранные Бога. И они не успокоятся, пока не осудят весь мир на муки в аду. Человека надо считать очень страшным животным, раз он наполняется эго даже посредством молитвы. Нет предела его хитрости.

Существенным качеством молитвы является отказ от эго, смерть эго. Истинно религиозный человек не может даже сказать: «Я — религиозный человек». Он настолько сознает свою неправедность, что он скорее скажет: «Кто более нерелигиозен, чем я?» Он не будет способен объявить себя добродетельным человеком, ибо он будет видеть прожилку греха в добродетели, в таком заявлении он будет видеть эго. Поэтому мудрец говорит: «Я не знаю, сколько грехов я совершил. Грехов, обременяющих меня в моем продвижении. Я полностью не пригоден, я не могу претендовать на право достижения цели, я могу просто молиться».

Итак, запомните и эту сутру тоже: молитва — не притязание. Она не объявление о своем праве, а признание своей непригодности. Если вы немного чувствуете себя законными претендентами, тогда ваша молитва загрязняется и становится ядовитой. Человек, возносящий молитву, находит нечто, раз он молится: «О Бог, это Твоя милость, я не пригоден для этого». Поэтому люди создали термин «Божья милость». Это божественная милость. Они говорят: «Когда же это мы были пригодны? Трудно найти более непригодных людей, чем мы».

И все же я повторяю, вы достигаете благодаря пригодности, а не благодаря непригодности. Но осознание вашей непригодности и есть подходящая молитва. Осознавание того, что вы ничто — вот притязание молитвы. Молитва дает плоды, но если они не приходят к нам, мы скажем: «Мы были непригодны получить их», — а если они приходят, мы скажем: «Это по Его милости». И все же они достигаются не благодаря Его милости, ибо Он одинаково милостив ко всем. Если бы они достигались благодаря Его милости, это означало бы, что и здесь превалирует эгоизм.

Человек идет в храм, звонит в колокол и молится: «О Бог, Ты — очиститель грешников, Ты — всемогущий», — полагая, что Бог будет доволен и осуществит его желания. Это весьма напоминает человека, который получает желаемое благодаря тому, что умоляет и уболаживает царя. Вот почему все наши молитвы выражены словами придворного языка. Такие *царские молитвы* — сплошная лесть. В санскрите другим словом обозначения лести является *шрути* — молитва. Нет, вам не надо говорить: «Бог велик». Это просто лесть. «Я — ничто», — этого утверждения достаточно. Нет — «Ты — велик. Как могу я — слабый человек — рассуждать о Твоем величии? Сколько величия в моем использовании слова «великий?» Как я могу измерить Тебя? Как я могу вычислить Твое величие? Нет, у меня не может быть никакого мерил для измерения Твоего величия. Для меня достаточно измерить мое собственное убожество. Достаточно, если я могу сказать в моей молитве: «Я — ничто».

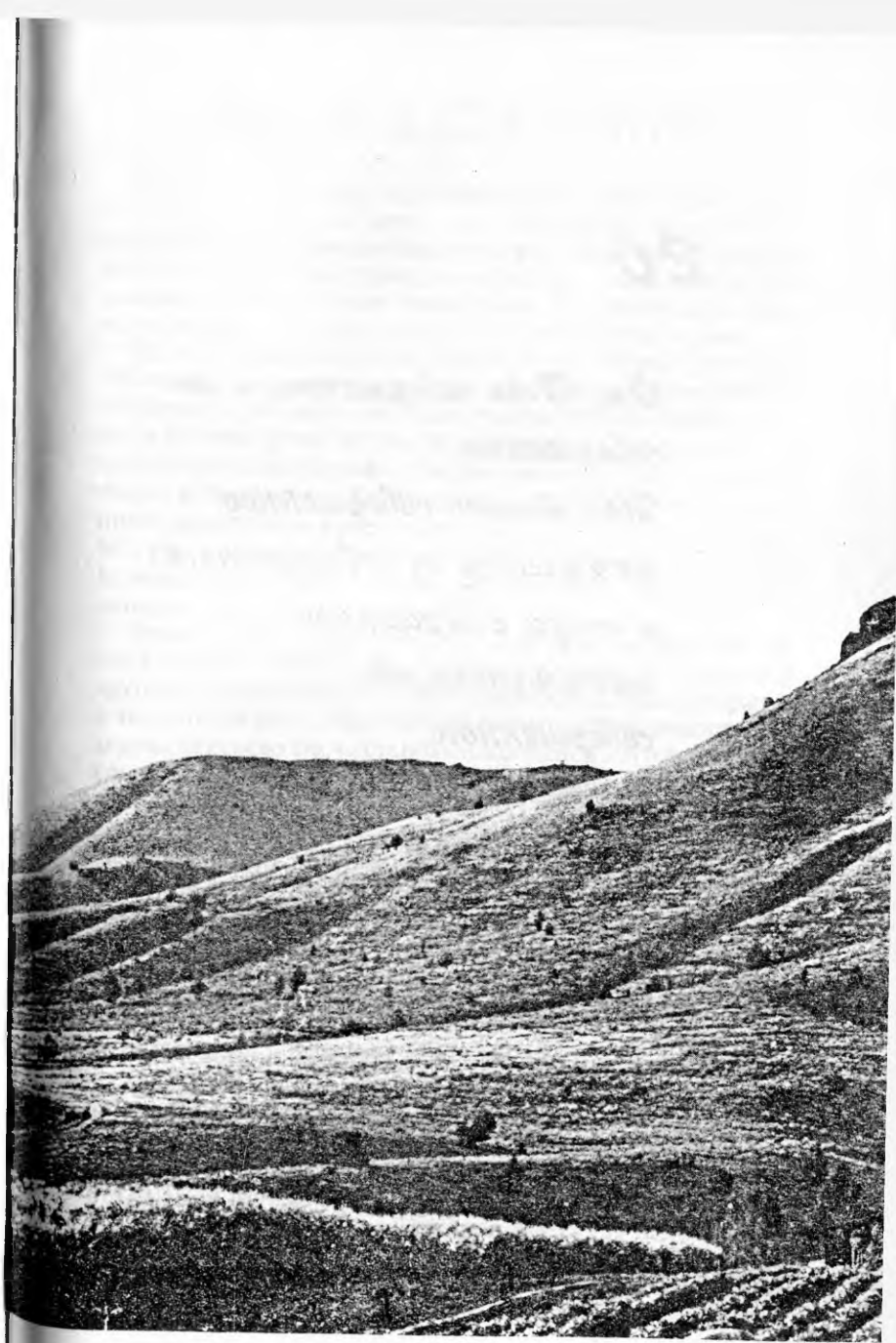
Я хочу еще раз сказать вам, что ничего не приобретается благодаря Его милости, и все же когда кто-то досигает, он знает, что это — Его милость. Всякий раз, когда кто-то достигал абсолютного, он танцевал в экстазе и самым искренним образом заявлял перед миром, что он достиг благодаря Его милости. И все же ничего не получает никто благодаря Его милости, ибо милость и благоговение вы можете проявить только тогда, если вы можете проявить и

немильность тоже. Но его милость бесконечна, она непрерывно проливается дождем.

Будда часто говорил: «Нектар падает дождем, но некоторые люди держат свои кувшины вверх дном». Дело обстоит не так, что нектар начнет литься в тот день, когда вы перевернете ваш кувшин горлом вверх. Он лился даже тогда, когда вы держали ваш кувшин вверх дном. Он лился даже тогда, когда вообще не было никаких кувшинов. В наполнении вашего кувшина не будет никакой особой милости, когда вы повернете его горлом вверх. Нектар существования есть Его природа.

Он непрерывно льется, но мы держим наши кувшины вверх дном. Эго держит свой кувшин вверх дном и в то же самое время пытается наполнить его. Держать кувшин горлом вверх — значит признать: «Я — ничто». Когда кувшин стоит горлом вверх, его пустота становится проявленной. Что еще он может проявить? Когда же он стоит вверх дном, его пустота скрыта. Кувшин, перевернутый вверх дном, создает иллюзию пребывания наполнения, поскольку пустота не видна, она скрыта. Вот почему мы держим его вверх дном. Оказавшись горлом вверх, кувшин узнает, что он просто пуст. Есть полость, которая может быть чем-то наполнена. Кувшин человека поворачивается горлом вверх, когда он знает, что он — ничто, и когда он держит кувшин горлом вверх, он входит в молитву. Милость Бога льется и она наполнит его кувшин, и когда кувшин будет полон, человек скажет: «Это — Его милость».

Если вы не держите кувшин горлом вверх Бог не может проявить свою милость. Вы держите кувшин горлом вверх благодаря вашей милости. Проявлять милость к самому себе — вот молитва. Иметь сострадание к самому себе — вот молитва. Быть жестоким к самому себе — это эго. Тираниить самого себя — это эго. Совершать насилие над самим собой — это эго. Для утренней встречи этого достаточно. Теперь давайте разойдемся. И будьте добры держать ваши кувшины горлом вверх.

*Ом. Это совершенно, и то
совершенно.*

*Ибо только совершенное
рождается из совершенного,
и когда совершенное
отнимается от
совершенного,
смотрите, остаток есть
совершенство.*

Ом. Мир, мир, мир.

БОГ ВСЕГДА ОДИН

Это вечный закон существования, что конец надо искать в начале. Конец находится там, где находится начало. В согласии с этим вечным законом существования Ишавасья заканчивается этой сутрой, с которой она и начиналась. Нет никакой другой альтернативы, кроме этой. Все путешествия идут по кругу — первый шаг есть также и последний.

Те, кто понимают этот закон — что первый шаг есть также и последний — спасены от бесполезного смятения и конфликта эмоций в уме. Они спасены от бесполезных тревог и беспокойства жизни. Мы приходим к тому месту, из которого вышли. Первая станция нашего путешествия есть также и последняя. Поэтому наше существование между ними может быть радостным, ибо другого пути у нас нет. Мы никогда не прибудем в то место, в котором не были. И какие бы усилия мы ни прикладывали, мы не можем попасть туда, где мы не были.

Давайте попытаемся понять этоследующим образом: мы сможем быть только тем, что мы уже есть. Нет никакой другой альтернативы. То, что скрыто в нас, будет открыто, а то, что открыто, будет снова скрыто. Семя вырастает в дерево, а дерево снова становится семенем. Это вечный закон жизни. У тех, кто постигает этот закон, тревога и беспокойство исчезают полностью. Их тройные ментальные агонии успокаиваются и утихают. Тогда не остается никакой причины для счастья. Нет никакой причины быть несчастным, когда мы путешествуем к месту нашего назначения. И нет никакой причины быть счастливым, ибо мы не получаем ничего такого, чего бы у нас не было с самого начала. Чтобы указать — какой путь — на этот великий закон, Ишавасья заканчивается той сутрой, с которой она начиналась.

Путешествия, которые мы проделали между этими двумя концами, являются различными отдельными дверьми, дающими нам возможность понять эту сутру. Каждая сутра была намеком, чтобы расшевелить наше воспоминание о том великом океане, а каждый берег и каждое святое место было приглашением — призывом — поднять парус нашего корабля. Если вы держали эту сутру в голове, вы могли заметить, что эта сутра была скрыта в смысле всех других сутр. Вот почему она провозглашалась в начале и теперь провозглашается в конце. Я сообщил вам ее смысл

в самый первый день. Сегодня я объясню ее внутренний смысл — ее суть.

Вы можете спросить: «Каково различие между смыслом и сутью?» Смысл есть нечто очевидное — проявленное, тогда как суть есть нечто скрытое. Смысл есть внешнее тело, суть есть внутренняя душа. Смысл может быть понят и интеллектом, а суть может быть постигнута только сердцем. Обычно в начале объясняется смысл, а не суть. Но теперь мы на той стадии, когда уже через многие двери заглянули в храм, для которого предназначена эта сутра. Мы не только пришли к ее интеллектуальному пониманию, но мы также пытались уловить ее смысл, погружаясь в медитацию. Это совершенно уникальное происшествие. Было создано много комментариев этой Упанишады, но это первый случай на этой Земле, когда комментарий сопровождается медитацией. Итак, был осуществлен глубокий поиск ее проявленного смысла и ее внутреннего смысла одновременно. Слова Упанишады объяснялись и раньше, но это первый случай, когда было предпринято активное усилие совестить прыжок в ее внутренний смысл — ее душу. Все, что я говорил вам, имело целью создание трамплина для вас. Целью был прыжок. Вот почему мы входили в медитацию в конце каждой сутры — чтобы вы могли пережить на личном опыте ее суть, совершить в нее прыжок.

Итак, теперь я могу сообщить вам ее внутренний смысл. Вы еще не обдумали смысл этих слов достаточно, но вы сделали нечто другое — вы достигли тишины, покоя. Те, кто понимает слова, способны узнать смысл, но только те, кто знает тишину, способны познать ее внутренний смысл, ее душу. Если вы достигли даже малой вспышки тишины, вы будете способны постичь внутренний смысл, в который я собираюсь войти.

Вот первое, что я сообщу вам о внутреннем смысле этой сутры: она заявила, что жизнь нелогична. В этой сутре нигде нет многословного высказывания об этом, есть только намек на это. Сейчас я сообщу вам то, что не высказано, на что только намекается. Витгенштейн написал книгу «Трактат», возможно, является наиболее важной книгой этого столетия. В ней он сказал: «То, что не может быть высказано, не должно высказываться. Это следует оставлять невысказанным». Далее он говорит: «То, что не может быть высказано, может быть показано». Он имел в виду, что на то, что не может быть высказано, что нельзя высказывать, можно дать намек — указание. То, что не может быть высказано и что не следует высказать, и есть

внутренний смысл этой сутры. И сейчас именно это я и делаю — даю вам некие указания на него.

Первое указание: жизнь иррациональна, поэтому те, кто пытается выяснить, что такое жизнь, будут блуждать вокруг смерти. Такие люди никогда не могут открыть секрет жизни. Как же вы получаете указание на иррациональное из этой сутры? Она говорит: «Совершенное отнимается от совершенного». Первая иррациональность заключается в вопросе: «Как может совершенное выйти из совершенного? Поскольку вне совершенного нет никакого дополнительного пространства, куда же выйдет совершенное?»

Пурна означает абсолют, вне которого нет совершенно ничего другого. Если же что-то другое есть, тогда совершенное будет именно настолько несовершенным. Вне совершенного никогда ничего не бывает, даже пространства. Так как же что-то может выйти из совершенного? И если предположить, что оно все же вышло, то куда же оно попадет? Нет никакого выхода. Но эта сутра утверждает, что совершенное изыскивается из совершенного.

И не только это, она добавляет еще одну иррациональность: «После того, как совершенное отнято от совершенного, остаток есть совершенное». Если кто-то посмотрит на это утверждение с логической точки зрения, он заявит, что это утверждение сумасшедшего.

И если кто-то рассматривает это утверждение с математической точки зрения, он найдет его полностью неправильным. Он подумает, что оно написано кем-то, находящимся не в своем уме. Таково будет мнение любого, кто рассматривает это утверждение с логической и математической точек зрения. Но те, кто рассуждают подобным образом, совершают ту ошибку, которая была однажды совершена в одном саду.

Некий садовник пригласил своего друга полюбоваться на прекрасные розы, которые расцвели в его саду. Его друг был золотых дел мастером и он пришел со своим пробирным камнем. Увидев розы, он сказал своему другу: «Я не верю твоему утверждению, просто посмотрев на розы. Меня не обманешь, я не ребенок. Я проверяю золото, поэтому проверка роз — это детская забава для меня. Я проверю их».

Садовник спросил: «Как же ты проверишь цветы?» Его друг ответил: «Я захватил с собой пробирный камень». Садовник забеспокоился и подумал: «Я совершил ошибку, пригласив этого человека». К этому времени золотых дел мастер уже сорвал цветок и стал проверять его, потирая им о пробирный камень. Он бросил цветок на землю и ска-

зал: «Пробирный камень показал, что в этом цветке ничего нет, это подделка».

Если кто-то попытается понять эту сутру с логической точки зрения, мудрец почувствует себя так же, как, должно быть, чувствовал себя тот садовник. Цветы не проверяются на золото на пробирном камне. И если кто-то пытается делать это, то вины цветов в том нет. Это просто показывает глупость этого человека. Из всех сутр Ишаваси эта особенно обладает ароматом самореализации. Это не может быть проверено на пробирном камне логики, и в этой сутре в полной мере подразумевается, что ее не следует проверять таким образом. Она говорит нам, что она намеревается сообщить нечто иррациональное, что пребывает вне логики, что не может случиться и все же случается, что не должно случаться и все же случается, что не имеет никакого основания для того, чтобы случиться, что не может быть проверено никоим образом, и все же оно случается, и все же оно есть. Жизнь иррациональна—что же означает это утверждение? Оно означает, что те, кто пытается найти смысл— секрет — жизни с точки зрения математики, логики, законности, условностей, правил, инструкций, так и не узнают его.

Золотых дел мастер проверял цветок на пробирном камне. А если вы отнесете этот цветок в научную лабораторию и скажете: «Это очень красивый цветок», — ученый тоже препарирует все его части и скажет: «Где же здесь красота?» Он выделит все его элементы и разъединит их. Будет выделено каждое химическое вещество, и тогда он спросит: «Где же красота? В нем есть сок, минералы, химические вещества и тому подобные вещи, но в нем нигде нет красоты». Если красота не может быть найдена в лаборатории ученого, то вины цветка в этом нет. Нет в том и вины ученого, ведь его лаборатория не предназначена для поиска красоты. Красота может быть найдена в совершенно другом измерении.

Поэтому те, кто рассуждают о жизни с математической точки зрения, никогда не могут измерить ее, ведь жизнь в самой своей основе есть тайна. Все наши знания, как бы велики они ни были, основаны на невежестве. Они просто намекают на то, что остается узнать. И по мере того, как мы узнаем все больше и больше, мы осознаем глубину нашего невежества. Мы не в состоянии разгадать жизнь, и если мы пытаемся, то все больше и больше запутываемся.

Все наши усилия разгадать жизнь напоминают мне одну историю, сочиненную Эзопом.

В ней рассказывается о тысяченожке, которая шла по дороге. Ее увидел кролик и был весьма озадачен. А озадачен он был вот чем: какую из своих тысячи ножек тысяченожка поднимает первой? Какую второй? Какую третьей? И так далее. Как она может помнить порядок передвижения своих тысяч ножек? Почему она не спотыкается? Должно быть, он действительно был сбит с толку. Кролик попросил тысяченожку остановиться и ответить на его вопрос. Он сказал: «Я изучаю логику и пришел в большое недоумение, наблюдая за тобой. Мы ходим на четырех ногах, поэтому нам легко помнить порядок перестановки их при ходьбе. Но как ты можешь помнить порядок передвижения своих тысячи ног?»

Тысяченожка ответила: «До сих пор у меня не было трудностей с ходьбой, я никогда не сталкивалась с необходимостью вспоминать о порядке передвижения ног, и до сих пор я никогда над этим не задумывалась. Но поскольку ты меня спрашиваешь, я подумаю над этим и решу твою проблему».

Кролик сел и стал наблюдать. Тысяченожка попробовала поднять свои ножки, но зашаталась и упала. Теперь она оказалась в беде. Скорбным голосом она сказала кролику: «Друг, твоя логика завлекла меня в беду. Пожалуйста, держи свою логику при себе и не задавай свой вопрос другой тысяченожке, которая встретится тебе на пути. Мы живем в счастье и довольстве. Наши ноги никогда не доставляли нам никаких забот. Они никогда не поднимали этого вопроса и не обсуждали его. Мы никогда не думали о том, какую ногу поднимать первой и какую второй. Мы не знаем ничего об этом. Но вот что несомненно: до сих пор я была способна ходить. Только теперь из-за тебя я оказалась в беде».

Величайшая дилемма человека в том, что он пребывает в том же затруднении, что и эта тысяченожка. Человеку не нужен кролик, чтобы задать вопрос, он поднимает его сам, создает сомнения и запутывает сам себя. Он задает вопрос сам себе и дает свои собственные ответы. Вопросы определенно ошибочны, поэтому ответы становятся еще более неверными и сбивающими с толку. Каждый ответ порождает новый вопрос. Эти ответы и вопросы множатся, возникает огромная путаница и человек становится все более и более озадаченным, пока не приходит такой момент, когда он оказывается настолько сбитым с толку, что не знает, что есть что. Все мы находимся в этой беде.

Кто-то сказал Святому Августину: «Я весьма обеспоко-

ен одним вопросом, и ты успокоишь мой ум, если в доброте своей ответишь на него мне. Я слышал, что ты ученый человек». Святой Августин сказал: «Возможно, ты и слышал это, но теперь, когда ты говоришь это мне, я в затруднении». Человек сказал: «В каком затруднении ты можешь быть? Затруднения — для таких невежественных людей, как я». Тогда Святой Августин пояснил: «После того, как я впервые услышал, что я — ученый человек, я пребываю в затруднении, поскольку теперь я пытаюсь выяснить, где внутри меня находится это знание, но мне не удается его найти. Вначале, в моем заблуждении, в моем невежестве, я верил в это. Но теперь мне верить в это трудно. И все же поведай мне свой вопрос. Ты пришел издалека, так что задавай свой вопрос. Даже если я окажусь неспособным ответить на него, ты по крайней мере получишь облегчение от того, что вопрос был задан. Но пусть даже я буду способен ответить на твой вопрос, неужели ты думаешь, что вопросы правильно разрешаются кем-то, дающим ответы? Ну, задавай твой вопрос».

Человек спросил: «Что такое время?» Святой Августин сказал: «Я боялся, что ты можешь задать именно такой вопрос. Есть некоторые вопросы, ответы на которые мы, как мы полагаем, знаем, но когда они заданы, мы не можем дать ответ. Я определенно знаю, что такое время, но когда ты задаешь этот вопрос, я в затруднении».

Если кто-то задает вам этот вопрос, вы прекрасно знаете, что такое время. Вы вовремя успеваете на поезд, вы вовремя успеваете на автобус, вы вовремя приходите на работу и вовремя возвращаетесь домой. Итак, вы прекрасно знаете, что такое время. Но как только кто-то задает этот вопрос, вы оказываетесь в положении той тысяченожки. Вы знаете даты, у вас есть часы, на стенах висят календари, и все же никто пока не смог дать правильный ответ на этот вопрос. А ответы, которые давались, подобны ощупыванию в темноте — ничего не выяснено.

Если кто-то спрашивает вас: «Что такое душа?» — вы не можете ответить, поскольку вы до сих пор не знаете, хотя она пребывает с вами со дня вашего рождения. Более того, те, кто знает, говорят, что она была еще до вашего рождения. В отношении души нет никаких затруднений, пока никто не спрашивал о ней.

Если кто-то спрашивает: «Что такое любовь?» — то возникает такое же затруднение. Все любят, и даже если не любят, то делают вид, что любят. Сколько же существует повестей о любви? Все повести — это повести о любви,

они посвящены любви, потому что человек до сих пор не в состоянии любить по-настоящему. Поэтому он обманывает свой ум, сочиняя повести о ней. Все стихи — это стихи о любви, и человек, у которого в жизни не было никакой любви, начинает писать стихи о любви. Написать стихотворение очень легко, любить же очень трудно. Стихи можно сочинять, рифмуя строки, но любить можно, только вырвав все эти строки. У стихов есть свои размеры и правила, любовь же полностью свободу от размеров и правил. Стихи можно сочинять, их можно заучивать. Но нет никакого способа — никакого приема — сочинять или заучивать любовь. Мы постоянно говорим о любви, и все же если кто-то спрашивает нас: «Что такое любовь?» — мы попадаем в тупик.

Дж.Э.Мур — великий мыслитель, возможно, величайший в этом столетии. Своим логическим мышлением он оказал наибольшее за последние пятьдесят лет воздействие на ум человека. Он написал книгу под названием «Принципы этики». Он приложил огромные усилия при написании этой книги, кропотливо работал всего над одним вопросом: «Что есть добро?» И он работал так упорно над подготовкой этого монументального труда, что я не думаю, чтобы за всю историю человечества кто-то другой работал так упорно над одной книгой. Она была готова после многих лет упорной работы, в которой каждое слово взвешивалось и записывалось после долгих размышлений. В своем окончательном выводе этот логик из Оксфордского университета, этот великий мыслитель, сказал, что добро неопределимо. В конце он говорит, что определять добро — все равно, что определять желтый цвет. Если кто-то спросит меня: «Что такое желтое?» — что я скажу? Я могу только сказать: «Желтое есть желтое». Что еще я могу сказать? Но является ли это определением? Каждый знает, что желтый цвет желтый.

Что бы вы сделали? Вы бы могли сорвать желтый цветок и показать его, говоря: «Вот желтое. Это желтый цветок». Но Мур возражает и говорит, что это не желтый цвет. Вот желтая стена, но это не есть *желтый цвет*. Вот кусок желтой ткани, окрашенный желтой краской, это не есть желтый цвет. Наш же вопрос таков: «Что такое та желтизна, которую мы видим в желтом цветке, желтой стене или куске желтой ткани?» Так что же вы сказали бы теперь? Вы могли бы сказать: «Вот она, и нечего больше говорить». Мур тоже говорит это. Прodelав такую огромную работу над этим вопросом, он говорит: «Самое большее, мы можем

сказать, что это есть желтое». Мы можем указать — только намекнуть, мы не можем дать его определение.

Если вы не можете определить желтый цвет, то откажетесь ли вы определить Бога? Если кто-то пойдет к Муру и спросит... но бедняги больше нет с нами... Если бы он был жив, то думаю, что спросил бы его — или если мне случится встретить его в другой жизни, я спрошу его — «Может ли быть определен Бог, если вы даже не в состоянии определить, что такое желтый цвет?»

Даже самые незначительные факты жизни неопределимы. Поэтому, когда я говорю, что жизнь иррациональна, я имею в виду, что она неопределима. Вы можете прожить жизнь, но вы не можете определить ее, и если вы когда-нибудь попытаетесь определить ее, вы сделаете ту же ошибку, которую сделал мудрец этой сутры. Он говорит: «Совершенное выходит из совершенного, и остаток есть совершенное».

Это своего рода загадка, коан вроде тех, который имел обыкновение создавать дзенский Мастер Риндзай. Эти мастера получали огромное удовольствие, создавая коаны, ибо посредством их можно было давать намеки. Когда кто-то приходил к ним в поиске истины, они говорили: «Поищешь ее попозже, а сейчас я в небольшом затруднении, но хотел бы сперва решить мою проблему».

Искатель спрашивал: «Что это за проблема?» Человек, пришедший в поиске истины, забывает сказать себе: «Я же сам пришел в поиске истины, как же я могу решить проблему другого человека?»

Когда Риндзай говорит: «Задашь свой вопрос потом, сперва же реши мою проблему», — человек сразу же спрашивал: «В чем эта проблема?» Человек, который приходит, чтобы быть учеником, пытается быть учителем. Он забывает о том, что пришел учиться. Ему следовало бы сказать: «Я пришел учиться у вас. Как же я могу решить вашу проблему? Я сам в затруднении». Но Риндзай написал: «Я сыграл этот трюк с тысячами людей, и каждый раз человек говорил: «Какова ваша проблема? Скажите мне».

Риндзай создавал такие проблемы, которые не могут быть решены. Ни одна проблема не будет решена, поскольку она неискusstвенна. Она экзистенциальна, она присутствует в существовании. Если она искусственна, мы можем решить ее. Загадки искусственны, поэтому мы можем отгадывать их в детских учебниках арифметики, на одной стороне страницы приведены вопросы, а на другой — ответы. В жизни такие трюки невозможны. В жизни мы не

можем перевернуть страницу, чтобы найти ответ на одну из проблем жизни. Никакая копия жизни кого-то другого не может пригодиться. Кому вам подражать? И как? Нет абсолютно никакой возможности перевернуть страницу жизни и найти ответы на ваши проблемы. Есть только проблемы и совершенно никаких ответов.

У Риндзая была наготове одна конкретная проблема. Он обычно говорил: «Послушай, если ты решишь мою проблему, я решу твою». Искатель чувствовал облегчение, поскольку перед ним был человек, который решит его проблему. Риндзай говорил: «Мое затруднение состоит в том, что я держал в бутылке гусиное яйцо. Из яйца вылупился гусенок и начал расти. Я кормил его через горлышко бутылки. Теперь я хочу достать его, но он настолько вырос, что горлышко бутылки стало слишком узким для него, но я не хочу разбивать бутылку, поскольку она очень ценная. Итак, укажи мне выход. Гусь сидит в бутылке, а горлышко бутылки слишком узкое для того, чтобы он прошел через нее. Поэтому не говори: «Вытащите его через горлышко бутылки». Мы уже пытались сделать это. Если он будет оставаться там еще немного, то непременно умрет».

Услышав это, большинство искателей начинали нервничать. Они говорили: «Это невозможно. Что такое вы говорите?» Но если какой-нибудь человек говорил: «Я попытаюсь, я поищу выход», — тогда Риндзай говорил: «Иди в соседнюю комнату и медитируй над этим. Но не затягивай это на слишком долгое время, ибо жизнь гуся в опасности. Медитируй быстро и глубоко, ведь гусь может умереть в любое мгновение». В соседней комнате был еще один выход, и когда через полчаса Риндзай открывал дверь, он всегда обнаруживал, что искатель сбежал. Тогда Риндзай возвращался и говорил своим друзьям: «Бутылка пуста, гусь улетел».

Только один раз он получил ответ, но тот человек пришел не для того, чтобы спросить о чем-то у Риндзая. Он пришел однажды утром и сел рядом с Риндзаем. Риндзай сказал: «Ты хочешь спросить меня о чем-то?» Человек ответил: «Ты хочешь показать мне что-то? Я не хочу ничего спрашивать. Если кому-то не терпится показать мне что-то, пусть показывает».

Риндзай был поражен ответом и подумал: «Этот человек опасен. Он либо убьет гуся, либо разобьет бутылку». Но теперь выхода не было. Так как это стало установившейся практикой, Риндзай не мог не задать этому человеку свою загадку. Он сказал: «Нет, мне нечего показывать. Факти-

чески я сам в затруднении». Незнакомец попросил рассказать ему об этом затруднении. И Риндзай рассказал ему. Когда он закончил, человек встал и схватил Риндзая за горло. Риндзай запротестовал: «Гусь же не во мне, он в бутылки». Но человек сказал: «Я как раз достаю гуся оттуда. А ну, скажи-ка, вышел ли гусь из бутылки?» Риндзай ответил: «Да, он вышел».

Жизнь не загадка, и те, кто пытаются сделать ее загадкой, попадают в трудное положение. Жизнь не проблема. Тем, кто делает из нее проблему, приходится искать ответ на проблему, приходится искать ответ на нее, а все ответы только озадачивают их все больше и больше.

Жизнь — это одна открытая тайна, абсолютно открытая перед нашими глазами и вокруг нас. Она нигде не скрыта, она не укрыта никакой завесой, и все же она есть тайна.

Между тайной и загадкой есть различие. Загадка означает то, что не открыто, но может быть открыто. Тайна означает то, что уже открыто и все же не открыто, то, что будучи открытым, все же столь глубоко, что несмотря на путешествия ваших бесчисленных жизней вы будете обнаруживать, что всегда есть нечто, что остается узнать. «Целое выходит из целого, и все же целое остается, а когда целое поглощается целым, остается столько же, сколько было раньше». Эта сутра намекает на тот факт, что тот, кто согласен с ней, может войти в тайну. А тот, кто не согласен с ней, кто говорит, что это невозможно, остается за дверью. Он не может войти. Жизнь — это тайна, она пребывает вне логики и рациональности.

Правила логики были установлены человеческим интеллектом. Они не записаны нигде в природе. Природа не дает правил логики. Они созданы человеком и временны, хотя мы забываем, что они таковы. Все ваши правила таковы, подобны правилам игры. Например, в шахматах есть слоны, ладьи и так далее. Есть правила, определяющие их ходы, и игроки играют в эту игру с большой серьезностью. И реальность такова, что люди не кажутся столь же серьезными в жизни, какими они бывают при игре в шахматы. Если между игроками возникает ссора, то бывают случаи, когда они дерутся друг с другом с мечами в руках. Шахматные фигуры сделаны из дерева, но игроки забывают об этом и ведут себя, как дети. На самом же деле нет никаких слонов, никаких коней, никаких королей. Вся игра — выдумка.

В жизни все правила логики подобны шахматным правилам — все они являются выдумкой. Нет никаких правил, которые были бы даны природой или жизнью. Все они

были навязаны нам нами же самими. Наши правила подобны правилам уличного движения. В Индии люди придерживаются левой стороны, а в Америке они придерживаются правой стороны. Если вы нарушите это правило либо в Америке, либо в Индии, вас отведут в полицейский участок. Люди весьма странны. Но определенно: вы должны ехать либо по левой стороне, либо по правой, иначе на дороге будет хаос. И придерживаясь левой стороны, мы постепенно начинаем думать, что в этом есть некий абсолютный — некий фундаментальный принцип. Ничего подобного. Это просто установленный человеком порядок. Все наши логические правила являются приемами, необходимыми для регулирования наших жизней. Но мало-помалу мы становимся настолько захваченными ими, что пытаемся применить ко всем тайнам жизни. Мы пытаемся заставить нашу жизнь следовать им. Человек становится безумным, когда он заставляет свою жизнь следовать его собственным правилам. Это единственная характеристика безумца. Я называю человека здравым, когда он ведет себя соответственно с тайной жизни, и я называю человека безумным, когда он пытается навязать своей жизни свои собственные правила. Вот когда в его жизнь входят трудности. А мы нагромодили правила вокруг наших жизней.

Понять эту сутру будет легко, если мы поймем одно или два логических правила. Одно из основных правил логики состоит в том, что А есть А и не может быть Б. Все о, кей — абсолютно правильно — но в жизни нет ничего, что не превращается в нечто иное. В жизни нет ничего, что не превращается в свою противоположность. В жизни все течет, все вещи превращаются. Ночь превращается в день, а день — в ночь. Детство превращается в юность, а юность превращается в старость. Жизнь превращается в смерть. Иногда яд превращается в нектар. Все лекарства — яды, но они являются нектаром для больных. В жизни есть текучесть, а в правилах есть жесткость, ибо они не живы. В этом зале находится столько много людей. Предположим, я выхожу, возвращаюсь через час и ожидаю, что вы будете сидеть на тех же местах и в тех же позах, в которых я оставил вас. Тогда либо я спятил, либо вы: если я нахожу вас в том же положении, в каком вы были, когда я ушел, тогда спятили вы. Непременно произошли бы какие-то перемены, в противном случае здесь должны были бы сидеть мертвые тела. Живые люди непременно изменяли бы свои положения.

Дилемма, весьма напоминающая эту ситуацию, возникла однажды в некоем городе. Один логик — а вести подсчет дилеммы логикам очень трудно — пришел ранним утром к цирюльнику, чтобы подстричься. Его подстригли. Плата была девять пайсов, а логик дал цирюльнику рупию. Не имея сдачи, цирюльник попросил его прийти за сдачей на следующий день. «А какое у меня доказательство тому, что этот человек не переменит к завтрашнему дню своей ремесло?» — подумал логик. Обычно логики требуют доказательств. Он рассуждал про себя: «Предположим, этот человек завтра переменит свое ремесло. Предположим, он закроет свою цирюльню и откроет вместо нее мясную лавку. Люди будут смеяться надо мной, если я скажу, что этот человек подстригал мне волосы. Они скажут: «Ведь он же торгует мясом. Поэтому я должен что-то придумать, чтобы он не смог одурачить меня». Он долго думал, а затем он увидел буйвола, лежащего напротив цирюльни. Он подумал: «Превосходно. Буйвола очень трудно сдвинуть с места. Это невозмутимое и непоколебимое животное — совсем, как правила логики. Буйвол непоколебимо лежит на дороге, игнорируя все правила уличного движения. Цирюльник никогда не сможет убедить его сдвинуться с места. Как может убедить его цирюльник, если этого не может сделать даже логика?»

Определенно установив, что буйвол лежит напротив цирюльни, он ушел. На следующий день он вернулся и нашел лежащего буйвола. Посмотрев напротив, он увидел, что беда, о которой он подозревал, уже случилась. Напротив буйвола была мясная лавка. Он вбежал в нее, схватил мясника за горло и сказал: «Я это еще вчера подозревал, поэтому я придумал план для разоблачения твоего мошенничества. Это уже слишком. Ты сменил свое ремесло, чтобы выгадать несколько пайсов». Бедняга логик не знал, что буйволы не следуют правилам логики. Это не неподвижное, стационарное животное. Ночью буйвол перешел на другое место и улегся напротив мясной лавки.

Правила логики безжизненны. Жизнь — это живой поток, течение. Те, кто высоко ценят правила логики и пытаются жить в соответствии с ними, кончают, держа в руках мертвые вещи, кто вырываются из сети логики и прыгают в жизнь, способны понять тайну жизни. Вот почему сутра говорит нам порвать все сети логики. Я имею в виду намек, указание внутри сутры — а не ее фактические слова. Я объяснил вам ее смысл в первый день. А вот ее внутренний смысл: разрушьте все правила логики, ибо,

если вы будете следовать им, вам будет трудно войти в жизнь.

Платон был великим логиком, жившим в Греции две с половиной тысячи лет назад. Его следовало бы назвать отцом логики. У него была знаменитая академия, где он обучал логике своих учеников. Однажды в эту академию пришел странствующий мистик по имени Диоген. Он был своенравным и веселым мистиком, в мире было очень мало людей, подобных ему. Как и Махавира, он отказался даже от одежды. В нашей стране Платон известен под именем Афалатун. Поэтому, если кто-то имеет привычку бомбардировать людей аргументами и правилами логики, ему дают прозвище Афалатун. Платон был таким прославленным логиком, что если даже в маленькой деревне кто-то начинал рассуждать логически, люди говорили: «Он — большой Афалатун», — хотя они не знали, кто такой Афалатун. Итак, Диоген пришел в академию, где Платон обучал своих учеников. Как раз в то время встал один ученик и попросил Платона дать определение человека. Платон сказал: «Человек — это двуногое животное без перьев». Диоген слушал, стоя позади учителя, и он громко рассмеялся, услышав это определение. Платон обернулся и спросил его: «Почему ты смеешься?»

Тот ответил: «Я сейчас найду ответ на это определение». Он вышел, поймал петуха и обшипал все его перья. Он принес петуха в класс и сказал: «Вот твое определение человека. У него нет перьев и есть две ноги». Затем он попросил Платона найти другое определение. «И когда найдешь, пожалуйста, сообщи мне, и я принесу тебе другой ответ». Говорят, Платон так и не предложил другого определения. Он знал, что от Диогена можно ждать беды. Платон сам видел, как тот ошипал петуха и принес ему, и он думал: «Кто знает, что он сделает в следующий раз?» Диоген много раз приходил в академию, чтобы узнать, не нашел ли Платон другого определения.

Наконец, Платон не выдержал и сказал: «Друг, прости меня. Я совершил ошибку, определяя человека таким образом. Как долго ты будешь преследовать меня?» Диоген ответил: «Я хотел услышать от тебя признания твоей ошибки. Зачем говорить о человеке? Даже кусок камня не может быть определен. Жизнь неопределима. Ничто не может быть определено. Я хотел, чтобы ты признал свою ошибку. Теперь я уйду прочь. Мне доучали твои определения».

Правила логики неизменны, а жизнь течет. Одна волна превращается в другую волну. В то время, как вы опре-

деляете нечто, с ним происходит что-то другое. Прежде чем вы успеете назвать человека сердитым, он уже начал просить простить его за гнев. Что вы тогда будете делать? Реальность такова, что гнев вполне уже мог исчезнуть, прежде чем вы успели сказать, что этот человек впал в гнев. Что сохраняется в той жизни? Поэтому ваше определение будет неправильным.

Определения всегда принадлежат прошлому, а жизнь принадлежит настоящему. Жизнь постоянно меняется, меняется каждое мгновение, но определения остаются неизменными, установившимися. В них нет никакого роста, никакой перемены. Они подобны — нашим фотографиям. Предположим, кто-то делает мою фотографию, теперь она будет оставаться неизменной и статичной, тогда как я старею с каждым мгновением. Жизнь подобна живому человеку. Определения же косны и безжизненны. Эта сутра говорит, что в жизни нет никакой рациональности — никакой логики. Жизнь — это тайна.

Был один христианский мистик по имени Тертуллиан. Кто-то спросил его: «Почему ты веришь в Бога? Какова причина твоей веры?» Он сказал: «Ты хочешь знать причину? Когда я всматриваюсь в жизнь, я обнаруживаю, что нет никакой причины для чего бы то ни было. Тогда я подумал: Итак, нет никакого вреда в том, чтобы верить в Бога. Раз в самой жизни все без причины, в Бога тоже можно верить без причины. И если ты не веришь в Бога и все же задаешь мне этот вопрос, я скажу тебе, что верю в Бога, ибо Он полностью абсурден, — он использовал слово «абсурдный», и я думаю, что это правильное слово — так как я исследовал все правила, проанализировал их и нашел их неправильными. Я исследовал все логические доказательства и нашел их неверными. Все определения, которые я проверил, оказались ложными. Все, что я рассудком считал правильным, в конце оказалось неправильным. Теперь я отбросил помощь рассудка и аргументации и, становясь безрассудным, я верю в Бога».

Это истинный смысл веры. Вера означает прыжок в неведомое. Эта сутра объясняет, что такое вера. Эта сутра о вере. Оставив в стороне все правила, все определения и все расчеты, прыгнуть в неизмеримое — вот смысл веры. Оставить рассуждения, чтобы прыгнуть в безрассудство.

Вы должны помнить, что философами являются те, кто пытаются найти истину с помощью интеллекта. Пока они ничего не смогли обнаружить. Они написали тысячи книг, но их книги — это просто игра словами. Они поднаторели

в интерпретации слов и они раскидывают свою словесную сеть так хитро — и так широко — что становится трудно найти выход. Но они ничего не знают, совершенно ничего. Истину жизни знают другие люди — мистики и мудрецы. Это те люди, которые вместо того, чтобы контролировать словами, ныряют в существование.

Почему мы должны узнавать из книг, что такое Ганг? Раз Ганг течет, то почему бы нам не нырнуть в него, чтобы узнать, что он такое? В хранящихся в библиотеках книгах может быть описано, что такое Ганг, но надо ли нам обращаться к книгам, чтобы узнать, что он такое? Почему бы нам не познать его, погрузившись в него на самом деле? Есть два пути познания. Если я хочу узнать о любви, я могу пойти в библиотеку, почитать книги о ней и узнать все о ней. Другой путь заключается в том, чтобы я лично глубоко погрузился в любовь. Первый путь определенно легче, поэтому слабые становятся на этот путь. Даже дети могут читать о любви. Но по-настоящему познать любовь — значит пройти через великий огонь, через великое покаяние, через великое испытание огнем. Знать любовь и знать о любви — это две разные вещи. Между этим нет никакой связи.

Подобным же образом знать истину и знать об истине — это две разные вещи. Все, что известно об истине, является заимствованным знанием, оно все неясное.

Тот, кто хочет познать истину, должен будет совершить прыжок прочь от своего интеллекта. Два дня назад меня пришел повидать один друг. Он сказал: «Я сомневаюсь во всем, что я слышу. Я сомневаюсь даже в том, что говорите вы, и я буду продолжать сомневаться в том, что вы будете говорить. Но у меня есть несколько вопросов, пожалуйста, ответьте на них».

Я сказал ему: а что ты будешь делать с ответами, которые получишь от меня? Почему ты хочешь беспокоить меня без нужды, если ты не готов даже немного отойти от своей позиции сомнений? Тебе следует жить в сомнениях. Зачем ты пришел спрашивать меня? Если ты решил сомневаться, не спрашивая никого, ибо все, что скажет другой, будет его знанием, оно не будет твоим, и ты будешь сомневаться в нем. Существование простирается во все стороны — распускаются цветы, поют птицы, в небе плывут облака, восходит солнце, жизнь пульсирует в вас. Существование имеет бескрайнюю протяженность. Прыгните в него, познайте оттуда. Бесполезно спрашивать других — вы все равно будете сомневаться. Но я хочу задать тебе

один вопрос: когда придет тот день, когда ты засомневаешься в своих сомнениях?

Когда человек решает сомневаться, он должен подвергнуть сомнению само сомнение, таким образом, он может достичь чего-то через свое сомнение. Достигло ли ваше сомнение чего-нибудь до сих пор? Если нет, то это потому, что вы не подвергли сомнению само сомнение. Вы не сомневались тотально.

Запомните, вера приходит из двух источников. Либо совершенно не сомневайтесь, и совершите прыжок, либо сделайте ваше сомнение настолько глубоким, что вы подвергнете сомнению само сомнение. Таким образом, ваше сомнение пресечет дальнейшее сомнение и вы будете лишены сомнений и выйдет из-под влияния интеллекта. Дело не в том, что ваш интеллект создаст сомнения, ваш интеллект и есть ваше сомнение.

Поняв эту сутру, те, кто невинны и прямодушны, не должны сомневаться в ней, а те, кто по природе изощрены и пронизательны, должны подвергнуть ее полному сомнению. Вера будет рождена из обоих этих состояний, и вы окажетесь способны совершить прыжок.

Те, кто знает, что такое вера, уловят смысл этой сутры, а те, чьей верой является рассуждение, не могут уловить ее смысл, ибо в ней нет места рассуждению. Логика не согласится с утверждением, что совершенное выходит из совершенного, и остаток тоже есть совершенное. Но вера согласится с этим, ибо она очень невинна и прямодушна. Это доверие к существованию — вера в него. Вера говорит: «Разве я не могу верить этому существованию, которое дало мне возможность мыслить, которое дало мне любовь, которое дало мне сердце? Разве я не могу по-дружески доверять этому существованию, которое дало мне жизнь и сознание? Если я не могу, то это предельная неблагодарность». Эта сутра требует от нас веры и доверия. Она намекает, что только доверие откроет дверь жизни. Только доверие поможет вам достичь вершины жизни. Вот ее скрытый смысл.

Наконец, вы должны полностью понять то, что она говорит о целом как в конце, так и в начале. Все в жизни кажется несовершенным. Может быть, Ишавасья должна была бы говорить о несовершенном. Тогда это был бы разговор, основанный на фактах. Ни один человек не кажется совершенным, ни одна любовь не кажется совершенной. Никакая сила и никакая форма не кажутся совершенными. Все в жизни несовершенно. Тогда почему мудрец Иша-

васья замыслил начать свое обсуждение с *целого* и закончить его *целым*? Те, кто верит в реализм, отвергнут это как нереалистичное. Они будут критиковать это как выдумку мечтателей. Где в этом мире что-либо целое или совершенное?

Сутра намекает именно на тот факт, что где бы вы ни видели несовершенство, то это из-за несовершенства вашей способности видеть. Ибо в остальном несовершенства нет нигде. На самом деле несовершенство есть в вашем видении. Наше состояние напоминает человека, который смотрит в небо через окно своего дома. Мы все делаем это. Естественно, он будет видеть небо, выкроенным по форме окна. Граница окна будет также и границей неба. Ошибка ли это, если человек, который никогда не выходит из своего дома и никогда не видел открытого неба, говорит, что небо имеет прямоугольную форму? Нет, нет никакой ошибки, поскольку оно всегда будет казаться таким, если на него смотреть через окно. Такому человеку было бы трудно представить себе, что на небе нет никакой рамы.

Рама — не ваше окно. Вокруг нет никакой рамы. Она придется вами. Небо абсолютно бесформенно. Но нет, где же оно кажется бесформенным, даже когда мы выходим из дома? Рама становится немного больше, она принимает форму земли. Небо представляется охватывающим всю землю как купол — купола храмов строятся по этой модели. Даже на открытом пространстве вы по-прежнему стоите внутри окна — земля и есть это — окно — поэтому никакой разницы нет. Двигайтесь дальше, обойдите вокруг всей земли. Вы увидите, что небо нигде не касается земли: нет никакого горизонта, он так же ложен, как оконная рама вокруг неба. Но даже если вы будете лететь в космическом корабле, вы будете видеть небо с определенной точки обзора и этот обзор будет представляться его границей. Каким бы обширным ни был обзор, это по-прежнему граница.

Тогда куда же мы можем отправиться, чтобы мы там могли увидеть бесформенное? Мудрецы Упанишад говорят: «Есть только одно место, и оно — внутри вас, где нет никаких окон». Оставьте в стороне пользование органами чувств, ибо они создают рамы. Наши органы чувств — это окна. Если мы будем смотреть куда-либо с помощью этих окон, будут создаваться формы. Закройте глаза и двигайтесь внутрь. Будьте без глаз, без ушей, без рук и ног, без тела. Погружайтесь все глубже и глубже внутрь, где все бесформенно. Там вы испытаете целое.

Испытав совершенное внутри, мудрец заявил, что оно таково и что тот, кто осознал целое, всегда будет видеть целое, куда бы он ни шел, через какое бы окно он ни смотрел. Даже если он смотрит на небо, стоя у очень маленького окошка, он прекрасно знает, что рама принадлежит окну, а не небу. Каждый, кто хоть раз увидел целое внутри, начнет видеть его везде. Он может быть окружен любым количеством окон, он может быть заключен в любом количестве темниц. Он все равно знает, что темницы накладываются извне, а бесформенное все так же пребывает внутри.

Поэтому мудрец начинает свою беседу с целого и заканчивает ее на целом. Между этой сутрой и нами не будет никакой настройки — никакого резонанса, поскольку мы стоим спиной к ней. Мудрец Упанишады и мы стоим спиной друг к другу. Мы слышим его слова, запоминаем их, повторяем каждое утро. Но соприкасаются только наши спины. Тогда смысл, который мы извлекаем из его слов, становится бесполезным.

Вот последнее, что я хочу сказать вам: это целое есть единственная истина. Оно есть со всех сторон, все есть целое. Не может быть и речь о совершенном. Как может быть несовершенное? Кто бы сотворил его? Есть только Бог, нет больше никого, кто мог бы создать несовершенное. Есть только Бог, поэтому кто провел бы границу? Границы всегда создаются благодаря присутствию других. Если вы думаете, что граница вашего дома создается вашим домом, вы ошибаетесь. Она создается домом вашего соседа. Она не создается самым вашим домом. Граница всегда создается благодаря присутствию других. Бог всегда один, существование всегда одно, поток существования всегда один. Нет никакого другого. Кому создавать границу? Кому создавать несовершенное? Нет — это невозможно. Существование беспредельно, существование абсолютно, но мы познаем его только тогда, когда мы сможем уловить его проблеск внутри.

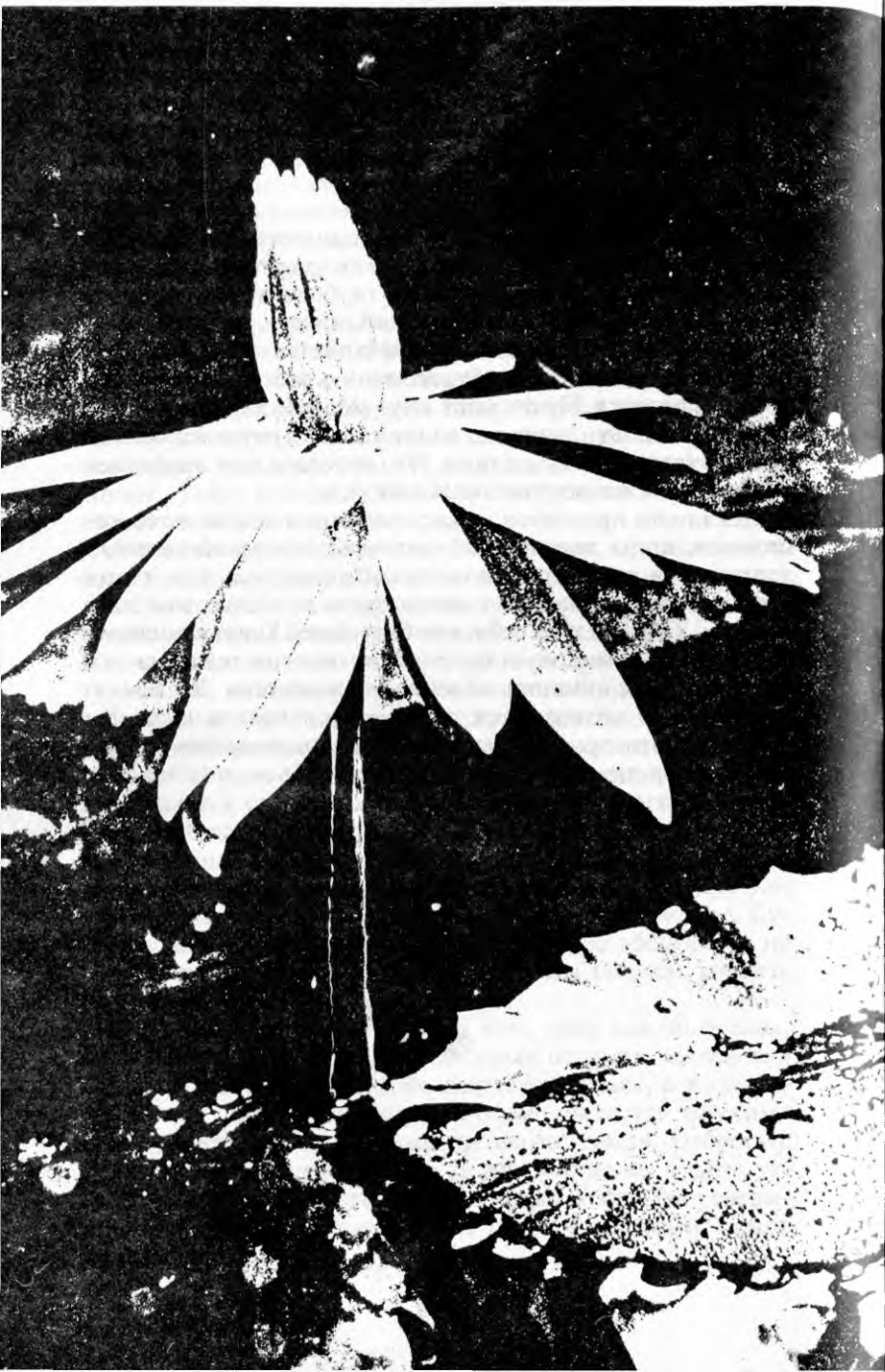
Тот, кто внутри испробовал хоть одну каплю океана, способен познать тайну безбрежных океанов. Целое выходит из целого и также поглощается целым, а в промежутках — несовершенное, которое создается рамками вашего интеллекта, вашими органами чувств. Отбросьте эти рамки, выйдите немного за них. Тогда вы будете утверждены в целом, а тот, кто был таким образом утвержден в целом, будет способен понять скрытый смысл Ишавасьи.

Теперь, в конце концов, давайте начнем наше путешествие внутрь. Поскольку это последний день, я хочу сообщить вам две или три вещи. Во-первых, за время этого шестидневного эксперимента я довел вас до такой точки, что теперь я прошу вас добавить к этому одну небольшую вещь; если она будет добавлена, будет огромный взрыв. Итак, будьте готовы к нему.

Когда вы смотрите на меня, не отводите ваших глаз, не мигайте и в то же время с каждым выдохом издавайте звук «Ху». Этот звук «Ху», будет с силой ударять в вашу спящую энергию *кундалини*. Суфии глубоко изучили звучащие «Алла ху». Они начинают с «Алла ху», а затем слово «Алла» мало-помалу отпадает и остается только «Ху» в полную силу, и когда вы будете делать это, ваш пупок будет сокращаться. Пусть ваше «Ху» мощно ударит в область ниже пупка. Это заставит ваш пупок сократиться полностью и ударить в *кундалини*. Это то место, где пребывает *кундалини*. Она получит сильный удар.

Девяносто процентов из вас пребывают сейчас в том состоянии, когда звук «Ху» будет наносить такой сильный удар, что энергия внутри начнет подниматься, как пламя огня. Когда она начнет подниматься, я сделаю вам знак руками. Тогда ведите себя, как безумные. Когда я подниму руки вверх, вы почувствуете, как внутри поднимается энергия — поднимается подобно пламени огня. Вы почувствуете, что поднимается вся ваша жизненная сила. Вы почувствуете превосходение. Тогда начинайте громко кричать, танцевать, прыгать, что есть мочи.

Просветленный Мастер

Вот он, просветленный мастер, в своем мастерстве достигший совершенства. Он не просто знает свое дело, он чувствует его, он живет им. Его работа — это не просто ремесло, это искусство. Он вкладывает в свое творчество душу, и это чувствуется в каждом его произведении. Он не гонится за славой и деньгами, он просто делает свое дело, и оно само говорит за него. Он — пример для подражания, он — тот, кто показывает нам, как можно достичь совершенства в своем деле. Он — просветленный мастер.

Ошо — Просветленный Мастер из Индии. Во всем мире он больше известен как Багван Шри Раджниш. Под этим именем вышло более 600 книг на 30 языках. Эти книги являются записями его бесед, которые он проводил с учениками на протяжении 25 лет. За год до своей кончины, в январе 1989 года, он объявил, что отбрасывает префикс «Багван Шри», потому что для многих это означает «Бог». Его ученики — *саньясины* — решили называть его «Ошо», именем, которое впервые появилось в древней Японии. Так обращались ученики к своим духовным учителям. «О» значит «с огромным уважением, любовью и благодарностью», а также «синхронность и гармония». «Шо» означает «расширение сознания во многих измерениях» и «существование, изливающийся во всех направлениях».

Ошо родился 11 декабря 1931 года в Кушваде (Центральная Индия). В семье его очень любили, особенно бабушка, который дал ему имя *Раджа*, что значит *царь*. Все свое детство он провел в доме деда. Отец и мать взяли его к себе только после смерти бабушки и дедушки. Перед школой ему дали новое имя — Раджниш Чандра Мохан.

С раннего возраста он интересовался духовным развитием, изучал свое тело и его возможности, постоянно экспериментировал различными способами медитации. Он не следовал никаким традициям и не искал учителей. Основой его духовного поиска был эксперимент. Он очень пристально вглядывался в жизнь, особенно в ее критических, экстремальных точках. Он не верил никаким теориям и правилам и всегда бунтарски высупал против предрассудков и пороков общества.

21 марта 1953 года Ошо был 21 год. В это день с ним произошло просветление. Это было подобно взрыву. «В ту ночь я умер и я возродился. Но человек, который возродился, не имеет ничего общего с тем, который умер. Это не непрерывная вещь... Человек, который умер, умер тотально; ничего от него не осталось... нет даже тени. Это умерло тотально, полностью...»

В тот день, 21 марта, личность, которая жила много-много жизней, тысячелетия, просто умерла. Другое существо, абсолютно новое, совсем не связанное со старым, начало существовать... я стал свободным от прошлого, я был вырван из своей истории, я потерял автобиографию». В этом месте история Ошо фактически заканчивается. Человек, которого звали Раджниш Чандра Мохан, умер в 21

год, и в то же время произошло чудо: возродился новый просветленный человек, полностью свободный от эго.

После этого внешняя жизнь Ошо не изменилась. Он продолжал учебу в Джабалпурском колледже на философском отделении. В 1957 году он закончил Саугарский университет, получив диплом с отличием, золотую медаль и степень магистра философских наук. Два года спустя он стал преподавателем философии в Джабалпурском университете. Его очень любили студенты за юмор, искренность и бескомпромиссное стремление к правде. Во время своей девятилетней карьеры Ошо путешествовал по всей Индии, часто находясь в пути по пятнадцать дней в месяц. Страстный и искусный спорщик, он постоянно бросал вызов ортодоксальным религиозным деятелям. Обращаясь к сотысячным аудиториям, Ошо говорил с убежденностью, исходящей из его просветления, он разрушал слепую веру, чтобы создать истинную религиозность.

В 1966 году Ошо оставил университетскую кафедру и полностью посвятил себя распространению искусства медитации и своего видения нового человека — Зорбы-Будды, человека, который синтезирует лучшие черты Востока и Запада, человека, способного радоваться полнокровной физической жизни и способного одновременно молчаливо сидеть в медитации, достигая вершин сознания.

В 1968 году Ошо поселился в Бомбее и вскоре к нему стали приезжать первые западные искатели духовной истины. Среди них было много специалистов в области терапии, представителей гуманистических движений, желающих сделать следующий шаг в своем росте. Следующим шагом, как говорил Ошо, является медитация.

Первые проблески медитации Ошо испытал еще в детстве, когда прыгал с высокого моста в реку, или проходил по узенькой тропинке над пропастью. Было несколько мгновений, когда ум останавливался. Это вызывало необычайно четкое восприятие всего окружающего, своего нахождения в нем и полной ясности и отделенности сознания. Эти переживания, испытанные неоднократно, вызвали интерес Ошо к медитации и побудили его искать более доступные способы. В дальнейшем он не только испытал все известные с древности медитации, но и придумал новые, революционные техники, предназначенные специально для современного человека. Их принято называть «динамическими медитациями», они основаны на использовании музыки и движения. Ошо свел вместе элементы йоги, суфизма и тибетских традиций, что позволило

использовать принцип трансформации энергии за счет пробуждения активности и последующего спокойного наблюдения.

Впервые Багван показал свою утреннюю динамическую медитацию в апреле 1970 года в медитационном лагере под Бомбеем. В тот день все были ошарашены и очарованы одновременно. Индийские журналисты были поражены, наблюдая участников, которые вопили, кричали и срывали с себя одежды — вся сцена носила фатальный характер и была очень интенсивной. Но насколько было сильно напряжение в первой, интенсивной стадии, так же глубоко было расслабление во второй части, приводящее к полному покою, не достижимому в обычной жизни.

Ошо объяснял: «В течении десяти лет я непрерывно работал с методами Лао-Цзы, то есть я непрерывно изучал непосредственное расслабление. Это было очень просто для меня, поэтому я решил, что это будет просто для любого. Затем, раз о разу, я стал понимать, что это невозможно... Я, конечно, говорил «расслабьтесь» тем, кого я обучал. Они понимали значение этого слова, но не могли расслабиться. Тогда я решил придумать новые методы медитации, которые сначала создают напряжение — еще большее напряжение. Они создают такое напряжение, что вы становитесь просто сумасшедшим. А затем я говорю «расслабьтесь».

Что же такое *медитация*? Ошо очень много говорил о медитации. На основе его бесед составлено много книг, в которых очень подробно рассмотрены все объекты медитации, начиная от техники выполнения, кончая объяснениями тончайших внутренних нюансов.

В 1974 году Ошо переезжает в Пуну, где вместе со своими учениками — открывает ашрам в прекрасном Корегаон парке. В течение последующих семи лет туда приезжают сотни тысяч искателей со всего мира, чтобы испытать новые медитации Ошо, послушать его беседы. В своих беседах Ошо затрагивает все аспекты человеческого сознания, показывает сокровенную суть всех существующих религий и систем духовного развития. Будда и буддистские учителя, суфийские мастера, еврейские мистики, индийская классическая философия, христианство, йога, тантра, дзен...

О своих книгах Ошо говорит: «Мое послание — это не доктрина, не философия. Мое послание — не словесный контакт. Это гораздо более рискованно. Речь идет ни больше, ни меньше, чем о смерти и возрождении...»

Многие люди со всех концов Земли почувствовали это и нашли в себе силы и мужество прикоснуться к этому источнику и начать собственную трансформацию. Те, кто окончательно утвердился в этом решении, принимает саньясу. Саньяса, которую дает Ошо, отличается от традиционной. Это нео-саньяса. Прежние саньясины — люди, полностью посвятившие себя духовной практике, уходили в монастыри или уединенные места и занимались со своим Мастером, сведя до минимума контакты с внешним миром. Нео-саньяса Ошо этого не требует. Нео-саньяса — это не отречение от мира, это скорее отречение от безумия современного ума, который порождает разделение между нациями и расами, истощает ресурсы Земли на вооружение и войны, уничтожает окружающую среду ради прибыли и учит своих детей борьбе и господству над другими. Современные саньясины, ученики Ошо находятся в самой гуще жизни, они занимаются самыми обычными делами, но вместе с тем они регулярно занимаются духовной практикой и, в первую очередь, медитацией, совмещая материальную жизнь с духовной, синтезируя в себе жизнелюбие грека Зорбы и высоту духовного сознания Будды. Так формируется новый человек — Зорба-Будда, человек, который будет свободен от безумства современного ума. По словам Ошо, «новый человек — единственная надежда на будущее».

Тот, кто становится саньясином, получает новое имя, как символ приверженности медитации и разрыва с прошлым. Имя, как правило производное от санскритских или индийских слов, содержит указания на потенциальные возможности человека или на определенный путь. Женщины получают приставку *Ма* — указание на высочайшие качества женской природы: лелеять и заботиться о себе и других. Мужчины получают приставку *Свами* — что Ошо переводит как «овладевший собой».

Со своими учениками Ошо встречался каждый день, за исключением периодов, когда он был нездоров. Его беседы проходили очень красиво.

1981 год. В течение многих лет Ошо страдал от диабета и астмы. Весной его состояние ухудшилось и он погрузился в период молчания. По рекомендации врачей в июне этого года его отвезли на лечение в США.

Американские ученики Ошо купили ранчо площадью в 64 тыс. акров в Центральном Орегоне и основали Раджнишпурам. В августе Ошо приехал туда. За четыре года, когда Ошо жил там, Раджнишпурам стал самым дерзким

экспериментом по созданию транснациональной духовной коммуны. Каждое лето на устраиваемый там фестиваль приезжало до пятнадцати тысяч человек из Европы, Азии, Южной Америки и Австралии. В итоге коммуна стала процветающим городом с населением в пять тысяч человек.

1984 год. Так же внезапно, как он прекратил говорить, в октябре Ошо заговорил снова. Он говорил о любви, медитации и человеческой несвободе в безумном, тяжело обусловленном мире. Он обвинял священников и политиков в разращении человеческих душ, в разрушении человеческой свободы.

С самого начала эксперимента по созданию коммуны федеральные и местные власти пытались уничтожить ее любым способом. Впоследствии документы подтвердили, что в этих попытках участвовал Белый дом. В октябре 1985 года американское правительство обвинило Ошо в нарушении иммиграционного законодательства и безо всякого предупреждения взяло под стражу. В наручниках его продержали 12 дней в заключении, отказав в поручительстве. В тюрьме ему был нанесен физический ущерб. Согласно последующему медицинскому освидетельствованию, в Оклахоме он подвергся опасной для жизни дозе радиации, а также был отравлен таллием. Когда в Портлендской тюрьме, где находился Ошо, была обнаружена бомба, он был единственый, кого не эвакуовали.

Беспокоясь за жизнь Ошо, его адвокаты согласились признать нарушение закона об иммиграции, и Ошо покинул Америку 14 ноября. Коммуна распалась.

Правительство США не удовлетворилось нарушением собственной конституции. Когда Ошо по приглашению своих учеников отправился в другие страны, США, используя свое влияние в мире, постарались повлиять на другие государства, чтобы работа Ошо срывалась, куда бы он ни прибывал. В результате этой политики 21 страна запретила въезд в свои пределы Ошо и его спутникам. И эти страны считают себя свободными и демократическими!

В июле 1986 года Ошо возвратился в Бомбей и его ученики снова стали собираться вокруг него. В январе 1987 года, поскольку число приезжающих к нему людей быстро росло, он возвратился в Пуну, где к тому времени образовалась Международная коммуна Ошо. Вновь начались ежедневные прекрасные беседы, медитации, праздники.

Ошо покинул свое тело 19 января 1990 года. Ему часто задавали вопрос, что будет, когда он умрет? Вот ответ Ошо итальянскому телевидению: «Вы спрашиваете, что про-

изойдет, когда Ошо умрет. Он не Бог и он не верит ни в каких пророков, пророчества или в мессию. Все они были эгоистичными людьми. Поэтому все, что он может делать в этот момент, он делает. Что произойдет после того, как он уйдет, он оставляет на волю существования. Его доверие к существованию абсолютно. Если есть какая-то истина в том, что он говорит — это выживет».

Ошо не писал книг. Все изданные книги — это записи его бесед со своими учениками. Энергия слушателей, их подготовленность и интерес определяли направление беседы. В этих беседах отражены взаимоотношения Мастера с учениками, их обоюдное проникновение.

«Мои слова живые. В них биение моего сердца. Это не учение. Мои слова — это стук в вашу дверь, чтобы вы могли попасть домой. Примите мой дар».

Начало начал

1. От зависимости — к Истине	7
2. От заблуждений — к Истине	25
3. От веры — к Истине	41
4. От основ — к Истине	63
5. От опустошенности — к Истине	79

Пульс абсолюта

Введение	103
1. Все есть чудо	108
2. Ни мое, ни ваше	134
3. Форма воды	156
4. Истинное желание	168
5. Дорожный указатель с отметкой «ноль»	180
6. Истина абсурдна	198
7. Станьте зеркалом	206
8. Тень эго	218
9. Чистое и незапятнанное	228
10. Невежество покажет вам путь	248
11. Я тоже слушаю	256
12. Я — не тело	268
13. Сидя рядом с Богом	280
14. Семя и дерево	398
15. Давайте умрем	306
16. Лишь познание остается	328
17. Последний прыжок	338
18. У двери самадхи	346
19. Исчезая вверх	368
20. Бог всегда один	384
Просветленный Мастер	405

